СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXI, № 2.

РАЗЫСКАНІЯ

ВЪ

ОБЛАСТИ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1880.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ. Сентябрь 1880 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ.

II.

СВ. ГЕОРГІЙ ВЪ ЛЕГЕНДѢ, ПѢСНѢ И ОБРЯДѢ.

(Академика А. Н. Веселовскаго.)

I.

Каждое новое изслѣдованіе въ области средневѣковой литературы и словесности современныхъ европейскихъ народовъ болѣе и болѣе выясняетъ намъ, какое важное мѣсто предстоитъ занять въ подобнаго рода изысканіяхъ русскому и славянскому матеріалу. Наиболѣе цѣнные выводы, добытые г. Кирпичниковымъ въ его книгѣ: Св. Георгій и Егорій Храбрый. Изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды (С. Петербургъ 1879), — объясняются именно привлеченіемъ такого матеріала. Важно не только расширеніе круга сравненій и достигаемая такимъ путемъ бо́льшая прочность выводовъ, открытіе новыхъ точекъ зрѣнія (ср. въ этомъ отношеніи результаты, добытые г. Кирпичниковымъ изъ изученія мингрельской легенды стр. 78 и слѣд.), но и возможность возстановить при помощи славянскихъ и древне-русскихъ текстовъ такіе литературные источники, которыхъ прототипы нынѣ утрачены или не найдены, тогда какъ отзвуки ихъ продолжаютъ раздаваться въ народной европейской словесности, необъяснимые для тѣхъ, кто не заглянулъ въ славяно-русскую древность.

Въ томъ и другомъ отношеніи легенды о Георгіи обѣщали изслѣдователю богатую жатву. Онѣ не даромъ обратили на себя

вниманіе филологовъ, орьенталистовъ, миѳологовъ. Вопросы, ими поднимаемые, разнообразны: Георгій перешелъ не только въ народныя повѣрья, но и въ обряды; съ другой стороны его каноническое и апокрифическое житія возбуждали догадки объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и, далѣе, объ ихъ основѣ и ея конечныхъ источникахъ, теряющихся въ зыбяхъ какого нибудь малоазіатскаго или египетскаго культовъ. Г. Кирпичниковъ счелъ долгомъ сосчитаться съ различными мнѣніями, высказанными по послѣднему вопросу (Гутшмидта, Клермонъ-Ганно̀ и др.); какъ не орьенталистъ, онъ не могъ отнестись самостоятельно къ той сторонѣ этихъ мнѣній, которая выходила изъ его компетентности; какъ человѣкъ, подробно ознакомившійся съ текстомъ легенды въ ея различныхъ редакціяхъ, онъ нашелъ въ этомъ знакомствѣ почву для критики, и ея результаты будутъ приняты во вниманіе будущими орьенталистами, которые возьмутся за изученіе источниковъ житія.

Оставляя въ сторонѣ его восточную «праисторію», перейдемъ на менѣе колеблющуюся почву самого житія. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ рядомъ текстовъ, распадающихся на нѣсколько редакцій, сохранившихся въ рукописяхъ, которыя легко пріурочить хронологически. Это даетъ прочныя основы для критической работы, подъ условіемъ, разумѣется, чтобы древность текста не приравнивалась древности сохранившейся въ немъ редакціи легенды. Въ этомъ отношеніи г. Кирпичникову можно поставить въ упрекъ, что древность текста и древность редакціи нерѣдко идутъ у него одна за другую, хотя, случайно, такого рода смѣшеніе не отозвалось въ ущербъ его изслѣдованію. Такъ онъ утверждаетъ, что французское прозаическое житіе Георгія, сохранившееся въ Лондонской ркп. Брит. Муз. 20, D, VI, 16, не можетъ служить источникомъ французской поэмы, напечатанной Люзаршемъ, уже потому, «что она (т. е. рукопись) писана позднѣе» (стр. 22); точно также существованіе апокрифическаго житія Георгія въ палимпсестѣ V вѣка выставляется (стр. 49) какъ аргументъ въ пользу древности этой редакціи, въ сравненіи съ другими, а тотъ

фактъ, что въ палимпсестѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на дракона, является въ числѣ доказательствъ, что чудо Георгія съ змѣемъ сложилось позднѣе разсказа о его мученіяхъ (стр. 114). Г. Кирпичниковъ, разумѣется, не станетъ отрицать возможности, что иной разъ древняя редакція сказанія могла сохраниться въ рукописяхъ болѣе позднихъ, чѣмъ тѣ, которыя представляютъ сравнительно поздній его пересказъ. Я потому остановился на опасности этого критическаго пріема, что онъ связывается для меня логически съ другимъ, стоимость котораго представляется мнѣ столь же подозрительной: какъ г. Кирпичниковъ даетъ излишнее значеніе хронологіи рукописи, такъ, говоря о народныхъ духовныхъ стихахъ, онъ увлекается черезъ мѣру количественными отношеніями варьянтовъ (174, прим. [1]; стр. 180): изъ того, напримѣръ, что въ бо̀льшемъ количествѣ варьянтовъ стиха сохранилась подробность, отсутствующая въ меньшемъ, едва-ли возможно какое либо прочное заключеніе о составѣ начальнаго стиха; заключенія могутъ быть разнообразныя, и есть полная вѣроятность, что редакція стиха, удержавшаяся случайно въ одномъ варьянтѣ, всего болѣе подходитъ къ первичной духовной пѣснѣ. Сличеніе иной былины у Кирши съ варьянтами, представляемыми новѣйшими сборниками, можетъ привести къ подобному же выводу.

Разбирая легенды о Георгіи, г. Кирпичниковъ останавливается 1) на его житіи, т. е. на сказаніи о его мученіяхъ, и 2) на его чудѣ съ змѣемъ. Матеріаломъ изслѣдованія послужили печатные и рукописные тексты того и другаго памятника. Послѣдними г. Кирпичниковъ воспользовался въ значительныхъ размѣрахъ: не только русскими рукописями сказанія о Георгіи (стр. 2), но латинскими и французскими. Это дало ему возможность внести новое и свое въ объясненіе памятниковъ западной литературы, посвященныхъ легендѣ популярнаго святого. Съ этой точки зрѣнія обращаетъ на себя вниманіе попытка г. Кирпичникова установить болѣе правильное пониманіе одного мѣста въ старонѣмецкомъ Georgsleich'ѣ (стр. 23, прим. [3]), источниковъ французскаго

стихотворенія, изданнаго Люзаршемъ (почему этотъ источникъ предполагается французскій — я не понимаю, сл. стр. 22), и обширной нѣмецкой поэмы, авторомъ которой называетъ себя Рейнботъ фонъ Дюрнъ (сл. стр. 31); наконецъ — открытіе, что не Яковъ de Voragine явился для запада первымъ редакторомъ чуда Георгія съ змѣемъ, такъ какъ оно встрѣчается уже въ латинской рукописи XII вѣка[1]). Было-бы желательно для пользы дѣла и для крѣпости убѣжденія, чтобы нѣкоторыя изъ этихъ открытій были изложены доказательнѣе, и новыя рукописныя данныя, приведшія г. Кирпичникова къ его выводамъ, чаще являлись на страницахъ его книги, и въ болѣе подробныхъ извлеченіяхъ[2]). Дѣло идетъ о текстахъ, которыми, кромѣ г. Кирпичникова, не пользовался никто изъ изслѣдователей житія и чуда; читателю предлагаются почти одни выводы, не матеріалы, давшіе къ нимъ поводъ; кто пожелалъ-бы ихъ провѣрить и распространить, поблагодаритъ автора за его рукописныя указанія, но принужденъ будетъ продѣлать снова его нелегкую работу. Такія коротенькія извѣстія, какъ нѣсколько строкъ старофранцузской легенды на стр. 22, прим. 1[3]), едва-ли отвѣчаютъ цѣли документальной работы: доказательности.

---

[1]) Сл. стр. 51 слѣд. и Acta Sanct. April. III p. 106 a, § 17: quod haud dubie J. a Voragine totum accepit ex aliquo Ms.

[2]) Г. Кирпичниковъ любезно предложилъ мнѣ латинскій текстъ чуда о змѣѣ, списанный имъ съ упомянутой выше ркп. XII вѣка. Этотъ текстъ помѣщенъ въ приложеніи къ этой статьѣ, подъ № VI.

[3]) Г. Кирпичниковъ воспользовался для своихъ извлеченій рукописью Британск. Музея 20, D, VI, 16. Совершенно такую-же редакцію французскаго прозаическаго житія св. Георгія, но въ болѣе исправномъ чтеніи, предлагаетъ ркп. С. Пб. Импер. Публ. библіотеки, Mss. Franç. Théologie F. v. 4, D. XIII вѣка, содержащая Vies des saints. Житіе св. Георгія по этой рукописи напечатано нами въ VII-мъ приложеніи къ этой статьѣ. — Укажу кстати на стихотворную обработку Георгіева житія въ пар. ркп. fonds franç. anç. 902 f. 108 v. c. 1 — f. 117 v. c. 2: Passio beati Georgii militis et martiris. Inc. Sages est qui sen escrist —

Вообще надо замѣтить, что на западно-европейскія сказанія о Георгіи авторъ обратилъ гораздо менѣе вниманія, чѣмъ-бы слѣдовало: отъ спеціалиста по исторіи западныхъ литературъ можно было ожидать большаго интереса къ такому, напр., памятнику, какъ поэма Рейнбота, которая, по словамъ г. Кирпичникова (стр. 29 — 30), «можетъ дать темы нѣсколькимъ нѣмецкимъ диссертаціямъ». Почему бы не русской? Именно русскаго и славянскаго изслѣдователя поэма могла навести на нѣкоторыя близкія ему точки зрѣнія, которыя должны были отозваться и на методической сторонѣ его работы. Остановлюсь на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Какъ въ русскихъ духовныхъ стихахъ о Егоріи его отецъ названъ Ѳеодоромъ Стратилатомъ, такъ въ поэмѣ Рейнбота у него два брата: Ѳеодоръ и Димитрій, очевидно свв. Ѳеодоръ (Тиронъ или Стратилатъ) и Димитрій Солунскій. Это — только иное, эпическое выраженіе связи, въ какой представляются эти святые на фламулахъ византійскихъ императоровъ, и въ разсказѣ Тудебода объ осадѣ Антіохіи въ 1098 году, гдѣ свв. Георгій, Ѳеодоръ и Димитрій являются на помощь христіанамъ во главѣ небеснаго воинства, — и въ похвальномъ словѣ Неофита, называющаго святыхъ соратниками и сопричастниками [1]), и въ живущемъ южнославянскомъ преданіи: по болгарскому повѣрью свв. Георгій и Димитрій были товарищами и истребляли всё нечистое и злое, какъ-то змѣевъ, ламій, разбойниковъ; у Сербовъ свв. Георгій и Димитрій — юнаки, ѣздятъ всегда верхомъ и носятъ длинныя копья; таково болгарское представленіе и о св. Тодорѣ [2]).

Il fait a plusurs profist — Mult poet profiter a genz — Un escrit u senz est enz — N' i ad rens en cest romanz — Dn̄t li profit ne seit granz.

[1]) χαίροις μάρτυς Δημήτριος ἅμα Γεωργίῳ καὶ Θεοδώρῳ τοῖς συνάθλοις καὶ συμμετέχοις σου. Изъ похвальнаго слова Димитрію, по ркп. парижск. національн. библ. cod. 1189 (сообщ. проф. Васильевскимъ).

[2]) Каравеловъ, Памятники народн. быта болгаръ, стр. 260, 261, 193. — Представленіе святыхъ всадниками внушено, вѣроятно, иконо-

Любопытно прослѣдить это сопоставленіе въ народныхъ обычаяхъ, преимущественно южнославянскихъ. Мы ограничимся выборомъ общихъ чертъ, разсчитывая впослѣдствіи вернуться съ большими подробностями къ георгіевской обрядности.

Всѣ три святые представляются въ одинаково покровительственныхъ отношеніяхъ къ животнымъ. Извѣстно такое именно представленіе о св. Георгіи въ Греціи и южномъ славянствѣ; но въ той-же роли является въ Греціи[1]) и Болгаріи[2]) и св. Димитрій; въ мѣстахъ, ему посвященныхъ, собирается въ день его праздника (26 окт.) болгарская молодежь и скачетъ верхомъ, какъ въ Червонной Руси такой же обычай соблюдается въ Юрьевъ день[3]). — Св. Тодоръ[4]) любитъ лошадей; на Тудорицу[5]) бол-

---

писью. Въ бѣлорусской пѣснѣ (Шейнъ, № 147) одинъ Юрій среди святыхъ оказывается на конѣ: «я коника маю». Сл. въ старонѣмецкихъ вопросахъ и отвѣтахъ слѣдующіе: Ein frag: welches die edelsten und achtbarsten heiligen sein. Ant. Saudt Martin und sant Iörg, die reitten, müssen die ander zu fuss geen (W. Wackernagel, Sechzig Räthsel und Fragen, Haupt's Zs. III p. 29, № 8).

[1]) Bernhardt Schmidt, Das Leben der Neugriechen I, 39.

[2]) Каравеловъ, l. c. p. 260 — 3, откуда заимствованы и дальнѣйшія сообщенія объ обычаяхъ на день св. Димитрія.

[3]) Терещенко, Бытъ Русск. народа VI, 29.

[4]) Каравеловъ, l. c. p. 193 — 4

[5]) Сербск. Теодорова Субота, Теодоровица, въ Малороссіи Феодоровица; русск. Ѳеодорова недѣля — первая недѣля великаго поста; болг. Тудорица, Тударовденъ, Тударова сѫббота — суббота на этой недѣлѣ, день, издревле посвященный св. Ѳеодору Тирону; въ пятницу той-же недѣли наша церковь освящаетъ коливо въ память извѣстнаго чуда, совершеннаго святымъ при Юліанѣ. Собственно память святому полагается 17 февраля. Сл. Martinof, Annus ecclesiasticus graecoslavicus, подъ 17 февр.; Архим. Сергій, Полный мѣсяцословъ востока II, ч. II, стр. 55 (подъ 17 февр.); Калинскій, Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. VII, стр. 450). — О нѣкоторыхъ румынскихъ суевѣріяхъ, привязанныхъ къ Ѳеодоровой субботѣ, см. Schmidt, das Jahr und seine Tage in Meinung und Brauch der Romänen Siebenbürgens, p. 6. — Древнее смѣшеніе актовъ св. Ѳеодора

гаре, какъ только придутъ изъ церкви, берутъ миску краснаго вина и богувицу или боговицу (круглый хлѣбъ, какъ коровай, но только безъ углубленія въ серединѣ), на которой сдѣланы изъ тѣста: лошадки, бычки, рога, хвосты и т. п. Боговицу крошатъ въ миску съ виномъ, берутъ ложки и начинаютъ ѣсть, крича: му-у-у-му-у-у, бе-е-е-бе-е-е, иха-ха-ха-ха! Всё это ради здоровья скота. Въ этотъ день, у кого есть лошадь, садятся верхомъ и скачутъ; чья лошадь побѣжитъ дальше, тому, значитъ, покровительствуетъ Тодоръ, и эту лошадь не продаютъ.—Въ Имеретіи, въ субботу на первой недѣлѣ поста, гадаютъ: дѣлаютъ изъ тѣста фигурки на подобіе лошадей, молотка, подковы, гвоздей, сѣдла̀, яслей и т. п.; пекутъ ихъ, потомъ наполняютъ большую глубокую чашу виномъ съ водою, бросаютъ туда эти фигурки, ставятъ вокругъ чаши свѣчи, молятся св. Ѳеодору, чтобъ онъ умножилъ у нихъ число лошадей; потомъ каждый подходитъ съ заложенными за спину руками, наклоняется и ртомъ ловитъ плавающія въ чашѣ фигурки, и какъ только что̀ поймаетъ, тотчасъ-же бѣжитъ, подражая ржанію лошади[1]).

Животная жертва составляетъ черту общую всѣмъ тремъ народнымъ празднествамъ. Въ кавказскихъ и южнославянскихъ обрядахъ на день св. Георгія она является существеннымъ, реальнымъ элементомъ обряда; въ Болгаріи въ праздникъ св. Димитрія ѣдятъ жаренаго (жертвеннаго?) барашка. Смягченіе жертвеннаго обычая я усматриваю и въ изображеніяхъ на ѳедоровской боговицѣ, и въ гаданіи имеретинцевъ, и въ русскомъ и ли-

---

Тирона и св. Ѳеодора Стратилата (8 февраля) обусловило не только перенесеніе на того и другого святого одного и того-же чуда со змѣемъ, но и русское народное повѣрье, пріуроченное къ 8-му іюня, дню перенесенія мощей св. Ѳеодора Стратилата: колодезники считаютъ этотъ день важнымъ срокомъ въ своихъ занятіяхъ (оттуда народное прозвище святого: колодезникъ) — вѣроятно, въ связи съ апокрифомъ о св. Ѳеодорѣ Тиронѣ и змѣѣ, залегавшемъ воду. Сл. Калинскій l. c. p. 407.

[1]) Дубровинъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. II, стр. 236.

товскомъ обычаяхъ приготовлять ко дню св. Георгія изображенія лошадей, коровъ, овецъ — изъ тѣста, воска и глины[1]) — и въ барельефахъ одной сванетской церкви св. Георгія, представляющихъ звѣриныя головы[2]).

Замѣтимъ еще мотивъ гаданія, связывающій ѳедоровскую обрядность съ георгіевской. Въ западной Болгаріи дѣвушки и парни собираютъ на тудорицу упавшіе на полъ зерна пшеницы и крошки хлѣба, кладутъ ихъ на ночь подъ подушку и во снѣ видятъ суженаго. — На Георгія также гадаютъ о суженомъ или суженой; въ русскомъ народѣ св. Георгій покровитель невѣстъ, которыя молятся ему о дарованіи жениховъ и въ его день ходятъ разубранныя: наряжается, говорятъ, словно баба на Юрья. У Чеховъ и Нѣмцевъ въ этотъ день дѣвушки привораживаютъ себѣ молодцовъ; въ Греціи преимущественно играютъ свадьбы.

Въ связи съ параллелизмомъ обрядовъ стоитъ, вѣроятно, и народно-календарный. Въ Болгаріи время считаютъ отъ Георгія по Димитрія: Свѣти Герги лѣто носи, а св. Димитаръ зима; тоже въ иныхъ мѣстностяхъ Россіи: Если Митрей на конѣ, то Егорій въ лодкѣ; коли Дмитровъ день не въ снѣгу, и Егорьевъ будетъ не въ снѣгу; услышавъ первый громъ галицкій малороссъ говоритъ, что св. Димитрій св. Юрью ключи отдалъ. — У шоповъ (Болгарія) ко дню св. Димитрія собираютъ послѣдній виноградъ, изъ котораго дѣлаютъ красное вино: «кой-то лѣтосъ работилъ, на свѣти Димитаръ си пик сладко винце». На Паросѣ празднуютъ Георгія μεθυστής, названнаго такъ потому, что въ праздникъ перенесенія его мощей, 3 ноября, починаютъ бочки новаго вина и бываютъ попойки[3]).

---

[1]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія II 255; Ефименко, О Ярилѣ, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр. т. II, стр. 101, 105; Калинскій l. c. p. 391.

[2]) Сл. о значеніи подобныхъ изображеній Liebrecht, zur Volkskunde, Altes und Neues. стр. 294 — 5, 436 — 9.

[3]) Bernhardt Schmidt, l. c. p. 40.

Я остановился на этихъ обрядныхъ сопоставленіяхъ съ цѣлью указать, что при изученіи народно-поэтическихъ преданій о св. Георгіи полезно было-бы распространить работу и на тѣхъ святыхъ, которые до сихъ поръ объединяются съ нимъ въ повѣрьѣ и обрядѣ; особенно на св. Ѳеодора. Это объединеніе могло быть позднимъ, т. е. совершившимся на почвѣ календарнаго отложенія и народно миѳологическихъ аналогій; но не слѣдуетъ забывать, что сопоставленіе святыхъ «сопричастниковъ», сравнительно древнее, могло и воспитать чувство аналогіи, и что это обстоятельство необходимо принять въ разсчетъ при изученіи Георгіевской обрядности.

Возвращаясь еще разъ къ поэмѣ Рейнбота, отмѣтимъ другой ея эпизодъ, дающій поводъ къ подобнымъ-же методологическимъ замѣчаніямъ. Я разумѣю разсказъ о томъ, какъ Георгій побѣдилъ подъ Каппадокіей властителя Солуня (der Salneckere) съ помощью знамени, которое снесъ ему съ неба ангелъ, и небесной, никому не вѣдомой дружины (сл. особенно vv. 1284 слѣд. и 5358 слѣд.)[1]) — разсказъ, связывающійся не только съ легендами о Георгіи тропайофорѣ[2]), о св. Ѳеодорѣ, явившемся на бѣломъ конѣ на помощь Цимисхію при осадѣ Доростола (971), но и съ чудомъ св. Димитрія при осадѣ Солуня Аварами (597) и Болга-

---

[1]) Знамя св. Георгія извѣстно въ средневѣковой легендѣ; такъ оно является въ разсказѣ о крестовомъ походѣ ландграфа Людвига. Перенесенное впослѣдствіи въ Вартбургъ, и далѣе въ Тарандъ, оно таинственно исчезло; но въ Римѣ оно хранится въ S. Giorgio in Velabro, и еще въ концѣ XVI вѣка магистратъ города направлялся 23-го апрѣля изъ Капитолія къ храму святаго, считавшагося вождемъ христіанъ, чтобы принести ему кубокъ и освятить во имя его знамя римскаго народа.

[2]) Древнѣйшій изъ западныхъ разсказовъ о Георгіи тропайофорѣ относится къ побѣдѣ Норманновъ при Cerame въ Сициліи, 1063 г. (Annal. Margan. p. 34 слѣд.). — Изъ относящихся сюда русскихъ легендъ замѣтимъ разсказъ Арханг. лѣтоп. (изд. 1819 г. Москва, 132 — 192) о новгородскихъ повольникахъ XII вѣка, осажденныхъ Чудью и спасенныхъ заступничествомъ святого, явившагося на кровлѣ часовни, гдѣ молились новгородцы, въ образѣ воина, на бѣломъ конѣ, и копьемъ своимъ угрозившаго осаждавшимъ (Калинскій l. c. 394).

рами (1040): въ первомъ случаѣ святаго помощника видѣли на бѣломъ конѣ и въ бѣлой одеждѣ, сражавшимся впереди войска. Пріуроченіе свв. Георгія и Димитрія и сходнаго чуда къ названію Солуня (гдѣ издревіе стояли храмы тому и другому святому) знаменательно и можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на источники того круга средневерхненѣмецкихъ поэмъ, который почему-то продолжаетъ называться ломбардскимъ. Какъ у Рейнбота Георгій связанъ съ властителемъ Солуня, такъ Wolfdietrich (у продолжателя A и въ D) рожденъ въ Salnecke, т. е. въ Солуни; въ другихъ пересказахъ поэмы его крестный отецъ, — какой-то рыцарь Георгій (B), или даже, св. Георгій (D), съ которымъ его сближаетъ змѣеборство. Уже въ первой половинѣ XIII в. (ок. 1225 г.) циклъ Вольфдитриха представляется въ сплоченіи съ легендой объ Ортнитѣ, поглощенномъ змѣемъ; отомстителемъ является Вольфдитрихъ. Ортнитъ нѣмецкой поэмы — сынъ демоническаго Альбериха, Auberon'а французской Chanson de geste o Huon de Bordeaux; въ прологѣ къ послѣдней, присочиненномъ въ XIII в. по неизвѣстнымъ намъ источникамъ, братомъ Оберона названъ — св. Георгій, битва котораго съ змѣемъ разсказывается эпизодически и будетъ разсмотрѣна нами далѣе. Связь Георгія съ Оберономъ интересна по отношенію къ поэмамъ о Вольфдитрихѣ; о воздѣйствіи послѣднихъ въ данномъ случаѣ говорить трудно: мы имѣемъ передъ собой отрывки какой-то неразъясненной пока генеалогіи.

Предъидущія сопоставленія могутъ быть обобщены на пользу средневѣковаго эпоса вообще и Георгіевской легенды въ частности: въ томъ и другомъ смыслѣ внимательное изслѣдованіе географическаго распространенія культа въ связи съ мѣстными разсказами о св. Георгіи дастъ поводъ къ любопытнымъ наблюденіямъ. Разумѣется, на одномъ Георгіи нельзя остановиться: Георгій змѣеборецъ вызоветъ вопросъ о другихъ лицахъ, которыхъ мѣстное сказаніе выводитъ въ той-же роли.

Вотъ напр. греческая легенда, разсказанная Политомъ [1]):

---

[1]) Πολίτου, Νεοελληνική μυθολογία I p. 135; сл. тамъ-же о στοιχεῖα p. 126 слѣд.

Οὐ μακρὰν τοῦ χωρίου Γιάννιτσας, πλησίον τῶν Καλαμῶν, ἐπὶ τοῦ Καλαθίου ὄρους κειμένου (νῦν βουνὸ τῆς Σέλιτσας), ὑπάρχει παρεκκλήσιον πρὸς τιμὴν τοῦ ἁγίου Γεωργίου ἀνιδρυμένον. Οἱ χωρικοὶ διηγοῦνται ὅτι τελουμένης ἐτησίως ἐκεῖ πανηγύρεως κατὰ τὴν 23 Ἀπριλίου, ἐξήρχετο ἑκάστοτε ἓν στοιχειὸ ἐκ παρακειμένης ὀπῆς καὶ κατέτρωγεν ἕνα τῶν πανηγυριζόντων. Ἐν διαστήματι πολλῶν ἐτῶν βλέποντες οἱ χριστιανοὶ ὅτι θεραπεία τοῦ κακοῦ δὲν εὑρίσκετο, ἀπεφάσισαν νὰ μὴ ὑπάγωσι πλέον εἰς τὴν πανήγυριν. Ἀλλὰ μίαν ἑβδομάδα πρὸ τῆς ἑορτῆς ἐπιστὰς εἰς ὅλους ταὐτοχρόνως ἐν ὀνείρῳ ὁ ἅγιος, τοὺς ἐβεβαίωσεν ὅτι δὲν θὰ ἐκακοποιοῦντο οὐδόλως εἰς τὴν πανήγυριν, διότι ἐβούλωσε τὸ στοιχειό. Καὶ τῷ ὄντι μεταβάντες ἐκεῖ εὗρον τὴν ὀπὴν πεφραγμένην μέ ὀγκώδη λίθον, ἐφ' οὗ ὑπῆρχεν ἐντετυπομένον πέταλον ἵππου. Διότι ὁ ἅγιος Γεώργιος θέλων νά μένῃ διὰ παντὸς πεφραγμένη ἡ ὀπὴ ἐπάταξε μὲ τὸν ἕνα πόδα τοῦ ἵππου τὸν λίθον. Ἔκτοτε ὁ ἅγιος πεταλώτης προσεπικαλεῖται, καὶ μέχρι τοῦ νῦν δείκνυνται ἐπί τινος πλακὸς τὰ ἴχνη τοῦ πετάλου.

Подобная-же легенда пріурочена была въ древности къ мѣстности у Парнасса и теперь еще разсказывается на Парнассѣ у Араховы: въ классическомъ миѳѣ (у Antoninus Liberalis) героемъ являлся Эврибатъ, въ современномъ — анонимный паликаръ; чудовище названо ламіей (λαμία Ant. Lib.; λάμνια въ Араховѣ): это миѳическое существо, питавшееся, по древнегреческому повѣрью, человѣческимъ мясомъ, и теперь еще играетъ видную роль въ миѳологіи грековъ и болгаръ; сура ламя, съ которой встрѣчается Георгій въ болгарской пѣснѣ на 23-е апрѣля — отвѣчаетъ μαύρη λάμια греческихъ пѣсенъ [1]).

Въ греческихъ сказкахъ [2]) попадается не разъ тотъ-же сю-

---

[1]) Bernhard Schmidt, Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder p. 142 (№ 10) и прим. на стр. 246 — 7. Сл. Πολίτης l. c. I p. 192 слѣд. (о Ламіяхъ).

[2]) Hahn, Griechische u. albanesiche Märchen № 70 (сл. ib. албанскую сказку № 98) и Buchon № 3 p. 277 слѣд. (у Schmidt'a l. c. p. 247).

жетъ, съ такими видоизмѣненіями: чудовище, змѣй залегаетъ воду, ему въ жертву приносится дѣвица, которую спасаетъ герой. Это, какъ извѣстно, сюжетъ чуда св. Георгія съ змѣемъ, нашедшій себѣ выраженіе, между прочимъ, и въ греческихъ народныхъ пѣсняхъ. Мы далеки отъ мнѣнія, чтобы сказка стояла въ какой-нибудь непосредственной связи съ упомянутымъ чудомъ и его народно-поэтическими отраженіями: одинъ и тотъ-же древній мотивъ (битва съ змѣемъ) лежитъ въ основѣ тѣхъ и другихъ, но между ними могли происходить сближенія — и перенесеніе именъ; Георгій могъ замѣнить въ Гіанницкой мѣстной легендѣ какого нибудь анонимнаго героя, какъ по тѣмъ-же причинамъ храмъ Тезея далъ убѣжище каппадокійскому святому[1]).

Для изслѣдователя его легендъ болѣе интереса могутъ представить тѣ случаи, когда въ одномъ и томъ-же сказаніи или съ однимъ и тѣмъ-же типомъ чередуются съ Георгіемъ другіе святые. Укажу пока на немногое. Въ Эпирѣ разсказываютъ о св. Донатѣ, Ἀϊδονάτος, что онъ освободилъ страну отъ страшнаго дракона[2]); разумѣется, быть можетъ, драконъ — «язычество», не эпизодъ о змѣеборцѣ[3])? Но на Критѣ ὁ ἅγιος Νικήτας представляется какимъ-то Беллерофонтомъ: онъ носится по воздуху на конѣ о бѣлыхъ крыльяхъ, и о немъ повѣствуется слѣдующее[4]): наканунѣ его праздника жители окрестныхъ деревень собрались въ часовню святаго, у мыса Судсуро. Огни, разложенные паломниками, привлекли корсаровъ; приставъ незамѣтно ночью, они заперли двери и окна часовни, чтобы добыча не ускользнула изъ ихъ рукъ. Когда положеніе выяснилось, тѣ, что̀ были въ церкви, обратились съ усердной молитвой къ святому Никитѣ — и чудо совершилось: священникъ открылъ въ задней части пещеры, гдѣ

---

[1]) B. Schmidt, Das Leben der Neugriechen, p. 45 и прим. 3.

[2]) B. Schmidt, l. c. 44; Πολίτης l. c. II, 298 — 300.

[3]) Кирпичниковъ l. c. стр. 111; архим. Сергій, l. c. II, часть вторая, стр. 119 — 120, подъ 30-мъ апрѣля.

[4]) Spratt, Travels and researches in Crete I, 345 — 7.

помѣщалась часовня, проходъ въ сосѣднюю пещеру, черезъ которую всѣ присутствовавшіе успѣли спастись. Забыта была въ углу часовни одна спавшая дѣвочка, которую и похитили разбойники. Но святой не оставилъ её: въ годовщину похищенія, когда плѣнница подавала чашку кофе своему хозяину-корсару, она вспомнила о своемъ плѣнѣ и расплакалась. Гнѣвно набросился на нее корсаръ, но не успѣлъ онъ окончить своей рѣчи, какъ дѣвочка изчезла изъ виду: св. Никита унёсъ её и вернулъ въ семью; еще и теперь показываютъ слѣды копытъ его коня тамъ, гдѣ святой спѣшился.

Какой святой разумѣется въ данномъ случаѣ? Извѣстное пафлагонское чудо св. Георгія напомнило мнѣ выраженіе монаха Иларіона, пересказавшаго въ 1472 году мученіе святого: Georgius Melitinae Cappadociae urbe exortus ex eo pugnatorum illustrium numero fuisse traditur, quos Graeci Ἀνικήτους, Latini invincibiles vocant[1]). Аникиты Иларіона отвѣчаютъ Аникіямъ текста I (по cod. theol. graec. вѣнской библ. № 123: ἐν νουμέρῳ ἐπισήμῳ τῶν ἀνικίων), Метафраста (κόμης τοῦ νουμέρου τῶν Ἀνικιώρων ἐπιφανεῖ προχειρίζεται)[2]) и греческаго житія особаго состава, на которое указали Болландисты (ἐν τῷ ἐπισήμῳ τῶν ἀνικίων νουμέρῳ τριβοῦνος πολλάκις πρότερον μεγαλοπρεπῶς διαπρέψας)[3]).

---

[1]) Acta Sanctorum, Aprilis III, p. 106, a.

[2]) Тоже въ греческомъ житіи (редакціи I) парижской ркп. № 1447 (olim 2030): ἐν νουμέρῳ ἐπισήμῳ τῶν ἀνικιώρων. Выписками изъ этой рукописи, равно какъ изъ cod. 1178 (olim 148) и 1534 я обязанъ неистощимой любезности о. Мартынова, которому приношу глубокую благодарность.

[3]) AASS. Aprilis III p. 120 b, прим. d и e къ тексту Липомана и Commentar. praevius § 11. Рукопись, на которую ссылаются Болландисты, найдена о. Мартыновымъ въ Парижской національной библіотекѣ, подъ № 1178 (olim 148). — Въ греческомъ житіи Георгія, напечатанномъ Болландистами (b), о Георгіи говорится: τριβοῦνος ἐχρημάτισεν ἐπισημωτάτου νουμέρου; у Андрея Критскаго: βασιλέως δορυφόροις συνέταττεν.

Или разумѣется, быть можетъ, Никита апокрифическаго житія, на связь котораго съ житіемъ Георгія указалъ г. Кирпичниковъ [1])? Стиль обоихъ памятниковъ тождественный, тѣ-же мученія и та-же чудесная обстановка; видно, что они принадлежатъ одной и той-же агіографической школѣ, хотя мы пока не въ состояніи точно опредѣлить ихъ взаимныя хронологическія отношенія. Греческій текстъ Никитиныхъ мученій пока не изданъ [2]); русскіе пересказы относятся къ очень позднему времени [3]). Въ одномъ изъ нихъ говорится, между прочимъ, что тѣло мученика перенесено было ангелами во святой градъ, «идеже виситъ камень, идеже суть мощи святыхъ мученикъ Харлампія, Евлампія и Вонифатія» [4]). — Русскіе тексты не обозначаютъ города, гдѣ

---

[1]) l. c. p. 47—8.

[2]) Болландисты (AASS. Sept. IV, подъ 12 сентября) указываютъ на существованіе греческаго житія въ амвросіанской библіотекѣ; другіе списки находятся въ вѣнской: hist. graec. № LVII и CXXVI.

[3]) Сл. Тихонравовъ, Пам. Отреч. русск. литер. II, 112 слѣд. по ркп. XVI в.; по той-же ркп. въ Пам. стар. русск. лит. III, 146—149.

[4]) Сообщ. Н. С. Тихонравовымъ изъ принадлежащаго ему сборника № 35, въ 4-ку, конца XVIII или начала XIX вѣка. Сборникъ этотъ содержитъ, между прочимъ: Повѣсть о чюдеси св. отца нашего Николы о Агриковѣ сыне Васили, Страсть св. мученицы Порасковгѣи ис пролога, Страданіе св. мученикъ Кирика и Улитты, матере его; Мца сетѧбрѧ въ .еі. днь страд(аніе) стаго вликомчника (Никиты). Послѣднее оканчивается такъ: «И сше с' небси аггль не даша тѣлу его на зели лежати в'зѧша и несоша его во свтый гра идеже виси каме идеже суть мощи сты мчнкъ харлапиѧ иулатиѧ и вниѳатиѧ и тѣ по конецъ мощи стаго града. аще кто стаго мчнка никиты напише мчние и житие его или кто напише ѿ житиѧ и' страсти и мчниѧ его то члв избавле будетъ ѿ всѧкаго зла и причастникъ буде праведнаго суда жизнь вѣчную. слва ѿцу и сну и стому дху нне і прно и во веки вѣкомъ аминь». Миніатюра изображаетъ на лѣвой сторонѣ вверху — градъ, подъ нимъ внизу лежатъ тѣла свв. Харлампія, Иулантія и Внифатія, одно надъ другимъ въ перспективѣ, головами къ лѣвому краю миніатюры. На правой сторонѣ: вверху камень, повисшій въ воздухѣ, ниже ангелъ и тѣло св. Никиты, положенное также, какъ и предъидущія. — Греческое житіе св. Ни-

пострадалъ и погребенъ Никита; греческій текстъ называетъ Никомидію [1]); но уже въ XIV вѣкѣ его мощи покоились въ Венеціи, гдѣ ему праздновали 12 сентября и совершились чудеса, записанныя анонимнымъ авторомъ въ 1466 году: первое чудо отнесено къ 1344 году. Въ числѣ прочихъ поминается слѣдующее, разсказанное какимъ то грекомъ, о спасеніи св. Никитою плѣннаго мальчика:

Fuit quidam Graeculus, qui cum videret solemnizari festum hujus sancti, sciscitari voluit. Cui dictum fuit, quod festum gloriosi Nicetae (cum in hac ecclesia sancti Raphaelis requiescat ejusdem devotissimum corpus) ageretur. Qui gaudio repletus dixit presbyteris: sciatis domini, quod in territorio extra Coro-

---

киты въ вѣнск. ркп. Hist. gr. № LVII (Μαρτύριον τοῦ ἁγίου μάρτυρος Νικήτα f. 10 r — f. 14 v.) кончается его смертью; cod. hist. gr. № CXXVI, также содержащій f. 3 r. — 10 v. Никитино мученіе, предлагаетъ далѣе нѣкоторыя подробности, приближающія насъ къ русскому пересказу: архистратигъ (Михаилъ) не дозволилъ тѣлу угодника лежать на землѣ, «ἀλλ' ἐκέλευσε ἀγγέλοις μεν νεφέλης καὶ ἔλαβον τὸ τίμιον λείψανον καὶ ἀπήγαγον αὐτὸ ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει ἐν τῇ πέτρᾳ τῇ κρεμαμένῃ ἐκεῖσε ὑπὸ τοῦ ἁγίου πνεύματος. ἔνθα ἀποκεῖνται καὶ τὰ λείψανα τοῦ ἁγίου Παφνουτίου καὶ Χαραλάμπου καὶ τοῦ ἁγίου Παρακλήτου καὶ Βονιφατίου καὶ τῶν ἁγίων Ἀλεξίου καὶ Εὐθυμίου. ἡ δὲ τιμία κατάθεσις εἰς τὴν ἄκραν Νικομηδείας ἐτελειώθη. — Зависимость извѣстныхъ намъ текстовъ Никитина житія отъ Георгіева, предположенная г. Кирпичниковымъ, между прочимъ, на основаніи словъ Максиміана: «О чадо, кто тя потвори? Ци Егорій тя потвори, его-же умучи братъ мой Дадьянъ?» — подтверждается чтеніемъ греческаго текста: «τέκνον, τίς ἐμάγευσεν σε; μὴ Γεώργιος ὃν ἀδελφός μου (?) Δαδιάνος ἐβασάνισεν, ἢ Κήρυκος ὁ νήπιος ἢ Βλάσιος ὁ βουκόλος;». Иначе указанная выше ркп. № LVII: «τέκνον γλυκύτατον, τίς ὁ μαγεύσας σε, μὴ Γεώργιος, μὴ Κήρυκος, μὴ Βλάσιος ὁ ἐπίσκοπος, ὃν ἀδελφὸς ἡμῶν Δαμιάνος ἐβασάνισεν;». — Δαμιάνος объясняетъ Демьянище русскихъ духовныхъ стиховъ о Георгіи; но Власій пострадалъ ἡγεμονεύοντος Ἀγρικολάου (сл. житіе св. Власія въ той-же ркп. f. 177 verso, c. 1): текстъ, очевидно, спутанъ, и чтеніе cod. CXXVI слѣдуетъ предпочесть.

[1]) Сл. AASS. подъ 12 сентября.

num[1]) ibi esse ecclesiam aedificatam ad honorem ejus in uno casali. Ob devotionem ejus quidam dives et praepotens in die occurenti clericos solennizantes ad domum in mensa invitabat, et erat absque liberis. Visitabat devote eamdem ecclesiam, rogando quod sibi praestaret filium, et in hoc sacerdotes rogabat, ut et ipsi orarent. Ut Domino placuit, uxor sua peperit pulcherrimum filium, ex quo omnes sibi congratulabantur. Puer autem crescebat moribus et prudentia; qui cum esset annorum duodecim vel circa, venerunt Teucri et invaserunt territorium, capientes multos, inter quos fuit puer iste, transportando ad multum distans ab illo territorio. Pater vero ejus dolentissime ferens continuo lamentabatur, dicendo, o sancte Niceta, rogavi pro filio, et concessisti, et nunc abstulisti: pro certo nolo esse amplius tibi devotus, nec volo plus clericos invitare in mensa. Sacerdos autem principalis ipsum confortabat, et compatiebatur ei, et nihil proficiebat, sed magis ac magis lamentabatur de sancto. Fiebant autem continue orationes ad sanctum pro recuperatione filii. Prorumpebat autem, quod coram Deo peteret vindicari de hac injuria, a sancto commissa, ut assolet fieri ab afflictis, quibus nulla subest spes. — Tandem orationes fuerunt exauditae. Quare cum exercitus inimicorum esset in quiete cum tentoriis suis, et puer serviret uni barono ex principibus in cratera mensali, cum esset decorus et expertus; sanctus autem Niceta equitando per exercitum accepit per capillos dictum puerum et posuit eques a parte posteriori, et portavit quodammodo in ictu oculi ad domum presbyteri et ibi puerum dimitit et evanuit ab eo. Presbyter autem hec sentiens, ostium aperuit et amplexatus est eum dicens: O fili mi, bene veneris. Quem quam primum ad patrem conduxit; et cum vidisset pater, subito exanimis effectus est super collum filii sui: et narravit seriem rei, et si ante fuit devotus dicti sancti,

---

[1]) Corona въ Пелопоннезѣ, въ Мессеніи? (сл. Forbiger II Aufl. 1877. p. 677). Существуютъ и другія мѣстности того-же названія.

postea effectus est devotissimus et statuam fieri fecit et ipsa obtulit ipse sancto[1]).

Критская легенда о Никитѣ — только народный пересказъ этого чуда, повторяющаго въ свою очередь, лишь съ небольшими отмѣнами — извѣстное чудо Св. Николая съ Агриковымъ сыномъ Василіемъ, сохранившееся въ церковнославянскомъ торжественникѣ XII вѣка: Агрикъ живетъ въ странѣ Антіохійской близь Сарацинъ, во вся лѣта творя память угоднику; когда Сарацины похитили его сына и увели на Критъ въ услуженіе Амиру, отецъ оставляетъ благочестивый обычай, но на третій годъ возобновляетъ его — и святой чудеснымъ образомъ возвращаетъ ему сына: «не вѣдѣ къто мѧ сильнъ въ незапоу похыти», говоритъ мальчикъ восхищенный въ то самое время, какъ онъ предстоялъ эмиру, держа въ рукѣ скляницу съ виномъ[2]). — Но таково же содержаніе чуда св. Георгія съ мальчикомъ, котораго сарацины похитили на Лесбосѣ (въ Митиленѣ) и увели на Критъ, или съ пафлагонскимъ мальчикомъ, котораго святой при тождественныхъ обстоятельствахъ спасаетъ отъ болгарскаго плѣна (γέγονεν ἡ τῶν δυτικῶν ἐθνῶν πρὸς ἡμᾶς χριστιανοὺς σφοδροτάτη ἐπανάστασις, λέγω δὴ Βουλγάρων καὶ Οὐγγρῶν καὶ Σκύθων καὶ Μήδων καὶ Τούρκων. Сл. Teucri венеціанской легенды), когда тотъ несъ своему господину похлебку въ сосудѣ, ὅπερ εἴωθεν ἡ ἐπιχώριος διάλεκτος κουκούμιον[3]) καλεῖν. — Святой представляется мальчику на конѣ:

---

[1]) AASS. l. c. p. 8 — 9.

[2]) Срезневскій, Свѣд. и замѣтки, № XXXII.

[3]) Съ этимъ пафлагонскимъ (?) словомъ (сл. Epiphanii Adv. Haer. въ разсказѣ объ обращеніи Іосифа комита: κακούβιον δὲ τοῦτο οἱ ἐπιχώριοι καλοῦσι) сл. мѣстное названіе общежительнаго монастыря въ Пафлагоніи, ἣν οἱ ἐγχώριοι Βόνυσσα προσαγορεύουσιν (изъ житія Георгія Амастридскаго. Сл. Васильевскаго, Русско-византійскіе отрывки. Житіе Георгія Амастридскаго, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, Мартъ, стр. 141 прим.). — Въ извѣстномъ чудѣ св. Θеодора Тирона при Юліанѣ colyba является эвхаитскимъ словомъ. Подборъ такого рода мѣстныхъ реченій изъ житій святыхъ той-же малоазіатской мѣстности былъ-бы желателенъ. — Вліянію пафлагонской легендѣ подверглись, вѣроятно, иконографическія

εὗρον τινα ἔφιππον ὁπλοφόρον ἐν σχήματι στρατηλάτου, ὑπὲρ τὴν λαμπρότητα τοῦ ἡλίου αὐγοειδέστερον διαλάμποντα [1]).

Не настаивая долѣе на этихъ сближеніяхъ[2]), ограничусь однимъ общимъ замѣчаніемъ.

Сказанія о св. Георгіи стоятъ въ центрѣ небольшого круга житій, объединенныхъ аналогіею типовъ и, можетъ быть, одной

изображенія св. Георгія, о которыхъ говоритъ Clermont Ganneau (Horus et St. Georges, Rev. Archéologique 1876, стр. 393, прим. 2): Dans l'iconographie byzantine Saint Georges à cheval, combattant le dragon, porte toujours en croupe une petite figure de femme tenant une amphore; sur les representations plus modernes la jeune fille est remplacée par un garçon parfois coiffé du fez ottoman. (Сл. греч. пѣсню у Саккеларія: Τὰ Κυπριακὰ III p. 62—65: Георгій бьется съ змѣемъ, дѣвушка сидитъ позади его на конѣ). — Подобное-же чудо (только безъ характеристическаго сосуда, являющагося въ чудесахъ свв. Никиты, Николая и Георгія) приписывается св. Өеодору Тирону Іерусалимскимъ пресвитеромъ Хрисиппомъ: у одного человѣка, большаго почитателя святого, ежегодно чествовавшаго его память пиршествами, сынъ обманно проданъ Измаильтянамъ. Какъ и въ предъидущихъ легендахъ, отецъ сѣтуетъ на святого и не празднуетъ ему слѣдующую за тѣмъ годовщину. Настала и вторая, и тотъ человѣкъ опять поступилъ также. Мальчикъ тѣмъ временемъ пасъ стадо въ пустынѣ, гдѣ святой является ему ὡς στρατιώτης ἵππων δυάδα ἐπαγόμενος, садитъ его на одного изъ коней и черезъ нѣсколько дней доставляетъ къ отеческому дому, а самъ исчезаетъ. (Χρυσίππου πρεσβυτέρου Ἱεροσολύμων ἐγκώμιον εἰς τὸν ἅγιον μεγαλομάρτυρα Θεόδωρον τὸν Τήρωνα, καὶ μερικὴ τῶν ἀπείρων αὐτοῦ θαυμάτων διήγησις, изъ ркп. Парижск. Національн. библ. № 1452, XI вѣка; сообщеніемъ чуда, помѣщеннаго на л. 143 verso — 144 recto, я обязанъ проф. Васильевскому).

[1]) AASS. III Aprilis въ концѣ тома, стр. XXIX — XXXIII; сл. ib. p. 144 a (изъ греческихъ Миней); въ русскихъ пересказахъ (Погод. ркп. 818, л. 130 об.) Митилена замѣнена Мелитеной житія.

[2]) Укажу на подобныя же сближенія въ области народнаго вѣрованія. Никита въ апокрифическомъ мученіи названъ «врачемъ»; русскій народъ считаетъ св. мученика Никиту покровителемъ дѣтей отъ родимца (Калинскій l. c. 296). Врачами являются и свв. Георгій и Харлампій у Грековъ (B. Schmidt, Volksleben p. 37 — 8), св. Георгій у Хевсуровъ (Radde, Die Chewsuren und ihr Land. Cassel 1878 p. 110).

и той-же мѣстностью. Свв. Никита, Николай и Георгій чередуются въ одномъ и томъ-же чудѣ съ св. Ѳеодоромъ Тирономъ, какъ, съ другой стороны, св. Ѳеодоръ раздѣлилъ съ Георгіемъ славу змѣеборца. Эллинскій міръ, боровшійся въ Малой Азіи съ Сарацинами, воспѣвавшій своихъ эпическихъ бойцевъ, Дигениса, Акрита, Армури и др., долженъ былъ питать особое уваженіе къ святымъ, побѣдно отражавшимъ зміиную силу, спасавшимъ отъ вражьяго плѣна. Свѣтскій пѣсенный эпосъ становился о бокъ съ религіознымъ эпосомъ житій. Ихъ совмѣстное изученіе могло-бы доставить изслѣдователю легендъ о св. Георгія опоры и выгоды — и, вмѣстѣ, опасности — широкаго обобщенія. Г. Кирпичниковъ избралъ другой путь, обратившись къ изслѣдованію текстовъ Георгіева житія, его различныхъ редакцій и ихъ взаимныхъ отношеній.

II.

Для уясненія этой стороны дѣла изслѣдователь потратилъ не мало труда и времени. Онъ пересмотрѣлъ значительное количество рукописей, относительное значеніе которыхъ могло опредѣлиться лишь при окончательной работѣ свода и построенія. Иной текстъ могъ, напримѣръ, показаться важнымъ при началѣ изслѣдованія и снизойти въ концѣ къ значенію второстепенной данной; и наоборотъ, достоинство другого могло выясниться лишь при общей повѣрочной работѣ, тогда какъ прежде на него не было обращено надлежащаго вниманія. Къ такому тексту слѣдовало во всякомъ случаѣ вернуться, прежде чѣмъ пытаться установить генеалогію редакцій.

Г. Кирпичниковъ выдѣляетъ въ текстахъ житія три редакціи: А — каноническое житіе, В — апокрифъ, С — особая версія апокрифа, извѣстная главнымъ образомъ по славянскимъ рукописямъ. Къ редакціи А г. Кирпичниковъ относитъ греческое житіе, изданное Папеброхомъ = b, и латинскую легенду Липомана, переведенную съ греческаго = l. Ея подлинникъ не из-

данъ, но онъ, либо его варьянты, найдутся въ рукописяхъ, судя по отрывкамъ вѣнской, описанной Ламбеціемъ (сл. Кирп. стр. 4, прим. 1)[1]). Съ этимъ текстомъ слѣдовало бы познакомиться, въ виду вопросовъ, поднимаемыхъ текстомъ l и не достаточно разъясненныхъ г. Кирпичниковымъ. Что такое l? Это не есть текстъ древній и подлинный (?): онъ составленъ изъ двухъ варьянтовъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ сличенія его съ русскими текстами (стр. 6); l, стало быть, сохранился въ варьянтахъ русскихъ — и, можетъ быть, греческихъ — пересказовъ, которые надо было попытаться изучить совмѣстно, возведя ихъ къ прототипу L, еслибы это оказалось возможнымъ, и за тѣмъ уже указать имъ мѣсто въ редакціи А, либо въ такихъ отношеніяхъ къ ней, которыя представились бы наиболѣе вѣроятными. Безъ этой предварительной работы помѣщеніе l подъ рубрикой А вызываетъ рядъ частныхъ и методологическихъ сомнѣній. Начать съ того, что и текстъ вѣнской рукописи — сводный[2]), потому ли, что и онъ представляетъ слитіе двухъ варьянтовъ, какъ липомановскій, мы пока не знаемъ; но его заключеніе заимствовано изъ редакціи С (l. с. стр. 34). Съ другой стороны легенда Липомана кончается, говоритъ г. Кирпичниковъ (стр. 4), припиской псевдо-автора, Пасикрата, обличающей въ списателѣ легенды знакомство съ этой спеціальной чертою редакціи В. Текстъ Липомана, стало быть, вдвойнѣ сводный?

Но что такое сводныя или слитныя редакціи? (сл. стр. 25 слѣд.). И какъ отличить ихъ отъ тѣхъ, которыя слѣдуетъ признать основными? Какъ бы ни понимать отношенія А, В, С, несомнѣнно, что онѣ выработались одна изъ другой, путемъ выдѣленій или приращеній, обусловленныхъ опредѣленными цѣлями редакторовъ. Такая взаимная зависимость достаточно объясняетъ, почему въ А В С есть общія черты; но когда о текстахъ А (b

[1]) Рукопись эта значится въ каталогѣ вѣнской библіотеки: Theol. gr. 123; житіе св. Георгія занимаетъ f. 37 v. — 43 v.

[2]) Кирп. стр. 4 прим. 1, гдѣ ошибочно напечатано: свободный.

и l) говорится, что въ иныхъ случаяхъ b ближе сходится съ В, въ другихъ l, невольно подсказывается вопросъ: идетъ ли здѣсь дѣло объ основномъ сходствѣ между текстами А и редакціею В, или же о позднѣйшемъ вліяніи В на списателей или составителей этихъ текстовъ? Еслибы послѣднее предположеніе оказалось вѣрнымъ, мы получили бы право назвать b и l сводными текстами.

Вообще для того, чтобъ имѣть право говорить о редакціяхъ основныхъ и смѣшанныхъ или слитныхъ, необходимо прежде всего установить филологическій типъ первыхъ, уяснить ихъ основныя сходства, опредѣленныя ихъ взаимной зависимостью, и типическія отличія, т. е. тѣ, въ силу которыхъ онѣ и могутъ быть обособлены, какъ отдѣльныя редакціи. Когда эти типы установлены, ихъ механическое смѣшеніе легко опредѣлить, въ какихъ бы сочетаніяхъ оно не явилось — выражаясь рядомъ сводныхъ, слитныхъ, интерполированныхъ редакцій. Г. Кирпичникову всѣ эти вопросы метода должны были представиться сами собою, и онъ не могъ не имѣть ихъ въ виду, разбираясь въ массѣ просмотрѣнныхъ имъ рукописей. Слѣдуетъ предположить, что, опредѣляя нѣкоторые тексты, какъ составные, онъ руководился указаннымъ выше критеріемъ, но доказательства тому у него отсутствуютъ, и читатель недоумѣваетъ, почему напримѣръ текстъ l, съ припиской Пасикрата и чертами изъ В, разсматривается въ основной группѣ А, почему родственный l греческій текстъ вѣнской рукописи, съ окончаніемъ изъ С, отнесенъ въ туже рубрику, тогда какъ «одна изъ распространенныхъ позднѣе на западѣ составныхъ греческихъ редакцій», стоящая «въ близкой связя съ редакціей С» (стр. 37 и прим. 1), — разбирается въ отдѣлѣ текстовъ сводныхъ. Жаль, что именно эта «составная» редакція осталась неизученной, равно какъ й греческій подлинникъ l: она намъ интересна по своей связи съ С, т. е. съ тѣмъ особымъ видомъ отреченнаго житія, который извѣстенъ былъ доселѣ лишь изъ славянскихъ пересказовъ и для позднѣйшей исторіи апокрифа представляется мнѣ особенно важнымъ.

Для редакціи В и главнымъ образомъ для его латинскихъ

изводовъ (Gallicanus, S. Gallensis) собранъ былъ западными изслѣдователями кое-какой матеріалъ, которымъ г. Кирпичниковъ воспользовался, присоединивъ къ нему, съ своей стороны, много новаго и цѣннаго[1]). Для критики древнѣйшаго текста этого извода, т. е. греческаго палимпсеста IV — V вѣковъ, изданнаго Детлефсеномъ, изслѣдователь воспользовался указаніями проф. Дестуниса, во многомъ исправившаго чтеніе и толкованіе перваго издателя. Точно также и для С по тексту Тихонравова г. Кирпичниковъ приводитъ остроумную поправку проф. Лескина, предложившаго, вмѣсто непонятнаго: «Сѣдъ же на соудищи съ атропомъ пришедшемъ траро^к въ илину и магнентію» и т. д., читать: «Сѣдъ же на соудищи сатрапомъ пришедшемъ». Непосредственно слѣдующія слова: «траро^к въ илину и Магнентію и Феогнію» остаются непонятными, говоритъ г. Кирпичниковъ (стр. 34 — 35 прим. 3 на стр. 34). По позднѣйшему указанію проф. Дестуниса вм. «трарок въ илину» слѣдуетъ читать: Транквилину: царь этого имени является въ редакціи В (Gallic.) рядомъ съ царемъ Магненціемъ и императоромъ Даціаномъ. Та и другая конъектура подтвердились чтеніемъ хлудовскаго житія (по торжественнику XIV в., № 195), исправляющаго еще одно непонятное мѣсто Тихонравовскаго текста: «И бѣ в то врѣмѧ князь родомъ отъ пръсъ именемъ Дадіянъ, мѣстный князь, татрокъ А'нкіи, Персаменіи и Палестинскія страны» (Тихонравовъ II стр. 100); вмѣсто: татрокъ А'нкіи, слѣдуетъ читать: Тавроликіи. — Дадіанъ тихонравовскаго текста — «мѣстный князь» т. е. топархъ; въ одной изъ смѣшанныхъ редакцій житія св. Георгія[2]) Дадіанъ названъ топархомъ Сиріи.

Славянскіе тексты В предлагаютъ, сравнительно съ латинскими, нѣкоторыя отличія, источника которыхъ слѣдуетъ, быть

---

[1]) Сл. напр. стр. 16 и слѣд.: отчеты о сирійскомъ и эѳіопскомъ пересказахъ, о мюнхенскихъ текстахъ латинскаго апокрифа и т. п.

[2]) AASS. Aprilis III, p. 104.

можетъ, искать въ ихъ греческомъ подлинникѣ. Такъ Георгій является въ нихъ не воиномъ, а купцомъ, какъ въ хроникѣ Табари [1]); черту хлудовскаго текста, что тѣло святого сжигаютъ, а прахъ пускаютъ по вѣтру, легко сблизить съ такой-же подробностью сирійскаго житія, гдѣ пепелъ сожженаго мученика разбросанъ по горамъ, и съ разсказомъ Табари и Масуди: пепелъ отъ сожженаго тѣла брошенъ въ море или въ рѣку Тигръ [2]). Не тоже-ли бросаніе въ море упомянуто и въ похвальномъ словѣ Аркадія, архіепископа Кипрскаго, «на обновленіе храма святаго и славнаго и побѣдоносца и великомученика Георгія»? Слово это, встрѣчающееся въ греческихъ [3]) и русскихъ спискахъ [4]), сколько извѣстно, до сихъ поръ не издано; его списателя проф. Васильевскій склоненъ отождествить съ Аркадіемъ Кипрскимъ, извѣстнымъ изъ исторіи монофелитскихъ споровъ (625 — 6), къ которому отправленъ былъ декретъ Ираклія противъ еретика Павла и о которомъ упоминаетъ его преемникъ, митрополитъ Кипрскій Сергій въ посланіи къ папѣ Сиксту IV отъ 643 года [5]). Въ ряду архіепископовъ Кипра извѣстенъ всего одинъ Аркадій, котораго помѣщаютъ обыкновенно между 600 и 638 годами [6]). — Слѣдующая далѣе выдержка изъ его реторическаго слова можетъ послужить не только къ опредѣленію времени, когда оно могло быть написано, но и къ уясненію того круга представленій, въ

---

[1]) Кирп. стр. 13.

[2]) Ib. стр. 14, 15, 16.

[3]) Ms. in Bibl. Coisliniana p. 211 у Фабриція Bibl. graeca v. 9 p. 80 (1-го изданія).

[4]) Я пользовался текстомъ, помѣщеннымъ въ Торжественникѣ Моск. Рум. Муз. № 435, конца XV вѣка, л. 120 об. — 125 обор. (Сл. № 434 того же Музея, ркп. XVI вѣка).

[5]) Сл. также Guil. Cave, Scriptorum ecclesiasticorum historia literaria. Basileae 1745, t. II, Dissert 1ª (въ концѣ книги) p. 4. — Указаніемъ этимъ я обязанъ проф. Троицкому.

[6]) Gams, Series episcoporum ecclesiae catholicae. Ratisbonae 1873, p. 438 — 9.

которомъ сложился взглядъ на св. Георгія, какъ на чудеснаго помощника.

«Како члцп по достоиньству почтемъ и паче же мчкы и паче Георгіа вселенскоую похвалоу, црьковное скровище, кртнаго проборца, георгіе воиномъ оружие непобедимое, георгіе цртвіа проборець, георгіе възделаннымъ совъзделанникъ и поутникомъ наставникъ, георгіе плавающимъ кормьчиі, георгіе озлобленнымъ отмститель и лжоущихъ ѡбличитель; георгіе плачющихсѧ оутѣшитель и крѣпкыхъ благолѣпіе; георгіе сирымъ предстатель и вдовицамъ питатель; георгіе пристанище иже в поучинѣ влающимся и иже в поустынѧхъ скитаюхихсѧ пастырь; георгіе болѧщимъ врачь и прибѣгающимъ просвѣтитель; георгіе паствамъ стражь и гоумномъ благословеніе; георгіе боримымъ стѣна, моучимымъ оутѣха, алчющимъ питатель і нагихъ одѣатель; георгіе искоушаемымъ мостъ и мироу утвержение; георгіе бесомъ губитель и еллиномъ разроушитель и вѣры правитель; георгіе мченъ бывъ побѣди и вверженъ побѣди и оумеръ въ истинноу живе, дивьство преславныхъ чюдесъ. Которыми словесы похвалю мчнка, кими похвалами изрекоу страдания, кіими образы въспою чюдеса? Разделися мчньское тѣло но не разделисѧ отъ него Христосъ, раздрасѧ ество и не разорисѧ вѣра, падесѧ храмъ и скровище схранисѧ, в мѣстѣ есть и в мирѣ пребывая, всѣхъ посѣщаа, тамо Христу предстоить и соущихъ сде николпже отъступаеть, тамо молитсѧ и сде с нами ликоуеть, тамо служить и зде чюдодѣиствуеть. Оуспоша мощи и проповѣдують вещи, языкъ оумолче и чюдеса вопиють. Кто таковаа видѣ или кто таковая слыша? Огнемъ сожжены быша и огню отгонять мощи, в поучиноу ввержени быша и дшю отъ поучинъ спасають, уды скроушишасѧ и скрушенаа стѧзоують, смрти осуждены быша и оумршыхъ въставлѧють, на земли западоша и на нбси восияша. Да постыдѧтся еллінстіи отроци зрѧщеи бѣсы служаща мчкомъ, да посрамитсѧ идолскаа прелесть слышащеи дхмь нечистымъ боящимсѧ мчкь мощеи, ибо иже иногда поощрѧющеи члкы моучити бѣгають и вопиють многое твое дрьзновение и свѣдѣ-

тельство, Георгіе. Что глаголеши? Дси нечистіи всеокааннііи мрьтвыхъ мощеи и бездоушныхъ боатсѧ, си ре Іисуса Христа ради и мчкы почитають. Что реку(ть) о сихъ намъ иже Христа ради отметающеисѧ? что прочее не оумолъкноуть? Разоумѣіте языци и покарѧитесѧ. Видите о іоудеи, еи посрамитесѧ. Да оумолкноуть ел'лінскіа басни и престаноуть, тѣмъ-же оубо оумолкоша и престаша. Где Плутонъ сверепѣайся, где Аполонъ посоупленый, где Диева дръжава, где Ираклієва гордынѧ, где Ѳрїгомъ скопления и сверѣпіа и бѣснования, где прочая съгрѣшения восклицающихъ? Они бо всі посрамишасѧ, ници на земли лежать и пребыша мртви. Христу бо явльшюсѧ и кртоу въдроузившюсѧ и мчникомъ показавшимсѧ смрть убо ради Христа пренебрежена бысть, адъ побѣжденъ бысть, прелесть попрасѧ и капища разоришасѧ ї еллінн умртвишасѧ; і идеже оубо въ вселеннѣй проидеши, не к тому тако ми бвъ Аполоніа и Діа и Асклипіа обрѧщеши глаголема, но богъ георгіевъ и иже с нимъ всѣхъ славитсѧ и блгочтнѣ воспѣваетсѧ и жртвы бескверныа томоу ради мчньскыхъ жртвъ и млениі възсылаютсѧ». Слово обращается за тѣмъ къ великомученику: «ты боуди молитвенникъ о мнѣ грѣшнемъ и о всѣхъ молисѧ людехъ христіанскыхъ оумиленѣ казнимыхъ, и да не презриши съ стыми всѣми немолчно глаголати: пощади, господи, люди своа, владыко, прочее спаси достоание свое, пощади стадо свое, молимсѧ, пастырю добрыи; помилоуи црквь свою, члколюбче, яко лютѣ колеблетсѧ, яко лютѣ разсѣваетсѧ; оущедри чада своя, ѧко прочее оумалїшасѧ; призри, владыко, на люди своа, яко исполнихомсѧ уничижения; вижь ноужду и створи члколюбіе, вижь наготоу и дароуй одѣание, виждь рыдание и створи щедроты.... покажи насъ благостию своею. Расточилъ еси, сбери; Ѿврьглъ еси, помилоуй; предалъ еси, възврати; заточилъ еси, паки помѧни.... к тебѣ бо прибѣгаемь. Помилоуи насъ и възврати плѣненіе наше, яко рыдающе славимъ отца и сына и свѧтаго дха нынѣ і присно и в вѣкы».

Если авторъ Слова, дѣйствительно, современникъ Ираклія,

то указанія на казнимыхъ христіанъ, на колеблющуюся и разсѣвающуюся церковь, на расточеніе и плѣненіе вѣрующихъ, нашли-бы естественное объясненіе въ обстоятельствахъ времени. Я разумѣю нашествіе Хосроя: событія, его сопровождавшія, годились въ обстановку мученическаго житія и обновляли его память.

Перейдемъ къ третьей изъ установленныхъ г. Кирпичниковымъ редакцій житія, именно къ С. На нее слѣдовало, по нашему мнѣнію, обратить бо̀льшее вниманіе, чѣмъ это было сдѣлано. Здѣсь упрекъ обращается не къ спеціалисту по исторіи западныхъ литературъ, а къ русскому изслѣдователю, которому памятники древнеславянской писменности должны быть особенно дороги. Ограничусь пока немногими замѣчаніями. Въ русскихъ пересказахъ С отецъ Георгія названъ Геронтомъ, Геронтіемъ и т. п.; мать — Полихроніей и Полифроніей; Полихроніей-же она названа въ отрывкахъ греческаго текста С. — Г. Кирпичниковъ заключаетъ, что аналогія съ Геронтіемъ заставляетъ предположить форму: Полихронія древнѣйшею (стр. 35); но вѣдь, говоря апріорно, исканіе аналогіи могло дѣйствовать и позднѣе, приравнявъ Полифронію къ значенію Геронтія. — «Сперва я думалъ настаивать на формѣ Полифронія, многомудрая, которую легко замѣнить Премудростью — Софіею нашихъ стиховъ. Можетъ быть, впослѣдствіи и найдется славянскій, вышедшій изъ греческаго, или греческій текстъ, гдѣ ошибочное чтеніе Полифронія породило Софію. Тогда уяснится литературный источникъ этого эпизода стиха» (стр. 35 прим. 2). — Вмѣсто этого искомаго текста можно-бы сослаться на художественное преданіе, на которое указываетъ самъ г. Кирпичниковъ (стр. 171): «Съ VI вѣка по всей Византійской имперіи строятся соборные храмы Софіи Премудрости Божіей, и что замѣчательно, въ очень многихъ случаяхъ такой соборный храмъ поминается рядомъ съ другимъ уважаемымъ храмомъ — св. Георгія». Появленіе въ русскихъ духовныхъ стихахъ матери Георгія, Софіи, могло быть обусловлено совмѣстностью ихъ культа; въ народномъ представленіи три сестры его могли быть сопоставлены съ тремя дочерями другой Со-

фіи (сл. стр. 48 — 9), — хотя уже эѳіопская легенда (и ея предполагаемый сиро-греческій подлинникъ, сл. стр. 172 и 18 — 19) знаетъ о двухъ сестрахъ мученика, мать котораго называетъ Тійобеста, т. е. Теопистой. — Не безполезно, быть можетъ, указать на возможность и другого объясненія Софіи: на наивное отвлеченіе собственныхъ именъ отъ нарицательныхъ, нерѣдкое въ русскихъ народныхъ и литературныхъ воспроизведеніяхъ пришлыхъ сюжетовъ. Въ отрывкахъ текста C по парижской ркп. graec. 1534 мать Георгія названа Полихроніей; въ разговорѣ съ мученикомъ дукъ Варданъ говоритъ ему: «ὁρῶ σε ἐν τῇ πολυλογίᾳ σου πολλὴν σοφίαν ἔχοντα». Святой отвѣчаетъ: «αὕτη ἡ σοφία, ὦ δικαστά, οὐκ ἔστιν ἐξ ἐμοῦ, ἀλλ᾽ ὁ Θεός μου ἐχαρίσατό μοι αὐτήν, ὁ παρέχων τοῖς εὐθέσι τῇ καρδίᾳ καὶ τοῖς φυλάσσουσι τὰς ἐντολὰς αὐτοῦ σοφίαν καὶ μετοχὴν ἀγαθῶν ἐκ τοῦ πλούτου αὐτοῦ. Οἱ γὰρ ἐκ καρπῶν ἀγαθῶν τὰς καλὰς ἀρετὰς κατορθώσαντες .... ὡς κλάδους ἔχουσιν εὐθαλεῖς τὴν σοφίαν προηγουμένην αὐτῶν θεοσέβειαν καὶ πίστιν ὀρθήν. Οὗτοι γὰρ ζήλῳ μυστικῷ βαδίζοντες καὶ ὡς ἄγκυραν ἀσφαλῆ καὶ βεβαίαν τὴν τιμίαν πίστιν κατέχοντες, βασιλείαν Θεοῦ κληρονομήσουσιν». Подобныя выраженія могли легко повести къ реальнымъ образомъ Софіи Премудрости, Вѣры, Надежды и Любви; въ такомъ случаѣ источникомъ русскаго духовнаго стиха оказался бы какой-нибудь изъ пересказовъ C.

Къ вопросу о немъ и о соотношеніи различныхъ редакцій житія между собою мы попытаемся подойти ближе, на сколько то позволитъ собравшійся у насъ матеріалъ.

Редакціи B и A называютъ Георгія Каппадокійцемъ: Καππαδόκης τὸ γένος (по парижск. ркп. graec. 1447); genere Capadogus (Gallicanus); ex genere Cappadotie et nutritus est in Paltene patriae (S. Gallensis); Gallicanus заставляетъ святого прибавить о себѣ: fui et in provincia Palestina; отношенія къ Палестинѣ упоминаетъ и b: τῆς μὲν τῶν Καππαδοκῶν χώρας ὁρμώμενος .... Ἀπάρας δε τῆς Καππαδοκίας σύν τῇ μητρὶ πρὸς τὴν Παλαιστίνην μετοίκησεν, ἐκεῖθεν αὐτῷ τῆς μητρὸς τυγχανούσης.—

Тоже и въ С, по Хлудовскому тексту: «рода же кападокіиска.... вьздои же ме и вьспитѣ палестиньская страна». — Древнія связи каппадокійскаго христіанства съ Палестиной указываютъ, быть можетъ, на среду, въ которой создался апокрифъ св. Георгія. Родомъ изъ каппадокійскаго города Коластры или Clastrata'ы была св. Нина, просвѣтительница Грузіи: она провела свою юность въ Іерусалимѣ; грузинскія свидѣтельства зовутъ ея отца Завулона «сопричастникомъ» св. Георгія и даютъ ей въ дяди Ювеналія, іерусалимскаго патріарха[1]). Исторія не знаетъ Ювеналія, современника св. Нины, но она знаетъ патріарха Ювеналія (428 — 458), современника императрицы Эвдокіи и Эвѳимія; послѣдній былъ родомъ изъ каппадокійской Мелитены, провелъ боль-

[1]) Brosset, Histoire de la Géorgie I, 90—2; сл. Addit. et éclaircissements à l'hist. de la Géorgie: Chronique arménienne p. 20.—Разсказъ о дѣятельности Нины начинается упоминаніемъ св. Георгія: «Въ то время, когда св. Георгій Каппадокійскій пострадалъ за Христа, властитель одного каппадокійскаго города, по имени Забилонъ и. т. д.» — Проф. Цагарели сообщилъ мнѣ, что житіе св. Нины (по грузински: Нино) встрѣчается въ спискахъ X — XII вв., отдѣльно и вмѣстѣ съ другими житіями, въ краткой (древнѣйшей) и пространной редакціяхъ. На сколько можно заключить, житіе это и легло въ основу лѣтописнаго разсказа объ обращеніи въ христіанство грузинскаго царя Миріана въ началѣ IV вѣка, а оттуда проникло въ исторію Вакушта и другіе пересказы. — Въ Азіатскомъ музеѣ Имп. Акад. Наукъ находятся два списка житія св. Нины: одинъ пергаменный, никакъ не позже XIV-го вѣка (по грузинскому каталогу азіатскаго музея № 39), другой — копія со списка 1736 года (№ 40). Проф. Цагарели я обязанъ извлеченіями изъ того и другого. Вотъ начало житія по № 39: «Въ то время, когда былъ замученъ всехвальный и всеславный великомученикъ Георгій Кападуксій, въ томъ-же городѣ (въ № 40: въ городѣ Кападукѣ) жилъ человѣкъ нѣкій, соучастникъ (сообщникъ, буквально: сопричастникъ) и другъ святаго мученика Георгія». Его имя Забулонъ; у него и Сусанны, сестры патріарха Ювеналія, дочь св. Нино. — У Іосселіани (Краткая исторія грузин. церкви. Спб. 1843) св. Нина является родственницей, у Габрона Сабинина (Исторія грузин. церкви, стр. 27) двоюродной сестрой по отцу св. великомученика Георгія (?).

ную часть своей жизни въ пустынѣ на берегу Мертваго моря, оставивъ въ Палестинѣ своихъ учениковъ, св. Өеодосія Кино-віарха и св. Савву, такихъ-же, какъ и онъ, каппадокійцевъ.

Paltene patria сангалленскаго текста не стоитъ-ли вмѣсто Palaestina? Или это Militine, Melitena, Melitona, Mellina другихъ текстовъ житія, куда къ Даціану является св. Георгій, откуда онъ родомъ?[1]). Въ эѳіопскомъ текстѣ городъ названъ Mitelja. Мелитена — городъ на Евфратѣ, въ Малой Арменіи (Каппадокіи легенды), у Арабовъ Meledni и Molouteni; Malatia западныхъ писателей.

Къ указаннымъ географическимъ отношеніямъ В и А, С присоединяетъ и новое: она не только ввела въ житіе эпизодъ о родителяхъ святого, Геронтіи и Полихроніи, но и мученіе святого пріурочило спеціально къ Діосполю-Лиддѣ: «въ Діосполь-же и̑ Галилею посла повелѣнис» Дадіанъ (или Діоклетіанъ); тамъ святой пострадалъ и погребенъ: «положише и.... въ Діосполіи». То-же пріуроченіе встрѣтится намъ и въ нѣкоторыхъ греческихъ сводныхъ текстахъ житія, воспользовавшихся редакціей С. — Лидда-Діосполь находится въ получасѣ пути отъ Рамлы, въ двадцати верстахъ отъ Іерусалима по дорогѣ въ Яффу. — Развитіе мѣстнаго культа въ Діосполѣ, выразившагося построеніемъ знаменитаго храма и празднествомъ перенесенія мощей (3-го ноября) — не можетъ-ли дать намъ приблизительный terminus a quo составленія редакціи С?

Болландисты не касаются вопроса о началѣ культа св. Георгія въ Діосполѣ, вопроса, предрѣшеннаго для нихъ показаніемъ греческой Минеи: о существованіи Діоспольскаго храма при Константинѣ Великомъ[2]). Самое раннее упоминаніе Георгія въ Діос-

---

[1]) AASS. l. c. p. 102 b; 103 a (по валлицелльянскому тексту?); 105 a (изъ легенды Петра Партенопейскаго). Сл. Кирпичн. l. c. 20, 22.

[2]) Оттого они переносятъ Георгія изъ легендарной Мелитены въ Никомедію, откуда легче было доставить тѣло святого моремъ до Яффы. Vidit hoc actorum graecorum, quae in Mss. Regis Franciae ha-

полѣ встрѣтилось мнѣ пока у путешественника первой половины VI вѣка, Θеодора или Θеодосія: De Emmao usque in Diospolim millia XII, ubi sanctus Georgius martyrizatus est; ibi et corpus ejus est et multa mirabilia fiunt[1]).

Въ 570 году (по разсчету Тоблера) посѣтилъ Палестину Антонинъ изъ Пьяченцы. Говоря о базиликѣ въ честь св. Стефана, построенной императрицей Эвдокіей, онъ сообщаетъ слѣдующее: et ipse sanctus Stephanus requiescit foris portam sagitte jactu, ad viam, et illa porta ex nomine ipsius vocatur. Et est ad viam, quae respicit ad occidentem, que descendit ad Joppen et Cesaream Palaestine vel Diospolim civitatem, que antiquitus dicebatur Azotus: in qua requiescit sanctus Georgius martyr[2]).

Діосполь-Лидда, дѣйствительно, лежитъ на пути къ Яффѣ, но онъ не назывался Азотомъ: Azote (Asdoud, Echdod) находился значительно южнѣе[3]) и не памятенъ культомъ Георгія. — Положеніе церкви св. Стефана опредѣлено точно: она находилась между Дамасскими (отъ VII до XV в.: св. Стефана) и Яффскими вратами и открывалась путнику, приходившему со сторону Яффы и Діосполя[4]).

---

beri diximus, auctor recentior, aut in Actis quibusdam antiquioribus, perfectioribusque nondum ad nos perlatis (nam quae habemus, nomen loci non exprimunt) sic forte reperit. l. c. p. 108 a, 104 b. Сл. Архим. Сергій, Полный мѣсяцесловъ востока, II, ч. 2, стр. 348—9, подъ 3-мъ ноября.

[1]) T. Tobler, Palaestinae Descriptiones ex saeculo IV, V et VI (St. Gallen, 1869): Theodori liber de situ terrae sanctae, p. 40 (сл. стр. 115: половина VI вѣка; стр. 117: около 530 года). Сл. его же: Itinera et descriptiones terrae sanctae lingua latina saec. IV — XI exarata. Genevae, 1877: Theodosius de Terra sancta, p. 71.

[2]) T. Tobler, De locis sanctis quae perambulavit Antoninus martyr. A. D. 570. St. Gallen 1863, c. XXV, p. 28, и его-же Itinera l. c. p. 105. Сл. Tuch, Antoninus martyr. Leipz. 1864 и Delpit, Essai sur les anciens pélerinages à Jerusalem. Paris, 1870, p. 175 — 232.

[3]) Сл. атласъ Spruner-Menke и карту у Клермонъ-Ганнò, Horus et St. Georges, Rev. archéologique 1876, p. 202.

[4]) Сл. Путешествіе игумена Даніила, изд. Норова, стр. 18.

более, чѣмъ этому подозрительному смѣшенію Азота и Лидды, я придаю значеніе показаніямъ житія св. Ѳеодора Сикеота. Я разумѣю argumentum a silentio.

Св. Ѳеодоръ родился при Юстиніанѣ (527 — 566), въ Сикеонѣ, въ первой Галатіи; умеръ при Иракліи въ 613 году. Еще мальчикомъ онъ особенно чтилъ великомученика Георгія и, бывало, тайкомъ отъ матери пробирался изъ школы на сосѣднюю крутую гору, гдѣ уже тогда стоялъ храмъ святому. Память о немъ, разсказы о его чудодѣйственной помощи и явленіяхъ — наполняютъ всё житіе св. Ѳеодора. Св. Георгій является ему во снѣ, руководитъ его, спасаетъ отъ демонскихъ козней; его именемъ Ѳеодоръ совершаетъ чудеса, ставитъ монастырь во имя своего любимаго святого, и когда церковь оказалась слишкомъ тѣсною, строитъ возлѣ нея храмъ Михаилу Архангелу. —Авторъ житія знаетъ иконописное изображеніе Георгія: adolescentem valde formosum, splendidis vestimentis ornatum, aurea fulgentem coma, et illi similem, quem pro S. Georgio in ejus historia pictum cernimus[1]) — и боится чаръ языческаго искусства (vas cum tabernaculis veterum Graecorum videram, quae a daemonibus observabantur)[2]). — Цѣнность этихъ свѣдѣній стоитъ въ прямой зависимости отъ довѣрія, съ которымъ мы отнесемся къ списателю житія, называющему себя ученикомъ святого, Элевсіемъ, котораго св. Ѳеодоръ назвалъ иначе — Георгіемъ, тогда какъ другой братъ Элевсія принялъ имя Ѳеодора[3]). Это чередованіе именъ останавливаетъ вниманіе: какъ впослѣдствіи Ѳеодору Сикеоту праздновали въ константинопольскомъ храмѣ св. Георгія[4]), такъ въ житіи Сикеота, проникнутомъ воспоминаніями о

---

[1]) AASS. Aprilis III, подъ 22 Apr. p. 40, b.

[2]) l. c. p. 56, b, § 102.

[3]) l. c. p. 61, b, § 124.

[4]) Сл. Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ, изд. П. Савваитовымъ, стр. 137 — 8. Сл. ib. стр. 140 — 1: «О страну же того монастыря святаго Георгія: и ту лежить святый Феодоръ Секіотъ въ тѣлѣ, въ сребрянѣ гробѣ; и ту крестъ его на желѣзнѣ

каппадокійскомъ святомъ, встрѣчаются: Theodorus cognomento Latzeas, изъ Гераклеи въ Понтѣ, Theodorus, жившій in monte Draconis и др.

Св. Өеодоръ Сикеотъ дважды былъ въ Константинополѣ и совершилъ три раза путешествіе къ св. мѣстамъ Палестины. Уваженіе, которое онъ питалъ къ св. Георгію, и слава Діоспольскаго храма должны были бы привлечь къ себѣ странника. Но о Діосполѣ мы ничего не узнаёмъ; когда впослѣдствіи Өеодоръ пожелалъ имѣть отъ мощей св. Георгія, онъ получилъ отъ Эмиліана, епископа Гермій (во второй Галатіи), часть головы святого, его пальцевъ, одинъ зубъ и еще одну частицу его тѣла [1]). — Замѣтимъ, что во время своего послѣдняго путешествія къ святымъ мѣстамъ св. Өеодоръ возъимѣлъ намѣреніе тамъ остаться, но св. Георгій явился ему во снѣ, говоря: Иди скорѣе, намъ надо вернуться въ отечество (ut in patriam revertamur); тебѣ не слѣдуетъ оставаться здѣсь, покинувъ родину [2]).

Въ Константинополѣ святой истолковалъ патріарху Өомѣ (607 — 610) чудесное помаваніе и столкновеніе крестовъ, бывшее передъ тѣмъ въ Галатіи во время крестнаго хода: оно пророчило большія напасти, отпаденіе многихъ отъ христіанства, вторженіе варваровъ, пролитіе крови, опустошеніе церквей, паденіе вѣры, гибель монархіи и близкое пришествіе антихриста. Святой провелъ зиму въ Константинополѣ по просьбѣ того-же патріарха, смущеннаго другою молвою: «civitatem haud multo post absorptum iri». Части этихъ пророчествъ, напоминающихъ извѣстныя откровенія псевдо-Меѳодія, суждено было осуществиться два года спустя по смерти Өеодора: я разумѣю нашествіе Хосроя на Палестину и Галилею въ 615 г., взятіе Іерусалима, избіеніе (17000 или 90000) христіанъ и разрушеніе свя-

---

лососѣ, съ нимже ходилъ на гору ко святому Георгію молитися и т. д.

[1]) AASS. l. c. p. 53, a, § 87.

[2]) l. c. p. 46 b, § 59.

тынь, при чемъ Персы нашли дѣятельную помощь въ фанатизмѣ еврейскаго населенія. — Выше мы предположили, что подобныя событія могли дать краски для слова Аркадія Кипрскаго въ память «обновленія» храма великомученика Георгія. Разумѣется ли храмъ діоспольскій — мы не знаемъ. Для исторіи послѣдняго укажемъ еще на слѣдующія данныя.

Около 670 года [1]) французскій епископъ Аркульфъ посѣтилъ святыя мѣста Палестины; по его разсказамъ составился трактатъ Адамнана De locis sanctis [2]). Хотя Діосполисъ всего въ 20 верстахъ отъ Іерусалима [3]), Аркульфъ не говоритъ о немъ въ связи съ своими палестинскими воспоминаніями; въ Константинополѣ ему разсказали «de quodam confessore, Georgio nomine», и разсказали между прочимъ слѣдующее: «In Diospoli civitate cujusdam confessoris Georgii in quadam domo statua marmorea in columna, contra quam alligatus persecutionis tempore flagellatus est, formulaque depicta est; qui tamen post flagellationem, e vinculis absolutus, multis vixit annis». Г. Кирпичниковъ выводитъ изъ этого свидѣтельства заключеніе, что существовала особая версія житія св. Георгія, по которой онъ умиралъ естественною смертью [4]). Но такой выводъ еще не слѣдуетъ изъ словъ Аркульфа: послѣ бичеванія Георгій могъ жить долгіе годы — для новыхъ мученій; важенъ здѣсь не хронологическій гиперболизмъ, а заявленіе, что Георгій жилъ, какъ-бы въ противорѣчіи съ апокрифомъ В, гдѣ святой нѣсколько разъ умираетъ, чтобы снова воскреснуть. Редакція С (съ Діосполемъ,

---

[1]) T. Tobler, Bibliographia geographica Palaestinae p. 8 — 10.

[2]) Migne, Patrologiae latinae t. 88, p. 779 — 814. — Tobler, Itinera l. c. 143 — 202.

[3]) Такъ показано разстояніе у игумена Даніила; сл. Tobler, Descriptiones Terrae sanctae, p. 300, прим. къ путешествію Willibald'а § XXV: Діосполь «est decem milliariis ab Jerusalem»; Тоблеръ разумѣетъ подъ милями — Stunden.

[4]) Въ параллель приводится разсказъ, слышанный въ Мосулѣ Оттеромъ, путешественникомъ XVIII вѣка. Сл. стр. 15.

какъ мѣстомъ дѣйствія, и отсутствіемъ смертей) зарождалась, — но Аркульфу она могла быть неизвѣстна. — Другое заключеніе г. Кирпичникова, внушенное приведеннымъ выше показаніемъ Аркульфа, столь же невѣроятно: «не смотря на монастыри, построенные Георгію въ землѣ Франковъ, на стихи Венанція Фортуната и латинскій гимнъ, приписанный Амвросію, Аркульфъ, по видимому, въ первый разъ услыхалъ о Георгіи въ Константинополѣ, гдѣ святой пользовался уже обширною извѣстностью»[1]). Едва-ли такое заключеніе не основано лишь на одной сторонѣ Аркульфова разсказа: что о чудесахъ св. Георгія онъ слышалъ въ Константинополѣ. Что онъ зналъ о нихъ уже въ Діосполѣ — на это есть его собственное показаніе: своими руками онъ осязалъ слѣды, оставленные руками святотатца на колоннѣ, на которой находилось изображеніе святого. Важны въ свидѣтельствѣ Аркульфа названіе св. Георгія исповѣдникомъ, не великомученикомъ, и такія выраженія, какъ cujusdam confessoris[2]). Я объясняю себѣ это такимъ образомъ: Аркульфъ зналъ Георгія за мученика каппадокійскаго, какимъ представляютъ его B и A, и не спѣшилъ отождествить его съ Георгіемъ исповѣдникомъ въ Діосполѣ, о которомъ ему разсказали и тамъ и въ Константинополѣ. Діоспольская легенда только что начинала слагаться, обставляясь чудесами, мученіе святого положительнѣе пріурочивалось къ Діосполю, но выраженіе «in quadam domo» стоитъ, тѣмъ не менѣе, въ противорѣчіи съ храмомъ, о которомъ

---

[1]) l. c. стр. 16.

[2]) Замѣтимъ въ этомъ отношеніи разногласіе между текстомъ въ Патрологіи Миня и у Тоблера и приведеннымъ у Болландистовъ. Отрывку, выписанному выше, отвѣчаетъ у послѣднихъ слѣдующій: In Diospoli civitate, in quadam Martyris Georgii domo, in columna marmorea, ad quam persecutionis tempore est flagellatus, formula depicta est (AASS. April. III p. 148 b, § 56). Точно также и въ передачѣ другого чуда святого, гдѣ въ текстѣ Миня и Тоблера стоитъ confessor (Patrol. lat. t. 88, p. 811 — 13; Itinera p. 197 — 9), у Болландистовъ поставленъ Martyr (l. c. p. 144 b — 145 a, §§ 37 — 40)

свидѣтельствуютъ греческія минеи. Арсеній Сухановъ, также видѣвшій образъ св. Георгія на столбѣ, помѣщаетъ его уже въ церкви, но не въ Лиддѣ, а въ Рамлѣ: смѣшеніе, довольно обычное, объясняющееся тѣмъ, что храмъ св. Георгія находился на полупути между двумя сосѣдними мѣстностями: «тутъ четыре столба мраморныхъ, бѣлыхъ, цѣльныхъ, на нихъ верхъ церковный. На столбѣ образъ великомученика Георгія»[1]).

Въ началѣ VIII вѣка (около 728 г.) св. Виллибальдъ[2]) говоритъ о культѣ св. Георгія въ Діосполѣ: et venit in locum Diospolim ad Sanctum Georgium. — Далѣе Діосполь попадаетъ въ мартирологи IX вѣка и къ Ноткеру Balbulus († 912); въ 1009 году, по свидѣтельству Глабра Радульфа[3]), діоспольскій храмъ былъ разрушенъ Сарацинами и лишь въ концѣ вѣка возстановленъ крестоносцами; его то поминаютъ русскіе путешественники, колеблясь между Лиддой и Рамлой, либо смѣшивая одну съ другой[4]).

---

[1]) Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, ч. VIII, стр. 203.

[2]) T. Tobler, Descriptiones, p. 36.

[3]) AASS. l. c. стр. 110 § 35.

[4]) Зосима говоритъ о Лиддѣ: «ту ему (св. Георгію) главу усѣкли», но церковь св. Георгія помѣщаетъ вблизи Іерусалима. Маршрутъ, въ которомъ она упоминается, слѣдующій: отъ Сехима Арабскаго и Хеврона (сл. Норова l. с. стр. 97 прим. 1) къ Адовымъ вратамъ и палатѣ Діоклетіана, оттуда въ домъ Захарьинъ и къ горѣ, гдѣ св. Елисавета скрылась отъ Иродовыхъ слугъ; далѣе къ Виѳлеему. О діоклетіановой палатѣ сказано: «идѣже Святаго великаго мученика Георгія Діоклитіанъ мучилъ и съ горы спущалъ на острыя желѣза» (сл. такую именно подробность о мученіяхъ святого въ краткихъ греческихъ житіяхъ и прологахъ. Кирп. l. с. р. 5 и прим. 3). На томъ мѣстѣ построена церковь во имя святого, въ ней цѣпь желѣзная, «въ чемъ мучили его, велика, въ стѣну вдѣлана; сею цѣпію болящіе знаменуются и исцѣленіе пріемлютъ» (Сахаровъ l. с. р. 66 и 67). Крайняя неясность маршрута не даетъ понятія о положеніи адовыхъ вратъ; не разумѣются-ли врата св. Стефана? «И ту-же гора каменная, плоская, просѣлася въ распятіе Христово», говоритъ иг. Даніилъ по поводу церкви св. Стефана: «и то мѣсто зовется адъ; и то есть близь стѣны городныя, яко довержетъ

Мы не будемъ слѣдить за позднѣйшими упоминаніями Діосполя. Если преданіе о мученіи тамъ святого Георгія слѣдуетъ признать относительно древнимъ, то неясности въ показаніяхъ Аркульфа (или, что тоже, его редактора Адамнана) едва-ли говорятъ въ пользу уже сложившагося литературно сказанія, какимъ намъ представляется С. — Обратную повѣрку добытыхъ результатовъ можетъ представить разборъ текстовъ житія, соприкасающихся съ этой редакціей.

Греческаго текста С, который отвѣчалъ бы вполнѣ по изложенію и содержанію извѣстнымъ намъ славянскимъ, я не знаю. Встрѣтились пока лишь отрывки его, вошедшіе въ разнообразныя сочетанія съ текстомъ l. Съ содержаніемъ послѣдняго легко познакомиться въ латинскомъ переводѣ, изданномъ Липоманомъ и перепечатанномъ у Сурія; греческій подлинникъ l, на сколько я могу судить по отрывкамъ пар. ркп. graec. № 1447 (olim 2030) и поименованнымъ далѣе сводным текстамъ, представляетъ тотъже распорядокъ, разнствуя отъ латинскаго между прочимъ тѣмъ, что приводитъ in extenso эдиктъ Діоклетіана. Отличительными чертами l представляются: a) реторическое введеніе: Ἡ μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ προαιώνιος βασιλεία.... εἰς τὴν ἄμικτον καὶ σωτήριον θεοσέβειαν (Lipom.: Nostri quidem Salvatoris J. Ch. regnum.... ad veram ac salutarem religionem convertere); b) изложеніе житія начинается словами: ἐγένετο τοίνυν κατ' ἐκεῖνον τὸν καιρὸν τῆς σατανικῆς εἰδωλολατρείας κατὰ τῶν ἀνθρώπων βασιλεῦσαι Διοκλητιανὸν (Lipom.: Accedit autem, ut tempore illo, quo satanae ipsius superstitio et idolorum servitus in hominibus dominabatur, Diocletianus romanorum imperio potiretur); c) упоминаніе въ текстѣ раба Георгія, называющаго себя въ концѣ Пасикратомъ (какъ въ В).

Перейдемъ къ извѣстнымъ намъ своднымъ текстамъ l + С.

мужь каменемъ (Норовъ l. c. p. 18; сл. sagittae jactu Антонина, помѣщающаго храмъ первомученика на пути въ Діосполь). Замѣтимъ обратный путь Даніила: отъ дому Захарьина, горы, гдѣ скрылась Елисавета, другой горы, гдѣ скрывался отъ преслѣдованія Давидъ — на Рамлу и Лидду.

1. Вѣнская рукопись Theol. graec. № 123 представляетъ особый пересказъ редакціи l, съ новыми чертами изъ B (Схоластика); въ концѣ упоминаніе матери Георгія, Полихроніи, и Діосполя; эвнухъ Евтропій также извѣстенъ лишь изъ славянскихъ пересказовъ C [1]).

2. Парижская рукопись graec. № 1178 (olim 148) открываетъ житіе святого разсказомъ о Максиміанѣ, женатомъ на дочери Діоклетіана и царящемъ въ Никомедіи. Разбитый персидскимъ царемъ Нарсесомъ, онъ проситъ помощи у Діоклетіана, и тотъ является въ Никомедію, «συνεπαγόμενος καὶ τὴν ἑαυτοῦ σύζυγον — Ἀλεξανδρία τῇ γυναικὶ ὄνομα — ὡς ἂν ἀμφότεροι τὴν ἑαυτῶν θυγατέρα θεάσωνται γαμετὴν ὑπάρχουσαν Μαξιμιανοῦ. συνεῖπον τῷ δ' αὐτῷ καὶ οἱ τούτου ἀδελφιδοὶ Μαγνέντιος, Θεόγνις τε καὶ Δαδιανός, τοπάρχαι τυγχάνοντες ὁ μὲν Λιβύης, ὁ δὲ Αἰγύπτου, καὶ Συρίας ὁ Δαδιανός. — Съ ихъ помощью Максиміанъ разбиваетъ Нарсеса, послѣ чего онъ отправляется къ Діоклетіану въ Діосполь, а оттуда вмѣстѣ съ нимъ въ Никомедію [2]). Діосполь, ненужный въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа, навѣянъ, вѣроятно, текстомъ C, вліяніе котораго обнаруживается и въ концѣ житія: тѣло святого, замученнаго въ Никомедіи, перенесено въ Діосполь. — Той-же редакціи принадлежитъ и имя Θеогнида, не знакомаго другимъ, и Геронтій, упоминаемый далѣе. Родственныя отношенія Максиміана къ Дадіану — племяннику, ἀδελφιδοῦς, переносятъ насъ на точку зрѣнія Никитина житія, въ которомъ Дадіанъ является братомъ, ἀδελφός, Максиміана.

Съ Максиміаномъ Діоклетіанъ держитъ совѣтъ относительно христіанъ; въ греческомъ текстѣ l (по пар. ркп. graec. 1447) послѣ извѣстнаго намъ введенія (Ἡ μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν и т. д.) и упоминанія Діоклетіана (Ἐγένετο), послѣдній также совѣтуется съ Магненціемъ, который былъ вторымъ послѣ него въ царствѣ.

---

[1]) Вѣнскій текстъ печатается нами въ приложеніи № II.

[2]) Псевдоисторическое введеніе въ 1178 напечатано въ приложеніи № IV. Сл. введеніе въ житіе, находящееся въ пассіоналѣ Британскаго музея, Harl. 2800 I л. 56 и слѣд. (Кирп. стр. 26).

1 (по ркп. 1447 [1]).

τούτῳ συμβουλευσάμενος, τί ἂν δέοι ποιήσαντας αὐτοὺς ἐξᾶραι παντελῶς τὴν τῶν χριστιανῶν θρησκείαν, καὶ ἅπαντας πεῖσαι ἀνθρώπους ὑποκύψαι καὶ σέβεσθαι σὺν αὐτοῖς τοὺς θεοὺς αὐτῶν· ἦν γὰρ ἐκτεθηκὼς τῇ ψυχοφθόρῳ τῶν εἰδώλων πλάνῃ, μάλιστα τῷ Ἀπόλλωνι τῷ τῆς ἀπολείας ὁδηγῷ· σκεψάμενοι οὖν ἅμα γράφουσιν ἐπιστολὰς ἐκ προσώπου αὐτοῦ Διοκλητιανοῦ τοῦ βασιλέως κατὰ πᾶσαν ἐπαρχίαν καὶ χώραν τοῖς ἄρχουσι, στρατηλάταις τε καὶ πᾶσι τοῖς ἐν ὑπεροχῇ οὖσιν, ἐχούσας τὸν τύπον τοῦτον.

1178.

ἐσκόπει σὺν αὐτοῖς, ὅπως ἂν ἡ μὲν τῶν χριστιανῶν ἐκ ποδῶν γένηται λατρεία, ὑποκύψωσι δὲ πάντες σέβεσθαι καὶ τιμὰς προσφέρειν τοῖς ἀψύχοις εἰδώλοις· ἦν δὲ μάλιστα τῇ ψυχοφθόρῳ τοῦ Ἀπόλλωνος ἀπάτῃ προστεθηκώς, ὁ τῆς ἀπολείας ὄντως υἱὸς καὶ τῶν τιμωμένων ξοάνων ἀναισθητότερος· ἐπὶ κακῷ γοῦν τὴν συμφωνίαν, ὡς εἴρηται, ποιησάμενοι καὶ σκεψάμενοι ἅμα, γράφουσιν ἐκ προσώπου αὐτοῦ τοῦ τῆς ἀσεβείας πρωτοστάτου κατὰ πᾶσαν χώραν τε καὶ ἐπαρχίαν, ἄρχουσί τε καὶ σατράπαις καὶ πᾶσι τοῖς ἐν ὑπεροχῇ οὖσιν ἐπιστολὰς ὧδέπως περιεχούσας.

Слѣдуетъ въ обоихъ текстахъ эдиктъ Діоклетіана, представляющій существенно одну и ту-же редакцію.

1. τῶν δὲ τοιούτων γραμμάτων κατὰ πᾶσαν πόλιν προτιθεμένων, καὶ διωγμοῦ μεγάλου ἐπικρατοῦντος κατὰ τῆς τοῦ Χριστοῦ ποίμνης, ὡς καὶ πολλοὺς τῶν ἐπισημοτάτων μετὰ πλείστοις βασάνοις ἐνδοῦναι,

3. καὶ παντοίων βασανιστηρίων ἐπινοουμένων κατὰ τῶν εὐρι-

τῶν οὖν τοιούτων γραμμάτων κατὰ πᾶσαν χώραν τε καὶ πόλιν προτιθεμένων καὶ διωγμοῦ φρικώδους κατὰ τῆς Χριστοῦ ποίμνης σφοδρῶς ἀναρριπισθέντος, παντοίων δὲ βασανιστηρίων ὀργάνων κατὰ τῶν εὐσεβῶν ἐπινοουμένων, καὶ πολλῶν δὲ ἔχθραν καὶ μῖσος κακούργως τοὺς πισ-

---

[1]) Отличія вѣнскаго текста (см. приложеніе № II) нами не отмѣчены въ слѣдующемъ сопоставленіи.

σκομένων χριστιανῶν, πολλῶν τε ὄντων ἐχθρῶν, τῶν θηρευόντων, ὡς ἐν εὐθέτῳ αὐτοῖς καιρῷ, εἴ τινα εὗρον χριστιανὸν, τὸ τηνικαῦτα ἀπολέσωσιν,

τοὺς θηρευόντων, καὶ τοῖς παρανόμοις ἄρχουσιν εἰς θάνατον παραδιδόντων, καὶ τινῶν μὲν σιδήρῳ καὶ πυρὶ καὶ παντοίαις βασάνων ἰδέαις μέχρι τέλους νεανικῶς ἀντιτασσομένων, τινῶν δὲ περὶ τὰ μέσα που τῶν ἀγόνων πρὸς τοὺς αἰκισμοὺς ἀπαγορευόντων, καὶ τῆς ἀμώμου πίστεως ἀγεννῶς ἀπορρηγνυμένων,

ἀνέλαμψε ὡς ἐν σκοτομηνίῳ νυκτὶ ἀστὴρ διαφανὴς καὶ λαμπρός, τοῦ Χριστοῦ τίμιος μαργαρίτης, Γεώργιός τις ὀνόματι, ὁ ἐμὸς δεσπότης καὶ τοῦ Χριστοῦ γεννάιος στρατιώτης, ἀφανίσαι μὲν τὴν ἀχλὺν τῆς πολυθέου καὶ ἀθέου πλάνης τῶν ειδώλων ἐν τῷ τελείῳ καὶ οὐρανίῳ φρονήματι, φωτίσαι δὲ τὴν ἡμέραν τοῦ σωτηρίου κηρύγματος πᾶσι τοῖς ἀξίοις διὰ τῆς οἰκείας ἀθλήσεως.

τηνικαυτα, καθάπερ ἐν ζοφώδει νυκτὶ, ὁ παμφανὴς φωστὴρ ἐξέλαμψε καὶ πύρσος διαυγέστατος, ὁ τῆς μακαρίας τριάδος διαπρύσιος κήρυξ Γεώργιος καὶ τῶν Χριστοῦ παθημάτων ἀκριβέστατος μιμητής, τῆς μὲν ἀθέου τῶν εἰδώλων ἀπάτης τὴν πολυτάραχον ἐξελάσων ἀχλύν, τὴν δὲ σωτήριον πίστιν ἀνακηρύξων οὐ λόγοις μόνον, πολλῷ δὲ μᾶλλον ἱδρῶσι καὶ ἀγωνίσμασι.

4. ὑπῆρχεν δὲ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος Καππαδόκης τὸ γένος, εὐγενὴς μὲν τὸν τρόπον καὶ τῇ περιουσίᾳ λαμπρός καὶ συνέσει θείᾳ κεκοσμημένος, τριβουνᾶτα τε πλεῖστα πράξας ἐν νουμέρῳ ἐπισήμῳ τῶν Ἀνικιώρων ὀνόματι κόμης χρηματίζων διὰ τὴν πολλὴν εὐδοκίμησιν.

Τούτῳ τοίνυν τῷ θαυμασίῳ πατρὶς μὲν ἡ Καππαδοκῶν ὑπῆρχε χώρα, πατὴρ δὲ Γερόντιος ἐκεῖνος ὁ περιφανὴς καὶ περίβλεπτος, καὶ τῇ τοῦ στρατηλάτου ἀξίᾳ τετιμημένος, καὶ μήτηρ οὐκ ἀποδέουσα τοῦ συζύγου. Οὗτος περιουσίᾳ λαμπρὸς ὢν καὶ τὸν τρόπον θεοφιλής, ἐν τῷ ἐπισήμῳ

2. ἐπὶ πλεῖόν τε ἐμμαινόμενος ὁ Διοκλητιανὸς προσεκαλέσατο πρὸς ἑαυτὸν τὴν σύγκλητον πᾶσαν καὶ πάντας τοὺς ἐν ὑπεροχῇ ὄντας σὺν τοῖς στρατεύμασιν. Καὶ πάντων ἐπὶ τὸ αὐτὸ γεγονότων, συμβούλιον ἐποιεῖτο πάλιν, ὅπως ἂν τὸ καθ᾽ ὅλου ἐξολοθρεύσῃ ἐκ τῆς αὐτοῦ βασιλείας τὸ τῶν χριστιανῶν γένος. Πάντων δὲ τῶν συγκαθημένων τῷ βασιλεῖ ἐμφόβων ὄντων καὶ τὸ παριστάμενον ἑτοίμως πράττειν λεγόντων, ὁ Διοκλητιανὸς ἐδημηγόρησε λέγων· Εμοὶ δοκεῖ, προσφιλέστατοι, μηδὲν εἶναι τιμιώτερον τῆς εἰς τοὺς θεοὺς ἡμῶν εὐμενείας, ἐπειδὴ δι᾽ αὐτῶν ἡμῖν μὲν ἡ βασιλεία, ἀνθρώποις δὲ πᾶσιν ἡ σωτηρία, δεδώρηται, δίκαιον τοίνυν ἡγούμεθα τοὺς μὲν θεοὺς ταῖς συνεχέσι θυσίαις ἀμείβεσθαι, τοὺς δὲ εὑρισκομένους χριστιανοὺς καὶ τοὺς θεοὺς ἐνυβρίζοντας παν-

τῶν Ἀνικίων νουμέρῳ τριβοῦνος πολλάκις πρότερον μεγαλοπρεπῶς διαπρέψας, τοῦ τῶν σχολῶν μετὰ ταῦτα πρώτου τάγματος κόμης κατ᾽ ἐκλογὴν προεκλήθη. μεγέθει γὰρ σώματος καὶ ἡλικίας ἀκμῇ καὶ δυνάμει διέπρεπε, δύο πρὸς τοὺς εἴκοσι τυγχάνων ἐτῶν.

ἐπεὶ οὖν ὁ σκολιὸς ἐκεῖνος Διοκλητιανὸς ἔτι μᾶλλον οἰστρηλατούμενος καὶ ζέων τῷ θυμῷ κατὰ τῶν χριστιανῶν ἠρεθίζετο σφοδρότερον, ἐνσκήψαντος αὐτῷ τοῦ φθόνου, καὶ τὴν θεομάχον αὐτοῦ κατεμπιμπρῶντος ψυχήν, προσκαλεσάμενος καὶ αὖθις τήν τε σύγκλητον καὶ πάντας τοὺς ἐν ὑπεροχῇ ὄντας σὺν τοῖς στρατεύμασι, οὓς ἄν τις εὐφρονῶν μῶρον λαὸν καὶ οὐχὶ σοφὸν εἴποι, συμβούλιον ἐποιεῖτο πάλιν, ὅπως ἂν παντάπασιν τῆς ἑαυτοῦ βασιλείας τὸ τῶν χριστιανῶν ἐξολοθρεύσειε γένος. πάντων δὲ τῶν συγκαθημένων τε καὶ παρεστηκότων τῷ βασιλεῖ ἐμφόβων ὄντων, καὶ τὸ παριστάμενον αὐτῷ ἑτοίμως πράττειν ἀνομολογουμένων, αὐτὸς μέγα τε καὶ ἀλαζονικὸν ἐπαρθεὶς ἐδημηγόρησεν λέγων· Ἐμοὶ δοκεῖ, προσφιλέστατοι, μηδὲν εἶναι τιμιώτερον τῆς εἰς τοὺς ἀθανά-

τοίαις ἐπινοίαις βασάνων ὑποβάλλειν, μέχρις ἂν ἡ τούτων δυσσεβὴς θρησκεία καταλυθῇ καὶ τὸ μνημόσυνον αὐτῶν διὰ κακίστων βασάνων ἀποσβεσθῇ. Πρὸς ταῦτα δὲ συμφώνως πάντες ἀπεκρίναντο, λέγοντες· Ὑμεῖς προθύμως ἀποδεχόμεθα, μέγιστε καὶ ἀήττητε βασιλεῦ, τὴν τῆς ὑμετέρας θειότητος διὰ πάντων πρόνοιαν καὶ τιμᾶσθαι βουλόμεθα τοὺς ἀθανάτους θεοὺς, ὥσπερ καὶ τὸ ὑμέτερον κράτος. εἴ τις δὲ τοῦ λοιποῦ εὑρεθήσεται ὡς μέχρις ἐνθυμήσεως Χριστὸν ὀνομάζων, παντοίαις εἴδεσι θανάτων ὑποβληθήσεται. — Τούτον τὸν ἀσεβὴν καὶ παράνομον τρόπον βουλευσαμένης τῆς ἀσεβοῦς τῶν τυράννων συγκλήτου, καὶ διαταγμάτων προστιθεμένων,

τους θεοὺς ἡμῶν εὐσεβείας, ἐπειδὴ βασιλεία τοῖς ἀνθρώποις δἰ αὐτῶν καὶ σωτηρία δεδώρηται, δίκαιον τοίνυν ἡγοῦμαι τούτους μὲν ταῖς ὀφειλομέναις θυσίαις καταγεραίρειν, τοὺς δὲ εὑρισκομένους χριστιανοὺς δειναῖς κολάσεσιν ὑποβάλλειν, μέχρις ἂν ἀφανισμῷ τελείῳ παραδοθῇ ἡ τούτων δυσσεβεστάτη θρησκεία. — Πρὸς ταῦτα συμφώνως ἅπαντες ἀπεκρίθησαν· ἡμεῖς, ὦ μέγιστε καὶ ἀήττητε βασιλεῦ, τὴν τῆς ὑμετέρας θειότητος διὰ πάντων πρόνοιαν ἀσμένως ἀποδεχόμενοι τοὺς μεγίστους βουλόμεθα τιμᾶσθαι θεοὺς, παραπλησίως τῷ ὑμετέρῳ κράτει, εἰ δέ τις εὑρεθείη τοῦ λοιποῦ Χριστὸν ὀνομάζων, χαλεπωτάταις βασάνοις παραδιδόμενος ἀναιρείσθω. — Τούτων οὕτω θηρευομένων ὑπὸ τοῦ ἀκά(θα)ρτου ἐκείνου καὶ παρανόμου βουλευτηρίου, ὃ Καϊάφα τις συνέδριον προειπὼν ληστῶν ἄθροισμα, ἢ δαιμόνων σύλλογον, οὐχ ἁμαρτήσεται τοῦ προσήκοντος,

5. Παρῆν δὲ τὸ τηνικαῦτα ἐν τῷ στρατοπέδῳ πρὸς τὸν βασιλέα....

παρὼν τηνικαῦτα καὶ ὁ γενναῖος οὗτος στρατιώτης Γεώργιος ἐν τῷ στρατοπέδῳ παρὰ τῷ βασιλεῖ....

Номера, выставленные при отрывкахъ текста l, означаютъ ихъ послѣдовательное, если и не связное появленіе въ текстѣ; редакторъ 1178 либо имѣлъ передъ собою иначе расположенный подлинникъ l, либо разбилъ его самъ по своему плану. Оттого въ 1447 Георгій выводится на сцену лишь по вторичномъ совѣщаніи Діоклетіана, тогда какъ въ 1178 онъ упоминается тотчасъ послѣ эдикта и первыхъ преслѣдованій и затѣмъ во второй разъ, по совѣщаніи. Въ первомъ эпизодѣ редакторъ воспользовался подробностью изъ С, назвавъ отца святого Геронтіемъ; 22-лѣтній возрастъ Георгія напоминаетъ текстъ b, принадлежащій къ семейству А: ὁ εἰκοστὸς αὐτῷ χρόνος τῆς ἡλικίας τότε συνεπεραίνετο; Аникіи l остались и являются въ житіи Метафраста — съ другими чертами l или нашего своднаго текста? Я обращу вниманіе на такія выраженія какъ: ἀστέρα τινὰ τῶν διαφανῶν εἰκονίζων ἐν σκότει τῆς ἀσεβείας (1447: ἐν σκοτομηνίῳ νυκτὶ ἀστὴρ διαφανής; 1178: ἐν ζοφώδει νυκτὶ ὁ παμφανὴς φωστήρ); τούτῳ πατρίς μεν ἡ Καππαδοκῶν, πατέρες δὲ τῶν ἐπιφανῶν (1447: ὑπῆρχεν δὲ ὁ ἅγιος Γεώργιος Καππαδόκης τὸ γένος, εὐγενὴς μὲν τὸν τρόπον; 1178: πατρὶς μὲν ἡ Καππαδοκῶν ὑπῆρχε χώρα, πατὴρ δὲ.... ὁ περιφανής). — Замѣтимъ въ заключеніи, что по словамъ Болландистовъ ни въ одномъ изъ древнихъ текстовъ житія не говорится о мученіи святого въ Никомедіи; слѣдуетъ-ли заключить вмѣстѣ съ ними, что, упомянувъ её, редакторъ своднаго парижскаго текста слѣдовалъ болѣе вѣрнымъ и древнимъ свидѣтельствамъ?

3) Наибольшее количество эпизодовъ, отвѣчающихъ славянской редакціи С, представляетъ пар. ркп. graec. 1534. Текстъ начинается реторическимъ введеніемъ l: Ἡ μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν.... θεοσέβειαν; въ слѣдующихъ за тѣмъ строкахъ упоминаются императоры Галліэнъ (253 — 68), Клавдій (268 — 270) и Авреліанъ (270 — 5), при которыхъ жилъ въ Севастополѣ, въ Арменіи[1]), нѣкій синклитикъ, именемъ Геронтій, родомъ Каппадо-

[1]) Разумѣется, вѣроятно, Σεβαστόπολις въ Pontus Cappadocicus или позднѣйшей Armenia prima, на пути отъ Тавіи къ Севастіи. Къ окрест-

кіецъ, язычникъ; у него жена Полихронія, тайно исповѣдующая Христа и воспитывающая въ христовой вѣрѣ сына Георгія. Дальнѣйшее развитіе разсказа совершенно отвѣчаетъ содержанію славянскихъ текстовъ С, иногда исправляя ихъ ошибочное чтеніе[1]): тамъ и здѣсь Геронтій напрасно убѣждаетъ сына принести жертву идоламъ, тамъ и здѣсь онъ впадаетъ въ тяжкую болѣзнь и обращенъ въ христіанство, послѣ чего вскорѣ умираетъ. — Далѣе тексты расходятся: у Тихонравова синклитикъ именемъ «Сvливанъ» (Хлуд. схоластикъ.... Сил'вань) обвиняетъ Георгія передъ царемъ Дадіаномъ, который и остается до конца мучителемъ святого. Иначе въ греческой легендѣ: схоластикъ Сильванъ (Σιλυανὸς) доноситъ на Георгія дуксу Вардану (Οὐαρδανίῳ τῷ δουκὶ; арм. Вартанъ?), который велитъ привести къ себѣ святого и принимается усовѣщивать его, ссылаясь на повелѣнія императоровъ (προστάγματα.... τῶν βασιλέων; позднѣе: τὰς διατάξεις τοῦ βασιλέως). Бесѣда Георгія съ Варданомъ лишь отчасти отвѣчаетъ разговору его съ Дадіаномъ въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ русскаго апокрифа, непосредственно переходящаго къ мученію святого — отъ Дадіана. Въ греческомъ текстѣ Варданъ отпускаетъ Георгія съ совѣтомъ — остеречься и соблюсти императорскую заповѣдь. Таковы юношескіе подвиги Георгія, объясняетъ сказатель, относя его мученіе къ Діоклетіану и принимаясь пересказывать его по тексту 1: Ἐγένετο τοίνυν κατ᾽ ἐκεῖνον τὸν καιρὸν τῆς σατανικῆς εἰδωλολατρείας ἐπικρατούσης κατὰ τῶν ἀνθρώπων βασιλεῦσαι Διοκλητιανὸν и т. д. Въ концѣ житія эпизодъ о мученіи Полихроніи еще разъ сближаетъ греческую легенду съ текстомъ С, но затѣмъ снова являются черты сходства съ 1 [2]).

ности Севастополя пріурочено мученіе св. Михаила и съ нимъ 36 преподобномучениковъ, усѣченныхъ сарацинами при Константинѣ и Иринѣ (780 — 790).

[1]) Такъ въ текстѣ Тихонравова читаемъ (II стр. 101): «ѿць же ѐго геронъ оўбѣди (?) цр҃а и҃ постави кумиръ»; кумиръ, вѣроятно, искажено, изъ комитъ, комисъ, кумъсъ = comes. Сл. греч. «Ὁ δὲ πατὴρ αὐτοῦ Γ..... ἐστράτευσεν αὐτὸν κόμητα». Хлуд.: створи и҃ воѥмь коум'са.

[2]) Огрывки пар. ркп. 1534 напечатаны нами въ приложеніи № III.

Краткія сообщенія о греческихъ рукописяхъ С или его сочетаній далеко не достаточны для выясненія вопроса о происхожденіи и первичномъ составѣ этой редакціи; съ другой стороны, работа г. Кирпичникова, сообщая рядъ рукописныхъ указаній на славянскіе тексты С, болѣе возбуждаетъ вопросъ, чѣмъ разрѣшаетъ его. Положеніе дѣла представляется слѣдующимъ: въ цѣломъ рядѣ славянскихъ текстовъ[1]) мучителемъ святого является Діоклетіанъ; такъ уже въ древнѣйшей версіи этой редакціи, хлудовской № 195[2]), гдѣ царь Діоклетіанъ, «родомъ отъ Персиды», названъ: «мѣстный князь Тавроликіи и Персарменіи и еще-же и Палестинсьцѣй странѣ». Титулъ мѣстнаго князя, топарха, при Діоклетіанѣ не можетъ не возбудить сомнѣнія, и представляется болѣе вѣроятнымъ показаніе тѣхъ списковъ С, гдѣ въ той-же роли и съ тѣмъ-же обозначеніемъ является Дадіанъ. Такъ напр. въ спискѣ, напечатанномъ Тихонравовымъ[3]), сознательно проводящемъ по всему разсказу имя Дадіана и съ тѣмъ-же опредѣленіемъ — топарха. Было-ли такъ въ его подлинникѣ? Въ этомъ позволяетъ усумниться слѣдующее обстоятельство: Дадіанъ названъ въ началѣ «мѣстнымъ княземъ», впослѣдствіи «царемъ»; но какъ объяснить, что-онъ же ссылается на царево повелѣніе: «Сѣдъ-же царь заповѣда о немъ, глаголя: Георгій, учитель галилейскій, противится повелѣнію цареву» (Тихонрав. l. c. II, 110). Едва-ли умѣстнѣе тѣ-же слова въ устахъ Діоклетіана въ хлудовскомъ апокрифѣ. Ссылка на повелѣніе царево напоминаетъ греч.

---

[1]) Кирп. l. c. стр. 34 — 5 и прим. 1 на стр. 35: погод. ркп. 808; Рум. Муз. Пск. № 560; Унд. №№ 622 и 1109; Публ. Библ. изъ вновь описанныхъ № 86 и др.

[2]) Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ исправить указаніе г. Кирпичникова стр. 34, прим. 2. Спискомъ хлудовскаго житія (приложеніе № I) я обязанъ А. Н. Попову, которому приношу здѣсь мою глубокую благодарность.

[3]) Г. Кирпичниковъ указываетъ еще стр. 34 прим. 2 на ркп. Унд. 1296, Синод. 553 и др. Ссылка на хлудовскій текстъ должна быть устранена (см. предъидущее примѣчаніе).

1534, гдѣ Варданъ такимъ именно образомъ указываетъ на διατάξεις τοῦ βασιλέως. Можетъ быть, въ подлинникѣ Тихонр. Дадіанъ являлся мѣстнымъ княземъ, рядомъ къ какимъ-то царемъ? Не Діоклетіаномъ-ли? Такъ именно въ ркп. Имп. Публ. библ. XVII вѣка № 243: царь родомъ отъ Персиды именемъ Дадіанъ шлетъ въ Галилею повелѣніе «всѣмъ жрети идоломъ мерзкимъ»; впослѣдствіи-же Георгій обвиненъ идольскимъ жрецомъ Силиваніемъ — передъ царемъ Діоклетіаномъ. — Такъ было и въ одномъ изъ источниковъ Рейнбота, на сколько позволено судить по случайнымъ противорѣчіямъ между основнымъ планомъ поэмы и ея исполненіемъ. Отецъ Георгія — палестинскій маркграфъ; царствуютъ императоры Діоклетіанъ и Максиміанъ (v. 411—412), первый на востокѣ, другой на западѣ; имъ доносятъ на Георгія; Діоклетіанъ посылаетъ въ Каппадокію Дацiана, говоря ему (v. 497 слѣд.):

Wir woln uch machen undertan
Alle riche und die lant
Die da steen in unser hant,
Der solt ir pflegen sieben jar,
Unde gelobin uch das vorwar,
Das ir der hoeste noch uns sit.

Дацiанъ, называемый то könig, то keiser, является мучителемъ святого, но казнь его откладываетъ (v. 4838 слѣд.):

Bis Dioclecianus
Und sin geselle komme, Maximian,
Ich bin ir beider undertan,

(сл. v. 5038: myne meister). Такъ было, вѣроятно, въ источникѣ Рейнбота, котораго, однако, онъ не придержался до конца, потому что ни Діоклетіанъ, ни Максиміанъ не являются болѣе въ поэмѣ, и слѣдующія мученія и смерть св. Георгій претерпѣваетъ отъ Дацiана.

Такого рода постановка вопроса можетъ видоизмѣнить взглядъ, предложенный г. Кирпичниковымъ, на взаимныя отношенія

трехъ редакцій житія. Изслѣдователь [1]) склоняется вмѣстѣ съ Гутшмидтомъ и Царнке въ пользу первичности В (Дадіанъ); редакція А (b и l: Діоклетіанъ) представляется ему каноническимъ смягченіемъ В; С — независимая отъ А и болѣе рѣшительная попытка удалить изъ В всё, что не внушало довѣрія читателямъ и вызывало запрещеніе номоканона. Состоятельность этой генеалогіи редакцій можетъ быть упрочена или отмѣнена, когда тексты Георгіева житія будутъ изучены и сличены въ большей полнотѣ и въ большемъ количествѣ списковъ, чѣмъ это сдѣлано было донынѣ. Но уже и тѣ данныя, какія собрались у насъ, возбуждаютъ рядъ сомнѣній: греческіе списки даютъ намъ С лишь въ смѣшеніи, и именно съ l; съ другой стороны, извѣстные намъ русскіе тексты также не производятъ впечатлѣнія цѣльности. Критикѣ предстоитъ отвѣтить на вопросъ: имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ позднѣйшей контаминаціей двухъ самостоятельныхъ редакцій, или самое происхожденіе С стоитъ въ извѣстной зависимости отъ А, С по существу — сводный текстъ, А + В, самостоятельно развившій эпизодъ о Геронтіи и Полихроніи (съ колеблющейся локализаціей: то въ Діосполѣ съ Дадіаномъ, то въ Севастополѣ съ Вардиномъ) и пріурочившій мученіе къ Діосполю. Замѣтимъ, что В, въ древнихъ латинскихъ пересказахъ, не знаетъ родителей Георгія, которыхъ поминаетъ древнѣйшій свидѣтель существованія А, Андрей Критскій; отца святого знаетъ и житіе (или семья житій) той-же редакціи, b. — Теоретически мыслимо и такое построеніе: В — древнѣйшее мѣстное житіе съ Дадіаномъ; X: попытка ввести его въ связь съ Діоклетіановымъ гоненіемъ (Діоклетіанъ и Дадіанъ); А и С — различныя развитія этого первичнаго свода.

Древность С засвидѣтельствована немногими фактами: существованіемъ указаннаго нами церковно-славянскаго текста въ хлудовскомъ торжественникѣ XIV вѣка, обличающемъ, не смотря на сербское правописаніе, болгарскій изводъ; источникомъ Рейнбота и, быть можетъ, словомъ патріарха Григорія Кипрскаго (1283

---

[1]) l. c. стр. 37 — 9.

— 1290), если принять, какъ вѣроятное, что выраженіе γέρας, при отцѣ Георгія, слѣдуетъ возвести къ памяти о Геронтіи С[1]). Подробности, сообщаемыя Словомъ, указываютъ, кромѣ того, на легендарную основу, продолжающую отзываться въ преданіи русскаго духовнаго стиха: отецъ Георгія представляется мученикомъ (какъ и въ текстѣ b редакціи А: ἐν τοῖς τῆς εὐσεβείας ἀγῶσι τοῦ πατρὸς τελευτήσαντος), мать — безкровной подвижницей. Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ Слова: πατὴρ μὲν γέρας τῆς κατὰ θεὸν πολιτείας, εὑράμενος τὸ τὸν βίον σφραγίσαι τέλει μαρτυρικῷ. μήτηρ δὲ τῶν ἴσων τῷ ἀνδρὶ στεφάνων ἐπιτυχοῦσα, εἰ καὶ ἀναίμακτος ἦν στεφανίτις, τὴν αὐτὴν μὲν προθυμίαν τῷ ἀνδρὶ ἔχουσα, ἀποτυχοῦσα δὲ ὅμως τῆς ἀθλήσεως, τῆς τοῦ θήλεως ἀσθενείας φεισαμένων τῶν διωκτῶν.

Какъ далеко въ древность восходитъ появленіе редакціи С — рѣшить трудно. Память мученика Геронтія съ опредѣленіемъ «отца св. Георгія», находится уже въ мѣсяцесловѣ при греческомъ синайскомъ евангеліи IX вѣка[2]). Въ началѣ девятаго вѣка (806 — 815) константинопольскому патріарху Никифору Омологету извѣстны были два апокрифическихъ мученія св. Георгія. Не разумѣлась-ли подъ однимъ изъ нихъ редакція С? Мы ограничимся указаніемъ на канонъ[3]): τὴν Ἀποκάλυψιν Ἔσδρα καὶ Ζωσιμᾶ, καὶ τὰ δύο μαρτύρια τοῦ ἁγίου Γεωργίου, καὶ τῶν ἁγίων μαρτύρων Κηρύκου καὶ Ἰουλίττης, καὶ τὴν βίβλον Μάρκου καὶ Διαδόχου οὐ χρὴ δέχεσθαι. ἀπόβλητα γάρ, καὶ οὐ δεκτά. — Слѣдуетъ, замѣтить, разночтеніе, приведенное у Питра̀: τὰ τοῦ ἁγίου Θεοδώρου δύο μαρτύρια; сопоставленіе мученія Георгія съ апокрифомъ

---

[1]) Я имѣю въ виду аллегорическое толкованіе именъ, не рѣдкое въ житіяхъ святыхъ. Сл. такую игру словами по поводу имени Діоклетіана (въ хлуд. текстѣ): цароу неправ'ды, противоу имени твоюмоу (Διοκλητιανός) подгнѣщаюмь ѿцемь твоимь дияволомь.

[2]) Въ Агіологіи архим. Сергія: Син. I. Сл. l. с. II ч. 1-я подъ 1 (р. 83), 12, 13 и 14 апрѣля.

[3]) Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ, Σύνταγμα IV, 431; Pitra, Spicilegium Solesmense, IV: Nicephori Constitutiones ecclesiasticae § 46.

о Кирикѣ и Юлиттѣ, встрѣчающееся уже въ индексѣ Геласія, указываетъ, быть можетъ, на то, что Георгій принадлежитъ подлиннику.

Если г. Кирпичниковъ[1]) возлагаетъ большія надежды, для разрѣшенія запутаннаго вопроса о житіяхъ Георгія, на изданіе его восточныхъ текстовъ, то наши ожиданія не выходятъ пока изъ круга латинскаго и греко-славянскаго преданія. Извѣстно, какъ старательно изучаются памятники средневѣковыхъ литературъ запада: изслѣдователь не минуетъ ни одной рукописи, не отмѣтивъ ея мелкихъ отличій и не указавъ ея мѣста въ родословной. Почему-бы не достаться такой филологической работѣ и на долю житія, интереснаго для насъ не только какъ памятникъ церковно-историческій, но и какъ народно-литературный?

III.

О древнихъ, до-христіанскихъ источникахъ апокрифической легенды о св. Георгіи высказано было нѣсколько гипотезъ, рѣшавшихъ вопросъ въ разныя стороны, потому что окончательный синтезъ еще невозможенъ — за недостаткомъ матеріала для обобщенія. Настоящая глава назначена отчасти восполнить его — собраніемъ нѣкоторыхъ данныхъ о кавказскомъ культѣ св. Георгія. Точкой отправленія будетъ географія древнѣйшаго житія: Каппадокія и сосѣднія съ нею мѣстности.

Храмы св. Георгію возвышались уже при Константинѣ Великомъ и его ближайшихъ наслѣдникахъ: такова круглая церковь св. Георгія въ Солуни (Texier), храмы, недавно открытые въ южной Сиріи[2]). Въ VI—VII вв., когда слава святого начинаетъ особенно сильно распространиться на западѣ, подъ вліяніемъ Ви-

---

[1]) Стр. 39.

[2]) Кирпичниковъ, 64—66; нѣкоторыя другія надписи, касающіяся древняго культа св. Георгія въ Сиріи, указаны были мнѣ проф. Помяловскимъ въ собраніи Le Bas и Waddington'a III № 2498 (515 p. Chr.), 2261, 2412, 2158, 1981.

зантіи[1]) и папъ греческаго происхожденія, и являются свидѣтельства о діоспольскомъ культѣ, юный св. Ѳеодоръ Сикеотъ уже посѣщаетъ церковь св. Георгія на горѣ у Сикеона (въ первой Галатіи), а Юстиніанъ ставитъ храмъ великомученику въ Бизанахъ, въ малой Арменіи[2]), или Каппадокіи, гдѣ до сихъ поръ въ Потаміи, близь Кара-Гиссара, существуетъ преданіе, что это — родина св. Георгія, и сохранилась древняя церковь его имени съ годовымъ праздникомъ святому, 3-го ноября[3]). Къ Каппадокіи пріурочивается легендой и извѣстное чудо Георгія съ змѣемъ, о которомъ мнѣ придется говорить впослѣдствіи, и чудо съ крестьяниномъ Теопистомъ и его воломъ, которое г. Кирпичниковъ нашелъ въ отраженіяхъ мингрельской легенды и надписи одной грузинской церкви[4]) — тогда какъ Аркульфу его разсказывали, съ измѣненіями, о Георгіи въ Діосполѣ[5]). — Другое, болѣе извѣстное чудо святого съ мальчикомъ, спасеннымъ отъ болгарскаго плѣна, относится къ событіямъ 918 года и привязано къ Пафлагоніи (по другой редакціи, къ Лесбосу), о жителяхъ которой говорится, что они издревле μεγίστην πίστιν καὶ πόθον διάπυρον εἰς τὸν πανένδοξον καὶ μεγαλομάρτυρα Γεώργιον κέκτηνται[6]). Въ Пафлагоніи находились ему храмы: одинъ «quam incolae Pharenum nominant[7]), другой по сосѣдству съ Амастридой въ мѣстечкѣ, именуемомъ Потаму или Икіаконъ[8]). Извѣстна гора св. Георгія близь Амастриды[9]) и названіе brachium S. Georgii, обо-

---

[1]) Кирп. стр. 63.

[2]) Procopii, ed. Dindorf II 254.

[3]) Васильевскій, Русско-византійскіе отрывки, VIII: Житіе Георгія Амастридскаго, Журн. Мин. Нар. Просв. за Мартъ 1878 г. стр. 163 — 4, прим. 1; Ρίζου, Καππαδοκικὰ (1856), p. 83.

[4]) Кирп. стр. 78 — 84.

[5]) AASS. April. III p. 144 — 5, § 36 — 40.

[6]) l. c. Прибавленія стр. XXIX, a.

[7]) l. c. стр. 144 a, § 36.

[8]) Васильевскій l. c.

[9]) Васильевскій, Русско-византійскіе отрывки: VIII: Житіе Георгія Амастридскаго, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, Февраль стр. 283.

значавшее въ средніе вѣка Босфоръ и Геллеспонтъ и Пропонтиду [1]).

Для праисторіи Георгіевской легенды всѣ эти указанія могутъ служить лишь побочнымъ свидѣтельствомъ, не рѣшающимъ вопроса о происхожденіи: чудеса могли плодиться и пересказываться вслѣдъ за утвержденіемъ культа какого-нибудь святого, и на нихъ нельзя построить предположенія о его туземности. Интересно во всякомъ случаѣ это накопленіе чудесъ и памятей св. Георгія въ мѣстностяхъ, близко отвѣчающихъ кругозору древнѣйшаго житія: Малой Арменіи и Каппадокіи, сосѣднихъ Галатіи и Пафлагоніи, освященныхъ памятью еще другихъ святыхъ змѣеборцевъ. Въ Эвхаитѣ, на разстояніи одного дня пути отъ Амазеи (въ древней Галатіи, позднѣйшемъ Hellenopontus), погребенъ былъ св. Өеодоръ Тиронъ и соименный ему мученикъ св. Өеодоръ Стратилатъ, пострадавшій въ Гераклеѣ (въ Пафлагоніи). Къ Эвхаитѣ пріурочено извѣстное чудо св. Өеодора съ змѣемъ. Свв. Өеодоръ Тиронъ и Өеодоръ Стратилатъ такіе же змѣеборцы, какъ св. Георгій, и подобно ему принадлежатъ къ народнымъ святымъ восточнаго христіанства: Дигенису-Акриту, эпическому герою Каппадокіи и также змѣеборцу, его тесть даритъ, въ числѣ другихъ свадебныхъ подарковъ,

δύο εἰκόνας χυμευτὰς ἁγίων Θεοδώρων,
εἶχον λιθάρι ἀτίμητα, λυχνίας, ὑακίνθους [2]).

Подвигъ св. Өеодора лишь внѣшнимъ образомъ связанъ съ его житіемъ, которое имъ и начинается; но и чудо св. Георгія съ змѣемъ стоитъ внѣ связи съ его мученіемъ: русскіе тексты пріурочиваютъ его то раньше смерти Георгія (въ Лаосіи), то послѣ его кончины (въ Гевалѣ, въ странѣ Палестинской) [3]). Это можетъ дать поводъ заключить о непервобытности Георгіева чуда;

---

[1]) **Ducange**, Constantinopolis christiana 1680, l. 4, c. 6.

[2]) **Sathas et Legrand**, Les exploits de Digenis Acrita, p. 116, vv. 1402 — 3.

[3]) Кирп. стр. 50 — 60, 107 слѣд.

но я не повторилъ за г. Кирпичниковымъ слова, высказанныя имъ при другомъ случаѣ[1]): что чудо съ змѣемъ, пріуроченное къ Ѳеодору Тирону или Ѳеодору Стратилату, подчинилось вліянію популярнаго чуда о Георгіи. Болландисты[2]) выразили совершенно противоположное убѣжденіе.

Указанному выше древнему распространенію культа св. Георгія отвѣчаетъ народное поклоненіе ему и понынѣ живущее въ сосѣдней мѣстности: у Лазовъ, Мингрельцевъ, Гурійцевъ, Грузинъ, Ингилойцевъ, Кахетовъ, Имеретинъ, Сванетовъ, Хевсуровъ, Абхазовъ и Осетинъ. Лазы, родственные Мингрельцамъ, Грузинамъ и Сванетамъ (?) — древніе Колхи, уже при Геродотѣ и Страбонѣ распространявшіеся до р. Галиса (Кизиль-Эрмакъ), съ городомъ Трапезунтомъ, который Ксенофонтъ считаетъ колхійскимъ, а Гаджи-Кальфа населяетъ Лазами, называя лазскимъ именемъ: Дчаникъ или Дчанетъ горный хребетъ, идущій отъ Трапезунта къ Амазеѣ. Какъ въ древности Колхида-Лазика пріютила миѳъ о Язонѣ и драконѣ, стерегущемъ золото, и колхійскимъ-же является драконъ, побѣжденный Діомедомъ въ Дауніи, — такъ въ наше время Лазское населеніе чтитъ своимъ народнымъ святымъ Георгія-змѣеборца. Церкви и развалины церквей, образа и обряды, нерѣдко полуязыческаго характера, мѣстныя преданія и надгробные памятники, распространенность имени среди грузинскаго населенія, имя мученика, знаменательно выставленное въ началѣ старыхъ грузинскихъ актовъ[3]) — все говоритъ о

---

[1]) Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Октябрь, стр. 144.

[2]) AASS. l. c. p. 107, § 23.

[3]) Актъ Гуріели Кайхосро I: «Ты, славный и побѣдоносный воинъ, совершившій многія чудеса, познавшій одно изъ трехъ лицъ Божества, Христа Господа Бога нашего, посрамившій невѣрныхъ и принявшій мученичество за Христа, даровавшаго тебѣ 365 чудесныхъ дѣяній, славный на моряхъ и на сушѣ мучениковъ глава, св. Георгій Аучскій, молю тебя» и т. д. Сл. Д. Бакрадзе, Археологич. путешествіе по Гуріи и Адчарѣ 1878 г. стр. 193; сл. стр. 237, 238, 251.

живучести культа, удержавшагося нерѣдко въ двоевѣрной средѣ, въ которой язычество и мусульманство заслонили собой христіанскую основу.

По словамъ царевича Вакушта[1]) не было въ Грузіи почти ни одного холма или горы, на которой не стоялъ-бы храмъ, посвященный мученику; онъ самъ указываетъ на чудотворную церковь св. Георгія въ Телетебѣ къ востоку отъ Coumis, по направленію къ Mtcwar. — Сванетскія церкви[2]) полны изображеній св. Георгія: въ церкви св. Варвары, въ селеніи Муркмели (общ. Ушкули), есть икона св. Георгія на конѣ, поражающаго поверженнаго вѣнценосца; въ Кальскомъ обществѣ, въ знаменитѣйшей въ цѣлой Сванетіи церкви бывшаго монастыря Кирика и Улиты — икона Георгія Гискаго, съ мечемъ въ одной рукѣ, съ щитомъ въ другой; въ томъ-же обществѣ, въ с. Халде, на южной стѣнѣ церкви Спаса, представлены ряды святыхъ: нѣкоторые на коняхъ, съ вѣнцами святости, другіе съ ружьями; на мущинахъ и женщинахъ черныя покрывала и вѣнцы; идетъ битва. Грузинская надпись гласитъ, между прочимъ, что св. Георгій здѣсь посѣтилъ Теопаста. Того-же Кальскаго общества въ церкви Архангеловъ, въ селеніи Испрари, Бакрадзе списалъ надписи съ двухъ образовъ съ изображеніями св. Георгія, съ мечемъ и щитомъ: по надписи — св. Георгій Илорскій. — Въ Ипарскомъ обществѣ, въ селеніи Накипари (по Бартоломею) или Богреши (по Бакрадзе), церковь св. Георгія украшена снаружи грубыми барельефами бараньихъ головъ и другихъ животныхъ съ рогами (по Бартоломею: львиныхъ и оленьихъ): въ ней большая икона Георгія Ифарскаго, на конѣ, поражающаго цесаря

---

[1]) Description de la Géorgie par le Tsarevitsch Wakhoucht, p. 53, 177.

[2]) Филимоновъ, Сванетія въ археологическомъ отношеніи, Вѣстникъ Общ. древн. русск. искус. 1876, №№ 11, 12: Изслѣдованія стр. 85, 87, 88, 90, 93. Къ литературѣ предмета, приведенной г. Филимоновымъ, слѣдуетъ присоединить еще: Стоянова, Путешествіе по Сванетіи, въ Зап. Кавказскаго Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. X вып. 2-й (1876 г.).

Діоклетьяна, который изображенъ въ коронѣ Арзакидовъ. — Въ церкви св. Георгія въ с. Загари, въ Црюмійскомъ обществѣ, мѣстная икона изображаетъ св. Георгія Кашуэтскаго, также поражающаго человѣка въ зубчатомъ вѣнцѣ съ длинными привѣсками, какъ на византійскихъ монетахъ XII вѣка. — Другія изображенія представляютъ иконы св. Георгія въ Спасской церкви с. Жамши (Мулахскаго общ.), Георгія Сетійскаго (въ Сетійской церкви св. Георгія, Местійскаго общ.), Илорскаго (въ с. Угвали, общ. Ецери, въ церкви св. Георгія); въ обществѣ Чуби-Хеви, въ селеніи Супи, въ церкви св. Георгія, великомученикъ изображенъ на иконѣ стоящимъ, съ сердцеобразнымъ щитомъ въ лѣвой рукѣ, правая поднята, какъ бы держала копье; снаружи церковь украшена баснословными сюжетами, представляющими, между двумя рядами коней, обращенныхъ одинъ къ другому, человѣка со щитомъ въ рукѣ.

Нѣсколько новыхъ данныхъ для иконографіи и легенды св. Георгія въ сванетскихъ церквахъ сообщилъ недавно Стояновъ. На фрескахъ Курашской церкви (Ецерской общины) изображено чудо св. Георгія: святой поражаетъ копьемъ дракона; какая-то женская фигура съ короной на головѣ, со щитомъ, держитъ дракона на цѣпи. Въ углу церкви стоитъ много деревянныхъ палицъ, трехгранныхъ, съ деревяннымъ-же остріемъ на концѣ въ видѣ копья. Это — орудія св. Георгія; ихъ приготовляютъ каждую недѣлю; ими стрѣляетъ Богъ (такъ называютъ Сванеты св. Георгія) въ стѣны и въ куполъ церкви, когда предвѣщаетъ чью-либо смерть. Всѣ стѣны, куполъ и иконостасъ, дѣйствительно, испещрены ударами. — Такія-же стрѣлы святого показываютъ и въ его церкви въ селеніи Супи, упомянутой выше, и о нихъ ходитъ такая-же легенда. — Въ Адишской общинѣ, въ церкви св. Георгія, фрескъ на сѣверной сторонѣ: св. Георгій сражается съ чудовищнымъ змѣемъ, около него стоитъ царевна съ жезломъ; изъ башни выглядываетъ нѣсколько головъ. — Въ монастырѣ во имя Спаса въ Лагами (Местійская общ.) на западной сторонѣ въ первой аркѣ вверху — изображеніе св. Георгія, поражающаго копь-

емъ человѣка, одѣтаго въ панцырь, внизу — св. Елисавета, вѣроятно, византійская святая, сопоставленная съ св. Георгіемъ, какъ на иконѣ въ лафехальской церкви во имя Архангеловъ (общ. Цхомари) изображены: Б. Матерь, св. Марина, св. Георгій, поражающій поверженнаго нагого человѣка, и св. Іоаннъ. — Къ церкви св. Георгія въ Бечойскомъ ущельѣ (Ленджерская общ.) пріурочено такое сказаніе: когда Осетины съ сѣвернаго склона напали на Сванетію и стали грабить и избивать жителей, одна сванетка убѣжала отъ нихъ въ церковь Георгія, и обернувъ метлу, ударила по его иконѣ, со словами: Э! недобрый св. Георгій, твоихъ людей усурманъ какъ избиваетъ! Помоги немного! — Какъ только сказала она это, святой выскочилъ изъ церкви, верхомъ на конѣ, пробилъ въ крышѣ отверстіе и перебилъ всѣхъ Осетинъ. Конь святого умиралъ отъ жажды и сталъ просить воды; тогда св. Георгій ударилъ копьемъ по камню, и изъ него брызнулъ источникъ, который показываютъ до сихъ поръ [1]).

Изъ Гурійскихъ церквей, недавно описанныхъ Бакрадзе [2]), нѣкоторыя обращаютъ вниманіе изображеніями св. Георгія: на храмовомъ образѣ Адчской церкви онъ поражаетъ дракона; на кивотѣ образа св. Георгія въ Дзимити надпись взываетъ къ нему какъ къ «освободителю хорасанскихъ плѣнныхъ»; на Джуматской иконѣ великомученикъ представленъ во весь ростъ, волоса на головѣ курчавые, одѣтъ въ кольчугу, въ лѣвой рукѣ щитъ, въ правой пика, позади виситъ длинный мечъ; въ Баилетской церкви образъ свв. Ѳеодора и Георгія во весь ростъ въ воинскихъ костюмахъ съ пикою въ рукахъ и шлемомъ.

Народное чествованіе св. Георгія у кавказскихъ племенъ выразилось наиболѣе ярко — въ легендахъ и обрядахъ, заслужи-

---

[1]) Стояновъ l. c. стр. 321, 440, 426, 393, 381 — 2 (сл. 470 — 2). Сл. также стр. 394, 430. — Бакрадзе, Сванетія, Зап. Кавказск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. VI (1861) стр. 71.

[2]) Д. Бакрадзе, Археолог. Путешествіе по Гуріи и Адчарѣ (1878). Сл. стр. 105, 126, 127, 128, 201, 211, 217, 226, 227, 230 — 1, 234, 243, 247, 252, 260, 272, 273, 279.

вающихъ внимательнаго изученія. Осетины чествуютъ св. Уастырджи — Георгія, какъ божество скота, хлѣба и вообще всякаго богатства; онъ считается божествомъ исключительно мущинъ («Лагты — Дзуара» — «святой всѣхъ мущинъ» называютъ его Осетинки), вступаетъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ побратимство и доставляетъ умершему побратиму лошадь, ружье, шашку и пистолетъ; онъ — покровитель дорогъ и путешественниковъ, спасаетъ охотниковъ отъ козней лѣсного духа, и сопутствуетъ каждому что нибудь предпринимающему[1]). Въ образѣ всадника на бѣломъ конѣ онъ является тремъ братьямъ-бѣднякамъ и въ награду за ихъ гостепріимство исполняетъ ихъ желанія: у одного явился токъ полный скирдами разнаго хлѣба, у другого стадо барановъ; третьему онъ даетъ хорошую, умную жену. Много лѣтъ спустя св. Уастырджи идетъ навѣстить братьевъ и въ наказаніе за скаредность двухъ старшихъ превращаетъ полный токъ въ груду камней, стадо барановъ въ муравьиныя кучи, а у гостепріимной хозяйки третьяго оживляетъ умершаго ребенка: уже ангелы смерти увлекали его, но св. Уастырджи помолился Богу, и Господь сдѣлалъ такой знойный день, что ангелы смерти пришли въ изнеможеніе. Погнавшись за ними, святой предлагаетъ имъ — отдать ему того бѣлаго барашка (душу умершаго ребенка), котораго они гнали передъ собою, — «а я обѣщаюсь въ знойный день укрыть васъ подъ тѣнью деревъ и утолить вашу жажду холодными струями ручья». Густой лѣсъ и источникъ явились по молитвѣ святого[2]). — Въ Дигоріи, близь перевала Дамахъ-

[1]) Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ III: Джантемиръ Шанаевъ, Осетинскія народ. сказанія, стр. 39; Дубровинъ, Истор. войны и владычества русскихъ на Кавказѣ т. I, кн. I, стр. 291, 293, 346 — 8. Представленія о загробномъ странствованіи (сл. стр. 346 — 8) входятъ въ обширную литературу видѣній, о которой см. мою замѣтку: Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши (въ Прилож. къ XXIV т. Зап. Им. Ак. Наукъ, № 2).

[2]) Сборн. свѣд. о Кавказск. горцахъ VII: Гуцыръ Шанаевъ, Сказаніе о св. Уастырджи стр. 22 — 31. Сл. Труды Этногр. Стат. Эксп. въ

авцаегъ, есть одна высокая скала, называемая Ахсадръ зоаръ (дзуаръ?). Тамъ, по преданію, жилъ св. Георгій. Около этой скалы находилось соленое озеро, которое было охраняемо св. Георгіемъ. Въ 40 верстахъ отъ скалы, въ Стуръ—Дигоріи, на горѣ Вайныхта, св. Георгій построилъ часовню, куда онъ ходилъ молиться Богу. Недалеко отъ Ахсадръ-зоаръ—другая отвѣсная скала, называемая Дигорезетъ; тамъ, по преданію, жилъ св. Николай. Когда св. Георгій уходилъ въ свою часовню молиться Богу, то всегда поручалъ св. Николаю стеречь озеро. Разъ онъ возвращается домой и не видитъ озера; онъ спрашиваетъ св. Николая: гдѣ-же озеро, куда оно ушло? Не знаю, отвѣчалъ св. Николай, ничего не видѣлъ, видѣлъ только, что пробѣжала какая-то бѣлая собака. — Эхъ, возразилъ св. Георгій, эта собака и было озеро. — Въ гнѣвѣ онъ ударилъ своимъ мечемъ по скалѣ такъ сильно, что она треснула, пырнулъ въ нее копьемъ, отчего образовалась пещера. Жители до сихъ поръ указываютъ эту трещину и пещеру въ скалѣ [1]).

Св. Николай и Георгій, Илья (Тубау-вацилла) и Ѳеодоръ Тиронъ (св. Туторъ, которому празднуютъ въ пятницу первой недѣли Великаго поста: Тутуроба), св. Марія и арх. Михаилъ — принадлежатъ къ наиболѣе чествуемымъ святымъ Осетіи [2]), но къ Георгію простой народъ питаетъ не только уваженіе, а и благоговѣйное обожаніе. По вѣрованію туземца, если человѣкъ за-

---

западн. русск. край, Юго-зап. Отд. Матерьялы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, II, Малорусскія сказки № 94. Обращеніе стадъ въ груды камней слѣдуетъ сблизить съ такой же подробностью «Повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ, какъ игры творили», также привязанной къ имени св. Георгія. См. Буслаевъ, О народной поэзіи въ древ. русск. литературѣ, Приложенія, № 1 (изъ Цвѣтника 1665 г.). Сл. также замѣтку Кирпичникова въ Archiv f. Slavische Philologie III, p. 715 — 717.

[1]) Сборникъ l. c. V, Пфафъ, Матеріалы для исторіи Осетинъ стр. 91—2. Къ осетинскимъ сказаніямъ о св. Георгіи прибавимъ еще сказку: Двѣ жены Уастырджи, Сборникъ III, Джантемиръ Шанаевъ, Осетинскія народныя сказанія р. 19 — 23 (Уастырджи воскрешаетъ мертвыхъ).

[2]) Дубровинъ, l. c. I, I, стр. 293, 301 — 4.

бываетъ Бога и впадаетъ въ грѣхи, то великомученикъ принимаетъ строгія мѣры къ его исправленію, избирая орудіемъ для того кадаги (вѣщуна). Кадаги, по преимуществу, больной, получившій невидимымъ путемъ призваніе свыше, проповѣдуетъ, среди судорожныхъ движеній и кривляній, всеобщее покаяніе, паломничество и кровавыя жертвы — подъ страхомъ наказанія отъ святого Георгія. Народъ жадно слушаетъ вѣщанія кадаги, безпрекословно исполняя его приказанія. Тѣ, кого онъ обязалъ сдѣлать путешествіе или покаяться передъ какимъ либо образомъ, надѣваютъ бѣлую одежду и отправляются босикомъ къ мѣсту назначенія; на шею надѣваютъ бѣлыя проволоки, унизанныя просверленными монетами и прилѣпленными къ нимъ кусками воску. Достигнувъ мѣста покаянія, закалываютъ жертвы, а священники читаютъ надъ пришедшими очистительныя молитвы, стригутъ крестообразно волоса на головѣ и снимаютъ съ молящагося знаки обѣта, какъ доказательство, что онъ выполненъ. — Грузинскіе и осетинскіе кадаги, мущины и женщины, отвѣчаютъ нашимъ порченнымъ и кликушамъ. Съ именемъ одной изъ такихъ кадаги, Марине, связана особая секта «георгіанцевъ», образовавшаяся въ 1840 г. въ карталинской Осетіи. Марина, молодая женщина, была бездѣтна; видя въ этомъ испытаніе, ниспосланное ей Богомъ, она стала до крайности религіозной, прилежно посѣщая церковь и молясь о ниспосланіи ей потомства. Занятая одной и той же мыслью, она увѣрила себя, что такое наказаніе ниспослано ей Господомъ за грѣхи людей, и что она до тѣхъ поръ останется безплодною, пока не поведетъ ихъ на путь истины. Она надѣла бѣлое платье, опоясала себя веревкой и предалась еще бо̀льшимъ молитвамъ; днемъ жила въ пещерѣ, ночью бродила по лѣсамъ и горамъ. На праздникъ 23 апрѣля къ храму св. Георгія, неподалеку отъ селенія Дзагинъ, явилась и Марина. Обѣдня подходила къ концу, какъ вдругъ она пронзительно вскрикнула и упала въ корчахъ. «Грѣхи ваши, кричала она, обращаясь къ присутствующимъ, грѣхи ваши оскорбляютъ Бога! Вы человѣкоубійцы и воры, вы забыли Господа и св. Георгія и уже не при-

носите имъ тучныхъ воловъ и овецъ! Покаянія, покаянія требуетъ отъ васъ небо! Иначе, если не послушаетесь, вы погибнете: мечъ Божій уже изощренъ! Скоро голодъ и всякія язвы распространятся между людьми, земля съ ревомъ раскроетъ свою пасть и извергнетъ огненные потоки, горные ручьи образуютъ потопъ. Кто избѣгнетъ всего этого, того поразитъ свой-же ближній....». Народъ, испуганный подобными словами, обратился къ св. Георгію съ мольбою о прощеніи: Сдѣлаемъ всё, что отъ насъ потребуетъ св. Георгій, говорила толпа. — Нѣтъ, вы обманщики, слышался голосъ Марины: вамъ не вѣритъ св. Георгій, вы должны дать ему писменное обязательство. — Это обязательство, подписанное Осетинами и переданное на храненіе священнику, сохранилось: въ немъ Осетины обѣщались св. Георгію, если онъ проститъ ихъ грѣхи, воздержаться отъ пороковъ; клялись не заниматься убійствомъ, разбоемъ, воровствомъ, не дѣлать набѣговъ, не портить чужихъ сѣнокосовъ, не воровать скота, хлѣба и овощей; въ посты не ѣсть ничего мяснаго, а въ великій постъ говѣть и пріобщаться св. Таинъ; не только соблюдать праздники, но и не работать по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ; не ѣсть падали; любить ближняго и не жаловаться ни на кого. Кто измѣнитъ клятвѣ, на того народъ призывалъ строжайшее наказаніе святого.

Марина стала народной проповѣдницей: съ крестомъ въ рукѣ она переходила изъ деревни въ деревню, проповѣдуя покаяніе. Ея примѣръ подѣйствовалъ заразительно: явилось множество другихъ кадаги. Одной изъ нихъ св. Георгій видѣлся на бѣломъ конѣ, съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ и живымъ дракономъ на привязи; другой мерещились черти; одинъ проповѣдывалъ истинное покаяніе и отрѣшеніе отъ плоти, другой — удовольствіе и любовь [1]).

Я остановился на подробностяхъ движенія георгіанцевъ, не только какъ на интересномъ фактѣ религіознаго переживанія:

---

[1]) Дубровинъ l. c. I, I, стр. 307 — 311; сл. ib. I, II, стр. 168.

нѣкоторые факты пригодятся намъ впослѣдствіи, при объясненіи вопросовъ, возбужденныхъ легендами о св. Георгіи.

Св. Георгій пользуется особымъ уваженіемъ и между Абхазцами, какого-бы вѣроисповѣданія они ни были. У каждаго хозяина есть въ стадѣ лучшая корова съ обрѣзаннымъ ухомъ, и сохраняется отдѣльно самый большой кувшинъ, наполненный чистымъ, краснымъ, виноградньмъ сокомъ. Вино это и приплодъ отъ коровы назначаются для жертвы св. Георгію. Если посвященная корова отелится бычкомъ, то онъ идетъ въ жертву, а если телкою, тогда для жертвы откармливаютъ барашка. Жертвоприношеніе совершается почти всегда въ первый день Пасхи, у христіанъ послѣ обѣдни, у магометанъ и язычниковъ рано утромъ.—Абхазцы всѣхъ исповѣданій вѣрятъ въ народную молву, что солгавшій передъ иконою великомученика Георгія не избѣгнетъ наказанія; на этомъ основана клятва и присяга, произносимая въ важныхъ случаяхъ. — Св. Георгію посвящался бѣлый конь, который сжигался на кострѣ при ружейныхъ выстрѣлахъ и пѣніи молодыхъ джигитовъ [1]).

Сванеты чествуютъ св. Георгія (Чыграк, Джыгырак) вмѣстѣ съ прор. Ильей, Кирикомъ и Улитой. Апокрифы о свв. Георгіи, Кирикѣ и Улитѣ, стоятъ именно въ этой связи въ индексѣ папы Геласія [2]).

---

[1]) Дубровинъ I, II, стр. 23 — 25, 75.

[2]) Въ этомъ отношеніи особое чествованіе свв. Квирика и Авлиты у Сванетовъ и Грузинъ является вдвойнѣ интереснымъ. Храмы, посвященные этимъ святымъ, окружены священными рощами; такой священный лѣсъ находится около извѣстнаго монастыря въ Кальскомъ обществѣ: изъ него нельзя и прута вырубить, иначе навлечешь на себя божью кару, въ видѣ напр. града небывалаго размѣра; рубить деревья позволяется только въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется покрыть церковь, построить мельницу или мостъ. Храмовому образу приписываютъ цѣлебныя дѣйствія: на немъ приносятъ присягу; его нельзя взять изъ церкви, но вмѣсто него служитъ вода, которою его обмываютъ. Праздникъ св. Квирика и Авлиты бываетъ два раза въ годъ: въ субботу на св. недѣлѣ и 15 іюля. Первый изъ этихъ праздниковъ въ особенномъ уваженіи у ту-

Грузины знаютъ Георгія подъ 63 различными названіями: Каппадокійскій, Виѳлеемскій, Кашуэтскій и проч.: «Alii sunt Georgiani sanctum Georgium venerantes», говоритъ о нихъ путешественникъ XIII вѣка Титмаръ (1217 г.)[1]. — Обращаясь съ молитвою къ святому Грузинъ произноситъ: Да управитъ Богъ руку нашу, и да сопутствуютъ намъ всегда шестьдесятъ три святыхъ Георгія. — Всѣ названія этого святого прописываются въ авгорозѣ — большомъ листѣ бумаги, на которомъ по краямъ изображенъ святой и пишется первая глава Евангелія Іоанна и разныя молитвы. Чаще же всего на такомъ лоскуткѣ бумаги пишется письмо, по преданію, будто-бы посланное Іисусомъ Христомъ къ Авгарю, царю Эдесскому. «Кто его имѣть будетъ при себѣ, сказано въ письмѣ, къ тому не осмѣлится прикоснуться духъ и какія-бы то ни были опасности»[2].

Хевсуры чтутъ Бѣлаго Георгія (Тетри-Георгій), чествуютъ его иконы, присягаютъ его именемъ[3]. Хевсурская легенда, пріуроченная къ алтарю въ Chachmati, наиболѣе уважаемому во всей странѣ, разсказываетъ слѣдующее. Однажды св. Георгій преслѣдовалъ чертей, угнавшихъ стадо; онъ успѣлъ ихъ настигнуть, привелъ стадо назадъ и поручилъ охранять его своей гончей собакѣ. Самъ онъ ушелъ, а собака сторожила стадо. Оттого св.

земцевъ: въ этотъ день въ Калу стекается чуть-ли не вся Сванетія. Многіе въ суевѣрномъ страхѣ боятся войти въ самую ограду; почти всякій приноситъ что нибудь въ даръ святой обители: араку, хлѣбъ, крупный и мелкій скотъ. — Священную рощу, также, какъ и въ Сванетіи, около церкви свв. Квирика и Авлиты, находимъ и въ Грузіи, въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Душета. Праздникъ бываетъ 15 іюля; огромное дерево, осѣняющее вѣтвями своими церковь и часовню, унизывается множествомъ горящихъ свѣчей. Въ старину іюль мѣсяцъ назывался мѣсяцемъ Квирика. Сл. Вейденбаумъ, Священныя рощи и деревья у кавказскихъ народовъ, Изв. Кавк. Отд. русск. географ. Общ. 1878, т. V, № 3, стр. 169 — 171; Дубровинъ I, II, 97 — 8.

[1]) Mag. Thietmari peregrinatio, ed. Laurent, p. 51.

[2]) Дубровинъ l. c. I, II, стр. 167 — 8.

[3]) l. c. 291, 295, 298, 301.

Георгію дважды приносятъ жертву, а собакѣ однажды. Собакѣ приносятъ ягнятъ и козъ, чтобы волки не трогали скота, у матерей было-бы вдоволь молока, кобылы-бы жеребились и утраченныя вещи находились. Двойная жертва св. Георгію назначена умолить его — излѣчить недужныхъ и даровать обильныя жатвы. — Въ одномъ варьянтѣ той-же легенды св. Георгій, пускаясь въ погоню, влѣзъ въ ротъ лошади, которая быстро примчала его, невидимаго, къ чертямъ; онъ настигаетъ ихъ врасплохъ и отбиваетъ стадо [1]).

Любопытно опредѣлить отношеніе этихъ народныхъ легендъ о св. Георгіи къ извѣстнымъ намъ разсказамъ о совершенныхъ имъ чудесахъ. Какъ осетинская сказка о свв. Георгіи и Николаѣ является какъ-бы народнымъ приспособленіемъ извѣстнаго чуда съ змѣемъ, гнѣздившимся въ озерѣ, залегавшимъ воду, такъ хевсурскія отвѣчаютъ разсказу о крестьянинѣ Теопистѣ, которому святой помогъ отыскать пропавшихъ воловъ [2]). Г. Кирпичниковъ приводитъ, въ параллель къ нему, празднованіе Мингрельцами чуда св. Георгія съ быкомъ, отнесенное къ 21 октября [3]). Такъ у Шардена; въ с. Илоръ, въ Самурзакани, на берегу Чернаго моря, оно пріурочено къ 10 ноября, дню, посвященному св. Георгію и въ обрядности Ингилойцевъ, Осетинъ и Сванетовъ. Въ день своего праздника самъ святой приводилъ къ себѣ свою жертву — неукротимаго быка; послѣ присоединенія Самурзакани къ бывшему кутаисскому генералгубернаторству чудо, говорятъ, прекратилось. Оно совершалось такимъ образомъ [4]): ограда церкви запиралась на замокъ, ключи отъ котораго

---

[1]) Radde, l. c. стр. 110 — 111.

[2]) AASS. Apr. III, приложенія стр. XXXIX слѣд. Г. Кирпичниковъ не нашелъ этого чуда въ русскихъ прологахъ и сборникахъ. Знакомствомъ съ церковнослав. пересказомъ легенды, въ текстѣ сербской редакціи, я обязанъ В. И. Ламанскому.

[3]) Кирп. стр. 78 — 80.

[4]) Слѣдующія подробности о празднованіи Георгію въ Грузіи заимствованы изъ газеты Кавказъ 1878 г. №№ 229 и 230: Грузинскіе на-

бралъ къ себѣ игуменъ. Къ утру, какъ разъ передъ заутреней, когда игуменъ отправлялся отпирать ворота каменной ограды, внутри ея онъ заставалъ быка съ позолоченными рогами, предназначавшагося въ жертву св. Георгію. Народная молва говоритъ, что разъ одинъ именитый Молла, желая, во что бы то ни стало, уничтожить вѣру въ это чудо св. Георгія, сталъ утверждать, что святой не въ состояніи привести его (моллы) неукротимаго быка; для опроверженія всенародной вѣры въ св. Георгія, онъ самъ рѣшился остаться на ночь въ оградѣ церкви до утра, не смыкая глазъ. На другой день увидѣли моллу, пронзеннаго по волѣ св. Георгія его-же собственнымъ ятаганомъ, а его неукротимаго быка гуляющимъ въ оградѣ церкви. Обыкновенно закалывалъ быка послѣ утрени одинъ изъ Дадьяновъ, и его мясо раздавали по кусочкамъ, какъ святыя мощи. За кусочками мяса быка св. Георгія Илорскаго слали въ Абхазію гонцевъ цари имеретинскіе, владѣтельные князья Мингреліи, Гуріи и Сванетіи [1]).

14 августа празднуютъ Бѣлому Георгію (Тетри-Гіорги) въ д. Ацхури, въ Кахетіи, куда народъ стекается со всѣхъ сторонъ

родные праздники. Сл. Сборн. Свѣд. о кавк. горцахъ V: А....ъ, Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ, стр. 5 прим., и Дубровинъ, l. c. I, II, 16—17.

[1]) Кстати будетъ упомянуть здѣсь суджунскій обычай, о которомъ сообщилъ недавно проф. Цагарели (Ж. М. Н. Пр. 1877 Декабрь стр. 217). Суджуна — деревня на юго-западѣ отъ уѣзднаго города Ново-Сенаки, близь сліянія рѣкъ Тсхуры и Абата и впаденія ихъ въ р. Ріонъ. Она извѣстна своей старинной церковью, куда ежегодно въ день св. Георгія, 23 апрѣля, стекалось множество народа изъ всей Мингреліи. Наканунѣ праздника выбирали старца, извѣстнаго святостью своей жизни, заключали его на ночь въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ провести все время въ молитвѣ и созерцаніи будущаго; утромъ, до обѣдни, въ день праздника, выводили его оттуда и поднимали на какое нибудь возвышенное мѣсто, откуда онъ предвозвѣщалъ собравшемуся народу все, что должно было случиться съ владѣтелемъ Мингреліи и народомъ въ теченіи всего предстоящаго года до слѣдующаго праздника. — Этотъ обычай существовалъ еще въ первой четверти текущаго столѣтія.

Карталиніи, Кахетіи, Тушетіи и Кизикіи. Накануне праздника, какъ только раздастся вечерній звонъ, всѣ спѣшатъ въ церковь; въ это время какая нибудь особа, обрекшая себя на служеніе св. Георгію, распростирается у порога церкви, и народъ переходитъ черезъ неё; она силится не издавать стона, когда на неё наступаютъ ногою, и лишь изрѣдко вскрикиваетъ порывисто отъ чрезмѣрной боли. У церкви столпилась масса жертвователей: священнику подаютъ деньги, подводятъ къ нему овцу: онъ поджигаетъ ей на лбу шерсть и произноситъ: Пріими въ жертву отъ раба твоего Андрея или Петра и т. д. Тутъ-же стоитъ и діаконъ: къ нему подходятъ люди съ тоненькими желѣзными обручами на шеѣ, такъ называемыми шарна. Люди съ такими мѣтками считаются добровольными слугами избраннаго святого, связавшими себя въ теченіи извѣстнаго періода времени какимъ нибудь обѣтомъ; по прошествіи года или болѣе они отправляются на храмовой праздникъ, чтобы отмолиться и освободиться отъ плѣненія. Послѣ совершенія ими пожертвованія въ образѣ овцы или быка, дьяконъ отрѣзываетъ у нихъ ножницами пучекъ волосъ, снимаетъ съ нихъ шарна и отпускаетъ на волю. Послѣ этого давшіе зарокъ уже свободны отъ всякихъ обѣтовъ Бѣлому Георгію. — Около церкви группа женщинъ, одѣтыхъ въ бѣлое, составили родъ процессіи. Каждая носитъ на шеѣ желѣзную цѣпь, принадлежащую церкви, вѣсомъ не менѣе пуда. Женщины на колѣняхъ подвигаются впередъ медленно и время отъ времени прикрѣпляютъ къ стѣнѣ церкви зажженныя свѣчки; онѣ обходятъ церковь; одна изъ нихъ обматываетъ вокругъ нея бумажную нить, раскручивая веретено въ рукахъ. — Въ это время раздается крикъ: дорогу, дорогу! Къ священнику приводятъ быка съ двумя зажженными свѣчами на рогахъ. Священникъ принялъ жертву, по обычаю обжогъ свѣчею на лбу шерсть и отпустилъ. При этомъ устроилось настоящее шествіе къ мѣсту закланія быка, освѣщеннаго свѣчами.

Уже за полночь. На необъятномъ пространствѣ вокругъ церкви, въ лѣсахъ, на прогалинахъ, въ равнинѣ зажглись безчис-

ленные костры; по временамъ раздаются выстрѣлы. Во дворѣ церкви толпа образовала большой кругъ: всѣ съ обнаженными головами и богобоязненно, стоя, смотрятъ на одну женщину, одѣтую въ бѣлое. Она съ особеннымъ усердіемъ пляшетъ лезгинку; ея движенія изящны, но она по временамъ нарушаетъ стройныя тѣлодвиженія корчами и стонами. Всѣ поражены; многіе, смотря на нескончаемые танцы, благословляютъ Бѣлаго Георгія. Пляшущая молодая, красивая дѣвица, есть избранница святого, который и заставляетъ ее совершать свадебныя пляски.

Если провести линію по теченію рѣкъ Ріона и Куры, говоритъ авторъ, у котораго мы заимствовали предъидущія свѣдѣнія, то къ сѣверу отъ этихъ рѣкъ, включая сюда также Гурію и приморскій Лазистанъ, преобладаютъ храмовые праздники въ честь св. Георгія и животворящаго деревяннаго креста; между тѣмъ какъ къ югу отъ упомянутой черты, въ древней Каппадокіи, южной части Понта и по южному склону Малаго Кавказа распространено поклоненіе Мену или Маіи[1]) — богинѣ производительности земли или жатвы. Это поклоненіе Маіи перешло впослѣдствіи, кажется, въ христіанское поклоненіе св. Маріи. Тотъ, кто путешествовалъ по мѣстамъ древняго Понта, имѣлъ не разъ случай находить развалины древнихъ языческихъ храмовъ въ честь божества Ма, празднованіе котораго продолжалось, по мнѣнію Тексье, въ разныхъ мѣстностяхъ Каппадокіи и средняго Понта въ періодъ между 15 мая и 15 августа. Христіанское міровоззрѣніе, какъ видно, перенесло впослѣдствіи это празднованіе на 15 августа — день Успенія Пресвятой Богородицы. Въ верхней Имеретіи, въ Сакчерскомъ отдѣлѣ Кутаисской губерніи, считаются храмовыми лишь праздники двухъ національныхъ святыхъ по преимуществу: праздники Георгоба и Маіоба или Маріоба (въ честь св. Георгія и св. Маріи или Маіи).

Опредѣлить точно значеніе ацхурскихъ обрядовъ, какъ —

---

[1]) Разумѣется Men или Ма, формы Анагиты. Сл. Texier, Asie Mineure p. 511, 598 — 600.

георгіевскихъ, мы пока не въ состояніи. Для этого необходимо было бы совмѣстное изученіе полу-языческихъ, полу-христіанскихъ вѣрованій, доселѣ окружающихъ народные праздники кавказскихъ горцевъ. Извѣстно, какую первенствующую роль играютъ въ нихъ животная жертва, общее пиршество и элементъ либаціи и освѣщенія. Все это повторяется, какъ видно, и въ ацхурскомъ праздникѣ, и не можетъ быть истолковано въ связи съ его спеціальнымъ значеніемъ. Если, тѣмъ не менѣе, я пытаюсь связать его обрядность съ легендой о Георгіи и именно съ его побѣдой надъ змѣемъ, то дѣлаю это въ видѣ предположенія, опираясь на орнаменты древнихъ крестовъ и статуй, о которыхъ скажу далѣе. — Женщина, распростертая у порога ацхурской церкви, и вѣроятно, принадлежащая къ извѣстному намъ типу кадаги, не тождественна-ли съ той, которая въ концѣ обряда является избранницей Бѣлаго Георгія? Если первый актъ толкуется, какъ добровольное обреченіе ея святому, то, быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ позднимъ толкованіемъ, и въ началѣ разумѣлось обреченіе другого рода, отъ котораго Георгій освобождалъ свою избранницу? Желѣзныя цѣпи на шеѣ женщинъ, обходящихъ церковь, легко приравнять къ обручамъ шарна, символамъ обреченія, служенія святому. Можетъ быть, народный обрядъ разработалъ съ своимъ обычнымъ символизмомъ нѣсколько данныхъ изъ легенды о змѣѣ: освобожденіе Георгіемъ обреченной дѣвицы — избранницы и послѣдовавшее за тѣмъ обращеніе язычниковъ въ христіанство. Для рѣшенія этого вопроса необходимо было бы познакомиться съ обрядами Маіобы и ея календарными отношеніями къ празднествамъ св. Георгія. Пріуроченіе послѣднихъ, на сколько намъ извѣстно, крайне разнообразится: Георгія чествуютъ 23-го апрѣля (Мингрельцы [1]), Сванеты [2], Осетины [3]), въ первый день Пасхи (Абхазы), 14 (въ Ац-

[1]) Дубровинъ I, II стр. 238.
[2]) Ib. I, II, 98.
[3]) Ib. I, I, 305.

хури, въ Кахетіи) и 22 августа (въ Карталиніи[1]), 21 октября (въ Мингреліи), 10 ноября у Ингилойцевъ[2]), Сванетовъ[3]) и Осетинъ[4]).

Обращусь къ нѣкоторымъ даннымъ изъ реальныхъ древностей Кавказа. Я имѣю въ виду каменные надгробные кресты (у черкесовъ схоръ, повидимому, отъ грузинскаго схуари) и статуи съ греческими надписями и изображеніями, авторами которыхъ были, быть можетъ, Армяне или Грузины. Сюжетомъ ихъ является, между прочимъ, святой Георгій. Такъ на крестѣ, видѣнномъ Гюльденштедтомъ, на восточномъ берегу Кунбелы, около 40 верстъ выше ея впаденія въ Терекъ, на широкой, обращенной къ сѣверу сторонѣ, изображены одинъ надъ другимъ три воина всадника, изъ которыхъ средній вдвое больше, а нижній вдвое меньше верхняго. Вѣроятно, эти три всадника изображаютъ Георгія, говоритъ Гюльденштедтъ; на узкой западной сторонѣ — конный Георгій съ длиннымъ извивающимся внизъ дракономъ. — Точно такіе-же орнаменты украшаютъ другой крестъ, стоявшій еще въ 1771 году между источниками Осекаемъ и Мондахомъ въ Малой Кабардѣ, а нынѣ находящійся въ Пятигорскѣ: тѣ-же три всадника, верхній замахнулся надъ головою саблей, двое другихъ сдерживаютъ, повидимому, своихъ коней; передъ двумя послѣдними стоитъ на колѣнахъ по человѣческой фигурѣ, съ чашею въ поднятой правой рукѣ; лѣвая рука у груди, какъ-бы выражая покорность. Ниже изображено жертвоприношеніе: человѣкъ ведетъ быка, взявъ его за рога лѣвою рукою; правѣе — другой человѣкъ обѣими руками замахнулся топоромъ на того-же быка; еще правѣе стоитъ большая кубовастая ваза съ двумя ушками, послѣ значительнаго расширенія къ верху оканчивающаяся узкимъ горломъ. По одну сторону вазы на лѣво — чело-

---

[1]) Ib. I, II, 167 — 8.

[2]) Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ IV: Фонъ Плотто, Природа и люди Закатальскаго округа, стр. 21.

[3]) Дубровинъ I, II, 98.

[4]) ib. I, I, 305.

вѣкъ съ поднятой въ лѣвой рукѣ кружкой, направо — другой, бо̀льшаго размѣра, занесъ правой рукой молотъ, въ лѣвой у него что-то въ родѣ клещей. На противоположной плоскости памятника замѣтимъ внизу изображеніе лани, съ головой, обращенной назадъ; въ ея спину вонзилась стрѣла, а сама она кормитъ дѣтеныша. На одной изъ узкихъ сторонъ креста — всадникъ, копьемъ поражающій въ глазъ одну изъ трехъ главъ кольцеобразно извивающагося дракона. — Тотъ же циклъ изображеній повторенъ на каменномъ надгробномъ истуканѣ, завезенномъ въ Пятигорскъ съ одной могилы на берегу р. Этока: люди толпятся около огромнаго кубовастаго сосуда; одна фигура, стоящая прямолично, запустила въ этотъ сосудъ правую руку; съ лѣвой стороны подходитъ другая, предносся что-то въ родѣ стакана; съ правой такой-же стаканъ протягиваетъ человѣкъ, стоящій на колѣнахъ. На задней сторонѣ статуи человѣкъ несетъ на плечахъ палицу, впереди его бѣжитъ олень; на лѣвой мужская фигура замахнулась правою рукою мечемъ, лѣвою-же тянетъ на цѣпи огромнаго пятиглаваго дракона, занимающаго своимъ туловищемъ всю сторону статуи и извивающагося въ нѣсколько колецъ [1]).

Едва-ли можно сомнѣваться, что эти памятники принадлежатъ христіанской порѣ. Кресты [2]) и всадникъ Георгій, говоритъ Гюльденштедтъ по поводу этокскаго истукана, ясно указываютъ на то, что они исполнены, греческими христіанами. Если всадникъ, дѣйствительно, св. Георгій, убивающій змѣя, то смыслъ изображеннаго совмѣстно съ нимъ жертвоприношенія уяснился-бы георгіевскими обрядами, донынѣ живущими въ Грузіи и Сванетіи.

Очень вѣроятно, что эта обрядность примкнула къ Георгію,

---

[1]) Филимоновъ, Древнія каменныя изображенія въ Пятигорскѣ, Вѣст. Общ. Др. русск. искусства 1876, 11 — 12, стр. 67 — 78.

[2]) Проф. Минаевъ указалъ мнѣ на интересное сходство крестовъ, встрѣчающихся въ орнаментаціи этихъ памятниковъ, съ индійскимъ nagapasa, змѣинымъ узломъ.

когда послѣдній замѣнилъ въ народномъ представленіи какое-нибудь другое языческое божество. — Далѣе этого мы пойдемъ уже путемъ гаданій.

Извѣстно иранское вліяніе на религіозное міросозерцаніе древней Грузіи. Во главѣ ея Олимпа занялъ первенствующую роль — Armaz[1]), праздникъ котораго чествовали особенно торжественно животными жертвами, пиршествомъ, пѣснями и плясками[2]). Армазъ — это Арамаздъ Моисея Хоренскаго, зендск. Ahura-Mazda, враждебный Ариману и чудовищному змѣю Aji-dahâka'ѣ, съ которымъ борется его сынъ Âtar. — Въ другомъ миѳѣ Yaçna'ы побѣдителемъ этого треглаваго чудовища является Thraêtaona — Феридунъ Шахъ-намэ, груз. Афридунъ, арм. Руденъ; Феридунъ борется съ Зохакомъ (зендс. Aji-dahâka), полузмѣемъ-получеловѣкомъ, который убилъ чудесную корову Purmâyeh, вскормившую Феридуна, и похитилъ двухъ дочерей Yima'ы; въ ихъ присутствіи и происходитъ побоище. Грузинская лѣтопись поминаетъ, ссылаясь на персидскія преданія, Афридуна, приковавшаго желѣзной цѣпью на горѣ, недоступной людямъ, страшнаго Béwrasph'а. Béwrasph — это Бюраспъ Аджахакъ Моисея Хоренскаго, передающаго о немъ «безсмысленныя сказки Парсовъ», зендск. Aji-dahâka; его-то побѣждаетъ Руденъ, связываетъ мѣдными цѣпями и уводитъ на гору Дэмбавендъ; по до-

---

[1]) Brosset, Hist. de la Géorgie I, 43.

[2]) Сл. Wakucht ed. Brosset p. 25. — Подробно описано чествованіе Армаза у Габрона Сабинина, Истор. Груз. церкви (1877) стр. 22—4, 30 — 1, — безъ показанія источниковъ: Армазу приносились въ жертву животныя, птицы, драгоцѣнности; на жертвенникѣ бога, представлявшагося первоистеченіемъ пресвѣтлѣйшаго свѣта, зажигались въ огромномъ количествѣ свѣчи. Помимо того приносили ему отъ всѣхъ хлѣбныхъ произведеній: нарочно приготовленные длинные бѣлые хлѣба, именуемые шоти; чистый бѣлый медъ, фрукты, вино, цвѣты, которыми украшались пьедесталы идоловъ и самые жертвенники; молоко кислое и прѣсное, густыя сливки. — Чудо св. Нины съ идоломъ Армазомъ см. у Brosset, Hist. d. l. G. I, 100 — 103, и въ житіи св. Нины по списку XIV в. въ Азіат. Муз. Им. Ак. Наукъ № 39.

рогѣ онъ засыпаетъ, Бюраспъ пытается встащить его на холмъ; пробужденный Руденъ ведетъ его въ пещеру, заключаетъ въ оковы, а самъ становится скалою у входа. — Такова парсійская сказка, сообщаемая Моисеемъ Хоренскимъ; пріурочивая её къ исторіи Арменіи, онъ слѣдуетъ евгемеристическому пріему: у него побѣдителемъ Аджахака является Тигранъ I-й, «который убилъ Аджахака, въ полонъ взялъ весь домъ его и мать Драконовъ, Ануйшь». Тотъ-же евгемеризмъ прилагается и далѣе къ роду Тиграна, которому дается въ сыновья Вахагнъ, божество, чествовавшееся у древнихъ Армянъ: армянскія легенды говорятъ о немъ, что онъ боролся съ драконами и очищалъ отъ нихъ всю землю; по этому его и называли вашапак'ах', т. е. истребителемъ драконовъ. Вахагнъ — зендск. Verethraghna, δρακοντόπνικτος Ἡρακλῆς Агаѳангела; о немъ ходили эпическія пѣсни; Моисей Хоренскій сообщаетъ, что въ странѣ Иверовъ, т. е. въ Грузіи, ему воздвигнута была статуя, которой приносили жертвы: въ Кархарскихъ горахъ надъ Евфратомъ, противъ Тавра, находился его храмъ, мѣсто поклоненія армянскихъ властителей.

Еще другое божество, воспринятое въ систему Заратустры и нашедшее сильное распространеніе въ позднѣйшихъ фазахъ иранскаго культа, слѣдуетъ, быть можетъ, принять во вниманіе: зендс. Anâhita, Ἀναΐτις древнихъ, отождествлявшихъ её то съ Артемидой, то съ Афродитой, Армян. Anahit (груз. Aïnina, Anian?). Ея культъ распространенъ былъ въ Персіи, Бактріи, Мидіи, Элимаидѣ, Каппадокіи, Понтѣ и Лидіи. Въ представленіяхъ Армянъ Anahit являлась дочерью Арамазда; отъ него богатство, отъ царицы Анагиты помощь, отъ Вахагна сила, говоритъ одинъ эдиктъ Тиридата. Въ зендск. Анагитѣ видятъ олицетвореніе небесной оплодотворяющей влаги, отъ которой зависитъ производительность растительнаго и животнаго царствъ. Ей приносятъ въ жертву тысячу жеребцовъ, тысячу коровъ; персидской Артемидѣ — Анагитѣ посвящены были особыя коровы, отмѣченныя тавромъ, свидѣтельствовавшимъ о принадлежности ихъ богинѣ: знакомъ факела. Она очищаетъ сѣмя мужей,

плодъ родильницъ, которымъ даруетъ молоко; дѣвушки молятся ей о женихахъ, беременныя и родильницы о счастливыхъ родахъ. У Армянъ она называлась матерью, majr, всякой мудрости, μήτηρ γάρ ἐστι πάσης σωφροσύνης[1]).

Мы попытались собрать вмѣстѣ нѣкоторыя данныя иранской миѳологіи, съ которыми остается сблизить данныя сванетскихъ обрядовъ, надгробныхъ истукановъ, кавказскихъ крестовъ, — и память парсизма, державшуюся въ той мѣстности. Битва съ змѣемъ (чудовищемъ, человѣкомъ) изъ за дѣвицы, жертвоприношеніе, роль быка — объясняются наглядно въ этой связи. — Изслѣдователи миѳологической основы отреченныхъ легендъ о св. Георгіи едва-ли не найдутъ болѣе прочный матеріалъ въ представленіи о немъ, какъ о змѣеборцѣ, чѣмъ въ разсказахъ о его мученіяхъ, чудесныя подробности которыхъ столь-же легко объяснить накопленіемъ, развитіемъ немногихъ первичныхъ очертаній, какъ и отраженіями древняго миѳа.

IV.

Вопросъ о чудѣ св. Георгія съ змѣемъ не только хронологическій, но и методологическій. Если оно дѣйствительно явилось позже мученія, то въ какихъ отношеніяхъ къ нему? Г. Кирпичниковъ указываетъ, по слѣдамъ Болландистовъ, на посредство живописныхъ изображеній. Символизмъ первыхъ вѣковъ христіанства широко воспользовался старою семито-арійскою фигурою дракона-змія и сдѣлалъ его постояннымъ символомъ діавола, ада и всего враждебнаго благочестивымъ людямъ: язычества,

---

[1]) Сл. Brosset, Hist. de la Géorgie I стр. 84, прим. 5, и стр. 26; Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго пер. И. Эминъ, г. XXXI первой книги, стр. 69 — 70 и 72 — 4; Darmesteter, Ormazd et Ahriman, стр. 125, 102 — 7; объ Анагитѣ: Windischmann, Die persische Anahita oder Anaitis, въ Abhandlungen der philosoph. philolog. Cl. der kön. bayer. Ak. der Wiss. VIII B. (1858) p. 67 — 128 (сл. Brosset l. c. стр. 44 и прим. 5).

ереси (сл. стр. 110—113). Георгій выходилъ побѣдителемъ изъ борьбы съ языческимъ царемъ, онъ побѣждалъ его силою вѣры, и этотъ подвигъ представлялся въ чертахъ реальности: во многихъ сванетскихъ церквахъ Георгій изображается поражающимъ человѣка или вѣнценосца, ближайшее значеніе котораго иногда указывается надписью: это царь, мучившій Георгія (ib. стр. 114). Вмѣсто вѣнценосца легко было подставиться змѣю, символу язычества. «Чудо возникло подъ вліяніемъ изображенія, имѣвшаго символическій смыслъ, и только на позднѣйшую локализацію нѣкоторыхъ версій у Бейрута и на ихъ литературную обработку имѣло вліяніе сказаніе о Персеѣ» (l. c. ib.).

Съ этимъ построеніемъ можно согласиться, если имъ хотятъ объяснить — появленіе символа и нѣкоторыя общія очертанія чуда, переиначенныя изъ житія: такъ уже Болландисты говорили, что женщина въ царскомъ одѣяніи, которую святой спасаетъ отъ змѣя — царица Александра житія, обращенная св. Георгіемъ, т. е. спасенная имъ отъ дракона — язычества (стр. 115). За всѣмъ тѣмъ въ легендѣ о чудѣ остаются безъ объясненія тѣ именно черты, которыя составляютъ его существенную особенность, побуждая насъ ощущать её не какъ символическую перелицовку данныхъ житія, а какъ цѣлое опредѣленнаго народно-поэтическаго типа. Возможно двоякое предположеніе: либо данныя житія, выраженныя символически-образно (борьба съ змѣемъ-язычествомъ), разработаны были далѣе подъ вліяніемъ народныхъ представленій о змѣеборцахъ и реальной борьбѣ съ змѣями; либо самое обособленіе чуда изъ житія условлено было существованіемъ подобнаго рода мѣстныхъ представленій и разсказовъ. Тотъ и другой процессъ одинаково мыслимы въ исторіи взаимодѣйствія литературно-церковнаго и народнаго преданій.

Чудо съ змѣемъ сохранилось намъ въ нѣсколькихъ рукописныхъ и народно-поэтическихъ пересказахъ, представляющихъ отличія въ подробностяхъ, именахъ и географическомъ пріуроченіи. — Мы обратимъ вниманіе на двѣ важнѣйшія, по нашему мнѣнію, рецензіи сказанія.

I. Чудо пріурочено къ Ласіи, Лаосіи; царь — Сельвій, Селевкъ и т. п.; имя его дочери не названо ни въ латинскихъ, ни въ извѣстномъ мнѣ греческомъ текстѣ легенды.

1) Греческій текстъ чуда по ркп. амвросіанской библіотеки[1]) не знаетъ ни страны, ни мѣстности, гдѣ оно совершилось; сличеніе съ латинскими и славянскими его пересказами и сходное во всѣхъ имя царя позволяетъ предположить, что и греческой легендѣ названіе мѣстности было первоначально извѣстно. Латинское чудо называетъ её Lasia; это главный городъ Каппадокіи, которой мы не обязаны придавать значенія точнаго географическаго термина; въ русскихъ пересказахъ: Лаосія; страна не обозначена; въ легендѣ кардинала Стефанески: Lycia[2]). — Нѣчто подобное могло стоять въ источникѣ Якова de Voragine; оттуда, вѣроятно, его Lybia.

2) Царь, дочь котораго спасаетъ Георгій отъ змѣя, носитъ въ латинской легендѣ имя Sevius, въ греч. амврос. Σέλβιος, въ русск. Селевій, Селевей, Соловей; Селевинъ; Селевкій, Селѣвкѣй и т. п.[3]). Въ литературѣ легендарно-апокрифическихъ повѣстей мнѣ извѣстенъ еще «благовѣрный» царь Селевкій богомильскаго отреченнаго сказанія, наслѣдовавшій Августу и чаявшій видѣть Христа въ дому своемъ; Семиклей поздняго русскаго пересказа. — Въ одной нѣмецкой повѣсти, представляющей, по мнѣнію г. Кирпичникова[4]), сводный разсказъ изъ поэмы Рейнбота и чуда о змѣѣ (введеннаго въ исторію Георгія и его братьевъ), говорится о какомъ-то «gerecht küng», царствовавшемъ въ Индіи, въ городѣ Силене. Онъ издалъ законъ, что всякій, обидѣвшій женщину, долженъ лишиться обоихъ глазъ. Въ такомъ преступленіи оказался виновнымъ его сынъ, наслѣд-

---

[1]) Онъ напечатанъ нами въ приложеніи № V.

[2]) AASS. April III, p. 106, b.

[3]) Кирпичниковъ l. c. стр. 51.

[4]) l. c. стр. 32 и 56 — 7, прим. 1: изъ ркп. Британскаго музея Add. 19, 462, XV в. Болѣе подробныя извлеченія изъ этой рукописи былибы желательны.

никъ царства, и отецъ, не задумываясь, присудилъ и его къ тому-же наказанію. Народъ въ отчаяніи: какъ ими будетъ управлять слѣпой царь? Тогда «der gerecht küng» рѣшилъ дѣло такъ: одинъ глазъ пусть выколютъ виноватому, а другой ему, царю. — Къ этому разсказу примыкаетъ пришествіе въ Силене Георгія и его побѣда надъ змѣемъ, котораго умилостивляли жертвами по совѣту божества, «abgot»; ему обречена и дочь праведнаго царя-язычника, избавляемая святымъ. — Источникомъ эпизода о чудѣ былъ, по мнѣнію изслѣдователя, распространенный разсказъ, часто пріурочивавшійся къ Залевку; въ легенду о Георгіи «онъ вышелъ по ассоціаціи представленій: царь, жертвующій на равнѣ съ гражданами, въ силу своего слова, единородною дочерью, напомнилъ писцу справедливаго царя». Я предложу съ своей стороны и еще догадку: пріуроченіе разсказа о Залевкѣ къ царю-правдолюбцу легенды не было-ли вызвано созвучіемъ именъ: Залевка и Селевка, Сельвія георгіева чуда? Замѣтимъ формы, въ которыхъ имя Залевка встрѣчается въ позднѣйшихъ разсказахъ о его правосудіи: Seleucus, Zeleukos; въ Gesta Romanorum: Zaleucus, Zalengus, Zelongus. — «Праведный царь» властвуетъ въ Silene, что могло-бы повести къ предположенію, что здѣсь оказалось вліяніе Золотой Легенды, гдѣ такъ именно названа мѣстность чуда. Но въ грузинскомъ его текстѣ, сообщаетъ мнѣ проф. Цагарели, мѣстность названа Ласіей, царю же дано имя Селиносъ, что приводитъ насъ къ Силене, и съ другой стороны, быть можетъ, къ Сельвію и его отмѣнамъ.

Такимъ образомъ составъ нѣмецкой повѣсти выясняется: въ легенду о чудѣ Георгія съ змѣемъ притянутъ былъ, по созвучію именъ Залевка и Селевка, разсказъ о праведномъ судіи. Было-ли это соединеніе дѣломъ нѣмецкаго перескащика, какъ полагаетъ г. Кирпичниковъ, или его слѣдуетъ предположить болѣе древнимъ? Я не рѣшаю этого вопроса — въ виду слѣдующихъ. Типомъ праведнаго судіи былъ въ средніе вѣка императоръ Траянъ: уже въ VI в. разсказывали, какъ разсудилъ онъ бѣдную вдовицу, у которой убили ея единственнаго сына. Преданіе говорило, что

папа Григорій Великій такъ умилился его поступкомъ, что пролилъ о немъ молитвенныя слезы и освободилъ душу императора отъ загробныхъ мукъ, постигшихъ его, какъ язычника. Эта легенда, поэтически воспроизведенная въ Божественной Комедіи, видоизмѣнялась въ пересказахъ: убійцей сына вдовицы явился сынъ императора, — что не остановило его правосудія; наконецъ, въ половинѣ XIII в., въ хроникѣ Эненкеля, разсказъ о Траянѣ представился въ чертахъ преданія о Залевкѣ и «gerecht küng» нѣмецкой повѣсти[1]). — Съ другой стороны болгарскія пѣсни о Георгіи пріурочиваютъ его чудо къ какому-то Трояну-граду, гдѣ царитъ невѣрный царь Латинъ, т. е. Латининъ; его-то дочь, выведенную на пожраніе змѣю, спасаетъ Георгій, а царя и народъ креститъ. Троянъ-градъ, можетъ быть, какой-нибудь Траянополь: извѣстенъ былъ городъ такого имени во Өракіи, въ провинціи Родопэ, слѣды котораго доселѣ видны у Деде-Агача[2]); сохранились развалины Троянова града у Татаръ-Пазарджика и въ Сербіи, въ лѣсу у Шабца. Имя императора Траяна стало въ южнославянскомъ и румынскомъ преданія собирательнымъ, на носителя котораго переносилось всё необычайное, волновавшее народную фантазію; сводить во едино эти черты, вмѣняя ихъ одной народно-миөической личности, потому опасно, что пріуроченіе могло быть случайнымъ, опредѣляясь не внутреннимъ единствомъ типа, а внѣшнимъ единствомъ имени. Отсюда разнообразіе трояновскихъ повѣрій: какъ на царя Траяна — Трояна греческой и сербской саги перенесена была легенда объ ушахъ Мидаса[3]), такъ

---

[1]) G. Paris, La légende de Trajan. Paris 1878; сл. Oesterley, Gesta Rom. № 50 и примѣч.; Massmann, Kaiserchronik III 751 слѣд.

[2]) Другой Траянополь находился во Фригіи; Селинунтъ (Киликія) также носилъ нѣкоторое время названіе Траянополя, по имени Траяна, скончавшагося въ его стѣнахъ, когда онъ собирался въ походъ противъ возставшихъ Евреевъ; по другимъ извѣстіямъ его смерть послѣдовала въ Киликійской Селевкіи.

[3]) Такъ уже у Тцетцеса, Chil. II Hist. 34 v. 95 sqq. Сл. Tomaschek, Zs. für die oesterr. Gymn. 1877, стр. 679.

по имени великаго строителя назвался цѣлый рядъ градовъ, проходовъ, дорогъ, мостовъ, что объясняетъ поводъ, по которому привязалось къ нему «береговое» преданіе о юномъ героѣ (Анилія), погибшемъ отъ свѣта солнца[1]). Подобнаго рода мѣстные мотивы могли повліять и на появленіе властителя «Трояна-града» — если разумѣть подъ нимъ имп. Траяна — въ пѣсняхъ о Георгіи: двѣ изъ нихъ записаны въ южной Болгаріи, одна — въ Кукушѣ, выше Солуня, гдѣ древняя церковь св. Георгія была первоначально языческимъ храмомъ, посвященнымъ, какъ полагаютъ, императоромъ Траяномъ «великимъ богамъ». — Далѣе могутъ повести слѣдующія сопоставленія: какъ св. Георгій являлся въ чудѣ съ дочерью праведнаго царя Залевка, такъ въ болгарскихъ пѣсняхъ онъ спасаетъ дочь Траяна, праведность котораго могла быть затемнена представленіемъ царя «Латина» и невѣрнаго Трояна-града. Римская легенда, мотивированная праведностью Траяна и молитвой св. Григорія о душѣ его, пришла послѣдовательно, богословскимъ путемъ, къ нѣкоторому уравненію съ болгарской, — и Вильгельмъ Оксеррскій († 1230) заставляетъ душу Траяна снова переселиться въ его тѣло, чтобы удостоиться св. крещенія, — какъ Георгій креститъ краля отъ Трояна. — Соотношеніе обѣихъ трояновскихъ легендъ, съ именами Георгія и Григорія, заслуживаетъ внимательнаго изученія[2]).

3) Regiae virginis nomen nemo expressit, говорятъ Боландисты о царевнѣ чуда по поводу его греческаго и латинскихъ текстовъ, sed vulgus, more suo cuncta permiscens, S. Margaritam, nominat[3]). Святая змѣеборица Антіохійская могла быть сопоставлена съ св. Георгіемъ на такихъ-же основаніяхъ, на какихъ у насъ св. Елисавета и св. Марина на сванетской иконѣ.

---

[1]) B. Schmidt, Griech. Märchen, I стр. 30 — 1 и прим. 2. Сл. R. Köhler, въ Jen. Literat. Zeit. 1878, Art. 298.

[2]) Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, Іюль: Легенды о Вѣчномъ Жидѣ и объ императорѣ Траянѣ.

[3]) AASS. April. III, p. 106, b.

Текстовъ чуда или пошедшихъ отъ нихъ легендъ съ именемъ Маргариты я не знаю; тѣмъ не менѣе намекъ Болландистовъ мнѣ показалось полезнымъ прослѣдить. Къ тому вела меня и широкая популярность житія одной изъ святыхъ, носящихъ имя св. Маргариты, и появленіе этого имени въ весеннихъ пѣсняхъ и обрядахъ, въ которыхъ играетъ такую роль и св. Георгій. — Въ русскомъ чудѣ «до мученія» царевна то названа Лаодаміей (можетъ быть, подъ литературнымъ вліяніемъ миѳа о Беллерофонтѣ, сынѣ Нептуна, отцѣ Лаодаміи и побѣдителѣ Химэры), то наречена въ крещеніи Маріей; въ ркп. Погодинской 808: Маріей Самарянынеи, что объясняется, по мнѣнію г. Кирпичникова, уподобленіемъ ея разговора съ Георгіемъ — бесѣдѣ Христа съ Самарянкою [1]); или вліяніемъ Маріи-Магдалины [2]). Въ одномъ болгарскомъ стихѣ царевна также носитъ имя Марія, которое изслѣдователь связываетъ съ книжнымъ чудомъ «прежде мученія» [3]), хотя своеобразные мотивы пѣсни едва-ли не указываютъ на особый ея источникъ. — Я предполагаю соединить имена Маріи и Маргариты посредствующей формой: Марина, не потому чтобы имѣлъ въ виду водворить это имя въ древней редакціи чуда, а съ цѣлью указать на древнія, быть можетъ, мѣстныя причины его сближенія съ именемъ Георгія.

Церковь знаетъ нѣсколько святыхъ имени Марины съ различными календарными пріуроченіями, на соглашеніе которыхъ Болландисты потратили не мало труда: 22-го февраля память св. Марины въ Никомедіи; 28-го свв. Мараны или Марины и Киры (лат. 3-го августа); 10—11 марта: свв. Марины и Агапы въ Антіохіи; архим. Сергій показываетъ въ числѣ святыхъ, не находящихся въ мѣсяцословахъ греко-россійской церкви, св. Марину еще подъ 27 апрѣля и 27 мая. — Двѣ наиболѣе чествуемыя святыя этого имени отнесены Болландистами къ іюлю:

---

[1]) Кирпичниковъ l. c. стр. 51, 57 — 9.

[2]) Ibid. стр. 115.

[3]) Ibid. стр. 181 и 185.

подъ 17-ымъ іюля они говорятъ о св. Маринѣ или Маріи, подвизавшейся въ монастырѣ въ мужскомъ образѣ Марина, терпѣливо сносившей напрасныя обвиненія въ блудѣ, нѣжно воспитывавшей приписаннаго ей ребенка, пока смерть не обнаружила ея святой дѣвственности. Греческая церковь памятуетъ её 12-го февраля, но ея памяти разнообразились въ календаряхъ: 8-го и 11-го февраля, 31-го мая, 8-го августа и 8-го декабря.

Другая святая, чтимая у Грековъ подъ именемъ св. Марины, у Латинянъ — св. Маргариты, отнесена Болландистами къ 20-му іюля: ея память совершается на западѣ 12, 13, 15 и 20 числа этого мѣсяца; у Рабана Мавра, Ноткера и до позднѣйшаго времени во Франціи — 18 іюня; у Грековъ 17 іюля, когда западная церковь памятуетъ св. Марину — Марина[1]). — Маргарита — означаетъ «жемчужная», украшенная жемчугомъ; эпитетъ принятъ за имя собственное; въ этомъ смыслѣ Маргарита была прозвищемъ и св. Пелагіи антіохійской[2]). Что до имени Марины, то уже Болландисты сближали его съ сирійскимъ Mar или Mari = dominus; Marina, или вѣрнѣе, Marna = dominus noster; сл. выше Marina—Marinus; въ имени Marina заключено понятіе: domina, какъ такое-же значеніе отмѣчено Дюканжемъ для Маріи: Μαρία ἀντὶ τοῦ κυρία[3]). Это объяснитъ, быть

---

[1]) Сл. AASS. Julii IV и V, подъ 17 и 20 Іюля; Архим. Сергій, Агіологія II; Martinof l. c. Index: Marina, Marinus, и подъ указанными числами.

[2]) Сирійское житіе св. Пелагіи было недавно издано Gildemeister'омъ (Acta S. Pelagiae syriace. 1879), греческое Usener'омъ: Legenden der Pelagia. Bonn, 1879.

[3]) Такое толкованіе представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ обычное: Marina = морская, поддержанное недавно Узенеромъ, сближавшимъ не только по значенію именъ, но и по житіямъ, св. Марину съ Пелагіей. Оттуда его увѣренность: wir freuen uns die zur Zeit römischer Herrschaft nicht auffallende Uebersetzung der Pelagia in Gebrauch zu finden (l. c. стр. XIV). Изъ матеріала житій, подобраннаго Узенеромъ для доказательства своего положенія, выбираемъ лишь то, что можетъ служить подтвержденіемъ его этимологіи. Чередованіе именъ Марины

можетъ, имя Регины (т. е. царицы; франц. St^e Roïne, Reine, St^e Rogne бельгійскаго народнаго суевѣрія) въ ея легендѣ, наивномъ плагіатѣ Маринина житія, удержавшемъ или только слегка измѣнившемъ его собственныя имена и перенесшемъ мѣсто дѣйствія изъ Антіохіи писидійской въ писидійскую Алесію — потому что мѣстомъ особаго чествованія святой была Алесія — въ Бур-

---

и Маргариты въ житіи святой, чествуемой 12, 13, 15 и 20 іюля, мы уже знаемъ; выше было сказано и о другой св. Маринѣ или Маріи, подвизавшейся въ монастырѣ подъ именемъ Марина, — но существенно то-же повѣствуется и о святой Маргаритѣ, укрывшейся въ иноческомъ образѣ подъ именемъ Пелагія (AASS. Julii IV, 287 слѣд.). Если присоединить къ тому и Пелагію — Маргариту греческаго житія, изданнаго Узенеромъ, также являющуюся въ кающемся образѣ Пелагія, то уравненіе: Марина = Пелагія представится вѣроятнымъ и этимологія не вызывающую сомнѣній. Сомнѣніе возбуждаетъ то обстоятельство, что изъ двухъ именъ, подъ которыми извѣстна св. Марина — Маргарита, именно первое распространено на востокѣ, тогда какъ второе упрочилось на западѣ. Къ этому можно присоединить еще слѣдующее: Узенеръ обратилъ вниманіе на житіе еще одной антіохійской св. Пелагіи (лат. 9 іюня, греч. 9 и 10 іюня и 8 октября), бросившейся съ высоты дома, чтобы сохранить свою дѣвственность, тогда какъ ея мать и сестры, убѣгая отъ преслѣдовавшихъ ихъ воиновъ, кинулись въ рѣку. На отношенія этой легенды къ житію антіохійской св. Домнины или Домны и ея дочерей (AASS. Oct. II подъ 4-мъ октября, стр. 393 — 407; сл. ib. подъ 9 іюня: о св. Пелагіи) уже давно было обращено вниманіе: Домна и ея дочери, Вереника или Веринна и Просдока, также спасаются отъ погони, бросившись въ рѣку; св. Амвросій даже называетъ въ числѣ дочерей — св. Пелагію; Вероникъ, Пелагія и 49 мучениковъ антіохійскихъ поминаются у Болландистовъ подъ 19 октября. — Domna = Domina, Κυρία: значеніе, предположенное нами и для Марины; сл. свв. Марану или Марину и Киру (Κυρά = Κυρία), сирійскихъ святыхъ, чествуемыхъ греческою церковью 28 февраля (сл. AASS. Aug. I, 3 августа, стр. 226 — 7), когда память уется и св. Domnica или Domnina. (Martinof, Ann. Eccl. a. d. XXVIII Februarii) — Я склоненъ заключить изъ этого, что имя Марины, въ основѣ сирійское, было прилажено къ значенію лат. Marina, что дало возможность перевести её греческой Пелагіей.

гундіи![1]) Въ слѣдующей краткой передачѣ содержанія мы воспользуемся тѣмъ и другимъ житіями, лишь отмѣчая въ скобкахъ особенности, представляемыя апокрифомъ о св. Регинѣ. — Отцемъ св. Маргариты - Марины называютъ Θеодосія (въ текстѣ, допущенномъ Болландистами въ ихъ собраніе: Aedesius; въ житіи св. Регины: Климентъ); онъ — язычникъ, ненавидитъ свою дочь-христіанку и удаляетъ пятнадцатилѣтнюю красавицу изъ своего дома — къ ея кормилицѣ. Тамъ она пасетъ овецъ, когда префектъ Олибрій, прельщенный ея красотою, обратилъ на неё вниманіе. Онъ хочетъ жениться на ней, но она объявляетъ себя христіанкой и ввержена въ темницу. Здѣсь діаволъ является ей въ образѣ змѣя съ золотыми волосами и бородой, съ желѣзными зубами; его глаза блестятъ, какъ жемчугъ, изъ ноздрей пышетъ пламя и дымъ; языкъ высунулся, вокругъ шеи обвилась змѣя, въ рукѣ огненный мечъ. Онъ заразилъ воздухъ, отъ его дуновенія исходитъ огненное облако, озаряющее темницу. Бросившись на святую, онъ поглащаетъ её, но распятіе, которое она держала въ рукахъ, растетъ, ширится, распираетъ пасть чудовища, и святая выходитъ невредимой изъ его чрева. Тогда ей представляется другой демонъ, въ образѣ чернокожаго,

---

Разборъ миѳологической гипотезы Узенера (Пелагія = Афродита), привлекшаго къ Пелагіи и Маринѣ цѣлый рядъ другихъ святыхъ, устраняется ближайшей цѣлью этой работы. Въ житіяхъ святыхъ, объединенныхъ именемъ Пелагіи — Марины, образы дѣвственности и чувственности, искупленной покаяніемъ, чередуются и могутъ быть привлечены къ объясненію обще-европейскихъ повѣрій о Маринѣ — Маргаритѣ, какъ помощницѣ при родахъ (см. въ концѣ предъидущей главы замѣтку объ Анагитѣ). — Укажемъ въ заключеніи на смѣшеніе св. Пелагіи-блудницы съ Маріей (-Магдалиной?) въ хожденіи діакона Игнатія: гробъ св. Пелагіи находится въ церкви на Элеонской горѣ, «тое Пелагеи, которая ноги мνромъ помазала Господа и власы своими отерла». (Сахаровъ, Сказанія русск. нар. ч. VIII, стр. 105, b); это объясняетъ Марѳу, Марію и Пелагею, трехъ сестеръ Лазаревыхъ, въ народномъ заговорѣ у Чубинскаго, Матер. и изслѣдованія I, I, стр. 124.

[1]) AASS. Sept. III, 7 Sept. p. 24 слѣд.

съ руками, привязанными къ колѣнамъ; святая попираетъ его ногами. — Рядомъ съ этимъ новое, небесное знаменіе: двоякое появленіе голубя, то сидящаго на крестѣ, то приносящаго святой вѣнецъ побѣднаго мученичества [1]). Апокрифъ кончается молитвой, напоминающей подобныя-же въ апокрифическихъ житіяхъ: кто отъ труда своего пріобрѣтетъ списаніе моихъ мученій, говоритъ святая, исполни того, Господи, Духа Свята, и да не родится въ его домѣ дитя хромое, слѣпое или нѣмое, и да избудетъ онъ демонскаго наважденія и т. п. — Свидѣтелемъ-очевидцемъ мученій св. Марины-Маргариты является Ѳеотимъ (Theotimus; Contimus, Tectinus), въ апокрифѣ о св. Регинѣ — Ѳеофилъ [2]).

Св. Марина пріурочивается обыкновенно къ писидійской Антіохіи, нынѣшней деревнѣ Ялобачъ къ сѣверу отъ озера Эгдиръ или Эгердиръ, на югозападной сторонѣ котораго небольшой городокъ того-же имени занимаетъ, по мнѣнію Риттера, мѣсто древней Seleucia Sidera [3]); Limenae, Limnopolis у того-же озера не объясняетъ-ли заглавія житія св. Марины въ эскуріаль-

[1]) Сл. подобное-же видѣніе въ одной греч. пѣснѣ о чудѣ св. Георгія, Кирпичн. стр. 187.

[2]) Греческое житіе св. Марины находится въ cod. Laur. 9, 93; латинское напечатано Момбриціемъ и Суріемъ. — Старая популярность житія св. Маргариты на западѣ засвидѣтельствована цѣлымъ рядомъ народныхъ пересказовъ. Слич. Holland, Die Legende der hlg. Margarete, alt franz. und deutsch, 1863; A. Scheler, Deux redactions diverses de la légende de St^{e} Marguerite en vers français. Anvers 1877 (сл. Romania, XXVI, p. 339 — 41); Joly, La vie de St^{e} Marguerite, Paris 1879 (сл. Romania XXXII p. 275—6) —Noulet, Vie de St^{e} Marguerite en vers romans. Toulouse, 1875.—Die Marter der heiligen Margarete ed. M. Haupt, Zeitschr. f. deutsch. Alterth. I, 151 — 93; другая обработка издана Bartsch'емъ, Germania IV, 440 — 71 (сл. ib. VI, 376 — 79; VII, 268 — 70), третья имъ-же въ Germanistische Studien I, p. 1 — 30. — О нѣмецкихъ, англосаксонскихъ, англійскихъ и нидерландскихъ пересказахъ см. Vogt, Ueber die Margaretenlegenden, въ Paul und Braune's Beiträgen I, p. 263 слѣд.; особенно p. 284 — 5.

[3]) Texier, Asie Mineure, p. 717 a.

ской рукописи, пріурочивающее ея мученіе «in campo Limiae, quae est sub urbe Armeniae [1])? У Рабана Мавра не ясно, какая разумѣется Антіохія; поздніе акты о перенесеніи мощей св. Маргариты въ Тоскану и Вильбрандъ Ольденбургскій (1212) называютъ Антіохію сирійскую, что на Оронтѣ: «in medio vero monte.... est castrum in medio aedificatum. Sub cujus pede vidimus clusam, in qua beata Maria Magdalena egit per tempus penitentiam, et, sicut ipsa animo celestia concupivit, ita et tunc corpore terrena transcendit. Juxta illam eciam est parva capellula, ex qua beata Margarita, cum ad martyrium duceretur, fuit extracta [2]). Вниманіе обращаетъ сосѣдство именъ Маргариты-Марины и Маріи-Магдалины; извѣстна локализація послѣдней и сестры ея Мареы въ южнофранцузскомъ преданіи, представляющемъ ихъ змѣеборицами: Маріи-Магдалинѣ является драконъ-демонъ, грозящій поглотить её, ангелъ её освобождаетъ, и драконъ уносится въ пустыню, «гдѣ его побѣдила сестра моя Мареа», говоритъ святая: указаніе на легенду о св. Мареѣ, поборовшей змія знаменіемъ креста и связавшей его своимъ поясомъ [3]).

Къ сирійской Антіохіи привязаны и нѣкоторыя памяти св. Георгія: по свидѣтельству Raimond d'Agiles (172, 55) его мощи покоились тамъ въ храмѣ св. Леонтія; извѣстно его чудесное явленіе при осадѣ города въ 1098 г.; поэма Рейнбота, опираясь, быть можетъ, на неизвѣстные намъ источники сказанія, называетъ Георгія и его братьевъ — антіохійцами, по матери; сл. vv. 147—8:

Waren muterhalb geborn
Vorwar von Anthyoche [4]).

---

[1]) AASS. Jul. V, ad d. 20 Jul., p. 32 a.

[2]) Laurent, Peregrinatores medii aevi quatuor, p. 173. О другой антіохійской св. Маринѣ (вмѣстѣ съ Агапой) см. AASS. Mart. II p. 31—2.

[3]) Сл. житіе Маріи-Магдалины у Сурія, подъ 22 іюля; житіе св. Мареы въ Legenda Aurea.

[4]) Сл. v. 4972: Von Antioch der ohem myn. — Упоминаніе св. Мар-

Легенда, сообщенная Ѳеодоромъ Дафнопатомъ, пріурочиваетъ къ Антіохіи и чудо съ змѣемъ: мощи св. Іоанна спасаютъ дѣвицу отъ чудовища, котораго антіохійцы почитали какъ бога, принося ему въ жертву дѣвственницъ [1]). — Подобнаго рода чудо съ именемъ св. Георгія является не однажды локализованнымъ по сиро-финикійскому побережью: укажу лишь на Беритъ [2]), на Ге-

---

гариты, по поводу мученія Александры (v. 4663), можетъ быть, случайное.

[1]) Въ старонѣм. Johannisminne, изданной Hofmann'омъ (Zeitschr. f. deutsch. Alterth. XXII, p. 243) читаемъ: Und daz wir heivt alle als wol gesegnet sein — Als der heilig gůt herre sand iohannes gesegent den heiligen herren sand iorgen da miten ein — Mit den heiligen worten die da hie geschriben stant — Da mit er den lintwvrme vber want. Сл. сказанное выше о составѣ грузинской авгорозы: первая глава евангелія отъ Іоанна и изображеніе св. Георгія.

[2]) Эта локализація встрѣтилась мнѣ у итальянскихъ путешественниковъ XIV вѣка: Frescobaldi, Sigoli, Gucci (Сл. Viaggi in Terra santa di Lionardo Frescobaldi e d'altri del secolo XIV, ed. C. Gargiolli стр. 146, 246, 414—416; болѣе позднія свидѣтельства у Болландистовъ, l. c. April. III, 106, b); двое послѣднихъ присоединяютъ къ этому и другое свѣдѣніе: что св. Георгій усѣченъ былъ недалеко отъ Дамаска (l. c. стр. 245, 397), хотя, замѣчаетъ Sigoli, «i Greci dicono che fu martirizzato fuori della città di Rama, la quale è una delle città de' Filistei». — Интересно для иконографіи чуда описаніе его мѣстности у Giorgio Gucci: Не далеко отъ Бейрута «si trova uno pedale di torre, alta circa di braccia VI, e sali su per una scala, che è fuori della torre, in sul quale luogo gli uomini della città mandavano la preda, che il drago dovea mangiare.... E quando il re della città mandava per preda del detto drago la sua propria figliuola, d'età da marito, che santo Giorgio liberò, istava il detto re in alto sul monte alle finestre del suo palagio, del quale luogo di passo in passo si vede insino alla detta torre. E presso a detto luogo, forse a una gittata di mano, è la tana (напечатано: torre) grandissima sotterra, dove detto drago stava; e quando sentiva la preda in su detta torre, di detta tana usciva e andava a divorare detta preda. Poi di lungi a questo luogo meno d'uno mezzo miglio, fuori di strada forse una balestrata, è dove san Giorgio uccise il drago, ed è in una chiesa non troppo grande, bene acconcia, che si chiama la chiesa San Giorgio.... Là poi di lungi a questa

валъ нѣкоторыхъ пересказовъ русскаго чуда: Gibeleth, Gobeil = Biblium, выше Берита,—либо Gabulum, Gebele, южнѣе Лаодикеи? — Названіе: Ласія, Лаосія, если его позволено искать въ этой связи, остается по прежнему загадочнымъ: средневѣковыя наименованія Лаодикеи (нынѣ: Латакіэ): Lichia, Likka, Liça, Lice (въ chanson d'Antioche) напоминаютъ такое-же колебаніе: Лаосіи, Ласіи, Lycia.

Предъидущія сопоставленія, какъ бы они ни были отрывочны, выясняютъ, какъ мнѣ кажется, существованіе мѣстной малоазіатской легенды о чудѣ св. Георгія съ змѣемъ; если бы имя царевны засвидѣтельствовано было не одними русскими пересказами и болгарской пѣснью, можно было-бы надѣяться прійти къ болѣе точному мѣстному опредѣленію.

II. Слѣдуетъ остановиться еще на одномъ изводѣ чуда, спеціально извѣстномъ на Руси. — Погодинская икона XIII вѣка изображаетъ всё житіе Георгія и посрединѣ «св. Гѣргія, змія и єлисаву», ведущую змѣя за рогъ[1]). Въ русскихъ духовныхъ стихахъ о чудѣ царевна названа Алисафой, Алексафьей, Лисафетой, Елисафіей; ея отецъ — Адей, Агей, Агапій, Агафинъ, Огапитъ, Агапитъ. Эти имена не встрѣтились пока ни въ одномъ книжномъ сказаніи о чудѣ, и едва-ли въ немъ найдутся; они объясняются въ иной связи и принадлежатъ разновременнымъ наслоеніямъ иконописи и народной пѣсни. Причина появленія имени Елисаветы уже указана, говоритъ г. Кирпичниковъ[2]): ей празд-

chiesa per meno d'uno mezzo miglio è uno fiume, che mette ivi in mare: e quando è presso al mare, per circa a una balestrata, è una isoletta; la quale isoletta il detto fiume mette in mezzo. E in questa isoletta gran parte del tempo, dicono, dimorava questo drago; e al lato della chiesa detta è la fossa, dove detto drago fu sotterrato». — Сл. Бейрутскую локализацію у Димитрія Ростовскаго (Кирпичн. стр. 60) и въ греческой пѣснѣ у Сакелларія, Τὰ Κυπριακὰ III стр. 62 — 66.

[1]) Кирпичниковъ l. c. стр. 51; сл. выше изображеніе св. Елисаветы въ Лафехальской церкви въ Сванетіи.

[2]) l. c. стр. 177 — 8.

нуютъ 24-го апрѣля, и о ней говорится: «бысть-же чудесъ дѣлательница, змія лютаго молитвою умертви». Св. Елисавета чудотворица чествуется, главнымъ образомъ, греческою церковью; память ея встрѣчается въ менологіи императора Василія и лишь значительно позднѣе на западѣ; къ какому времени относится арабско-египетскій мартирологъ съ ея памятью, о которомъ говорятъ Болландисты [1]), — я не знаю. Время жизни святой неизвѣстно съ точностью; архим. Сергій [2]) опредѣляетъ его VI—IX вѣками и говоритъ, что святая чудотворица была настоятельницей обители свв. Косьмы и Даміана, построенной императоромъ Юстиномъ (518—527) и супругой его Софіею [3]). Мощамъ ея поклонялись русскіе паломники: новгородецъ Стефанъ около 1350 года и іеродіаконъ Зосима въ 1420 г. — Св. Елисаветѣ праздновали 24-го апрѣля, и на тотъ-же день полагалась память св. Георгія въ Константинопольскомъ храмѣ его имени ἐν τῷ Κυπαρισσίῳ [4]). Это совпаденіе не указываетъ-ли на среду, въ которой совершилось спеціальное сопоставленіе, давшее сюжетъ погодинской иконѣ? Русскій духовный стихъ могъ понять его реально, что объяснило-бы внесеніе новаго имени въ древнюю пѣснь о чудѣ.

Объединеніе св. Елисаветы съ Георгіемъ объясняется какъ согласіемъ ихъ символическаго аттрибута — змѣя, такъ и совмѣстностью ихъ празднованія. Въ первомъ отношеніи св. Маргарита-Марина отвѣчала тѣмъ-же условіямъ объединенія; су-

---

[1]) AASS. April. III подъ 24-ымъ апрѣля, f. 275.

[2]) Полный мѣсяцословъ востока II, ч. II, стр. 116, подъ 24 апр.

[3]) Болландисты ограничиваются замѣткой: quae videtur Constantinopolitanum aliquod monasterium fuisse (т. е. palaestra virtutum).

[4]) Martinof, l. c. подъ XXIV апрѣля. Въ той-же церкви память св. Георгія совершалась и 26 ноября, какъ въ Кіевѣ, въ память освященія кіевской церкви св. Георгія на Золотыхъ Воротахъ въ 1037 г. (l. c. подъ 26 ноября). — Замѣтимъ, что Георгію праздновали 24-го апрѣля и въ Миланѣ, Павіи, Аквилеѣ, Зальцбургѣ, Прагѣ, Гнѣзнѣ, Краковѣ и Аугсбургѣ. Сл. Weidenbach, Calendarium p. 168; Grotefend, Handbuch der Chronologie p. 109.

ществовало-ли и второе, т. е. календарный синхронизмъ? Народная обрядность можетъ дать на это приблизительный отвѣтъ, раскрывая отношенія, проливающія нѣкоторый свѣтъ на развитіе георгіевскаго культа. Марину-Маргариту мы встрѣтимъ въ цѣломъ рядѣ народныхъ воспоминаній; Елисавета въ нихъ не отложилась: свидѣтельство меньшей, сравнительно, древности ея народнаго чествованія.

I. Лѣтнее пріуроченіе: Марія-Маргарита и Илья. Память св. Марины совершается 17 и 20 іюля[1]); къ послѣднему дню относятъ нѣкоторые старинные мартирологи и памятованіе свв. мучениковъ Георгія (не великомученика) и Θеодора[2]). Нельзя придавать значенія этому совпаденію и лишь второстепенное слѣдующимъ извѣстіямъ о культѣ Чеченцевъ: 5-го іюля Кистины собираются на гору Матхохъ, на вершинѣ которой находятся три памятника, обращенные фасадами на востокъ и называемые у туземцевъ церквами. Въ одномъ изъ нихъ они совершаютъ празднество въ честь св. Георгія, въ другомъ въ честь Божьей Матери, а въ третьемъ св. Маринѣ[3]). — Подобное сопоставленіе: Маріи, Марины и Георгія уже встрѣтилось намъ въ сванетской иконописи; Марина — имя той поклонницы святого, съ которой связано движеніе Георгіанцевъ.

Большаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе факты.

20-го іюля церковь празднуетъ пророку Ильѣ. Въ славянскихъ, греческихъ и кавказскихъ вѣрованіяхъ онъ является громовникомъ. Молнію русскій народъ считаетъ за стрѣлу, кидаемую Ильей пророкомъ въ змѣя или дьявола, который старается укрыться отъ нея въ разныхъ животныхъ и гадахъ; на Ильинъ день волки и змѣи выходятъ изъ своихъ норъ, бродятъ по полямъ и лѣсамъ, жалятъ и терзаютъ домашнюю скотину, и только

---

[1]) Въ Чехіи её памятуютъ 13-го іюля, но народное празднованіе ей подъ Прагой отбывалось, по замѣчанію Гануша, недѣлю спустя, т. е. 20 іюля, стало быть, въ Ильинъ день.

[2]) Martinof, l. c. подъ 20 іюля.

[3]) Дубровинъ, l. c. I, I, 385.

одинъ громъ въ состояніи разогнать ихъ. — Въ апокрифической бесѣдѣ Эпифанія съ Андреемъ (Юродивымъ) первый спрашиваетъ: «по праву-ли сіе глаголютъ, яко Илья пророкъ есть на колесницѣ ѣздя гремитъ, молнія пущаетъ по облакамъ и гонитъ змія? Святый-же рече: не буди то, чадо, ему тако быти, велико бо безуміе есть, еже слухомъ пріимати» [1]). Представленіе демона-змѣя, поражаемаго Ильей, принадлежавшее уже средне-греческому суевѣрію, сохранилось и среди Сербовъ и Болгаръ: въ западной Болгаріи громъ приписывается Ильѣ, гонящему ламью, молнія — его копье; огонь, появляющійся въ воздухѣ отъ жаровъ — это змѣй, который отправляется къ любимой имъ дѣвушкѣ [2]). — По повѣрью жителей Ріонской долины змѣи, представители зла на землѣ, бываютъ трехъ родовъ: красные, черные и крылатые; они стерегутъ зарытыя въ землю сокровища и пожираютъ каждаго, кто къ нимъ приближается. Съ ними могутъ сражаться лишь неустрашимые витязи, преимущественно святые, которые и побѣждаютъ ихъ. Такъ, по понятію туземцевъ, гроза есть ни что иное, какъ преслѣдованіе змѣя св. Георгіемъ на летящемъ конѣ; громъ — это звуки отъ его ударовъ, молнія — стрѣлы, которыми онъ поражаетъ врага [3]). То-же представленіе о Георгіи въ связи съ явленіями грозы извѣстно и въ русскомъ суевѣріи [4]).

Такое сближеніе типовъ свв. Ильи и Георгія повело съ одной стороны къ совмѣстному ихъ празднованію, какъ напр. у

---

[1]) Πολίτης l. c. I стр. 22—24, цитуя отрывки бесѣды ἔκ τινος βυζαντινοῦ χειρογράφου, не узналъ ихъ принадлежности къ житію Андрея Юродиваго.

[2]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія I, 419 слѣд.: Илья громовникъ и огненная Марія; сл. стр. 737 и II, 516—517; Каравеловъ l. c. подъ 20 іюля; Калинскій l. c. подъ 20 іюля.

[3]) Дубровинъ l. c. I, II, стр. 234.

[4]) Аѳанасьевъ l. c. I, 704; II, 517; Труды Этногр. стат. эксп. въ Западно-русскій край. Юго-западн. отд. Матеріалы и т. д. собр. Чубинскимъ т. I, вып. 1, стр. 19, 21.

Абазиновъ, сливавшихъ день св. Георгія со днемъ св. Ильи въ одинъ праздникъ [1]); съ другой — къ сліянію ихъ въ одинъ образъ, совершившемуся, по всей вѣроятности, гораздо ранѣе XIV-го вѣка и не въ мусульманской средѣ. Я имѣю въ виду легендарнаго Хызра или Кидра мусульманскихъ сказаній, т. е. зеленаго, котораго иные отождествляютъ съ Ильею; смѣшеніе съ послѣднимъ обличаетъ форма слитнаго имени для Хызра: Khidrellez. Уже въ XIV-мъ вѣкѣ, по свидѣтельству Іоанна Кантакузина, существовало дальнѣйшее уравненіе: мусульмане, говоритъ онъ, чтутъ св. Георгія, котораго называютъ Χετὴρ Ἠλίας, т. е. Кидромъ-Ильею, — Ильею зеленымъ, что напоминаетъ зеленаго Юрія Словенцевъ. Едрелесъ-Георгію празднуютъ въ Болгаріи цыгане-магометане [2]).

Смѣшеніе Георгія съ Ильей (20 іюля) не объяснитъ-ли намъ имя Маріи въ чудѣ со змѣемъ? Въ Маріи сербскихъ и болгарскихъ пѣсенъ слѣдуетъ-ли видѣть народное пріуроченіе Богородицы [3]), или Маріи Магдалины (22 іюля), хранительницы молній по сербскому повѣрью, грозящей громомъ русскому крестьянину за непочтеніе къ ея празднику [4])? И не возможно-ли допустить еще одинъ моментъ въ объясненіе образа и имени: Марину-Марію, которой праздновали 17 — 20 іюля? Эпитетъ «огненной» Маріи у сербовъ и болгаръ можно-бы объяснить изъ отраженія Ильи-громовника; замѣтимъ, во всякомъ случаѣ, что въ числѣ мученій св. Марины большую роль играетъ истязаніе огнемъ.

Сравненіе южнославянскихъ пѣсенъ о Георгіи — и Ильѣ и

---

[1]) Дубровинъ l. c. ib. стр. 25.

[2]) Кирпичниковъ, l. c. стр. 98—100 и прим. 4 на стр. 98 (ссылка на Памятники Каравелова должна быть исправлена: чит. стр. 69) и 4-ое на стр. 100.

[3]) Такъ поняты были эти отношенія въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды: Берта, Анастасія и Пятница, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Февр. стр. 189 слѣд.

[4]) Калинскій l. c. подъ 22 іюля.

огненной Маріи укажетъ намъ на нѣкоторыя другія точки соприкосновенія.

Король отъ Трояна, Латинъ, язычникъ, велитъ троянскимъ христіанамъ раззорить единаго Бога и написать Бога серебрянаго. Въ наказаніе за это изсякли въ городѣ всѣ источники, кромѣ одного, въ которомъ поселилась стихійная змѣя. Её каждый день снабжаютъ живой пищей; король посылаетъ ей въ жертву младшую дочь — Марію, христіанку (сѣ прекѫрсти, богу сѣ помоли)[1]. Въ другомъ варіантѣ той-же пѣсни[2]) всѣ троемскіе христіане представляются невѣрующими, и ихъ постигаетъ такое-же наказаніе; христіанкой является одна царская дочь:

Ела она, брате, вѣруваше
Господа Іисуса Христоса.

Обреченная ламіи, она ждетъ ея появленія изъ озера; на вопросъ св. Георгія, она клянетъ своего отца, троемскаго царя:

Онъ ѥ кадаръ, брате,
И сосъ пари друга да купе,
Таинъ да си пуще, и зорбалокъ да чинитъ,
Таинъ да не даде;
А ела нели не вѣрува
Вистински господа,
Язе си вѣрувамъ Іисуса Христоса,
Мене таинъ ме пущи
На сура-та Ламіа.

Когда святой поразилъ чудовище, царь встрѣчаетъ его не съ радостью, а обвиняетъ въ волшебствѣ, и лишь угроза заставила его и народъ увѣровать въ истиннаго Бога.

Въ третьемъ варіантѣ болгарской пѣсни, сообщенномъ мнѣ г. Сырку (Запис. въ Радомирѣ, въ западной Болгаріи) змѣй («недрага аждера») поселился у Трояна-града и каждый день губитъ по дѣвушкѣ. Дошла очередь до единственной дочери «Троянскаго краля»:

---

[1]) Братья Миладиновци, Бѫлг. народ. пѣсни № 38.

[2]) l. c. № 31.

Накити я Бог' ме премени я,
Като ка че у сватове да иде,
Та я прати сама по друмове да иде.

На встрѣчу ей пресвятой Георгій; на его вопросъ она разсказываетъ ему объ ожидающей её участи:

У жалби ме лепо накити(х)а,
Накити(х)а свилно премени(х)а,
Испрати ме сама по друмове,
Да ме глѫта недрага аждера.

Георгій уговариваетъ её покреститься, она убѣждаетъ его уйти, чтобы и ему не погибнуть. Между тѣмъ явился и змѣй, а Георгій еще разъ тихо уговариваетъ дѣвушку увѣровать въ его Бога:

А она се тогай покрьстила.

Георгій поражаетъ змѣя, велитъ дѣвушкѣ связать его поясомъ (тѫнки потелици) и вести передъ нимъ (поведи я прѣдъ крилата коня. Сл. № 38 Милад.) Троянскій краль и кралица встрѣчаютъ ихъ, сулятъ награду (въ № 38 Милад. король предлагаетъ Георгію руку дочери), но святой требуетъ только, чтобы король покрестился, иначе онъ напуститъ на нихъ чудовище. Царь и кметы крестятся.

Главное отличіе этого, пока не напечатаннаго, варіанта пѣсни отъ предъидущихъ состоитъ въ отсутствіи религіозной розни, раздѣляющей отца и дочь уже въ началѣ разсказа. — Городъ Троянъ является и въ сербскихъ пѣсняхъ о раздѣлѣ земли и природы между святыми, въ числѣ которыхъ главная роль предоставлена Маріи и Ильѣ. Первой достается Троянъ:

Дадоше јој проклетог Тројана
У коме се безакоње ради,
Да умири и закон постави.

Но она не можетъ направить грѣшниковъ на путь истины, жалуется на ихъ беззаконье и грозитъ карой:

Молиђу се Богу истиноме
Нека пусте од небеса муње,
Нек обори граде и бедеме,
Нек попали села и вароши,
Не-би-ли се Тројан сјетовао [1]).

Въ другихъ варіантахъ той-же пѣсни вмѣсто Трояна является Индія проклятая [2]), или просто проклятая земля [3]); въ болгарскихъ пѣсняхъ того-же содержанія «земя Легенска» [4]), «Паливянска» [5]) или «Каравлашка» [6]). Значеніе Легенской земли, города Ледьяна въ сербской (и болгарской) народной поэзіи выяснено было недавно Новаковичемъ [7]); какъ-бы ни разнообразилось названіе въ приведенныхъ выше пѣсняхъ, ясно, что разумѣется страна язычниковъ или невѣрующихъ христіанъ, и что «троемскіе христіане» пѣсенъ о св. Георгіи отвѣчаютъ «проклятому Трояну» пѣсенъ о дѣлежѣ. Въ первыхъ грѣшники наказаны тѣмъ, что у нихъ изсякли источники; въ послѣднихъ Илья затворяетъ семь небесъ, кладетъ печать на облака, такъ что на грѣшную землю не падаетъ ни дождей, ни росы; тамъ и здѣсь кара прекращается съ обращеніемъ невѣрныхъ, тамъ и здѣсь ихъ обличительницей является Марія. — Эти сравненія, выясняютъ, какъ мнѣ кажется, почву, на которой совершилось сближеніе мотивовъ «о дѣлежѣ земли» и о Георгіи въ одной (сводной?) сербской пѣснѣ у Петрановича (№ 1): святые дѣлятъ промежъ себя міръ, невѣрный городъ Троянъ достается Божьей Матери (Маріи); послѣ напрасныхъ усилій обратить жителей къ истинному Богу,

---

1) Петрановиђ, Срп. нар. пј. из Босни и Херцеговине № 1.

2) Караџиђ, Срп. нар. пјесме II № 1.

3) Ibid. II № 2.

4) Миладиновцы, l. c. № 30.

5) Ib. № 53; въ послѣднемъ стихѣ вм. Паливянской: «земя Палестинска».

6) Верковичъ, Нар. песме Македон. Бугара, № 218.

7) Ueber Legjangrad (Ledjan-Stadt) der serbischen Volkspoesie, въ Archiv f. slav. Philologie III p. 124 — 130.

она насылаетъ на нихъ змѣя, поселяющагося въ озерѣ и требующаго человѣческихъ жертвъ. Черезъ семь лѣтъ жертвенная очередь доходитъ до царевны и ея спасителемъ является Георгій.

Что подъ Маріей Ильинскаго повѣрья слѣдуетъ понимать Марію-Марину, на это указываютъ еще слѣдующія, объединяющія ихъ черты: какъ въ сербской жатвенной пѣснѣ являются «громовит Илиjа» и «огњена Мариjа», а по бѣлорусскому присловью Илья зажинаетъ жито, или: «св. Ильля Божія жнея»[1], — такъ въ чешскомъ на 13-ое іюля является св. Маргарита:

Svatá Markyta
Vodí žence do žita[2]).

Связи Ильи съ небесной влаги извѣстны; онѣ даютъ содержаніе цѣлому ряду примѣтъ; нѣкоторыя изъ нихъ пріурочены и къ Маринѣ-Маргаритѣ: «Если будетъ громъ въ день Ильи, то орѣхи будутъ пусты», говорятъ въ Болгаріи[3]); коли на св. Маргариту дождь, то онъ будетъ лить всю недѣлю, говорятъ нѣмцы; «wenns St. Margreten regnet, werden die Nüsse faul»; «pršíli na den sv. Markéty, bývaji liskové ořechi prázdné a červivé»[4]). Эта болгарская, чешская и нѣмецкая примѣта перенесена у насъ на св. Макрину Каппадокійскую, сестру св. Василія Великаго, чествуемую 19 іюля; таково малорусское повѣрье: если на день св. Макрины будетъ дождь, вся осень будетъ дождлива и не будетъ орѣховъ[5]). Макрина замѣнила, вѣроятно, Марину-Маргариту, засвидѣтельствованную западнымъ повѣрьемъ. Въ этомъ отношеніи интересно показаніе наніанскаго календаря X — XI вв., смѣшавшаго св. Макрину съ Мариной, поминаемой имъ подъ предъидущемъ днемъ[6]). Фран-

---

[1]) Крачковскій, Бытъ западно-русскаго селянина стр. 149; Петрушевичъ, Обще-русскій дневникъ р. 62 — 3.

[2]) Erben, Prostonárodní české písně стр. 85.

[3]) Каравеловъ, l. c. стр. 241.

[4]) Hanuš, Bajeslovný kalendař стр. 195.

[5]) Чубинскій l. c. Народный дневникъ стр. 223.

[6]) Martinof, l. c. подъ XIX іюля.

цузская поговорка, наоборотъ, перенесла примѣту, только измѣненную, на день св. Маріи Магдалины (22 іюля): A la Madeleine — Les noix sont pleines.

II. Весеннее пріуроченіе: Марія-Маргарита-Марина (и Георгій?). Предположенное нами сближеніе Марины-Маргариты съ Георгіемъ-Ильей объяснитъ, быть можетъ, значеніе нѣкоторыхъ славяно-германскихъ весеннихъ обрядовъ, въ которые имя первой проникло — на основаніи-ли совершившагося сближенія, или вслѣдствіи одного изъ календарныхъ пріуроченій Марины — мы не знаемъ. Встрѣтивъ имя Graite, hillige, sünte Graite, т. е. св. Маргариты, въ одномъ нѣмецкомъ майскомъ заговорѣ на телятъ, Woeste[1]) обращаетъ её въ древне-нѣмецкую богиню земли и домашняго очага, Griate или Graite. «Какъ Fría (Frouwa) нерѣдко замѣнялась Маріей, такъ св. Маргарита могла заступить мѣсто какой-нибудь другой нѣмецкой богини», говоритъ онъ; «что-же можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, общаго между святой, чествуемой 13-го іюля, — и первымъ маемъ и заговоромъ на коровъ и телятъ?» Вольфъ[2]) отождествилъ Маргариту нѣмецкихъ повѣрій съ Гелой, Маннгардтъ[3]) съ богиней судьбы, Wurth, и въ самомъ имени святой искалъ фонетическій образъ скрывшагося за нимъ туземнаго божества: Markreiterin. Во всѣхъ этихъ случаяхъ славянскія повѣрья о Маргаритѣ не были приняты во вниманіе, а это могло-бы предупредить иныя, слишкомъ одностороннія обобщенія — въ смыслѣ той или другой народной миѳологіи[4]).

Существуетъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ пѣсенокъ, вѣрнѣе, заговорныхъ формулъ, въ которыхъ чередуются имена Маргариты и Маріи, и указаны какія-то ихъ отношенія къ дождю къ замы-

---

[1]) Zeitschr. f. deutsche Mythologie, II стр. 84 — 8.

[2]) Wolf, Beiträge I, 203.

[3]) Mannhardt, Germanische Mythen p. 382 слѣд.

[4]) Сообщая нѣмецкія повѣрья, относящіяся къ дождю, въ которыхъ чередуются имена Маргариты и Маріи Магдалины, Mannhardt l. c. стр. 146 прим. 2 не рѣшается сказать — славянскія-ли онѣ или нѣмецкія!

канію и отмыканію влаги. Въ одной ютской пѣснѣ Маргарита (Meta) представляется живущей на перелазѣ, она молитъ Господа, чтобы прекратился дождь — и дождь пересталъ, туманъ разсѣялся, засвѣтило солнце, корова побѣжала[1]). Въ другомъ варіантѣ той-же пѣсни рядомъ съ Маргаритой (Meta) является и Malên, т. е., вѣроятно, Марія Магдалина[2]), какъ въ гольштинской — Марія:

bâwen sitt Margrêten,
lett dat water flêten,
ünner sitt Maria и т. д.[3]),

Отношенія Маргариты къ дождю проходятъ въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ примѣтъ и присловій[4]), какъ съ другой стороны въ гольштинскомъ и фарейскомъ заклинаніяхъ на дождь въ той-же роли является Марія[5]).

Чтобы точно опредѣлить миѳологическое содержаніе этихъ формулъ, слѣдовало-бы знать, когда и по какому поводу онѣ поются. Я полагаю ихъ въ связи съ другой группой формулъ, на истолкованіе которой Маннгардтъ[6]) потратилъ не мало остроумія: въ ней являются три Маріи, три золотыя дѣвы и т. п., выглядывающія изъ дома, замка; одна изъ нихъ прядетъ шелкъ, другая вьетъ веревки, третья отмыкаетъ небо, выпускаетъ солнце, замыкаетъ дождь, — либо идетъ къ роднику, гдѣ находитъ ребенка. Одинъ символическій образъ могъ подставиться на смѣну другого; въ этомъ отношеніи можно согласиться съ Маннгардтомъ[7]), полагающимъ, что подробность о родникѣ и ребен-

---

[1]) Zeitschr. f. deutsch. Mythologie IV: Mannhardt, Nachträge und Berichtigungen zu den «Germanischen Mythen» стр. 431.

[2]) Mannhardt, Germ. Myth. стр. 423 прим.; сл. выше прим. [1]).

[3]) Mannhardt l. c. стр. 381.

[4]) l. c. стр. 382.

[5]) l. c. стр. 375 — 6.

[6]) l. c. стр. 524 слѣд.; 656 слѣд.; 703 — 708; сл. стр. 388 № c.

[7]) l. c. стр. 537, 706 — 7.

кѣ принадлежитъ первичному преданію, а не привилось изъ другой пѣсни. Связующимъ мотивомъ являлось представленіе ключей, отмыкающихъ небо, землю для новаго роста, женскую утробу для новаго плода, какъ въ русскихъ наговорахъ при родахъ, гдѣ съ восточной стороны съ небесъ стоитъ серебряная лѣстница, а по ней ползетъ мать пресвятая Богородица съ золотыми ключами — отпирать мясной ларецъ и т. п. [1]). — Другая группа пѣсенокъ, которую Маннгардтъ также привлекъ къ сравненію, съ предыдущими, едва-ли сюда относится, хотя между тѣми и другими могли происходить внѣшнія смѣшенія: три сестры сидятъ въ саду, либо на деревѣ; одна изъ нихъ бросила камнемъ въ другую, попала ей въ ногу, та заплакала; два варіанта этого заклинанія (№№ 6 и 13), кончающіеся излѣченіемъ ноги, указываютъ на первоначальное значеніе цѣлаго и на отсутствіе видимой связи этой группы съ помянутой выше. — Одна, къ сожалѣнію, искаженная пѣсенка, записанная въ Бременѣ, начинается мотивомъ предъидущей группы: изъ дома выглядываютъ три дѣвицы (три Маріи?), мѣсяцъ свѣтитъ, кабанъ бросился на Маргариту (Metje), повредилъ ей ногу; Марія спускается по лѣстницѣ, на ней пестрое платье, увѣшанное колокольчиками; колокольчики зазвенѣли, Марія запѣла и т. д. Сл. русскій заговоръ руду унимать: Въ чистомъ полѣ на восточной сторонѣ стоитъ серебряная лѣстница, по серебряной лѣстницѣ идетъ Мать Пресвятая Богородица.... своими ризами рану затыкаетъ и т. д. [2]) — и содержаніе одной французской «formulette que chantent les enfants en jouant à la balançoire»: A la pinte à l'huile! — D'où viens-tu, Marguerite? — Je viens du bois. — Quoi faire? — Faire un petit fagot. — Qu'a tu rencontré dans ton chemin? — Un petit marmouset. — Que t'a-t-il fait? — Il m'a mordu à la jambe. — Où est-il le sang? —

---

[1]) Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, часть 2: Народная Словесность стр. 197—8; сл. № г.; Майковъ, Великорусскія заклинанія № 49.

[2]) Ефименко l. c. стр. 212 № 67.

Au milieu des champs.—Les os?—Au milieu des bois[1]). Едва-ли не безопаснѣе, въ виду возможности новыхъ откровеній народнаго обряда, отдѣлить другъ отъ друга двѣ группы заговорныхъ формулъ, изъ которыхъ послѣдняя представляется мнѣ заклинаніемъ отъ увѣчья или ушиба (съ именемъ Маргариты не случайнымъ?), другая, съ именемъ Маріи, указываетъ на образы замыканія и отмыканія влаги, съ которыми мы встрѣтимся вновь въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Чешскія пѣсни на «смертной недѣлѣ» (пятое воскресенье великаго поста) поминаютъ св. Маркиту = Маргариту:

A ty svatá Markyto
Dej nam pozor na žito[2])

—

Svatey Petr voře
na zelený hoře,
Markyta mu pohoní,
utekla mu od koní;
on ji dostal u vrátek,
roztrhal jí kabátek.
Proč ty mně ho trhaš?
ty jsi mně ho nešil:
šila mně ho Barborka,
co vykouká z vokýnka[3]).

Св. Петръ представляется въ другой весенней пѣснѣ того-же цикла гремящимъ: Svatý Petr hřimá[4]). Не явился-ли онъ замѣной Ильи-громовника (сл. сербск. Илья и огненная Марія), или

---

[1]) Mélusine, p. 319.

[2]) Erben, Prostonárodní české písně p. 59 № 9 и варіанты, съ которыми сл. пѣсенку на 13 іюля, l. c. p. 85. Сл. Sušil, Moravské národní písně p. 769: Smrtolenko (сл. варіанты) и 772 (Smrtná neděla dnes nám nastala).

[3]) Erben l. c. стр. 59 № 11.

[4]) Erben l. c. стр. 59, № 10: ze staršího rukopisu; въ новѣйшемъ перепѣвѣ: Svatej Petře z Říma!

вѣроятнѣе мнѣніе Гануша[1]), что образъ гремящаго Петра могъ возникнуть изъ символа ключей, которыми, по повѣрью, онъ замыкаетъ или отмыкаетъ небо[2])? Въ сербско-болгарскихъ пѣсняхъ ключи отъ неба являются у Петра либо у Ильи; или Илья пускаетъ молнію и громъ, а св. Петръ кишу[3]). — Такъ или иначе, но образы ключа, замка, отпиранія повторяются въ тѣхъ-же чешскихъ и моравскихъ весеннихъ пѣсняхъ, только при имени не Маркиты-Маргариты, а Маріи и Mořena'ы, Mařena'ы:

O Maria! o Maria!
kde's tak dlouho byla?
U studýnky, u rubínky
ruce jsem si myla,
zámečkem, zámečkem
jsem se zamykala,
lístečkem, lístečkem
jsem se odmykala[4]).

---

[1]) Hanuš, Baj. Kal. slov. стр. 193; Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. I, 401 — 404.

[2]) Сл. нѣсколько дѣтскихъ пѣсенекъ у Mannhardta, Germ. Myth. p. 389 № γ и p. 390, прим. 3.

[3]) Интересенъ образъ Петра-громовника въ одной южно-итальянской пѣснѣ (Basilicata), представляющей замѣчательное, нигдѣ болѣе не встрѣтившееся мнѣ сходство съ сербскими пѣснями вообще и пѣснями о недѣлѣ въ особенности (слич. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды: Берта, Анастасія и Пятница, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г. Февр. p. 191): въ лѣсу стоитъ часовня, въ ней служитъ обѣдню самъ І. Христосъ, св. Петръ прислуживаетъ, слушаетъ св. Доменика (Rumenica). Спрашиваетъ её Петръ: что съ тобой моя Доменика, что ты всё плачешь? — Какъ мнѣ быть? Праздники стали теперь понедѣльниками, мѣсятъ хлѣбъ и бѣлье золятъ, брызги летятъ мнѣ въ лицо.—Успокойся моя Доменика, пусть ихъ дѣлаютъ, сдѣлаемъ и мы: пойдемъ на синее небо, пустимъ громъ и бурю («пушти, Петре, кишу изъ облака»), будетъ неурожай и голодъ у тѣхъ, что работаютъ по праздникамъ. — Не дѣлай того, не надо, чтобы праведные плакались за грѣшниковъ (Casetti e Imbriani, Canti delle provincie meridionali II p. 186 — 7).

[4]) Erben l. c. стр. 57 № 2 и варіантъ.

Вмѣсто Маріи чешскій варіантъ приведенной пѣсни, поющейся на «смертной недѣлѣ», называетъ: Smrtonoško-Velkonočko, моравскіе: Smrtná neděla, Smrtničko, Lidičko[1]). — Другая чешская пѣсня обращается къ Mořena'ѣ:

Mořena! Mořena!
kam jsi klíče děla?
Děla jsem je, děla
svatýmu Jiří,
aby nám otevřel
do ráje dveří;
děla jsem je, děla
svatýmu Jánu,
aby nám otevřeł
do nebe bránu.
Svatey Jiří vstává,
zem odemykává,
aby tráva rostla,
travička zelená,
růžička červená,
fijala modrá [2]).

Въ одной волынской пѣснѣ на Юрьевъ день Урай = св. Юрій проситъ ключа у матери:

Та подай, матко, ключа,
Одмікнути небо,
Випустити росу,
Дівоцькую красу и т. д.,

какъ въ бѣлорусскомъ повѣрьѣ онъ является «божьимъ ключникомъ», отмыкающемъ землю золотыми ключами[3]).

Въ моравскихъ пѣсняхъ и здѣсь та-же замѣна Моржены — «смертной недѣлей», Smrtolenko, smrtolo, передающей ключи

---

1) Sušil l. c. стр. 768 — 9 (сл. стр. 769, сверху, и варіанты).

2) Erben l. c. стр. 57, № 1.

3) Чубинскій l. c. Народный дневникъ стр. 30 — 31. (Сл. Головацкій, Народн. пѣсни Галицкой и Угорской Руси, II, стр. 177 — 9, Гаилки №№ 1 и 2). Сл. бѣлорусскія юрьевскія пѣсни съ тѣми-же образами отмыканія, ключа, у Кирпичникова l. c. p. 136 и прим. 5.

св. Юрію, либо «цвѣтной недѣлѣ» (Вербному воскресенью), отъ которой они переходятъ къ чистому понедѣльнику, великому четвергу и, далѣе, къ св. Юрію [1]). — Одна изъ этихъ пѣсенъ сохранила имя Mařena'ы, но далѣе развивается иначе:

Mařena, Mařena,
kde's kluče poděla?
Dala sem ich, dala
tej květnej neděli,
aby odmykala
ze země koření.
Mařena, Mařena,
pro kehos umřela?
Pro teho, pro teho
šohaja švarného [2]).

Такимъ-же вопросомъ:

Má milá Mařeno,
pro kohos' umřela?

начинается другая моравская пѣсня [3]), и Mařena отвѣчаетъ: pro toho synečka nekterého; на томъ полѣ ягнята, продолжаетъ далѣе пѣсня, черные, обгорѣлые, на той полянѣ овечки, бѣлыя, разбѣлыя. То не ягнята, а парни, то не овечки, а дѣвушки. — Иначе у Словаковъ:

Morena, Morena,
Za koho sy umriela?
Ne za nas, ne za nas,
Než za ty nevolně krieštány [4]).

---

[1]) Sušil l. c., стр. 768 — 9 (Smrtná neděla — Kams klíče poděla?), 769 (Smrtolenko, smrtolo), 769 — 770 (Smrtná neděle) и варіанты; стр. 772 (Smrtná neděla), 773 (Smrtná neděla). — Сл. «понеділокъ, господній или божій ключникъ» въ шалопутскихъ молитвахъ у Драгоманова, Малорусс. народ. предан. и разсказы, стр. 36 — 9.

[2]) Sušil l. c. p. 771 in fine: Marěna, Marěna; сл. ib. p. 769 in fine: Smrtná neděle, kdes kliče dala? — Dala sem je dala květné neděli.

[3]) Sušil, l. c. p. 771, въ началѣ.

[4]) Tablyc, Poesye. Wacow, 1806, I стр. IX (у Срезневскаго, Чешскія глоссы къ Mater Verborum, стр. 135).

Смерть Mařena'ы относится къ довольно распространенному славянскому обряду: сожженію, потопленію и разрыванію Моржены, Маржены и т. п. Въ Хрудимскомъ краѣ, въ Чехіи, въ такъ называемую Smrtnu nedĕli, дѣвушки одѣваютъ соломенное чучело въ женскую одежду и, взявши подъ руки или поднявши на жерди, выносятъ изъ деревни, а потомъ гдѣ-нибудь у воды или оврага раздѣвъ бросаютъ въ воду. Чучело носитъ названіе Mořena, въ Моравіи Mařena; обычай разнообразится такъ, что чучело либо бросается въ воду, либо сжигается, разрывается на части, забрасывается камнями, или зарывается. У Словаковъ имя Маржены является въ формахъ: Morena, Muriena, Mamuriena; у древнихъ Поляковъ: Marzanna, по свидѣтельству Длугоша, сообщившаго намъ подробности и о соотвѣтствующемъ обрядѣ: изображенія (чучелы, simulachra) «Dzievannae et Marzannae» поднимались на жерди и повергались въ воду «in dominica quadragesimae laetare»[1]). — Въ Малороссіи Мареною называлось чучело изъ черноклёна, одѣтое въ женское платье, вокругъ котораго дѣвушки пѣли и плясали въ Семикъ (и на Купалу)[2]); тамъ-же при встрѣчѣ весны носятъ по улицамъ и полямъ чучело Мары (Марены), одѣтое въ женское платье, и поютъ весеннія пѣсни; потомъ ставятъ его на возвышенномъ мѣстѣ и зажигаютъ; пока оно горитъ, поселяне пляшутъ и закликаютъ обычными причитаніями весну[3]). Съ сжиганіемъ Мары можно сопоставить юрьевскій обычай Гуцуловъ и Подгорянъ — палить «Юрика»[4]) — Въ соотвѣтствующихъ нѣмецкихъ обрядахъ кукла, красующаяся на майскомъ деревѣ и потомъ бросаемая въ воду, называется Gretl, т. е. Маргаритой; иногда этихъ фигуръ является двѣ, мужская и женская, Hans и Gretl — и тѣ-же названія даются въ Австріи чучеламъ, прикрѣпленнымъ на жерди, которая

---

[1]) Срезневскій, l. c. стр. 133 — 136; сл. примѣчанія къ пѣснямъ Эрбена и Сушила.

[2]) Снегиревъ, Русскіе простонародные праздники I, 170 и III, 11.

[3]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. III, 696 (источникъ не указанъ).

[4]) Кирпичниковъ l. c. p. 139.

водружается среди костра и сжигается на Ивановъ день, при чемъ парни и дѣвушки скачутъ попарно черезъ огонь[1]). — Съ Hans и Gretl нѣмецкаго майскаго обряда я могъ-бы сопоставить упоминаніе св. Яна въ чешскихъ весеннихъ пѣсняхъ о Морженѣ; съ тѣми-же именами австрійскаго обычая на Иванову ночь — Ивана да Марью русскаго повѣрья, Купалу (т. е. Ивана Купалу) и Марену малорусскаго купальскаго обихода. Марья и Gretl — Маргарита связываются въ одно — посредствующей формой имени: Маргариты-Марины (-Мараны), къ которой восходитъ, быть можетъ, и Марена[2]), Mařena, Maržana, Mořena и т. п. — Вспомнимъ, кстати, что чествованіе св. Марины 18-го іюня отмѣчено уже у Рабана и Ноткера.

Рядомъ съ указанными нами отношеніями Марины-Маргариты къ небесной влагѣ, къ ея замыканію или отмыканію, развивается другая ея роль въ народныхъ повѣрьяхъ, предусмотрѣнная въ заключительной молитвѣ ея апокрифическаго житія. Если иногда она замѣнила Діану[3]), то съ другой стороны преобладаетъ представленіе о ней, какъ о покровительницѣ женской плодности и помощницѣ при родахъ. Таковою является и въ средневѣковомъ и въ современномъ народномъ вѣрованіи Богородица[4]); но рядомъ съ ней на западѣ св. Маргарита[5]), въ Греціи (напр. въ Аѳинахъ) Марина. Какъ въ Сициліи надъ родильницей причитаютъ:

---

[1]) Mannhardt, Wald- und Feldkulte I p. 429, 464.

[2]) У Снегирева l. c. IV стр. 47 и 50 (также у Сахарова) я нашелъ форму: Марина.

[3]) Wolf, Beiträge zur deutschen Mythologie I, 188: Wagenseil о нюренбергскомъ храмѣ Діаны, который «pro Diana sanctae Margarethae sacrum esse voluit posteritas». Сл. у Длугоша: Dziewanna et Marzanna.

[4]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды: Сонъ Богородицы и сводныя редакціи эпистолій, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1876, Апрѣль, стр. 345 и прим.

[5]) Сл. Von der Hagen, Grundriss, p. 279; Haupt's Zs. I, 144, 187 слѣд.; Wolf, Beiträge I, 103; Vogt, Ueber die Margaretenlegenden, l. c. 263, 266 — 7, 276 и мн. др.

Santa Margarita, libbra e sbrogghia
Chist' animuzza ccu' n' autra dogghia и т. д. [1]),

такъ аѳинскія дѣвушки молятъ св. Марину о дарованіи жениховъ, женщины о легкихъ родахъ и о прекращеніи безплодія; неплодныя спускаются ползкомъ со скалы, находящейся возлѣ ея церкви въ Аѳинахъ; въ церковь приносятъ и больныхъ ребятъ, по окончаніи службы снимаютъ съ нихъ одежду, въ которой они присутствовали на литургіи, и одѣваютъ новую: это помогаетъ[2]). Въ одной кипрской колыбельной пѣсенкѣ св. Марину призываютъ уложить ребенка, а св. Софію его убаюкать и прогулять: пусть увидитъ, какъ цвѣтутъ деревья, услышитъ, какъ поютъ птички[3]). Другая пѣсенка обращается съ такой-же молитвой къ Ἁγία Μαρίνα καὶ Κυρὰ (м. б. κυρία = Марія?)[4]) — Русскіе заговоры при родахъ призываютъ главнымъ образомъ Богородицу, при чемъ знаменательнымъ является образъ ключей, отмыканія, — но въ причитаніи отъ безсонницы младенца несомнѣнно всплываетъ, хотя и въ искаженнымъ формахъ, имя Марины: «подъ восточной стороной ходитъ матушка утренняя заря Марія, вечерняя заря Маремьяна»; либо: заря Дарья, заря Марья, заря Катерина, заря Маремьяна (т. е. вѣроятно: Марина); либо: Ариды, Мариды и Макариды. Слѣдуетъ полагать, что эпитетъ «заря» ни что иное, какъ народное пріуроченіе какого-нибудь другого, можетъ быть, ненароднаго и полупонятаго (κυρὰ?); перенесеніе именъ Маріи, Маремьяны въ другія заговорныя формулы понятно и принадлежитъ къ обычнымъ явленіямъ этой литературы: Сл. «зарю вечернюю Дарью, утреннюю Марею, полуночную Макариду» въ заговорѣ отъ (неопредѣленной ближе) не-

---

[1]) Pitrè, Usi natalizii, nuziali e funebri del popolo siciliano (1879) p. 22.

[2]) A. Mommsen, Athenae christianae, p. 52 и прим. О св. Маринѣ, какъ изгоняющей демоновъ въ повѣрьяхъ Закинѳа см. Schmidt, Volksleben p. 38 и 80; сл. ib. p. 62.

[3]) Passow, Popularia carmina, № 282.

[4]) Σακελλάριος, Τὰ Κυπριακὰ III p. 121—122.

мочи; «утреннюю зарю Марію, вечернюю Маремьяну» съ камнемъ златыремъ и Егоріемъ храбрымъ въ заклятіи отъ ногтя; «утреннюю зарю Марею, вечернюю Маремьяну» въ заговорѣ отъ жабы; «четыре зорницы, четыре сестрицы: первая Марія, вторая Марфа, третія Марина, четвертая Макрида» въ наговорѣ, чтобъ «присушить дѣвокъ» [1]).

Иное смѣшеніе обнаруживаютъ нѣкоторыя русскія заклинанія, въ которыхъ имена святыхъ покровительницъ противъ змѣй перенесены на нихъ самихъ и являются: змѣя Марѐя (: а другая Наталея); Марья, Марина и Катерина; Ирина и Катерина [2]). — Имена Маріи-Марины понятны въ этой связи; Ирина, Herina или Катерина — имя святой, дочери Ликинія, называвшейся въ миру Пенелопой; въ ея апокрифическомъ житіи не разъ говорится о попраніи ею змѣя, иносказательно и реально: «ты бо возможе попрати змію, юже пріѧ евга въ свѣтъ»; её спускаютъ въ зміиный ровъ: «всѧже зміѧ стѣнахъ прилепше оумроша»; «змиѧ во рвѣ оумр҃тви, водоу оустави». [3]) — Святая этого имени, издревле чтившаяся въ Константинополѣ, была, какъ полагаютъ, мученица Ѳракійская, хотя ни географическія, ни личныя имена ея житія не укладываются, безъ натяжки, въ это опредѣленіе. Несомнѣнна, во всякомъ случаѣ, ея популярность на юговосточныхъ окраинахъ Европы: на это указываетъ и генеалогія сербскихъ лѣтописей, дѣлающихъ жупана Неманю потомкомъ Ликинія, отца св. Ирины, — и новая локализація святой въ Lecce,

---

1) Майковъ, Великорусскія заклинанія №№ 56, 57, 102, 194, 236; сл. Рыбн. Пѣсни IV, p. 262: отъ зубной боли и щипоты и отъ грыжи; Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія архангельской губерніи. Часть II. Народная словесность (Москва 1878) стр. 141, № 7; стр. 141 — 2, № 10; стр. 199, № 7.

2) Другія имена змѣй: царица Елица, сударыня Хевра и др. Сл. Майковъ l. c. №№ 174 — 176, 179, 182; Драгомановъ, Малор. нар. преданія и повѣрья стр. 23 — 30: отъ гадюки; Чубинскій, Матеріалы и т. д. I, I, стр. 121 слѣд.

3) Тихонравовъ, Пам. отр. русск. лит. II стр. 146 — 163.

въ Terra d'Otranto[1]). Послѣднюю слѣдуетъ, быть можетъ, поставить въ связи съ греческими колоніями VI — X вв., съ вліяніемъ греческихъ монастырей и калугеровъ, обновившихъ здѣсь и память о св. Георгіи и его чудесахъ: чудо святого о пропавшемъ быкѣ, другое — объ исцѣленіи быка, чѣмъ объясняли древній обычай: на 23-е апрѣля пригонять скотъ къ монастырю въ Corigliano для благословенія его монахами; обычай, давшій поводъ къ установленію ярмарки, перенесенной впослѣдствіи въ самый Corigliano, съ уничтоженіемъ греческихъ обителей[2]).

«Змѣя Марина» русскаго заговора является продуктомъ перенесенія: Марина, побѣждающая змѣя (легенда) понята была, какъ властвующая надъ нимъ; оттого её призываютъ противъ змѣй: оттуда «змѣя Марина» заговора. Далѣе она могла явиться въ новомъ примѣненіи, какъ вѣдающаяся съ змѣемъ, если не предположить въ данномъ случаѣ простое перенесеніе уже осмысленнаго имени на готовый типъ: я разумѣю Марину въ былинахъ о Добрынѣ.

Предложенное здѣсь толкованіе нѣкоторыхъ миѳическихъ подробностей народно-славянскаго обряда значительно расходится съ обычной ихъ экзегезой. Не затрогивая ихъ возможныхъ основъ, заложенныхъ въ языческомъ міросозерцаніи, оно выяснитъ, мнѣ кажется, общую идею, руководившую мною въ моихъ послѣднихъ работахъ: что исторія народнаго суевѣрія въ Европѣ не мыслима безъ углубленія въ христіанскіе источники, отчасти опредѣлившіе его матеріалъ[3]). Трудность вопроса заключается

---

[1]) Подобное перенесеніе замѣчено было Болландистами относительно житія св. Христины, вѣроятно, восточной святой, пріуроченной къ Италіи (сл. AASS. подъ 24 Іюля). Обратимъ кстати вниманіе на сходство житій свв. Ирины и Христины, въ ихъ первой части.

[2]) Morosi, Studi sui dialetti greci della Terra d'Otranto p. 208—9 прим. 3 на стр. 208.

[3]) Христіанскіе элементы въ Völuspâ давно были указаны; сближеніе Völva'ы съ Сивиллой, намѣченное Vigfusson'омъ, уже давно навело меня на мысль — поискать источниковъ сѣверной пѣсни въ Сивилли-

въ томъ, что эти источники должны быть еще предварительно раскрыты въ самомъ матеріалѣ народнаго обычая и повѣрья, что они восходятъ къ двоевѣрной христіанской порѣ, сохранившейся лишь въ народной памяти и не попавшей въ записи житій и чудесъ, при чемъ элементъ язычества въ этомъ двоевѣріи могъ быть и не туземнымъ-европейскимъ. — Можно сказать вообще, что мотивы народнаго обряда, на сколько онъ обусловленъ христіанскимъ содержаніемъ, всегда древнѣе мотивовъ соотвѣтствующихъ духовныхъ пѣсенъ, въ которыхъ легче услѣдить связи съ опредѣленными текстами легенды, апокрифа, съ древнимъ пѣсеннымъ преданіемъ, — хотя и его нерѣдко приходится возстановлять изъ намековъ и отголосковъ, отзывающихся съ разныхъ концовъ европейскаго литературнаго міра. — Опытъ такого возстановленія мы думаемъ предложить въ слѣдующей главѣ.

V.

Легенда о чудѣ св. Георгія съ змѣемъ нашла богатое отраженіе въ литературѣ, искусствѣ, въ народной поэзіи запада [1]). Главнымъ источникомъ западной пѣсни и драмы послужила редакція житія и чуда, принадлежащая Якову de Voragine; на это указываетъ принятая имъ локализація чуда: въ Силене, въ Ливіи. Но помимо этихъ воспроизведеній существуютъ и другія, съ инымъ пріуроченіемъ и особенностями, происхожденіе которыхъ пока не разслѣдовано. Иныя изъ этихъ отличій, не подтверждающіяся сохранившимися текстами чуда, можно объяснить произволомъ автора, забвеніемъ или искаженіемъ древняго преданія; другія должны быть объяснены иначе. Къ такимъ особымъ пересказамъ чуда св. Георгія слѣдуетъ отнести и тотъ нѣмецкій, о которомъ была рѣчь выше: Георгій приходитъ къ «праведному

ныхъ пророчествахъ. Недавно это сближеніе было сдѣлано Bang'омъ въ его: Völuspaa og de Sibyllinske orakler. Christiania, 1879.

[1]) Нѣкоторыя относящіяся сюда указанія собраны г. Кирпичниковъ на стр. 54 — 57.

царю», въ Силене, въ Индію, которую мы встрѣтимъ и въ слѣдующемъ эпизодѣ пролога къ Huon de Bordeaux, указанномъ мною при другомъ случаѣ. — Вотъ его содержаніе[1]):

S. Iorge и Auberon — близнецы, дѣти Юлія Цесаря и Морганы (Morgue, Morguain); оба они посвящены въ рыцари въ одинъ и тотъ-же день; впослѣдствіи Георгію достается изъ отцовскаго наслѣдія — Индія и Романія, Оберону — Honguerie, Osterrice и Monmur. — Когда Иродъ воздвигъ гоненіе на младенцевъ,

v. 1822. En cel tans ier(t) Gorges en Inde ales;
Anchois qu'il fust a Romme retournes
En Perse ala, u mult fu honores
Du roi persant qui sousdans ert clames
De Babilone et en ert couronnes.

Li rois persans Gorge moult honora.
Une fille ot que Iorges enama
Pour la biaute que en li esgarda.
Con plus le vit amours plus l'embrasa;
Par biau parler la pucelle acointa;
Tant fist et dist qu'ele li otria
L'amour de li.

О соперникѣ (какъ далѣе въ англійскомъ романѣ и французской легендѣ) нѣтъ рѣчи. — Вскорѣ дѣвушка почувствовала, что она станетъ матерью, и со слезами разсказываетъ о томъ Георгію; онъ обѣщаетъ увезти её въ Римъ и тамъ жениться на ней. Ночью онъ увозитъ её тайкомъ изъ Вавилона.

v. 1852. Tout seul s'en uont, fortune les mena
En .I. haut tertre c'on mont Noiron nomma.

На вершинѣ горы находился источникъ; путники чувствуютъ жажду:

---

[1]) Graf, I complementi della chanson d'Huon de Bordeaux, testi francesi inediti, tratti da un codice della biblioteka nazionale di Torino. I. Auberon (Halle, 1878).

v. 1863. Gorges tout droit a la fontainne ala,
La descendi, s'amie desmonta,
Auoecques li illuec se repoza:
Folie fist, trop s'i asseüra.
Il s'endormi, la bele le garda;
Vit .I. serpent uenir, qui manoit la:
Grant paour ot, son ami esuilla,
Le grant serpent qui uenoit li moustra:
Gorges tantost en estant se leua,
Le serpent uit qui uers lui s'adrecha,
Qui fu et flame par sa goule ieta.

Георгій бьется съ змѣемъ, котораго поражаетъ, но самъ сильно раненъ; когда красавица стала перевязывать его раны, она упала въ обморокъ; затѣмъ, прійдя въ себя, начала сѣтовать, потому что настали муки родовъ. По ея просьбѣ Георгій удаляется въ сторону и начинаетъ молиться. Его молитва была услышана: въ то самое время пришли на Mont Noiron Богородица и св. Іосифъ съ божественнымъ младенцемъ, удалявшіеся отъ гоненія Ирода. Богородица слышитъ вопли женщины:

v. 1924. A li ala, telement li aida
Qu'ele tantost d'un bel fil deliura.
La uierge prist l'enfant, bien l'atourna.
Quant ot ce fait sa mere le liura;
Puis prist Ihesu, en l'iauve le bouta.
Quant baigniet l'ot, Gorge lues apella
Et si li dist tant qu'il se despoulla
Et dedens l'iaue par son commant entra.
Lors fu plus sains que poissons qui noa.
Dont se uesti et puis s'agenoulla
Deuant Ihesu et de cuer l'aoura.
Car il sot bien de uoir qu'il le sana
Et que s'amie de son mal alega.
Puis le serui de cuer, si gaaigna,
Car Ihesucris s'ame saintefia
Et le sien cors de tous perix ieta.

Оправившись отъ ранъ Георгій ѣдетъ искать пищи, встрѣчаетъ разбойниковъ, которые не только отказываютъ ему въ ней,

но и хотятъ отнять у него коня. Георгій побиваетъ ихъ, только трое убѣжали на mont Noiron, гдѣ находятъ спящими жену Георгія съ сыномъ и святое семейство. Одинъ изъ нихъ обрѣзалъ у св. Іосифа бороду, другой унесъ его посохъ, третій похитилъ сына Георгія. Георгій возвращался назадъ, навьючивъ припасами четырехъ лошадей, когда встрѣтилъ хищниковъ, у которыхъ отнимаетъ сына и добычу; борода Іосифа, приставленная къ его лицу, чудесно прирастаетъ. — А Георгій отправляется далѣе съ женою и сыномъ; въ Римѣ совершена свадьба:

v. 2079. D'Inde maiour fu la dame douee,
Gorges fu rois et elle couronnee.

По смерти Юлія Цесаря онъ становится римскимъ императоромъ:

v. 2105. Corones fu Iorges li adures;
Moult fu preudons, aumosnes fist asses,
Par quoy il est en paradis sauues.

Сообщенный нами эпизодъ можетъ служить обращикомъ свѣтской обстановки, въ какой явятся намъ не разъ сюжеты духовной легенды; поэма пошла въ этомъ отношеніи далѣе Рейнбота. Забыта благочестивая мысль чуда со змѣемъ и замѣнена мотивомъ увоза, что дало совершенно иное мѣсто борьбѣ съ чудовищемъ. Такъ въ греческихъ пѣсняхъ (отвѣчающихъ сходному эпизоду древней поэмы) о Дигенисѣ Акритѣ — онъ увозитъ свою жену, отдыхаетъ съ нею у источника и также вынужденъ биться съ дракономъ. Измѣнились-ли основныя очертанія легенды подъ вліяніемъ какого-нибудь подобнаго романическаго разсказа, какъ распространились заимствованіями изъ матеріала апокрифовъ? Оттуда взято врачебное дѣйствіе воды, въ которую погружено было тѣло младенца Іисуса[1]); встрѣча св. семейства, во время

---

[1]) Сл. исцѣленіе Георгія послѣ битвы съ змѣемъ въ мусульманской легендѣ о «Chederles, délivrant une jeune fille exposée à la fureur d'un dragon, et se sauvant après avoir bu les eaux d'un fleuve qui l'ont rendu immortel». (Сл. Maury, Essai sur les légendes pieuses, p. 145, прим. 4)

бѣгства въ Египетъ, съ разбойниками; изъ матеріала древняго, знакомаго намъ повѣрья — представленіе Богородицы помощницей при родахъ.

Содержаніе сообщеннаго нами отрывка изъ туринскаго Huon de Bordeaux повторено въ одной старо-французской поэмѣ о Богородицѣ и Спасителѣ, указанной Graf'омъ[1]), съ той новой подробностью, что дѣвушка, ставшая потомъ женою Георгія,

> De Babylone ert couronnee,
> L'amustans l'auoit demandee,
> Mais onques n'en eut ses delis:
> Or l'en amaine ses amis.
> Che fu St. Iorges li dansiaus.

На сцену выводится соперникъ Георгія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выясняются, какъ древнія — нѣкоторыя черты старо-англійскаго романа, принадлежащаго перу Ричарда Джонсона, жившаго при Елисаветѣ и Іаковѣ І-мъ. Я разумѣю: The renowned history of the seven champions of Christendom[2]). Идея — теснѣе связать между собою замысломъ общаго подвига нѣкоторыхъ изъ любимыхъ святыхъ ратующаго христіанства — не новая; вспомнимъ соединеніе именъ: свв. Георгія, Θеодора и Димитрія; у Джонсона св. Георгій англійскій также является во главѣ христіанскихъ ратоборцевъ, но ихъ имена другія: это — св. Діонисій французскій, св. Іаковъ Испанскій, св. Антоній Итальянскій, св. Андрей Шотландскій, св. Патрикъ Ирландскій и св. Давидъ Уэльскій. Эпитеты заимствованы отъ странъ, особымъ покровителемъ которыхъ считается тотъ либо другой святой. Это опредѣляетъ точку зрѣнія автора и нѣкоторые пріемы его пересказа: Георгій не только называется постоянно «англійскимъ», но и родится

Разумѣется, быть можетъ источникъ безсмертія, охраняемый Хызромъ (объ отношенія его къ Едрелесу см. выше стр. 87).

[1]) l. c. Prefazione p. XVI.

[2]) Я пользовался для слѣдующихъ сообщеній экземпляромъ книги (London, T. Davison, Whitefriars, 1824), любезно доставленнымъ мнѣ др. Рейнгольдомъ Кёлеромъ.

въ Coventry; чудныя знаменія, съ которыми онъ является на свѣтъ, поняты какъ намёки на георгіевскую эмблему ордена Подвязки. — Извѣстно, что оксфордскій соборъ 1212 года возвелъ день св. Георгія въ праздникъ, обязательный для всей Англіи, гдѣ St. Georges или Snapdragon долгое время былъ любимымъ типомъ рождественскихъ и майскихъ празднествъ.

Собственно легендарной основы въ разсказахъ о Семи подвижникахъ Христіанства осталось весьма мало; вліяніе романовъ её преобразило: угодники очутились рыцарями, идея христіанскаго подвига постоянно забывается за эпизодами чисто-свѣтскаго содержанія и увлеченіями сердца. Въ особенности на обработкѣ легенды о Георгіи сказалось вліяніе такого популярнаго романа, какъ Sir Bewis (Beuves d'Hanstone, Buovo d'Antona) и друг. Но за этимъ литературнымъ наслоеніемъ не трудно угадать содержаніе болѣе древнихъ источниковъ, старую пѣснь о Георгіи, тождественную въ нѣкоторыхъ чертахъ съ тѣмъ, что разсказываютъ о немъ указанные выше старофранцузскіе тексты.

Изъ трехъ частей, на которыя распадаются The Seven Champions, лишь двѣ первыя могутъ быть приписаны самому Джонсону; но уже во второй Георгій является эпизодически, и главная роль принадлежитъ его сыновьямъ. Слѣдующія далѣе извлеченія сдѣланы изъ первой части; я начинаю съ разсказа о чудѣ съ змѣемъ (ch. III). Георгій отправляется на подвигъ; въ Египтѣ пустынникъ разсказываетъ ему объ опустошеніяхъ, которыя производитъ въ странѣ ядовитый драконъ: каждый день ему приносятъ въ жертву по дѣвственницѣ; теперь во всемъ Египтѣ осталась одна дѣвушка, дочь царя Птоломея (Ptolemy), по имени Сабра (Sabra): завтра её поведутъ на пожраніе чудовищу; кто побѣдитъ его, тому обѣщана рука царевны.

Руководимый отшельникомъ Георгій направляется по долинѣ, куда должны были привести царскую дочь, встрѣчаетъ печальное шествіе; красавица Сабра одѣта вся въ бѣлое. Георгій проситъ её возвратиться домой и обѣщаетъ постоять за неё. Слѣдуетъ подробное описаніе его битвы съ дракономъ, послѣ чего

онъ идетъ ко двору, гдѣ всё ликуетъ по случаю его побѣды. Георгій и Сабра влюбились другъ въ друга.

Между тѣмъ руки царевны долго и напрасно добивался король Марокко, Almidor. Уже ранѣе того, опечаленный рѣшеніемъ Птоломея — отдать руку дочери побѣдителю дракона, — онъ рѣшился отдѣлаться отъ Георгія, поставивъ засаду на его пути съ поля битвы. Когда эта мѣра не достигла цѣли, онъ подаетъ Георгію чашу греческаго вина, насыщеннаго ядомъ; но алмазъ, подаренный Георгію Саброй, потускнѣлъ, предупреждая объ опасности, и козни Альмидора снова оказались безуспѣшными (сл. эпизодъ съ Аѳанасіемъ въ житіи св. Георгія). Тогда онъ передаетъ Птоломею разговоръ влюбленныхъ, подслышанный имъ въ саду: будто Сабра поклялась Георгію оставить ради него и отца и вѣру отцевъ. Разгнѣванный царь посылаетъ ненавистнаго ему христіанскаго витязя съ письмомъ къ персидскому султану (= Дадьянъ?), въ которомъ проситъ его, во имя родства и дружбы, умертвить посланнаго. Георгій отправляется съ посланіемъ, содержаніе котораго не подозрѣваетъ; при въѣздѣ въ столицу султана встрѣчаетъ священную процессію, устроенную въ честь лжепророка Магомета, нападаетъ на неё, срываетъ значки и знамена и топчетъ ихъ ногами. Онъ посаженъ въ темницу, изъ которой освобождается лишь по прошествіи семи лѣтъ. — Изъ его приключеній на обратномъ пути упомянемъ лишь эпизодъ въ очарованномъ саду волшебника Ормандина (ch. X): Георгій вытаскиваетъ безъ усилій мечъ, засаженный въ скалѣ, и такимъ образомъ освобождаетъ отъ семилѣтняго усыпленія одного изъ своихъ христіанскихъ сподвижниковъ, св. Давида, прежде него покусившагося на этотъ подвигъ.

Между тѣмъ Сабра вынуждена была отцемъ выйти за нелюбаго ей Альмидора, но въ теченіи семи лѣтъ успѣла сохранить свою дѣвственность при помощи золотой цѣпи, семь дней вымоченной въ крови тигра, семь ночей — въ молокѣ дракона, и семь разъ оберченной вокругъ шеи (ch. III). — Георгій является въ одеждѣ паломника, которую вымѣнялъ на свои дорогіе доспѣхи,

открывается Сабрѣ и увозитъ её тайкомъ. — Всё это положеніе, какъ и многія изъ предъидущихъ и послѣдующихъ, разработаны чертами, перенесенными изъ Sir Bewis.

По дорогѣ Сабра почувствовала голодъ и попросила остановиться на отдыхъ въ дремучемъ лѣсу. Пока Георгій отправился охотиться за дичью, два голодныхъ льва напали на эвнуха, сопровождавшаго путниковъ, разорвали его и его коня и улеглись спокойно, положивъ головы на колѣна трепетавшей Сабры. Георгій, до тѣхъ поръ сомнѣвавшійся въ ея дѣвственности, усмотрѣлъ въ этомъ чудѣ опроверженіе своихъ сомнѣній. — Средневѣковые физіологи не говорятъ ничего о какихъ-бы то ни было отношеніяхъ льва — къ дѣвственности; обыкновенно въ роли ея показателя является баснословный инорогъ. Эпизодъ со львами перенесенъ, очевидно, изъ романа о Sir Bewis, но представляется вѣроятнымъ, что онъ явился замѣной болѣе древняго, указаннаго приведенными выше старофранцузскими легендами о Георгіи: боя съ дракономъ, который авторъ не захотѣлъ повторить, такъ какъ предпослалъ эпизодъ о чудѣ съ змѣемъ всему послѣдующему разсказу.

Изъ него я выбираю лишь нѣсколько подробностей, примыкающихъ къ сообщеннымъ выше. Дѣло идетъ объ отместкѣ Георгія: Альмидоръ казненъ (ch. XIV), Птоломей, отецъ Сабры, принужденъ смириться передъ побѣдителемъ (ch. XV); побѣжденъ и персидскій султанъ (ch. XIX). Въ Персіи, въ дикомъ лѣсу, Сабра почувствовала приближеніе родовъ; она проситъ Георгія отойти въ сторону: «forsake my presence for a time, and let me, like the noble queen of France, obtain the favour of some fairy to be my midwife, that my babe may be as happily born in this wilderness, as was her valiant sons, Valentine and Orson, the one of them was cherished by a king, and the other by a bear, yet both of them grew famous in their deeds». Исторія Валентина и Орсона кстати припомниласъ автору, потому что по ея типу онъ разработалъ нѣкоторыя части ближайшаго разсказа: сыновья Георгія похищены, по рожденіи, львицей, тигрицей и

волчицей — но тотчасъ-же найдены отцомъ. (Сл. во франц. поэмѣ эпизодъ съ разбойниками). Въ остальномъ авторъ слѣдовалъ древней легендѣ о Георгіи, сходной съ упомянутымъ выше отрывкомъ изъ туринскаго Huon de Bordeaux: ему лично принадлежитъ лишь риторическое изложеніе и классическая перелицовка. Георгій, по просьбѣ жены, отошелъ въ сторону и молится; Сабра сѣтуетъ. «At last, her pitiful cries pierced down to the lowest vaults of direful Dis, where Proserpine sits crowned amongst her fairies, and so prevailed, that in all haste she ascended to work this lady's safe delivery, and to make her mother of three goodly boys; who no sooner arrived in Sabra's lodging, but she practised the duty of a midwife, eased the burden of her womb and safely brought her babes into the world (ch. XVII).

Изъ послѣдующихъ судебъ Георгія, разсказанныхъ во второй части книги Джонсона, упомянемъ другую его битву съ змѣемъ (ch. VIII) и его смерть отъ дракона (ch. XXIV).

Уже Percy, von der Hagen и за ними Graf указали, что англійская баллада, напечатанная въ собраніи перваго[1]), почерпнула свое содержаніе изъ романа Джонсона. Въ общемъ, это указаніе вѣроятно; баллада воспріяла изъ романа самые яркіе факты: бой съ змѣемъ, предательство Мароккскаго короля, заключеніе въ тюрьмѣ, месть Георгія и эпизодъ со львами — послѣ чего она направляла Георгія въ Англію, гдѣ

They many years of joy did see,
And led their lives at Coventry.

---

[1]) Reliques of ancient english poetry etc. by Thomas Percy. (London 1845), series the third, book III, № II, p. 252 — 4. Можетъ быть, эта баллада дала содержаніе и англійской святочной игрѣ, еще недавно отбывавшейся въ Корнуэльсѣ. Дѣйствующія лица: Св. Георгій, родомъ изъ Британіи, Египетскій король, дочь котораго, прекрасную Сабру, св. Георгій спасъ отъ дракона; Драконъ, Турецкій рыцарь, исполинъ Турпинъ, докторъ и Father Christmas. Сл. Sandys, Christmas Carols, p. 174 и Édélestand Du Méril, Histoire de la Comédie, Période primitive p. 428—431.

Но для первой своей половины (бой съ змѣемъ) баллада воспользовалась еще какимъ-нибудь другимъ изъ обычныхъ легендарныхъ пересказовъ чуда съ змѣемъ. Георгій приходитъ въ Египетъ, гдѣ дракона умилостивляли, принося ему въ жертву дѣвушекъ. Очередь доходитъ до дочери Птоломея, Сабры; отецъ готовъ пожертвовать собою за нее, но дочь не соглашается: кто знаетъ, говоритъ она, быть можетъ, эта напасть ниспослана изъ-за меня! Опечаленная мать одѣваетъ её, какъ подобаетъ дѣвственницѣ: въ бѣлыя одежды и съ цвѣтами на головѣ; выведенная на пожраніе змѣю, она плачетъ; въ это время проѣзжаетъ св. Георгій. Битва происходитъ въ присутствіи дѣвушки, которая, увидѣвъ чудовище, проситъ Георгія удалиться и т. д.

Другая пѣснь о Георгіи, непосредственно предшествующая въ сборникѣ Перси, указанной нами[1]), цѣликомъ воспроизводитъ первую главу первой части книги Джонсона, разумѣется, выбирая изъ нея лишь существенное содержаніе. Содержаніе это — чудесное рожденіе Георгія. Вопросъ о возможныхъ источникахъ этого разсказа побуждаетъ меня сообщить его въ общихъ чертахъ.

Мать Георгія была бездѣтной въ теченіи 21-го года, когда ей приснился сонъ, что она зачала дракона, который будетъ причиной ея смерти. То-же сновидѣніе повторилось въ теченіи 30-ти ночей: будущая мать Георгія сообщаетъ о томъ мужу, который идетъ искать разгадки вѣщаго сна къ Kalyb, the wise lady of the woods. Отвѣтъ подтвердилъ его худыя предзнаменованія: въ отсутствіе отца родился мальчикъ, но его пришлось вырѣзать изъ утробы матери, пожертвовавъ ея жизнью. Онъ родился съ чудными знаменіями: на груди образъ дракона, на правой рукѣ крестъ, цвѣта крови, на лѣвой ногѣ золотая повязка. Его назвали Георгіемъ и три кормилицы ходили за нимъ: одна кормила его грудью, другая убаюкивала, третья приготовляла пищу. Нѣсколько дней спустя по рожденіи, когда отецъ еще не успѣлъ вернуться домой, волшебница Kalyb похищаетъ ребенка, лелѣетъ и

[1]) l. c. № I, p. 249—52.

воспитываетъ его до 14-лѣтняго возраста (сл. Вивіану и Ланцелота), добиваясь его любви, когда онъ стремится къ подвигамъ славы. Ему удается перехитрить ее ея-же чарами, заключивъ въ скалу, и освободить при этомъ случаѣ другихъ подвижниковъ христіанства, которые вмѣстѣ съ нимъ являются героями слѣдующаго за тѣмъ романа. Первый подвигъ Георгія, послѣ освобожденія, — битва съ египетскимъ змѣемъ.

Нѣкоторыя выдающіеся и нигдѣ болѣе не встрѣтившіеся мнѣ мотивы англійской баллады о рожденіи Георгія соединены въ румынской сказкѣ о Георгіи витязѣ[1]): долгая бездѣтность родителей, вѣщій сонъ матери, рожденіе отъ дракона, изчезновеніе мальчика, ожерелье, по которому онъ узнанъ впослѣдствіи; бой съ чудовищемъ. Цѣльному развитію сказки помѣшало ея сліяніе съ сказочной схемой о «hürnen Sigfried»: сліяніе, внесшее цѣлый рядъ подробностей, живо напоминающихъ извѣстную нѣмецкую сагу. Въ концѣ легенда какъ-бы снова входитъ въ свое старое ложе: освобожденіе матери отъ разбойниковъ отвѣчаетъ, быть можетъ, прежнему освобожденію ея отъ чудовища; къ довершенію всего, атаманъ разбойниковъ обращенъ, въ наказаніе за свои злодѣйства, въ медвѣдя, и мать Георгія ведетъ его на цѣпи, какъ въ другихъ пѣсняхъ о чудѣ дѣвица, спасенная Георгіемъ, ведетъ дракона на своемъ поясѣ.

Императрицѣ, матери Георгія, видится во снѣ, что на неё

---

[1]) Она помѣщена въ Columna luĭ Traĭan за 1876 годъ, стр. 425—32: George cel Viteaz (сообщено P. Ispirescu). Этимъ указаніемъ я обязанъ проф. Хыждеу. По его мнѣнію, выраженному мнѣ писменно, Георгій является и въ румынской пѣснѣ о Herculean (въ сборникѣ Alecsandri, Poesiĭ populare ale Românilor, ed. II, Bucurescĭ, 1866, p. 14—16): она записана въ Банатѣ, въ окрестностяхъ Мехадіи и сосѣдствѣ съ древними термами Геркулеса: оттуда и названіе Herculean. Въ другихъ пѣсняхъ Георгій названъ увеличительнымъ отъ своего имени: Iorgovan. Сл. Marienescu, Poesia poporală. Balade. Viena. 1867, p. 9—22. Сообщеніемъ (сводной) баллады изъ сборника Marienescu я обязанъ г. Сырку; я разберу её далѣе.

набросился драконъ (balaurul)[1]). Дотолѣ бездѣтная, она зачала, и черезъ девять мѣсяцевъ родился ребенокъ; отецъ велитъ ему сдѣлать бусы изъ драгоцѣнныхъ камней, на которыхъ было написано имя новорожденнаго. Въ то время новорожденныхъ крестили въ колодезѣ у подошвы горы, гдѣ гнѣздились разбойники. Когда крестили Георгія, они напали на императорскую стражу, всѣхъ перебили, а императрицу взяли въ плѣнъ и посадили въ пещеру, на хлѣбъ и на воду. Ребенка она успѣла передъ тѣмъ бросить въ цвѣточный кустъ, гдѣ его питаетъ своими сосцами коза одного пустынника. У него-то выростаетъ мальчикъ Георгій. По смерти своего благодѣтеля онъ идетъ, куда глаза глядятъ, одѣтый въ лисьи шкуры; въ городѣ, куда онъ прибрёлъ, его ошеломляетъ непривычный шумъ толпы, которая ходитъ за нимъ, будто за медвѣдемъ. Сабли и палицы приглянулись ему у одного кузнеца; его приглашаютъ выбрать; онъ выбираетъ и хочетъ уйти: о платѣ и деньгахъ онъ не имѣетъ понятія, и за отказомъ кузнеца просится къ нему въ ученье: будетъ служить у него годъ изъ-за сабли и палицы. Ловкость онъ показывалъ непомѣрную и черезъ полгода работалъ какъ старый подмастерье, что возбудило зависть въ старшемъ. — Когда прошелъ годъ и еще другой, и Георгій потребовалъ себѣ, по условію, желѣза и углей, чтобы сдѣлать саблю и палицу по своему вкусу, старшій подмастерье отвѣчалъ, что желѣза хватитъ, а за углемъ пусть отправится въ черный лѣсъ (pădurea négră). Онъ посылалъ его на смерть: въ томъ лѣсу гнѣздилось чудовище, o scorpiă, убивавшее всѣхъ[2]). Георгій отправляется въ путь, захвативъ въ лавкѣ

[1]) Balaurŭ, србск. блор, блаор; сл. Балачка-воеводу въ сербск. пѣснѣ о женидьбѣ Душановой (Караџић II № 29), треглаваго: изъ одной бьетъ синее пламя, изъ другой холодный вѣтеръ.

[2]) Скорпія замѣнила традиціоннаго змѣя, какъ въ малорусской сказкѣ объ Иванѣ Богодавцѣ (Сборн. Чубинскаго, Отд. I, № 64) вмѣсто него является Ракъ Віръ или Віра. Сл. въ нашихъ былинахъ Идола Скоропита и Тугарина Змѣевича, и въ заговорахъ отъ укушенія змѣи названія змѣи: скорпѣя, скороспѣя, скоропѣя, шкуропѣя, широкоперая,

хозяина завѣтную саблю[1]) и нѣсколько мѣховъ изъ буйволовой кожи подъ угли. Въ лѣсу, запаливъ ворохъ нарубленныхъ деревьевъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что его тянетъ, всасываетъ назадъ сильнымъ теченіемъ воздуха. Обернулся: это была скорпія. Георгій удержался за саблю, воткнувъ её въ землю, и ждалъ, что будетъ. Скорпія налетѣла на него, разметала огонь, но Георгій выхватилъ саблю и разсѣкъ её пополамъ. Слышитъ: красивая птичка чирикаетъ ему съ вѣтки, называетъ по имени, благодаритъ за то, что избавилъ её и ея птенцовъ отъ чудовища, пожиравшаго ихъ, и велитъ Георгію искупаться въ его крови: тогда ничто злое къ тебѣ не пристанетъ, никакой страхъ не будетъ тебѣ вѣдомъ, кромѣ страха Божьяго. Георгій купается въ крови, только одно мѣсто осталось не омоченнымъ, тамъ, гдѣ ему на спину упалъ древесный листъ. Птичка предупреждаетъ его о томъ: пусть бережется и не страшится. — Ясно, что это мотивъ Сигфридовой саги, оставшійся далѣе не развитымъ.

Положивъ въ одинъ мѣхъ голову скорпіи, другой наполнивъ угольемъ, Георгій возвращается въ кузницу и принимается за изготовленіе сабли и палицы. Сковалъ саблю, ударилъ ею о желѣзную полосу — сабля пополамъ; бросилъ палицу подъ небеса (în slava cerului) — упавъ на землю она смялась. Вспомнилъ тогда Георгій, что въ дремучемъ лѣсу, гдѣ онъ росъ, онъ видѣлъ полосу желѣза, выходившую изъ земли; отправился онъ туда, но полоса оказалась рудной жилой. Онъ выдернулъ ее (сл. такой-же эпизодъ у Джонсона: о мечѣ, заложенномъ въ скалу), изготовилъ изъ нея саблю и палицу, и ту и другую окрестилъ въ родникѣ, гдѣ крестили его самого: саблю назвалъ «Balmut ajutătorul meй» (Балмутъ помощникъ мой), палицу: «Omoritorul vráj-

---

шереспeрь, скрпnія. Сл. Л. Майковъ, Великорусскія заклинанія №№ 174 — 178, 185, 186, 189 и Зап. Им. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр. т. II стр. 746.

[1]) «O Sabiă remasă dela Novacĭ, pe care o păstra în prăvălia ca pe móste». Сл. Hăsdeu, Baba-Novac, въ Columna luĭ Traîan 1876, p. 145 — 165.

mașilor mei» (Умертвитель моихъ враговъ). Они стали его неразлучными товарищами. — Непонятное Balmut само собою набивается на сближеніе съ названіемъ извѣстнаго меча Сигфрида: Balmung.

На кузницѣ, между тѣмъ, всѣ перемерли, потому, вѣроятно, что неосторожно заглянули въ мѣхъ съ головою скорпіи: кто её видѣлъ, умиралъ. Горько стало Георгію, но дѣлать было нечего: онъ отправился въ путь — искать своихъ родителей. По дорогѣ онъ случайно спасаетъ отъ вепря одного охотника; признанъ, по бусамъ, за сына умершаго императора. Георгій воцаряется и, узнавъ о событіяхъ своего дѣтства и что его мать въ плѣну, посылаетъ письмо къ атаману разбойниковъ съ требованіемъ, чтобъ онъ отпустилъ её. Но тотъ издѣвается надъ письмомъ: если императору дорога жизнь, то пусть успокоится; коли нѣтъ, пусть выходитъ съ нимъ биться. Но чудное видѣніе настраиваетъ иначе разбойника: тѣнь велитъ ему освободить плѣнницу, отыскать въ такомъ-то углу медвѣжью кожу и цѣпь. Въ шкуру онъ облечется, и она такъ прильнетъ къ его тѣлу, какъ будто по немъ сдѣлана, онъ очутится медвѣдемъ и такъ и останется, пока не искупитъ свои преступленія; а на той цѣпи поведетъ его императрица. — Такъ всё и дѣлается: Георгій самъ отправлялся за матерью, когда встрѣтилъ её на пути, ведущую диковиннаго звѣря.

Въ заключеніи обращу вниманіе на вступительные строки сообщенной нами сказки, такъ сказать, на ея запѣвку. У императора и императрицы не было дѣтей, хотя они десять лѣтъ жили вмѣстѣ. Наконецъ императоръ и говоритъ женѣ, что если черезъ годъ она не принесетъ ему сына, онъ перестанетъ дѣлить съ нею хлѣбъ-соль. — Подробность, напоминающая начало славянской Александріи. — Смутилась императрица, обращается къ знахарямъ, ворожкамъ и бабкамъ, перепробовала всякія снадобья. Однажды ночью ей пригрезилось нѣчто страшное: казалось ей, что она гуляетъ по прекрасной зеленой полянѣ, всѣ стебельки точно спàрились, одна травка обнимается съ другой, будто цѣ-

луются, даже бабочки летаютъ парами. Откуда ни возмись — змѣй, гонится за голубкой; не зная куда укрыться отъ вражьяго звѣря, она устремилась къ императрицѣ и спряталась у ней за пазухой; но тогда змѣй бросился на послѣднюю, и она проснулась.

Мнѣ припомнилось по этому поводу запѣвка былины о Волхѣ (у Кирши Данилова):

По саду, саду по зеленому ходила, гуляла
Молода княжна Марѳа Всеславьевна,
Она съ камени скочила на лютаго на змѣя....
А втапоры княгиня поносъ понесла.

Когда Волхъ родился:

Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.

Что это: знаменія «для ради рожденья богатырскаго», какъ въ иныхъ редакціяхъ былины о Добрынѣ появленіе стада звѣринаго — змѣинаго съ лютымъ звѣремъ Скименомъ или Скиперомъ (Кир. II №№ 1 и 2) — или знаменія при рожденіи богатырей въ одной камаонской легендѣ у Минаева (№ 2): «Въ преисподней родился змѣй Вайсинги, на небѣ родился царь Индра, на землѣ родились черви, муравьи, звѣри, птицы — въ Калинакауликотѣ родились Виринаула, Айтинаула — пара братьевъ»? — Въ поэтической картинкѣ, которой открывается румынская сказка, знаменія имѣютъ особый смыслъ: вся природа полна вождѣлѣній, травка милуется съ травкой, бабочка съ бабочкой (рыба къ рыбамъ и т. д.?). Вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ для насъ реальное значеніе одинъ эпизодъ поэмы Рейнбота, который иначе мы склонны были бы отнести на счетъ его — реторики. Братья Георгія такъ поражены его доблестями, что рѣшили искать бранныхъ подвиговъ на чужбинѣ, предоставивъ ему Палестину; но ему мало и всей римской имперіи, Константинополя и Греціи. Такъ го-

воритъ Ѳеодоръ, и Димитрій подтверждаетъ его слова, v. 202 слѣд.:

Ich hans davor sunder spot,
Das yemant lebe, an got,
Der das pruefen kunde,
Wie suze were die stunde,
Da sin von irsten wart getacht
Und die liebe zusamen bracht
Da gesewet wart sin same.
Da was mit foller ame
Die wernt mit frouden obirsat;
Ich han es davor, das da wat
Der suze wint von westen,
Under kuenden und under gesten
Mit frouden were gebende
Allen Cristen, die da waren lebende:
Die schieden sich da von leide;
Und das ouch uff der heide
Sich frauweten die rosen,
Die stoltzen und die losen,
Beyde, ritter und die frauwen;
Und das man in den auwen
Die blůmen sehe lachen
Und sich tzu frouden machen.
Krang was da umgemuede,
Der walt da alles bluede,
Darin die fogel sungen
Und sich tzu frouden twungen;
Czitig war der tzockerror,
Von deme hymmel viel der tror
Und obirsuzet die werlt gar,
Das sie nach frouden wart gefar:
Gorge was da donne
Aller menschen konne,
Was der frouden soldier.
Dartzu fische, vogel und tier,
Das frauwete sich da obir all,
Sich frauweten in des hymmels sal
Die engel syner kunffte

Und mancher sigennunffte
Der der werde hilt wielt
Und hoen pris bis her behilt.

Никто, кромѣ Бога, не вѣдаетъ, какъ блаженно было мгновеніе, когда онъ былъ зачатъ въ любви: полной мѣрой пролилась радость въ свѣтъ; мнится мнѣ, что мягкій вѣтеръ повѣялъ тогда съ запада, расточая веселье и правду между своими и чужими, всѣхъ христіанъ, какіе тогда жили, избавляя отъ печали. Радовались на лугу розы, горделивыя и игривыя, рыцари и дамы; въ долинахъ улыбались, казалось, цвѣты; миновалось горе, лѣсъ развился и птицы тщились выразить пѣснями свое веселье; сахарный тростникъ созрѣлъ, съ неба пала роса, проливая сладость на весь миръ, одѣвшійся въ веселыя краски: (родился) Георгій, утѣха, ближній всѣмъ людямъ. Рыбы, птицы, звѣри — всё ликовало, ликовали ангелы въ небесныхъ покояхъ о его рожденіи и будущихъ побѣдахъ. — Если всякая вещь носитъ печать своего происхожденія, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Рейнботъ (v. 4752 слѣд.), то матерью Георгія была роза, отцемъ утреннее солнце, воспитался сынъ розы не у женской груди, а вскормленъ былъ кровью пахучей гвоздики и медовымъ сокомъ фіалки. Рейнботъ требуетъ, чтобы эти образы поняты были иносказательно: что не было еще никого, рожденнаго отъ человѣка, краше Георгія. Выраженіе: «прекрасное дитя розы» употреблено о Георгіи и далѣе (v. 5848). Нѣмецкіе лексикографы приводятъ rosenkint исключительно изъ нашей поэмы, съ толкованіемъ: цвѣтущее, прекрасное дитя. Встрѣчается-ли оно въ другихъ памятникахъ? Напомнимъ эпизодъ румынской сказки: о Георгія, заброшенномъ въ кустѣ цвѣтовъ, чудесно рожденномъ, воспитаннымъ не матерью, а вздоенномъ молокомъ козы. — Не извѣстна-ли была Рейнботу именно такая легенда?

Выше мы замѣтили, что румынская сказка представляетъ черты, общія съ сказочной темой о Сигфридѣ, на сколько она намъ извѣстна изъ показаній сагъ о Вёльсунгахъ и Тидрекѣ Бернскомъ, изъ нѣмецкой пѣсни и сказокъ о Hürnen Sigfried. Въ

этомъ смыслѣ румынская легенда можетъ быть съ бо̀льшимъ правомъ причислена къ такъ называемымъ Sigfriedmärchen, чѣмъ многія иныя [1]. Черты сходства являются на той и другой сторонѣ чрезвычайно яркія. Въ Титрексагѣ ребенокъ Сигурдъ покинутъ въ лѣсу, вскормленъ ланью; въ одной нѣмецкой сказкѣ онъ похищенъ еще будучи ребенкомъ [2]; то-же, съ небольшими отмѣнами, въ румынской сказкѣ, гдѣ младенца Георгія питаетъ коза. Онъ не знаетъ своихъ родителей; въ пѣснѣ о hürnen Sigfried онъ допрашиваетъ цверга Euglin'а: скажи мнѣ, какъ звали моего отца и мать? — Слѣдуютъ далѣе, тамъ и здѣсь: наука у кузнеца, кованіе и проба чудеснаго оружія, бой съ чудовищемъ, вѣщія рѣчи птицъ, купанье въ крови, дѣлающее тѣло неуязвимымъ, за исключеніемъ одного мѣста, на которое случайно упалъ древесный листъ и т. д. [3].

---

[1]) Сл. напр. Edzardi, Ein litauisches Sigfriedmärchen, въ Germania XX p. 317 — 20.

[2]) Raszmann, Ein neues Siegfriedmärchen, Germania VIII, 373—80.

[3]) Еслибъ мы пожелали привлечь къ сравненію и то, что въ сагѣ о Вёльсунгахъ разсказывается о предкахъ Сигфрида, аналогій представилось-бы еще болѣе, и онѣ обняли-бы, вмѣстѣ съ румынской сказкой, и нѣкоторыя подробности англійскаго романа. Мать Вёльсунга, дѣда Сигфридова, забеременила отъ чудеснаго яблока (какъ въ русскихъ сказкахъ мать змѣеборца — Покатигорошка отъ горошины); ребенка, ею зачатаго, пришлось вырѣзать изъ ея чрева. Если, какъ полагаетъ Мюлленгофъ (Die alte Dichtung von den Nibelungen, въ Zeitschr. f. deutsch. Alterthum, XXIII, p. 119) древнее франкское преданіе о Нибелунгахъ разсказывало о внукѣ то-же, что о дѣдѣ, то романъ Джонсона предлагаетъ параллели: въ чудесномъ рожденіи Георгія, который также вырѣзанъ изъ чрева матери. Оставаясь въ той-же области широкаго сравненія мы могли-бы припомнить разсказъ Völsungasaga'и объ Одиновомъ мечѣ, всаженномъ по рукоять въ стропило; вытащить его удается лишь Сигмунду, отцу Сигфрида; сл. подобныя же подробности въ румынской и англійской версіяхъ Георгіевой легенды и въ цѣломъ рядѣ другихъ народныхъ и литературныхъ разсказовъ (Артуръ; Петръ Муромскій; герой одной мингрельской сказки въ сборникѣ проф. Цагарели и т. п.). — Я потому не настаиваю на этихъ сходствахъ, что многія изъ нихъ не трудно-бы объяснить общими мотивами народной эпики.

За вычетомъ всего, что могло превзойти со стороны по смѣшенію съ сходными сказочными сюжетами, сообщенные выше западные пересказы легенды о Георгіи представляютъ черты, которыя слѣдуетъ вмѣнить древнему поэтическому преданію о немъ, заглохшему въ современной духовной пѣснѣ, но, быть можетъ, не совсѣмъ забытому народной поэзіей. Чудесное рожденіе Георгія, похищеннаго или заброшеннаго вскорѣ послѣ рожденія, принадлежитъ къ этому преданію, потому что встрѣтилось намъ въ источникахъ, взаимная независимость которыхъ едва-ли можетъ возбудить сомнѣніе: въ румынской сказкѣ и романѣ XVI вѣка. — Долгая бездѣтность матери передъ рожденіемъ Георгія въ румынскомъ и англійскомъ преданіяхъ не объясняется-ли въ связи съ названіемъ родителей Георгія въ С: Геронтій и Полихронія, старикъ и старуха? — Братья или братъ Георгія относятся къ такимъ-же стариннымъ чертамъ: если Рейнботъ называетъ ихъ именами извѣстныхъ святыхъ, и братьевъ является двое (сл. трехъ всадниковъ на кавказскихъ крестахъ съ сюжетами изъ чуда св. Георгія), то въ Прологѣ къ Huon de Bordeaux у Георгія одинъ братъ, и одного лишь знаетъ авторъ второго Титуреля, когда говоритъ о Каппадокіи и Греціанѣ:

Die lant braht zu touff Jeori und sîn bruder
(str. 4746, ed. Hahn).

Древнее поэтическое преданіе, восходящее къ XIII вѣку (прологъ къ Huon de Bordeaux; франц. легенда о Богородицѣ), сходилось съ церковнымъ чудомъ — въ боѣ съ змѣемъ: вмѣсто схемы «освобожденія» явился мотивъ увоза (французская и англійская легенды). На сколько онъ былъ распространенъ — сказать трудно; коротенькая болгарская пѣсенка, сообщенная Чолаковымъ [1]) указываетъ черты, далеко не гармонирующія съ обычными народными пересказами сюжета: «Свѣтъ Георгій» куетъ коня въ темнотѣ, безъ лучины; подковы золотыя, гвозди сере-

---

[1]) Българскый нар. сборн. № 87.

бреные; передъ нимъ стоитъ Стана, а онъ говоритъ ей: Не стой Стана, супротивъ меня, какъ погляжу я на твои черные очи, на бѣлое лице и т. д. — закую коня,

Отъ дружина че останемъ,
Отъ мои-тѣ дълги друми.

(сл. начало болгарской егорьевской пѣсни у Безсонова, Кал. вып. VI, № 545). Это, быть можетъ, отрывокъ какого-нибудь утраченнаго поэтическаго цѣлаго, какъ и галицкая колядка у Головацкаго (Нар. пѣсни галицкой и угорской Руси II стр. 56 — 7, № 6): подъ яворомъ на постели лежитъ «Святъ Юрій», къ нему прилетѣли «три зазулейки: то — его мать, сестра, и милая. Онъ говоритъ:

Мамойцѣ дайте конȋчка въ сѣдлѣ,
Конȋчка въ сѣдлѣ, копытца въ срѣ̂блѣ!
Сестройцѣ дайте вѣнокъ трепѣ̂токъ,
Вѣнокъ трепѣтокъ, ней ся трепоче,
Ней ся трепоче, на кого хоче!
Милейной дайте цѣлый свѣточекъ.

Но и сказочное преданіе о рожденіи и юности Георгія восходитъ къ XIII вѣку, если не ранѣе. Косвенное доказательство тому представляютъ, по моему мнѣнію, поэмы о Вольфдитрихѣ: я разумѣю упоминаніе св. Георгія въ редакціяхъ В и D, на которое я указалъ уже выше. Внѣшнее объясненіе такого сближенія, не устраняющее возможности другого, построеннаго на генетической связи обѣихъ сагъ, было-бы слѣдующее: сказанія о Вольфдитрихѣ напомнили перескащикамъ такія-же легенды о Георгіи. Я выберу изъ первыхъ лишь то, что само-собою напрашивается на параллели, оставляя пока въ сторонѣ, что могло-бы быть добыто путемъ предположительныхъ построеній. Въ Вольфдитрихѣ А онъ — сынъ константинопольскаго императора-язычника; у него два старшихъ брата; мать родитъ его, когда отецъ былъ на войнѣ, въ долговременной отлучкѣ. Не задолго до родовъ она услышала ночью голосъ, повелѣвавшій ей окрестить ребенка; она тайкомъ несетъ его къ пустыннику, который и со-

вершаетъ надъ нимъ христіанскій обрядъ. «Видѣла она надъ водою сіяніе свѣчей, не видѣла тѣхъ, кто помогалъ при крестинахъ». — Мы знаемъ уже, что редакція B называетъ крестнаго отца Wolfdietrich'а — Георгіемъ, текстъ D — св. Георгіемъ. — Пустынникъ велитъ матери беречь крестильную сорочку мальчика: она будетъ охранять его отъ опасностей, когда онъ возмужаетъ, и всегда будетъ ему впору. — Текстъ D представляетъ Wolfdietrich'а владѣльцемъ такой-же неуязвимой сорочки св. Георгія, которую онъ, впрочемъ, отнимаетъ у одного язычника. — Ребенокъ проявляетъ съ малыхъ лѣтъ такую необычайную силу, что всѣ открещиваются: онъ не можетъ быть сыномъ простаго смертнаго, онъ — порожденіе демона. Отцу невѣрный Сабене подсказываетъ, будто однажды ночью его жена помянула злаго духа («und wolte der tiuvel immer bî mir sîn»): оттого и родился ребенокъ. Императоръ рѣшается погубить сына, но Берхтунгъ, которому это поручено, не рѣшается поднять на него руки и оставляетъ мальчика на краю родника (über den brunnen), посреди котораго выросъ кустъ розъ: ребенокъ потянется къ нимъ и погонетъ. Но тотъ сидитъ спокойно; волки, пришедшіе ночью къ источнику, не трогаютъ его, онъ съ ними играетъ; въ редакціи B Wolfdietrich унесенъ волкомъ въ логовище, гдѣ его находятъ невредимымъ; тоже въ отрывкахъ C, гдѣ похищеннаго мальчика волки питаютъ «mit wilder nâture».

Дальнѣйшія сравненія повели-бы къ вопросу, до сихъ поръ мало выясненному, объ отношеніяхъ поэмъ о Вольфдитрихѣ къ Ортниту и первыхъ къ циклу Дитриха Бернскаго. Для насъ важенъ пока одинъ возможный результатъ — по отношенію къ Георгіевой легендѣ: если внесеніе указаній на него обусловлено, какъ мы предположили на первый разъ, близостью двухъ сагъ, и указанія принадлежатъ не оригиналу поэмы, а редактору B (ок. 1225 г.[1]), то пришлось-бы допустить во всякомъ случаѣ для XIII вѣка существованіе такой легенды о Георгіи, какая до сихъ

[1]) Deutsches Heldenbuch III Einl. LXX.

поръ отзывается въ румынской сказкѣ и разсказѣ Джонсона о рожденіи святого.

Какъ видно, старыя книжныя сказанія, дошедшія до насъ черезъ вереницу пересказовъ и передѣлокъ, сохранили намъ бо́льше откровеній, освѣщающихъ начала народнаго эпоса, чѣмъ мы обыкновенно склонны допустить. Въ общемъ не трудно повторить за г. Кирпичниковымъ [1]), что народную редакцію, развивающуюся по извѣстнымъ законамъ, необходимо отличить отъ произвольныхъ измышленій книжниковъ, старавшихся придать достовѣрность своей легендѣ фантастическими собственными именами и т. п. Но какъ опредѣлить границы личнаго произвола? и много-ли у насъ «извѣстныхъ законовъ» народно-поэтическаго развитія? Можно-ли сказать утвердительно, что народныя редакціи не обусловлены книжными и наоборотъ? Въ нашихъ отношеніяхъ къ тѣмъ и другимъ, въ пріёмахъ изысканія нѣтъ существенной разницы: тамъ и здѣсь приходится вскрывать пластъ за пластомъ, выдѣляя черты смѣшенія и поздняго вліянія, болѣе разчленяя сложившееся вѣками единство, чѣмъ добираясь до единства первичнаго. Къ такому выводу приводитъ насъ и разборъ русскихъ духовныхъ стиховъ о Егоріи, къ которымъ мы и обратимся.

VI.

Они распадаются на двѣ группы: 1) стихи о чудѣ съ змѣемъ и Елисаветой; 2) стихи о мученіяхъ святого. Остановимся на каждой изъ нихъ.

I. Духовные стихи о чудѣ съ змѣемъ. Мнѣ уже довелось однажды высказаться о важности такого изученія явленій народной поэзіи, обряда и пѣсни, которое приняло-бы за основу извѣстныя области, выдѣленныя не въ силу географическаго момента, а историческими и культурными отношеніями, связывав-

[1]) l. c. стр. 115, прим. 1.

шими обитавшія въ нихъ народности. Малорусскія пѣсни слѣдуетъ, напр., изучать не только въ связи съ галицкими, но и съ польскими, чешскими, словацкими и румынскими. Великорусскія пѣсни предполагаютъ такое-же изученіе въ связи, опредѣленіе и границы которой и являются въ данномъ случаѣ главнымъ вопросомъ метода. Когда не только малорусскія, но и великорусскія пѣсни поютъ о виноградѣ, виноградьѣ зеленомъ, мы невольно переносимся на югъ, если и не къ крымскимъ κλήματα Бруна. Эротическій образъ потоптаннаго винограда въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ («виноградъ щипала въ твою шапочку» и т. п.), очевидно, не свой; онъ понятнѣе у малоруссовъ:

Ой ходила Марисенька по саду,
Та посадила садъ-виноградъ до ряду,
. . . .
Прійде Ивасенько зъ боярами
Та-й витопче садъ-виноградъ кониками.

Это напоминаетъ южную природу и — анекдотъ Iacopo d'Acqui о Петрѣ delle Vigne, образно выразившаго свое подозрѣніе, что Фридрихъ II нарушилъ его супружеское счастье:

Una vigna ò piantà, per travers è intrà
Chi la vigna m'à guastà; an fait gran peccà
Di far ains che tant mal [1]).

Если въ варіантахъ пѣсни, разнообразно поющейся въ Болгаріи и у насъ, встрѣчается одна и та-же подробность пейзажа, не отвѣчающая условіямъ русской мѣстности, — какія заключенія сдѣлаемъ мы относительно первоначальной родины пѣсни? Я не указываю на примѣры, которые лучше будетъ разобрать по другому поводу; примѣры дастъ намъ г. Кирпичниковъ. Раз-

---

[1]) Сл. народныя пѣсни изъ Lecce: Chiantai le igne e nu pruai lu vinu, — Ca' n'autru quantu inne e bindemau; изъ Истріи: E s'i' t'ò fato dagno in la tu veigna — Ciama lu cataver, manda la steima. Сл. Imbriani, XII canti pomiglianesi p. 209 — 217, въ примѣчаніяхъ къ № VI.

бирая русскіе, болгарскіе и греческіе стихи о Георгіи[1]) онъ спрашиваетъ себя: какъ объяснить дословное сходство нѣкоторыхъ русскихъ редакцій съ болгарскими и, за невозможностью доказать литературную связь между ними, довольствуется предположеніемъ, что и въ Болгаріи и на Руси поэтическая логика пѣвцовъ дѣйствовала одинаково[2]). — Далѣе — та-же воздержность или гиперкритизмъ, никогда, впрочемъ, не лишній въ вопросахъ народной миѳологіи и поэзіи. Въ болгарскомъ народномъ стихѣ и въ одной греческой пѣснѣ Георгій засыпаетъ передъ битвой съ змѣемъ. Если этотъ эпизодъ принадлежитъ старинной греческой поэмѣ, говоритъ г. Кирпичниковъ[3]), трудно удержаться отъ искушенія усмотрѣть въ этой поэмѣ источникъ стараго болгарскаго стиха, который въ свою очередь послужилъ источникомъ сербскаго и русскаго. Но до такихъ «крайнихъ предѣловъ смѣлости» изслѣдователь не доходитъ, ограничиваясь заключеніемъ, что литературная связь болгарскаго стиха съ греческимъ не можетъ быть ни доказана, ни отвергнута, что и греческая пѣснь и русскій стихъ независимо другъ отъ друга заимствовали эпизодъ о снѣ изъ народной сказки; что, наконецъ, признать литературную связь болгарскаго стиха съ русскимъ мѣшаютъ — отличія ихъ книжныхъ источниковъ[4]).

Противъ этихъ заключеній можно замѣтить многое. Прежде всего трудно говорить о различіи источниковъ русскаго и болгарскаго стиховъ, — разумѣя подъ ними, вмѣстѣ съ г. Кирпич-

---

[1]) Къ греческимъ пѣснямъ, указаннымъ г. Кирпичниковымъ, слѣдуетъ еще присоединить напечатанную Саккеларіемъ, Τὰ Κυπριακὰ III, p. 62—65. Другая греческая пѣснь о Георгіи и гречанкѣ сообщается въ варіантахъ у Пассова № 587, Яннараки № 126 и Саккелларія I p. 94 № 29.

[2]) l. c. p. 184.

[3]) l. c. p. 188—9. Въ греческой пѣснѣ у Пассова № 440 (Дигенисъ) — Акритъ увозитъ свою, похищенную у него жену. На дорогѣ онъ засыпаетъ; погоня въ виду, и жена будитъ его своими слезами.

[4]) Стр. 189, 190.

никовымъ извѣстныя намъ книжныя редакціи чуда, — когда типическія черты, сближающія эти стихи между собою, не находятся ни въ одной изъ нихъ. Въ такихъ обстоятельствахъ естественнѣе предположить существованіе особой версіи чуда — книжной или полународной, я сказать не рѣшусь, — въ которой находились эти общія черты. Я разумѣю подъ ними сонъ Георгія и пробуждающія его слезы царевны. Г. Кирпичниковъ предполагаетъ, что эта подробность внесена въ стихъ изъ народной сказки, и независимо другъ отъ друга, болгарскими и русскими сказателями — по сходству темы [1]). Это сочувствіе душъ, простирающееся и на автора извѣстнаго намъ пролога къ Huon de Bordeaux, кажется a priori подозрительнымъ; не во всѣхъ-же народныхъ сказкахъ герой непремѣнно засыпаетъ передъ битвой съ змѣемъ! Такого рода тема могла подсказаться народнымъ пѣвцомъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ основномъ разсказѣ уже существовали элементы, возбуждавшіе къ подобному развитію. Припомнимъ, по этому поводу, хотя бы эпизодъ сна передъ битвой въ житіи св. Ѳеодора. Я недоумѣваю, почему, открывая въ русскихъ стихахъ о Георгіи вліяніе житія св. Ѳеодора и духовныхъ стиховъ о немъ [2]), изслѣдователь не припомнилъ, по поводу сказочнаго сна, такую-же или сходную подробность въ Эвхаитской легендѣ. Такъ какъ греческій текстъ ея еще не изданъ, я позволю себѣ привести отрывокъ изъ нея по рукописи XI вѣка [3]):

Καὶ δὴ ἐπιζητουμένων πανταχοῦ τῶν ἐνδοξοτέρων, ἐμηνύθη αὐτῷ (императору) περί τινος ἀνδρὸς Θεοδώρου, πάνυ εὐμόρφου τῇ βλέψει καὶ σοφοῦ τῇ διαλέξει, ὅστις γέγονε συνήγορος βασιλικὸς σχολα-

---

[1]) Стр. 189.

[2]) Сл. напр. стр. 156, § 2, 158 § 7, 162 in fine, 177.

[3]) Ркп. парижск. національн. библ. № 1452 содержитъ, между прочимъ, житіе св. Ѳеодора Стратилата. Приведенный въ текстѣ эпизодъ (f. 44 verso — f. 45 recto) доставленъ мнѣ проф. Васильевскимъ. Чудо съ змѣемъ приписывается въ рукописяхъ то св. Ѳеодору Стратилату, то св. Ѳеодору Тирону.

στικός· βρυορήτωρ δὲ οὗτος προσηγορεύετο. νέος μὲν τὴν ἡλικίαν, παλαιὸς δὲ περὶ τὸ φρόνημα, ὅστις καὶ τὸν δράκοντα ἀνεῖλεν ἐν Εὐχαΐτοις. ἐκεῖ γὰρ ἦν τὸ δεινὸν θηρίον ὁ δράκων, καὶ οὐδεὶς ἴσχυεν ἀντιστῆναι αὐτῷ. ὅταν γὰρ ἐσαλεύετο τοῦ ἐξελθεῖν, ἔτρεμεν ἡ γῆ ἐπὶ τῇ κινήσει αὐτοῦ. ὅταν δὲ ἐξήρχετο καὶ εἴτε κτῆνος, εἴτε ἄνθρωπος ὑπήντα αὐτῷ, βρώσει ἐτελεοῦτο ὑπ' αὐτοῦ. τοῦτο ἀκούσας ὁ γενναῖος τοῦ Χριστοῦ στρατιώτης Θεόδωρος, μὴ ποιήσας τινὰ θόρυβον ἐν τῷ στρατοπέδῳ αὐτοῦ, μόνος ἐπορεύθη τῇ σοφίᾳ αὐτοῦ, βαστάζων τὸν τίμιον σταυρὸν καὶ τὰ ὅπλα τῆς συμμαχίας αὐτοῦ, λέγων ἐν ἑαυτῷ· πορεύσομαι καὶ ἐλευθερώσω τὸ πατρικόν μου κτῆμα ἐκ τοῦ δεινοῦ θηρίου, τοῦ δράκοντος. Παραγενόμενος δὲ ἐν τῷ τόπῳ καὶ ἰδὼν χλόην χόρτου, ἔθηκεν ἑαυτὸν καὶ ἀφύπνωσεν μὴ ἐπιστάμενος, ὅτι ἐκεῖ ἦν παραμένον τὸ θηρίον εἰς τὸ κατὰ βορρᾶν μέρος τῶν Εὐχαΐτων. γυνὴ δέ τις εὐσεβὴς, ᾗ ὄνομα Εὐσεβία, πιστεύουσα εἰς τὸν Χριστόν, ἰδοῦσα τὸν ἅγιον τοῦ Θεοῦ Θεόδωρον καθεύδοντα, μετὰ φόβου ἀπελθοῦσα καὶ κρατήσασα αὐτόν, ἤγειρεν λέγουσα· ἀνάστα, ἀδελφέ, καὶ πορεύου ἐκ τοῦ τόπου τούτου ἐν τάχει· οὐ γὰρ ἐπίστασαι τὸν ὑπάρχοντα φόβον ἐνταῦθα, ἀλλ' ἀναστὰς πορεύθητι ἐν τάχει τὴν ὁδόν σου. ὁ δὲ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Θεόδωρος εἶπεν πρὸς αὐτήν· τίς γάρ ἐστιν ὁ φόβος, ὦ μῆτερ; ἀποκριθεῖσα δὲ ἡ δούλη τοῦ Θεοῦ εἶπεν· τέκνον, οὐδεὶς δύναται διοδεῦσαι τὸν τόπον τοῦτον. δράκων γὰρ κατοικεῖ ἐνταῦθα καὶ ἐξερχόμενος, εἴτε ἄνθρωπος, εἴτε κτῆνος εὑρεθῇ ἔμπροσθεν αὐτοῦ, ἀναλίσκεται ὑπ' αὐτοῦ. — Ὁ δὲ ἅγιος Θεόδωρος λέγει τῇ γυναικί· πορεύου, μῆτερ, καὶ στῆθι ἀπὸ μακρόθεν καὶ εὔχου ὑπὲρ ἐμοῦ, καὶ ὄψει τὴν δόξαν τοῦ Θεοῦ. ἡ δὲ ὑποχωρήσασα μικρον, ἔρριψε ἑαυτὴν ἐπὶ πρόσωπον ἐπὶ τὴν γῆν, κλαίουσα καὶ λέγουσα· ὁ Θεὸς τῶν χριστιανῶν βοηθὸς αὐτῷ γενοῦ. τότε ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ Θεόδωρος, ποιήσας τὴν ἐν Χριστῷ σφραγίδα, τύψας τὸ στῆθος καὶ ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανόν, εἶπεν· Ἰησοῦ Χριστέ, υἱὲ τοῦ Θεοῦ, ὁ ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ πατρὸς ἐκλάμψας, μὴ βραδύνῃς ποιῆσαι τὸ αἴτημά μου, ὃ αἰτοῦμαι παρὰ σοῦ. Ὁ ἐν τοῖς πολέμοις παριστάμενός μοι καὶ διδούς μοι νίκην κατὰ τῶν ὑπεναντίων, καὶ νῦν ὁ αὐτὸς εἶ, Χριστέ ὁ Θεός· ἀπόστειλόν μοι νίκην, ἵνα νικήσω τὸν πολέμιον διάβολον. τότε ὡς ἀνθρώπῳ διαλεγόμενος τῷ ἑαυτοῦ ἵππῳ λέγει·

οἶδα ὅτι ἐν παντὶ εὐδοκεῖ ὁ Θεὸς καὶ ἐν ἀνθρώποις καὶ ἐν κτήνεσιν· διὸ συναγωνίζου μοι τοῦ Χριστοῦ ἐνδυναμοῦντος, ἵνα νικήσωμεν τὸν ὑπεναντίον ἐχθρόν. ἀκούσας δὲ ὁ ἵππος τοῦ ἰδίου δεσπότου τοὺς λόγους, ἵστατο ὡς ἐν ἀνθρωπίνῃ φύσει, ἐκδεχόμενος τὴν τοῦ δράκοντος κίνησιν. τότε λέγει ὁ μάρτυς πρὸς τὸν δράκοντα· σοὶ λέγω καὶ ἐπιτάσσω ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ μου, τοῦ σταυρωθέντος διὰ τὸ γένος τῶν ἀνθρώπων, ἔξελθε ἐκ τοῦ τόπου σου καὶ ἐλθὲ πρός με. τότε ἀκούσας ὁ δράκων, ἐκίνησεν πρὸς τὸν ἅγιον. κινουμένου δὲ αὐτοῦ, αἱ πέτραι τοῦ τόπου συνετρίβοντο καὶ ἡ γῆ ἔτρεμεν. ὅ δὲ ἅγιος Θεόδωρος ἐπέβη ἐπὶ τὸν ἑαυτοῦ ἵππον, καὶ εὐθέως ἔστη ὁ ἵππος ἐπάνω τοῦ δράκοντος τοῖς τέσσαρσι αὐτοῦ ποσίν. τότε ὁ τοῦ Χριστοῦ δοῦλος Θεόδωρος τὴν ἑαυτοῦ ῥομφαίαν πήξας ἐπάταξε τὸν δράκοντα καὶ εἶπεν· εὐχαριστῶ σοι, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὅτι ὑπήκουσάς μου ἐν τῇ ὥρᾳ ταύτῃ, ἵνα νικήσω τὸν ὑπεναντίον ἐχθρόν. καὶ ἐπορεύετο τὴν ὁδὸν αὐτοῦ, χαίρων καὶ αἰνῶν τὸν Θεόν.

Искомый мотивъ сна находится, какъ видно, и въ Эвхаитскомъ сказаніи, нѣкоторыя положенія котораго отвѣчаютъ такимъ-же въ легендахъ-пѣсняхъ о Георгіи[1]). Если въ первообразѣ послѣднихъ этотъ мотивъ существовалъ въ такихъ-же простѣйшихъ очертаніяхъ, то развитіе его общими мѣстами сказки представляется вполнѣ естественнымъ. Неестественнымъ кажется, что и греческіе, и болгарскіе, и русскіе пѣвцы самостоятельно додумались до такого развитія: гораздо проще допустить прямую зависимость напр. болгарскихъ пѣсенъ отъ греческихъ, при чемъ мѣриломъ сходства не должны служить лишь данные, случайно записанные экземпляры пѣсенъ, съ случайно выпавшими эпизодами и нарощеніями мѣстнаго характера. — Русскіе стихи становятся въ извѣстномъ смыслѣ особо, выдѣляясь именемъ Елисаветы. Выше мы объяснили его появленіе вліяніемъ иконописнаго сопоставленія, совершившагося, вѣроятно, въ Византіи, но

---

[1]) Замѣчу, мимоходомъ, что въ эпизодѣ объ Евсевіи, которую святой называетъ матерью, собраны данныя, связывающія его житіе съ апокрифической легендой о святомъ, спасшемъ свою мать отъ змѣя.

возможнаго и на Руси: имя константинопольской угодницы явилось въ разсказѣ о чудѣ, сходномъ по типу съ тѣмъ, который легъ въ основу греческаго и болгарскаго стиховъ. Къ такому виду легенды восходятъ русскія пѣсенныя отраженія чуда; посредство болгарскаго стиха между той и другими будетъ — лишней гипотезой.

До сихъ поръ точкой отправленія, объединявшей греческіе, болгарскіе и русскіе стихи, являлся для насъ мотивъ сна. Другая черта, встрѣтившаяся пока лишь въ русскихъ и болгарскихъ стихахъ: враждебное отношеніе отца-язычника къ дочери-христіанкѣ, которую онъ потому и предоставляетъ въ жертву змѣю — позволяетъ пріобщить къ болгарской и русской версіи легенды еще и слѣдующую польскую:

«Śty Jerzy, za żywota swego na ziemi był husarem i wojował przy wojsku z łaski Boskiéj. W jedném mieście, kajtota było we świecie — pojawił się smok wielgośny, co cedźkaj wszyćko zjadał. Cy bydle, cy prosie, kaj ino co było, zarła bestyja, i nikt mu nic nie mógł (poradzić): az ci juz brakło bydląt, i do ludzi się chycił. Juz niejednego cłeka chycił w gardziel, harknął, — chrupło mu w zębach, i po wszyćkim. Ludzie tez z miasta uciekali, i tylko pustki stały po świecie. Był carnoksiężnik bardzo wierze katolickiéj przeciwny, i miał córkę podlotkę (młodziutką), którą dla jéj pobożności nie lubił. Panienka ta modliła się do Matki Boskiéj skrycie przed ojcem — ale on to pomiarkował i własne dziecko chciał zgubić — i smokowi dać na pożarcie. Wtém z rozkazu Boskiego jedzie konno husar Jerzy. Jak konia rozpędził, gdy smok juz blisko panny, on hyc! bez niego (przezeń przeskoczył) okraczył go koniem i dzidę mu do gardziela wepchał, a smok wypuczył się i upadł. Na ten widok Najświętsza Panienka rzekła Jerzemu św.: «kiejeśmi pięknie, ładnie obronił niewinne stworzenie, dziewiczę tę czystą, to za to, mój rycerzu, po niebie na gwieździstym wozie jeździć będziesz — i mój miasiączek ci odstępuje na mieszkanie». — Odtąd św. Jerzy mieszka na miesiączku, i ku czci Boskiéj gra na lutni. Można go widzieć

osobliwie na widku (na pełni) jak gra, przy stoliczku siedzący, tylko niedobrze jest w to patrzyć; bo jakby św. Jerzemu nagle pękla struna w lutni, toby narazie (wówczas) patrząc do miesiączka mógł oślepnąć; lepiéj unikać tego i przestrzegać dzieci małe żeby tego nie robiły»[1]). — Связь луны съ Юріемъ извѣстна и въ малорусскомъ повѣрьѣ[2]): будто измѣненія луны происходятъ отъ того, что тамъ находится заслонка, которою завѣдываетъ св. Юрій; онъ постоянно то опускаетъ, то поднимаетъ эту заслонку, отчего и происходятъ перемѣны мѣсяца[3]). — Существованіе суевѣрія даетъ поводъ поставитъ вопросъ — не извѣстна-ли была и въ Малороссіи такая же форма Георгіевой легенды, какая представляется польскимъ сказаніемъ, воспроизводящимъ, какъ мы видѣли, одну изъ типическихъ особенностей русскаго и болгарскаго стиховъ? — Другая параллель, объединяющая вмѣстѣ съ польскимъ и малорусскимъ преданіемъ и одну болгарскую сказку[4]), можетъ дать поводъ къ разбору славянскихъ (?) представленій о какихъ-то загадочныхъ отношеніяхъ

---

[1]) Kolberg, Lud, serya VII, p. 29 — 30.

[2]) Труды Этнографическо-статистической Экспедиціи въ западнорусскій край, снаряженной Имп. Русск. Геогр. Общ. Югозападный отдѣлъ. — Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубинскимъ. T. I, вып. 1, стр. 9 — 10.

[3]) Другое совпаденіе повѣрій представляетъ польское сказаніе, сближенное съ лужицкимъ: и тамъ и здѣсь пятна на лунѣ приводятъ къ представленію человѣка, играющаго па струнномъ инструментѣ (лютнѣ или скрипкѣ); въ польской легендѣ это Георгій, въ лужицкой — Давидъ. Сл. Hawpt a Smoler, Pjesnički hornych a del'nych Łužiskich Serbow, I стр. 273 — 4; Haupt, Sagenbuch der Lausitz II p. 191. Въ ряду обычныхъ повѣрій о пятнахъ на лунѣ польское и лужицкое стоятъ пока особо. См. J. Grimm D. Myth, 4-e Ausg. (von E. H. Meyer) II стр. 597 — 600. Обратимъ кстати вниманіе на Краинское сказаніе (l. c. стр. 600 прим. 3 и III стр. 209), будто лунныя пятна — пастухъ Kotar, любимецъ богини Триглавы (?), перенесенный ею на мѣсяцъ, который онъ поливаетъ водою и тѣмъ заставляетъ рости.

[4]) Каравеловъ, l. c. стр. 299 — 300: Мать, сынъ и мѣсяцъ.

Георгія — къ лунѣ. Болгарская сказка разсказываетъ: Одна злая женщина разсталась съ мужемъ, жила нехорошо, и родился у нея мальчикъ, такой-же злой, какъ и она, ругавшій всѣхъ проходящихъ, странниковъ и нищихъ, даже мать свою. Однажды она вынесла его на дворъ, а онъ её и спрашиваетъ: Что, мамо, слышитъ-ли мѣсяцъ, когда я браню тебя и другихъ? — А въ то время мѣсяцъ ходилъ такъ невысоко, что можно было поймать его рукою; бывало, ходилъ даже по землѣ. — А если и услышитъ, такъ что-жь изъ этого? сказала мать; пусть себѣ сердится. — Разсердился мѣсяцъ, проклялъ мать и сына; въ отместку за проклятіе та женщина, подстороживъ мѣсяцъ, когда онъ остановился на улицѣ, набросила на него грязную пелену. Съ тѣхъ поръ онъ поднялся такъ высоко, какъ и теперь стоитъ, а мать и сынъ превратилъ въ змѣевъ; они долго жили и много людей поѣли, пока не убили ихъ свв. Георгій и Ѳеодоръ. Тѣ змѣи, что теперь ходятъ по свѣту — ихъ внуки.

Для генеалогіи разобранной нами группы легендъ необходимо замѣтить, что въ житіи св. Елисаветы нѣтъ ничего, что-бы могло дать поводъ къ развитію эпизода: о нелюбви отца язычника къ иновѣрной дочери. Такой поводъ представляетъ житіе св. Марины-Маргариты (Регины). Если такъ, то въ русскихъ духовныхъ стихахъ или въ ихъ источникѣ относительно новымъ является лишь имя Елисаветы («почитающая Бога»), содержаніе-же восходитъ къ протитипу болгарскаго, съ именемъ Маріи-Марины и отцемъ-язычникомъ.

Имена послѣдняго въ русскомъ стихѣ не даютъ никакихъ разъясненій относительно его генеалогіи, потому что трудно рѣшить, какое изъ нихъ основное, какія слѣдуетъ признать его видоизмѣненіями. Г. Кирпичниковъ [1]) полагаетъ, что имя Агея вторглось въ стихъ изъ извѣстной повѣсти о «гордомъ царѣ»; но въ

[1]) Стр. 177, прим. 1; указаніе на «Римскія Дѣянія» должно быть устранено; легенда объ Агеѣ будетъ разсмотрѣна нами при другомъ случаѣ.

ней оно само явилось поздней замѣной имени царя Асы. Варіантъ: Адей напомнилъ мнѣ русскій заговоръ отъ руды и ломоты: «какъ царь Аддей крѣпокъ, такъ и заговоръ мой крѣпокъ» [1]).

Легендъ и стиховъ о чудѣ Георгія съ именемъ Елисаветы на западѣ я не знаю. На западѣ эта святая была вообще мало извѣстна; быть можетъ, въ благочестивомъ введеніи къ нѣмецкому житію св. Маргариты, XII вѣка, сохранилась память византійской «змѣеборицы». Vogt, изслѣдовавшій недавно легенду первой изъ названныхъ святыхъ, склоненъ отнести упоминаніе послѣдней на счетъ перескащика XIII вѣка, имѣвшаго въ виду св. Елисавету тюрингенскую (канонизованную въ 1235 году). Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ предположить св. подвижницу константинопольскую, имя которой чередуется съ Маргаритой въ чудѣ Георгія; обузданіе змѣя, приписанное той и другой святой, могло вызвать молитвенное обращеніе къ Елисаветѣ:

Des bite wir die rîchen
In dem hohen himelrîche
Daz wir kumen al dâ hin.
Daz tuo der goteliche sin
Und frowe Elspet ûz der schar:
Des wunsche ich von herzen gar [2]).

Такъ или иначе, намъ извѣстно пока одно лишь русское пѣсенное преданіе, сохранившее въ легендѣ о Георгіи имя Елисаветы, рядомъ съ которымъ отзывается, случайно, другое: имя Маріи. Можетъ быть Марины-Маргариты? Остановимся на его слѣдахъ.

Въ русскихъ духовныхъ стихахъ о мученіи Георгія его мать названа Софіей; въ пѣсняхъ о чудѣ съ змѣемъ царевна носитъ обычное имя Елисаветы, но въ одномъ варіантѣ (Безсон. № 117)— имя Софіи. Г. Кирпичниковъ [3]) объясняетъ его заимствованіемъ

---

[1]) Сл. Майковъ l. c. № 152.

[2]) M. Haupt, Die Marter der hlg. Margarete, Zs. I p. 156—7 v. 79—84; сл. Vogt, l. c. p. 264.

[3]) Стр. 177 прим. 2.

изъ большаго стиха о мученіи, называющаго такъ мать святого; но заимствованіе можетъ быть объяснено въ свою очередь сближеніемъ стиха о чудѣ св. Георгія съ змѣемъ съ стихомъ о св. Өеодорѣ, спасающемъ свою мать отъ похитившаго ее змѣя (припомнимъ кстати роль матери въ румынской сказкѣ о Георгіи витязѣ). Въ одномъ русскомъ, сильно, впрочемъ, попорченномъ разсказѣ о Егоріи Храбромъ онъ также спасаетъ свою мать, которая названа Маріей. Набѣжалъ на Русь злой Татаринъ, заполонилъ всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ. А въ той сторонѣ жилъ-былъ мужичекъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица, что не перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. Прижили они сына красоты невиданной и назвали его Егоріемъ. Услыхалъ объ его умѣ-разумѣ схимникъ Ермогенъ [1]) и выпросилъ его у родителей — учить слову Божьему. — А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Зміемъ-Горюнычемъ; и не было отъ него православнымъ житья: выѣдетъ на охоту, дикаго звѣря травитъ, а молодицъ да красныхъ дѣвицъ тащитъ въ свой городъ Касимовъ. Полюбилась ему Марья, онъ утащилъ её къ себѣ, а Антипа предалъ злой смерти. — Узналъ о томъ Егорій, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную — и Господь услышалъ его молитву. Какъ подросъ Егорій, пошелъ въ Касимовъ, подходитъ къ палатамъ Брагимовымъ, видитъ: стоятъ злые нехристи и нещадно бьютъ мать его бѣдную. Напрасно проситъ онъ хана за мать; онъ самъ подвергается мученіямъ, которыя противъ него безсильны: его пилятъ пилами, рубятъ топорами — у пилъ зубы посшибались, у топоровъ лезвія выбивались; его варятъ въ смолѣ кипучей — а онъ поверхъ ея плаваетъ. Посадили его въ глубокій погребъ; тридцать лѣтъ сидѣлъ онъ тамъ и томился; вотъ поднялась буря страшная, разнесла доски дубовыя, вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ, видитъ — стоитъ конь осѣдланный, возлѣ лежитъ мечъ-кладе-

---

[1]) Сл. Ермолая въ житіи св. Пантелеймона.

нецъ. Егорій ѣдетъ въ лѣсъ, встрѣчаетъ волковъ, которыхъ напустилъ на Брагима, хана грознаго. Тѣ сладили съ нимъ, Егорій прикололъ его копьемъ, а мать освободилъ изъ неволи [1]).

Легенда, сообщенная нами, представляетъ пересказъ духовнаго стиха о мученіяхъ св. Георгія съ вѣроятнымъ вліяніемъ стиха о Ѳеодорѣ Тиронѣ (спасеніе матери отъ змѣя: Горынича). Такое-же вліяніе представляетъ и непосредственно слѣдующій у Аѳанасьева [2]) варіантъ, начинающійся словами:

Егорій святой Богу молился
За мать за родную!

Послѣ 32-хъ лѣтняго заключенія въ погребѣ глубокомъ онъ встрѣчаетъ свою мать въ церкви. Она велитъ ему отмстить за «материнскую кровь». Егорій спрашиваетъ её:

Сто́итъ-ли, мать, мое рожденіе
Всего моего похожденія́?
«Вдвое стоитъ твое рожденіе
За меня претерпѣнна мученія»!

Тотъ-же разговоръ матери съ сыномъ въ стихѣ о Ѳеодорѣ Тиронѣ:

Охъ ой еси, роднȧ матушка!
Будетъ-ли мое похожденіе
Супротивъ твоего рожденія?
— Охъ ты мое чадо милое?
Не будетъ твое похожденіе
Супротивъ моего рожденія! [3]).

II. Кромѣ стиха о Егоріи и Лизаветѣ Прекрасной русская народная поэзія знаетъ еще стихъ съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ его житія съ мученіями.

«Что составитель стиха зналъ о Георгіи? спрашиваетъ г.

---

[1]) Аѳанасьевъ, Народн. русск. легенды, стр. 132—4 (прилож. къ № 9).

[2]) l. c. стр. 134—136.

[3]) Безсоновъ, Калики т. I стр. 527 № 121 и passim.

Кирпичниковъ (стр. 168). Одно-ли мученіе его, при которомъ порокъ оставался торжествующимъ? Нѣтъ, кромѣ того онъ видѣлъ его икону, гдѣ онъ побѣждалъ змѣя не кротостью, а оружіемъ, и спасалъ отъ него какую-то женщину (самаго чуда о змѣѣ, послужившаго источникомъ второго стиха[1]) онъ, по видимому, не зналъ). Кромѣ того, церковныя пѣсни, да и самое прозваніе побѣдоносца вели къ тому, чтобы закончить стихъ не гибелью, а побѣдою героя. Объединеніе Діоклетіана гонителя и поражаемаго Егорьемъ змѣя — фактъ не только естественный, но и необходимый; въ этомъ пѣвецъ былъ связанъ преданіемъ, но отъ него зависѣло помѣстить побѣду надъ змѣемъ Демьянищемъ немедленно послѣ освобожденія или удлинить промежутокъ, наполнивъ его новыми подвигами. Какъ человѣкъ со вкусомъ, онъ предпочелъ послѣднее». Яснѣе выразился взглядъ изслѣдователя на составъ разбираемаго стиха въ слѣдующихъ итогахъ (стр. 173): авторъ стиха зналъ св. Георгія «по житію, какъ мученика, и на иконахъ видалъ его въ образѣ коннаго воина, побѣдителя змѣя, часто вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Стратилатомъ. Какъ слить эти два представленія? Онъ слагаетъ стихъ изъ двухъ половинъ: первая вкратцѣ излагаетъ мученіе по памяти, на основаніи одной изъ краткихъ и смѣшанныхъ редакцій........ Во второй половинѣ авторъ былъ несравненно болѣе предоставленъ самому себѣ; изъ художественнаго преданія онъ могъ заимствовать только основной фактъ, а изъ церковныхъ пѣсенъ — неясные намеки, что герой «томителя врага побѣдивъ низложи», «разсыпалъ идольскія службы», что онъ былъ «хранитель церкви», «плѣнныхъ освободитель».

И такъ, «авторъ» стиха зналъ житіе съ мученіями — по памяти, не зналъ чуда Георгія съ змѣемъ; иконописное изображеніе, прозваніе «побѣдоносца», церковная пѣснь и собственная фантазія досказали ему остальное.

Мнѣ кажется, что этому объясненію можно противопоставить

---

[1]) Т. е. стиха о Егоріи и Елисаветѣ.

другое, болѣе цѣльное, упрочивающее корни стиха въ легендѣ, къ даннымъ которой пріурочиваются и его народно-эпическія распространенія. Можетъ быть, пѣвецъ или пѣвцы были предоставлены самимъ себѣ не совсѣмъ такъ, какъ представляетъ себѣ г. Кирпичниковъ.

Я попытаюсь предположить въ основѣ нашего стиха легенду о мученіи, въ редакціи, сходной съ СА, и въ сплоченіи съ легендой о чудѣ особаго состава. Я не намѣренъ утверждать, что прямымъ источникомъ стиха былъ какой нибудь литературный сводъ — потому что не увѣренъ, не было-ли между тѣмъ и другимъ болѣе древней посредствующей, пѣсенной или народно-сказочной формы. Полнота народно-эпической переработки, какой подверглись въ стихѣ данныя легенды, нерѣдко претворившіяся до неузнаваемости, служитъ свидѣтельствомъ, что стихъ о «мученіи» пережилъ гораздо больше пересказовъ и перепѣвовъ, чѣмъ напр. стихъ о Егоріи и Елисаветѣ.

Чудо съ змѣемъ предполагалось въ различныхъ отношеніяхъ послѣдовательности къ житію съ мученіями. У Якова de Voragine отдѣлъ о св. Георгіи открывается его побѣдой надъ дракономъ, поселившимся въ stagnum instar maris[1]), крещеніемъ спасенной имъ царевны, царя и народа. Царь ставитъ церковь in honorem beatae Mariae et beati Georgii. Святой удаляется — и слѣдуетъ непосредственно разсказъ о его мученіи отъ Даціана. «Dacianus autem cum de loco, in quo decollatus est, ad palatium rediret, ignis de coelo cecidit et ipsum cum ministris suis consumsit».

Такую-же послѣдовательность предполагаетъ и та изъ русскихъ редакцій чуда, которая считаетъ его совершившимся до мученія св. Георгія[2]). Царевна наречена Маріей.

Другая русская редакція пріурочиваетъ чудо по смерти ве-

---

[1]) Замѣтимъ, что и латинское чудо, напечатанное нами въ Приложеніи № VI, называетъ себя Прологомъ (къ житію?).

[2]) Кирпичниковъ l. c. стр. 57 — 9.

ликомученика; мѣсто дѣйствія — Палестинская страна; царь отдаетъ свою дочь на пожраніе змѣю. «Святый-же и великій мученикъ и страстотерпецъ Христовъ Георгій, почтенный отъ небеснаго царя воинъ, иже въ жизни сый и по смерти сіяя великими чюдесы, по смотрѣнію убо Божію, спасти насъ погибающихъ и избавити града нашего отъ толикія бѣды, въ той убо часъ приста на мѣстѣ томъ, якоже нѣкій воинъ, грядый отъ рати» (или: отъ вратъ?)[1]). — Чудо кончается построеніемъ церкви.

Первоисточникомъ русскаго духовнаго стиха могла быть такая-же легенда, гдѣ чудо помѣщалось послѣ мученія, съ тою разницею, что послѣднее кончалось не смертью угодника, а однимъ изъ тѣхъ чудесныхъ обмираній или успеній, которыя въ апокрифѣ В являются, какъ рядъ настоящихъ смертей, перемежающихся дѣйствительными воскресеніями. Такимъ образомъ чудо притягивалось въ житіе, составляя вмѣстѣ съ нимъ нѣчто цѣлое. Я уже выразилъ мнѣніе, что житіе это могло принадлежать къ типу СА. Текстъ Хлудовскаго торжественника и сходный съ нимъ, изданный проф. Тихонравовымъ, дали мнѣ матеріалъ для слѣдующихъ извлеченій.

1. Св. Георгій, родомъ Каппадокіецъ, воспитанъ и живетъ въ Палестинской странѣ. У него отецъ Геронтъ (Геронтій), язычникъ, мать Полихронія (или Полифронія), «хр҇тиꙗнины соущи, не прѣстаꙗше выноу млщисе и жрьтвоу пѣниꙗ вьсилающи таи Хоу боу не ꙗвляющесе ꙗко християныни ѥ». — Георгій обращаетъ въ христіанство отца своего, который вскорѣ послѣ того умираетъ (по А: мученическою смертью).

2) Дадіанъ или Діоклетіанъ, мѣстный князь Тавроликіи, Персарменіи и Палестинскія страны, требуетъ, чтобы Георгій принесъ жертву языческимъ богамъ. Получивъ отказъ, онъ подвергаетъ святого различнымъ мукамъ: Георгія бьютъ сырыми жилами, ввергаютъ въ «окринь мѣдѣнь», бьютъ по головѣ «роублѥмь мѣденомь». — «Видѣвже гльбокыи зміи Діоклитіань (Да-

[1]) l. c. стр. 59.

діанъ; βύθιος δράκων сказано о Діоклетіанѣ въ вѣнскомъ апокрифѣ) ꙗко не прикосноушесе кму моукы, повелѣ ко́ло створити и вьбити вь нк желѣза ѡстра, и ноже ѡбоюдоу ѡстры, и възложити мнка на нк.... възложиша на нь коло и оу̓спе стыи».— Царь увѣренъ, что онъ умеръ (ꙗко оу̓мрѣть), но голосъ съ неба говоритъ мученику: «вьстани ѿ сьна свокго». — Начинается новый рядъ мученій: царь велитъ повѣсить святого, «и гвоздик ражежены вьбивати по вьсемоу тѣлоу кго»; «пакы же повелѣ прѣтрьти й (пилою)»; Георгія ввергаютъ въ «конобь» съ кипящимъ масломъ; «пакы повелѣ моучитель разварити лои и пькль и смрьдещии ка́мень и смо́лоу и вроущемь ѡб'лити й». — Георгій посаженъ въ темницу.

3. Діоклетіанъ-Дадіанъ рѣшилъ предать мечу «учителя галилеискаго». Его выводятъ на казнь: «Мти же кго видѣв'ши ꙗко юже заповѣдь прикть възрѣв'ши на нбо молѣшесе глюще: бже прикмыи жрьтвоу авраамлю и исаака сна кго на ѡлокавтось, такожде приими и сна мокго Геѡргіа вь цртвіи твокмь. и сице помльшисе ре к' нкмоу· моли за ме че́до прѣже бо тебе оумроу». Апокрифъ кончается смертью матери и Георгія; святой молится передъ кончиной: кто «боудеть въ страсѣ или вь бѣдѣ или вь напасти и призоветь тебе млрдаа́го ѡца и сна и стго дха именемь (твоимь) раба твоекго, да спсень боудеть».

Послѣдній отдѣлъ апокрифическаго разсказа вошелъ въ русскій стихъ лишь отдѣльными своими чертами, отвѣчавшими его общему замыслу: стихъ не знаетъ смерти Георгія, ни смерти его матери; остановившись на послѣднемъ заключеніи святого, онъ удержалъ лишь молящійся образъ Софіи, который пріурочилъ къ своему плану. Молитвенныя слова святого о ниспосланіи помощи всѣмъ, его призывающимъ, послужили, быть можетъ, поводомъ ввести въ эту связь — его чудо съ змѣемъ. Кара надъ Дадьяномъ, «глубокимъ змѣемъ», извѣстная по другимъ апокрифамъ, явилась естественнымъ завершеніемъ цѣлаго; исполнителемъ ея могъ быть самъ Георгій, такъ какъ пѣснь представляла его себѣ

еще въ живыхъ. — Очертанія стиха готовы. Обратимся къ его подробностямъ.

А. Мученіе св. Георгія.

1. Георгій родился въ Іерусалимѣ (Безсон. Кал. I №№ 101, 103, 108; Варенцовъ стр. 100) или Виѳлеемѣ, Хлеемѣ (Безсон. № 111, гдѣ живетъ и Демьянище; сл. одинъ изъ эпитетовъ грузинскаго Георгія: виѳлеемскій). У него отецъ Ѳеодоръ; мать Софія Премудрая. Софія Премудрая отвѣчаетъ Полифроніи (Полихроніи) апокрифа; припомнимъ, по этому поводу, названіе матери Георгія въ эѳіопской легендѣ: Тійобеста, т. е. Ѳеописта = боговѣрная; сл. эпитетъ «благовѣрной» при Софіи русскихъ духовныхъ стиховъ. — Та-же легенда даетъ святому двухъ сестеръ; ихъ знаетъ и русскій стихъ: ихъ двѣ, либо три. Трудно рѣшить, сохранилась-ли въ этой чертѣ подробность, утратившаяся въ дошедшихъ до насъ греческихъ апокрифахъ, или слѣдуетъ признать воздѣйствіе легенды о св. Софіи (честв. 17 сентября) и ея трехъ дочеряхъ. — Въ экономіи русскаго стиха сестры Георгія являются эпизодомъ, значеніе котораго намъ придется разъяснить.

2. Преслѣдованіе Дадьяна изображено по пріемамъ эпоса, какъ вражеское нашествіе на Іерусалимъ [1]). Припомнимъ, что и стихъ о св. Ѳеодорѣ Тиронѣ начинается нашествіемъ жидовской силы, и мы можемъ еще услѣдить, при помощи текстовъ апокрифа, какія его черты дали поводъ къ своеобразному пѣсенному развитію. Можетъ быть, эта подробность существовала уже въ первоисточникѣ Георгіевскаго стиха; замѣтимъ, что въ русскихъ текстахъ чуда «до мученія» св. Георгій возвращается съ войскомъ «отъ перскія брани». — Насильникъ названъ: Демьянищемъ, Одемьянищемъ, Даміанищемъ, Дектіаномъ; это, несомнѣнно, Дадіанъ, Даціанъ; вспомнимъ Дамьяна = Дадьяна Никитина житія; Діоклитіанище (Безсон. вар. къ № 105; Якушкинъ

---

[1]) Исключеніемъ является № 110 у Безсонова, гдѣ отецъ Георгія, «Татарскій державецъ», мать «Премудрая», и мучителемъ представляется собственный отецъ святого — какъ въ отреченномъ житіи Никиты.

№ III) говоритъ за себя; Кудріянище, Мартемьянище (Максиміанъ?) принадлежатъ, можетъ быть, народному пересказу. — Демьянище — басурманъ, злодѣй, шипитъ по змѣиному, «яко змѣй летитъ» (Безсон. l. с. № 102); въ приведенной выше легендѣ у Аѳанасьева Брагимъ, отвѣчающій ему, названъ змѣемъ Горыничемъ: это «глубокій змѣй» апокрифа. — Онъ полонитъ Егорья и его сестеръ; по нѣкоторымъ варіантамъ (Безсон. № 101, 105, 107, 114; Якушкинъ № I, III; Варенцовъ, стр. 95 слѣд.) убиваетъ либо закладываетъ въ столбъ отца Георгія. Такъ должно было быть въ обстановкѣ вражескаго нашествія; въ апокрифѣ отецъ Георгія умираетъ раньше его мученія; тексты A(b) и Слово Григорія Кипрскаго дѣлаютъ мученикомъ за вѣру и отца святого — и мы въ состояніи указать, откуда взялась эта подробность и самое имя Ѳеодора, смѣшаннаго въ русскомъ пѣсенномъ преданіи съ Ѳеодоромъ Стратилатомъ (Стратилаторъ и т. п.)[1]. Память св. мученика Геронтія чествовалась 1, 12, 13 и 14 апрѣля; мы знаемъ, что уже въ Синайскомъ мѣсяцословѣ IX в. онъ памятуется, какъ отецъ Георгія; греческій прологъ клермонской іезуитской коллегіи X—XI вв. и другіе древніе греческіе синаксари помѣщаютъ подъ 13 и 14 апрѣля памяти Ѳеодосія, Василида и Геронтія; славянскій пергаменный прологъ за мартовское полугодіе (Моск. Синод. библ. № 240) XIII—XIV вѣка: Ѳеодосія царя Гернота (вѣроятно: Геронта), т. е. опять-же Ѳеодосія, Василида, Геронтія; Василидъ понятъ, какъ нарицательное (царь); оставалось понять въ томъ-же смыслѣ и имя Геронтія, Геронта — и Геронтій, Василидъ, Ѳеодосій легко обратятся въ народномъ пересказѣ въ стараго царя Ѳеодосія, вмѣсто котораго имя Ѳеодора подставилось само собою. Мученіе или усѣченіе св. Ѳеодосія упоминается въ апрѣлѣ и отдѣльно; память Ѳеодота (т. е. Ѳеодосія) и Василія (т. е. Василида) и иже

---

[1]) Имя Геронтія въ бѣлорусскомъ егорьевскомъ стихѣ у Безсон. Калѣки I стр. 744 — 5, какъ и весь стиль стиха указываютъ на его школьное происхожденіе.

съ ними стоитъ подъ 2 апрѣля въ греческомъ мѣсяцесловѣ XI вѣка.

Мученіе св. Георгія стихъ описываетъ подробно: главную роль играютъ топоры, пилы, кипящая смола, гвозди и т. п.; всё это развито изъ мотивовъ апокрифа; послѣднее заключеніе въ темницу выражено заключеніемъ въ погребахъ, засыпанныхъ песками рудожелтыми. Пребываніе въ погребахъ представляется долговременнымъ: три или тридцать три года. Демьянище увѣренъ, что Георгію не бывать въ живыхъ: это увѣренность Даціана: ꙗко оумрѣть. Но чудомъ развѣваются пески, Егорій выходитъ на Божій свѣтъ.

3. встрѣчаетъ мать, стоящую въ церкви на молитвѣ и проситъ у нея благословенія — отплатить Демьянищу дружбу прежнюю, утвердить вѣру христіанскую. — Въ одной редакціи стиха (Безсон. № 98) онъ спрашиваетъ, гдѣ его сестры? Я полагаю, что въ слѣдующемъ отдѣлѣ стиха освобожденіе ихъ являлось въ центрѣ дѣйствія, не его эпизодомъ, какъ въ дошедшихъ до насъ пересказахъ.

В. Чудо съ змѣемъ. Въ предлагаемой здѣсь попыткѣ возстановленія я пользовался, главнымъ образомъ, матеріаломъ собраннымъ г. Безсоновымъ, и именно №№ 98 — 106 и 108 — 109 стиха о Егоріи храбромъ.

Егорій выѣзжаетъ на подвигъ; первая застава на его пути — горы толкучія (№№ 98, 102, 107), которыя расходятся по его просьбѣ; въ большей части варіантовъ (№№ 99, 100, 103, 104, 106, 108) къ нимъ присоединены и лѣса; въ № 105: лѣса, рѣки, горы (въ № 101: лѣса, рѣки), въ № 109: лѣса, горы, рѣки и моря: онѣ расходятся, растекаются, чтобы было гдѣ «Егорію проѣхати». — Именно потому, что подобнаго рода заставы могли легко плодиться въ воображеніи пѣвца, можно предположить, что этотъ эпизодъ поѣздки подвергся значительнымъ наслоеніямъ. Основною чертою могли быть «горы толкучія».

Труднѣе поддается анализу слѣдующій эпизодъ стиха.

Егорій наѣзжаетъ на «стадо волчиное», «звѣриное» (№№ 98,

99, 101, 102, 104, 105, 106, 108, 109) и велитъ звѣрямъ разойтись по землѣ; въ нѣкоторыхъ варіантахъ (№№ 100, 102, 105; сл. 99 и 106) пастырями стада являются три родныхъ сестры Георгія; въ другихъ, за встрѣчей съ звѣрями, слѣдуетъ еще стадо змѣиное: его-то пасутъ сестры (№ 98; сл. варіантъ къ № 101, а также №№ 108 и 109); Егорій побиваетъ змѣй (№№ 101, 108—9). — Древнѣйшая послѣдовательность, сохранившаяся въ нѣсколькихъ стихахъ (№№ 99, 100, 104, 105 и варіантъ; 106) была, вѣроятно, слѣдующая: Егорій наѣзжаетъ на стадо, которое пасутъ его сестры; «ему та застава миновалася»; вторая — встрѣча и бой съ змѣемъ:

Наѣзжалъ Ягорій на люта змѣя,
(На люта змѣя), люта огненна,
Какъ изъ рота огонь, зъ ушей по́лымя,
Изъ глазъ въ ней скоры сыпятъ огня̀ныя,
Вотъ хотитъ Ягорья потрёбати.
Ягорій-свѣтъ проглаголывалъ:
Во люта змія, люта огненна!
Хоть съѣшь меня, да не сыта будешь,
Не ровёнъ кусокъ, змѣй, подавишься.

Онъ раскрошилъ его на мелкія части; варіантъ къ № 105 (сл. Якушинъ № III) называетъ змѣю Горюницей, она о 12-ти головахъ, 24-хъ хоботахъ; въ №№ 104, 105 является нѣсколько огненныхъ змѣевъ: несомнѣнно, амплификація позднѣйшей пѣсни.

Сестры Георгія, увлеченныя въ плѣнъ нечестивы́мъ царе́мъ, обасурманились: онѣ сидятъ по звѣриному, сипятъ, лопятъ по змѣиному (№№ 98, 99 и passim),

Воло́са на нихъ какъ ковыль трава,
А тѣло на нихъ какъ скора яловая
(Сл. №№ 99, 100, 102, 103, 105, 106).

Егорій велитъ имъ искупаться въ Іорданъ-рѣкѣ, омыть вѣру латинскую, басурманскую (№ 101), «наростетъ на васъ тѣло христіанское» (№ 100). — Выраженіе «латинская вѣра» не должнобы останавливать насъ, еслибы въ болгарскомъ стихѣ о чудѣ Ге-

оргія невѣрный царь также не носилъ имени латина; онъ — властитель Троема или Трояна. — Обрастаніе тѣла является внѣшнимъ выраженіемъ внутренней нечистоты, мрака невѣрія. Въ болгарской пѣснѣ о «дѣлежѣ земли» такъ наказаны невѣрные христіане:

И страшна ся коса пораснала,
Изъ коса-та змiи пораснале [1]).

Интересную параллель представляетъ въ Wolfdietrich'ѣ B эпизодъ, отвѣчающій въ редакціи A разсказу о встрѣчѣ героя съ merwîp: дикая Эльза (die rûhe Else) обросла волосами, ходитъ по звѣриному; окрестившись въ источникѣ, она становится красавицей. Она — царица старой Трои.

Встрѣча съ сестрами и змѣемъ принадлежитъ къ существеннымъ элементамъ чуда, воспринятаго въ русскій стихъ о Егоріи, быстро приближающійся затѣмъ къ своей развязкѣ: еще одна застава — встрѣча съ чудовищной птицей (Нага, Нога, птицы Нагайщины; Черногонъ, Черногоръ; Нага-Астрахтиръ, Острафилъ, Стратимъ), сидящей на вратахъ города, гдѣ царитъ Демьянище — и Егорій убиваетъ насильника. Я не берусь объяснить явленіе чудесной птицы въ связи съ начальнымъ планомъ стиха, потому что не увѣренъ въ ея принадлежности къ его древнѣйшимъ очертаніямъ. Стихъ дошелъ до насъ въ двоякой переработкѣ, одинаково затемнившей значеніе его второй половины, а въ ней элементъ чуда. Первую переработку я назвалъ бы былинною: стихъ кончался казнью Демьянища, и она стала эпической цѣлью, къ которой устремилось всё дѣйствіе. Это не могло не повліять на переработку элементовъ чуда, вошедшихъ въ составъ стиха; они утратили характеръ особности, эпизодической цѣльности, подчинившись новому плану: чудо обратилось въ поѣздку къ Демьянищу, поѣздку съ заставами, въ которой стерлись первоначальныя очертанія легенды. Заставой очутился и бой съ змѣемъ, и звѣри, которыхъ пасутъ сестры Георгія, и Черногонъ-птица. —

---

[1]) Миладиновци № 53.

Но на этомъ народная фантазія не остановилась, и дошедшіе до насъ варіанты стиха отразили еще другое представленіе о Егоріи, внушенное его житіемъ, его предсмертной молитвой, словомъ Аркадія Кипрскаго и т. п.: представленіе о Георгіи, какъ о чудесномъ помощникѣ, пособникѣ на сушѣ и на водахъ. Заставы въ стихѣ-былинѣ о Георгіи поняты, какъ чудеса его устроенія; въ этихъ границахъ позволено говорить о немъ, какъ о деміургѣ. Крайней точкой отправленія, за мотивами заставъ, была легенда о чудѣ, какъ въ извѣстной болгарской пѣснѣ, поющейся на Юрьевъ день[1]):

Рано утромъ, на Юрьевъ-день, тронулся въ путь св. Георгій:

На срѣщу му сура ламя,
Сура ламя съсъ три главы.
Свѣти Георги отговаря:
Ой та тебе, сура ламё!
Назадъ, назадъ, сура ламё!
Че штѫ изваджѫ златъ буздуганъ,
Штѫ отсѣкѫ до три главы
Та ште текнѫтъ до три рѣки,
До три рѣки чьрни кръви!
Не сѧ врънѫ сура ламя.
Той извади златъ буздуганъ,
Та отсѣче до три глави.
Текнѫли сѫ до три рѣки,
До три рѣки чьрни кръви:
Перва рѣка по орачи —
Башь пшеница;
Втора рѣка по овчѣри —
Прѣсно млѣко;
Третя рѣка по копачи —
Ройно вино.

Очень вѣроятно, что новый пѣсенный матеріалъ, привлеченный къ сравненію, и пристальный анализъ мелочей прольетъ еще болѣе свѣта на составъ «большаго» русскаго стиха. Я остановъ-

[1]) Безсоновъ l. c. № 116; Каравеловъ l. c. стр. 212—213; Dozon, Chants pop. bulgares № 14.

люсь лишь на румынской балладѣ собраніи Marienescu, о Йованѣ-Йоргованѣ и змѣѣ (Iovanŭ Iorgovanŭ si Sierpele), на сколько она представляется мнѣ разъясняющей нѣкоторыя черты нашей пѣсни.

Въ зеленомъ лѣсу три сестры-красавицы собираютъ цвѣты; имена ихъ разнообразятся въ варіантахъ: Garafina (Grafina, Garofan'a = Агриппина, Аграфена), Ieliti'a Maria и An'a Girozana, что красивѣй Sandiana'ы (иначе: An'a, Stan'a и Sandian'a). Меньшая заснула отъ усталости, а старшія, когда насталъ вечеръ, ушли домой, оставивъ её въ лѣсу. Проснувшись на зарѣ, она принимается пѣть: «Кукушка, кукушка, услышь меня, красный молодецъ, выведи къ селу, на дорогу, чтобы найти мнѣ сестеръ — а я буду тебѣ племянницей». Второй и третій разъ она поетъ, предлагая птичкѣ быть ея сестрицей, супругой; но той нѣтъ до того дѣла: «я вѣдь не молодецъ, а птичка, и не знаю женской любви».

Тогда съ утеса змѣй погнался за дѣвушкой; какъ ни старалась она укрыться отъ него, онъ захватилъ её въ кольца своего хвоста, и лѣсъ огласился ея крикомъ.

Тамъ подъ надъ Черной (рѣкой) много храбрецовъ погибло (отъ змѣя?), остался еще одинъ румынъ-витязь, съ желѣзными мышцами (Bratiu de buzduganu): на лошадкѣ, быстрой какъ ястребъ, онъ гарцуетъ на горѣ, при немъ двѣ собачки. То Йованъ Йоргованъ; какъ услышалъ онъ вопль, несшійся изъ лѣса, пришелъ въ недоумѣніе, проситъ Черну-рѣку остановиться: на твою зыбь я брошу серебряную мурену, золотой ларчикъ, украшенный змѣиными глазами (cu ochi de balauru). И Черна остановилась, Йованъ-Йоргованъ погналъ коня, перескочилъ рѣку и настигъ змѣя, старавшагося отъ него укрыться. «Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Не думаешь-ли убить меня? Коли убьешь — будетъ хуже: изъ моей мертвой головы зароятся мухи, онѣ укусятъ твоего коня, ужалятъ вола, и плугъ будетъ стоять въ тунѣ» [1]). — Но

---

[1]) Въ концѣ пѣсни разсказывается, что изъ разложившейся головы змѣи вышли черви и мухи, которыя никогда не переводились, жалили

Йованъ-Йоргованъ обѣщаетъ научить людей, какъ избавиться отъ этихъ мушекъ, и продолжаетъ грозить змѣю: ты погибнешь, потому что погубилъ женщину. — Не повредилъ я дѣвушкѣ, оставь меня въ живыхъ, говоритъ змѣй. Йованъ-Йоргованъ разрубилъ его на мелкія части. Тогда дѣвушка заговорила: Выведи меня къ деревнѣ, чтобы мнѣ найти сестеръ, я буду тебѣ супругой. — Диву дался Йованъ-Йоргованъ, увидѣвъ, какая она молодая и красивая; согласился; тутъ они обнялись и поцѣловались. — Въ одной варіантѣ этой пѣсни, записанномъ въ Трансильваніи, послѣдній эпизодъ развитъ своеобразно: Йованъ-Йоргованъ обнялъ дѣвушку, а она говоритъ ему: «Не будемъ спѣшить, можетъ быть не хорошо это, и тебѣ грѣшно будетъ, что ты поцѣловалъ меня. Мы похожи одинъ на другого, спросимъ-ка другъ у друга: какого мы роду-племени, можетъ быть, мы и знаемся. Я дочь царя, избавленная». — Йованъ-Йоргованъ пришелъ въ ужасъ: «Грѣшно мнѣ, что я тебѣ поцѣловалъ: и я сынъ царя, избавленный. Закляли насъ родители въ горючихъ слезахъ: тебѣ быть на востокѣ блуждающимъ оленемъ, мнѣ-же скитаться, что раненый левъ»[1]).

коней, отравляли воловъ. Мѣстное преданіе говоритъ, что Георгій поплылъ за головой по Дунаю, но она скрылась въ дырѣ подъ утесомъ «Baba Caia», гдѣ онъ не могъ её настигнуть своими стрѣлами. (Сл. прим. Marienescu къ приведенной балладѣ). — То-же преданіе, въ связи съ чудомъ Георгія, пріурочено къ Голумбачскимъ высотамъ на Дунаѣ. Сл. Mednyánszky, Erzählungen, Sagen und Legenden aus Ungarn's Vorzeit (Pesth, 1829), p. 457 — 60: Sanct-Georgs Felsensprung; Arth. u. Adalb. Schott, Walachische Mährchen стр. 284 — 5: Ursprung der Golumbatscher Fliegen. Въ одномъ варьянтѣ русскаго стиха о чудѣ Егорія, № 118 Безс., змѣя разсыпается «на гаденыши, на червеныши».

[1]) Въ жизнеописаніи св. Герарда, одного изъ первыхъ христіанскихъ просвѣтителей Венгріи, разсказывается о воеводѣ св. Стефана, Chanad'ѣ, что передъ битвой онъ молилъ о помощи св. Георгія великомученика. Въ сновидѣніи «apparuit ei in sompnis forma leonis stans ad pedes ejus dicens ei: o homo qui dormis, surge velociter, cane tuba, egredere in prelium et superabis tuum inimicum». Когда Канадъ проснулся, почув-

Вторгся-ли въ пѣсню о чудѣ Георгія посторонній сюжетъ (братъ и сестра не признали другъ друга), нашедшій выраженіе въ русскихъ былинахъ (Михайло Казарянинъ и Марѳа Петровична; Алексѣй Поповичъ и сестра) и особую разработку въ циклѣ балладныхъ и обрядовыхъ (купальскихъ) пѣсенъ и легендъ — объ Иванѣ да Марьѣ? Вспомнимъ двойное имя Йована-Йоргована, т. е. Ивана-Георгія, и приведенное нами выше обрядовое сопоставленіе: Ивана да Марьи русскаго и Ивана и Маргариты австрійскаго купальскаго обихода. — Намъ интереснѣе соотношеніе двухъ варіантовъ румынской пѣсни, изъ которыхъ одинъ говоритъ о сестрѣ Георгія, другой даетъ дѣвушкѣ, имъ спасенной, еще двухъ сестеръ. Это приводитъ насъ къ тремъ сестрамъ Егорія въ русскомъ «большомъ» стихѣ. Проклятіе родителей, можетъ быть, поздняя черта; важно то, что и Георгій, и его сестра представляются блуждающими, послѣдняя — гдѣ-то на востокѣ, какъ въ русскомъ «большомъ» стихѣ сестры Егорія являются полонянками Демьянища. Царственное происхожденіе Георгія встрѣтилось намъ и въ нѣкоторыхъ западныхъ памятникахъ, и въ русскомъ стихѣ. — Дальше намѣченныхъ нами аналогій проникать было-бы тѣмъ небезопаснѣе, чѣмъ тѣснѣе оказываются связи между благочестивой легендой и народной сагой, чѣмъ неуловимѣе между ними переходы и сплоченія, сдѣлавшія Георгія героемъ международной сказки о змѣеборцѣ, заставив-

ствовалъ, какъ будто въ немъ прибыло силы двухъ человѣкъ. Въ слѣдующей за тѣмъ битвѣ онъ собственноручно убиваетъ противника св. Стефана, Achtam'a, и когда Gyula сталъ хвалиться этимъ подвигомъ, представивъ въ доказательство отрубленную имъ голову врага, Chanad уличилъ его, показавъ языкъ, вырѣзанный имъ у убитаго. — Какъ извѣстно, это эпизодъ, спеціально встрѣчающійся въ легендахъ о змѣеборцѣ и лишь перенесенный здѣсь на историческія отношенія. — Гора, близь которой Канаду было сновидѣніе, получила названіе «львиной». Ipolyi (Ungarische Sagen und Märchenzüge, въ Zeitschr. f. d. Myth. II p. 167) замѣчаетъ, по этому поводу, что мадьярское oroszlán = левъ означаетъ «похититель дѣвицъ», и что въ мадьярскихъ сказаніяхъ онъ потому нерѣдко заступаетъ мѣсто дракона, змѣя.

шія историческаго Траяна не только креститься отъ руки Георгія, но и стать ревностнымъ подвижникомъ Христова имени — въ борьбѣ съ невѣрными [1]).

VII.

Интересъ, возбуждаемый въ изслѣдователѣ стихомъ о Георгіи, связанъ съ общимъ вопросомъ: объ отношеніяхъ народнаго творчества къ даннымъ литературы, церковнаго и художественнаго преданія, внесеннымъ извнѣ въ народную жизнь. Эти отношенія могутъ быть различныя. Въ иныхъ случаяхъ мы склонны допустить одностороннее вліяніе: русское представленіе о Егоріи свѣтло-храбромъ, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ, очевидно внушено иконописью; образъ св. Георгія-воина, поражающаго змѣя, отразился и въ греческой пѣснѣ, гдѣ клефтъ Димосъ молитъ Господа, Панагію и св. Георгія излѣчить его руку, чтобы онъ могъ снова опоясаться мечемъ, — и въ южно-русскомъ представленіи св. Юрка, казака, съ копьемъ и саблей, расправляющагося съ пьянымъ бѣсомъ. — Иное дѣло — народные обряды на день св. Георгія: здѣсь слѣдуетъ предположить a priori взаимодѣйствіе своего и чуждаго преданія: на народное чествованіе святого могли быть перенесены изъ готовой обрядности многія черты, по аналогіи и календарной смежности. Нельзя не отнестись сочувственно къ пріемамъ г. Кирпичникова при разборѣ обрядовъ и вѣрованій, которыми до сихъ поръ живетъ и руководится не только русское, но и европейское простонародье. Только подобное отношеніе къ дѣлу можетъ оградить насъ отъ миѳологіи «дѣланной», отъ широкихъ обобщеній, въ которыя въ безмятежномъ безразличіи укладывается всякій бытовой или обрядовой фактъ, записанный въ народѣ, и свое и чужое не считается родствомъ, а вопросъ

---

[1]) Такъ въ неизданныхъ пока румынскихъ пѣсняхъ, о которыхъ говоритъ A. Graf, Dell' epica neo-latina primitiva, parte I (Roma, 1876), стр. 41.

объ историческомъ генезисѣ каждаго явленія порознь не поднимается, — чтобы не нарушить спокойствія системы. Если бы мы попытались охарактеризовать пріемъ, пока единственно возможный въ этой области, намъ пришлось-бы ограничиться двумя словами: выдѣленіе и сравненіе; выдѣленіе изъ массы матеріала, съ виду односторонняго, тѣхъ элементовъ, которые привнесены извнѣ и лишь внѣшнимъ образомъ пріурочены къ народной основѣ; сравненіе съ аналогическими фактами и процессами, въ нихъ происходящими, въ другихъ народныхъ особяхъ.

Въ томъ и другомъ отношеніи изслѣдованіе г. Кирпичникова можетъ вызвать нѣсколько замѣчаній.

Каковы-бы ни были первичныя основы сказаній о св. Георгіи, къ намъ онѣ пришли не только въ формѣ установившагося житія, но и съ готовымъ календарнымъ пріуроченіемъ. Георгію праздновали 23—24 апрѣля; его праздникъ приходился, стало быть, весною, къ которой языческое міросозерцаніе издавна привязало цѣлый рядъ обрядовъ и повѣрій. Егорьевъ день вошелъ въ уже готовый циклъ; то, что въ житіи и чудѣ шло навстрѣчу укоренившимся въ народѣ представленіямъ, тотчасъ-же претворялось по ихъ образцу и согласно съ ихъ образностью. Св. Георгій сталъ весеннимъ Егорьемъ; отсюда могъ начаться уже чисто механическій процессъ сопоставленія и отождествленія, который слѣдуетъ точно отдѣлить отъ предъидущаго. Если Егорій вступилъ въ циклъ весеннихъ празднествъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ обряды, пріуроченные къ 23 апрѣля или его кануну, относились именно къ нему. Какую связь имѣетъ съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, копаніе дёрна въ Буковинѣ, овсяный кисель, который варятъ на Юрья въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и т. п.? Все это, быть можетъ, языческіе обряды, которые слѣдовало попытаться выдѣлить изъ спеціально-юрьевскихъ. Я не рѣшусь предложить здѣсь-же опытъ такого выдѣленія, а пока не знаю, какіе именно «обряды и повѣрья, соединенные съ Юрьевымъ днемъ, могутъ пріурочиваться и къ другимъ христіанскимъ праздникамъ» (стр. 149).

Въ подобнаго рода вопросахъ критическимъ мѣриломъ могло-бы послужить г. Кирпичникову сравненіе съ обрядностью другихъ народовъ, и остается только пожалѣть, что изслѣдователь добровольно связалъ себѣ руки, ограничившись «одной Россіей, или точнѣе, однимъ славянскимъ элементомъ ея», а къ другимъ народностямъ обращался лишь для указанія параллелей и разъясненій (стр. 127). Болѣе подробное и обстоятельное сравненіе было-бы желательно именно въ виду большей прочности ожидаемыхъ результатовъ. Въ циклѣ обрядовъ и повѣрій, обставившихъ Егорьевъ день, оно позволило бы выдѣлить, съ большей или меньшей вѣроятностью, тѣ изъ нихъ, которые вообще относятся къ празднованію весны, а съ Егорьемъ спаены въ силу календарной случайности. Я разумѣю такую напр. возможность, что одни и тѣ же обряды одинаково связаны съ празднованіемъ весны у народовъ славянскаго и германскаго племени, а спеціальное пріуроченіе ихъ къ 23 апрѣля является лишь на одной сторонѣ. — Сравненіе было, наконецъ, необходимо и для опредѣленія внѣшнихъ вліяній одной обрядности на другую. Говоря о Юрьевскихъ повѣрьяхъ у Чеховъ, Словенцевъ и Мораванъ, г. Кирпичниковъ замѣчаетъ: «родственныя повѣрья находимъ мы и у Нѣмцевъ, откуда они, вѣроятно, и перешли къ западнымъ славянамъ» (стр. 140). Но эта вѣроятность чисто личная: заимствованіе могло идти и обратнымъ путемъ, или его не было и вовсе, и сходныя повѣрья развились самостоятельно изъ сходныхъ основъ при аналогическихъ условіяхъ культуры и однородности міросозерцанія. Ясно опредѣлить область самостоятельнаго развитія отъ внѣшняго вліянія помогло-бы лишь всестороннее приложеніе сравнительнаго метода.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выборъ между тѣмъ и другимъ рѣшеніемъ усложняется, такъ сказать, механическимъ факторомъ: сосѣдствомъ. Въ Буковинѣ, напр., наканунѣ 23 апрѣля копаютъ дёрнъ и кладутъ его по два куска при воротахъ и колодцѣ; на зданіяхъ дѣлаютъ кресты дегтемъ, а дверь, за которою находятся коровы, закладываютъ боронами: въ эту ночь вѣдьмы

пользуются особенной свободой и могутъ обобрать у коровъ молоко (стр. 139). Тоже въ Седмиградіи: ночь накануне Юрьева дня — праздникъ вѣдьмъ; чтобы защитить отъ нихъ свой скотъ хозяева бодрствуютъ и обкладываютъ хлѣва дерномъ (стр. 141). Тѣ же обряды существуютъ, стало быть, у сосѣдей Валаховъ и Славянъ. Какъ объяснить ихъ сходство? Еще большее затрудненіе представляютъ случаи сходства, не покрывающіеся одинаковымъ календарнымъ пріуроченіемъ. Примѣръ дадутъ егорьевскія празднества.

Выше разсказаны были грузинскіе обычаи на день св. Георгія, 14 августа и 10 ноября. Въ нихъ выдѣлились особенно слѣдующія черты: приношеніе въ жертву животныхъ, напр. быка съ зажженными свѣчами на рогахъ; паленіе костровъ; наконецъ, въ Ацхурскомъ праздникѣ, избранница Георгія, которую я пытался объяснить въ связи съ легендой о борьбѣ съ змѣемъ, легшей въ основаніе всего обряда.

Въ Болгаріи Георгію празднуютъ 23 апрѣля: выбираютъ самаго красиваго ягненка, связываютъ ему ноги, завязываютъ глаза, на его рожкахъ зажигаютъ свѣчку; домохозяинъ, если онъ грамотный, беретъ святцы, читаетъ тропарь святому Георгію и другія молитвы и начинаетъ рѣзать ягненка. Подниметъ ножъ кверху и скажетъ: св. Герги на ти ѣгне; а вокругъ ходятъ старухи, кадятъ ладономъ и мажутъ медомъ ротъ барашка. У Шоповъ, въ Пиротскомъ округѣ, приношеніе жертвы на Джуржевдень совершается такимъ образомъ. Выносятъ барашковъ изъ каждаго дома на чистое поле, завязываютъ имъ ноги и глаза платками, головки убираютъ вѣнками и ставятъ ихъ въ кружокъ. Вокругъ барашковъ дѣвушки и парни пляшутъ и поютъ, и, поплясавъ, становятся въ кружокъ около барашковъ. Старцы начинаютъ ихъ колоть; кровь течетъ по травѣ, дѣвушки собираютъ кровь и траву, а старухи разводятъ огонь и сожигаютъ веревки и платки, которыми были связаны барашки. Старцы уносятъ барашковъ домой, жарятъ на вертелѣ и потомъ выносятъ ихъ на гору св. Георгія, а старухи несутъ боговицу (хлѣбъ),

дѣвушки-же лукъ, чеснокъ, и, собравшись на горѣ, дожидаются попа. Попъ, прочтя молитвы, беретъ съ каждаго хозяина по четверти барашка, особенно переднюю лѣвую ногу, вмѣстѣ съ головою и шкуру, беретъ четверть боговицы, немного луку, чесноку и кислаго молока, а потомъ уже позволяетъ ѣсть всѣ эти вещи. — Въ Видинской «казѣ» (епархіи) въ этотъ день закалаютъ общественнаго, священнаго быка, на котораго никто не смѣетъ поднять руки въ другое время года, и отъ всей деревни приносятъ въ жертву св. Георгію.

Въ этотъ день рано утромъ дѣвушки ходятъ поваляться по росѣ, чтобъ не болѣли кости; собираютъ цвѣты, полевыя травы, кладутъ ихъ въ бѣлый мѣдникъ и кипятятъ, потомъ на отварѣ мѣсятъ хлѣбъ, который и называется боговица; собирая травы и мѣся хлѣбъ поютъ приведенную выше пѣснь: про побѣду Георгія надъ трехъглавымъ змѣемъ. — Послѣ обѣда дѣвушки пляшутъ, другія качаются на люлку (на качеляхъ), а сзади качающихся стоятъ парни и, ударяя ихъ розгами, спрашиваютъ: кой-ти ѥ годеникъ-тъ? (кто твой суженый). Дѣвушка отвѣчаетъ: азъ самь още маничка (я еще мала). Но парень продолжаетъ ее бить до тѣхъ поръ, пока она не назоветъ своего суженаго. Тоже дѣлаютъ и дѣвушки съ качающимися парнями. При этомъ поютъ качальныя пѣсни:

Залюля са нова люлка, 2
Нова люлка Букурешка,
Люляла са два дни три дни, 2
Два дни, три дни, три недѣли.
Люляло са Марийче-то, 2
Марийче-то момиче-то и т. д.
Отдолу идатъ ѥргене-те, 2
ѥргене-те луди-млади;
Шибале-го, питале-го:
Кого сцѣшъ, Мико, да земешъ?
— Азъ ща зема Стоянче-то,
Стоянче-то ѥргенче-то и т. п. [1]).

[1]) Каравеловъ l. с подъ 23 апрѣля. Другая подобная пѣснь напечатана Верковичемъ, Нар. песме Макед. Бугара стр. 33. Сл. Чолакова,

Сходные обычаи существуютъ и у Сербовъ[1]): тотъ-же элементъ жертвоприношеній, гаданій о суженомъ и т. п. «Око Тимока, говоритъ Караджичъ, сваки домаћин дотјера на Ђурђев дан к цркви по мушко јагње, и ондје му на сваки рог прилијепи по воштану свјећицу, па поп послије летурђије изиђе међу јагањце, којима се онда свијеће на розима запале, те им чати молитву и благослови их (да се кољу и јаду); други дан зађе поп с ђаком од куће до куће те купи коже од онијех јагањаца, које њему припадају као плата за молитву и за благослов. Тако онамо и кад је завјетина у коме селу, сваки испече по јагње и донесе га на оно мјесто гдје ће ручати, по том зађе поп те од свакога јагњета отсијече плећчу и метне је у врећу, која се за њим носи». — Дѣвушки молятся св. Георгію о женихахъ — какъ и въ Россіи, въ иныхъ мѣстностяхъ которой приготовляютъ на Юрьевъ день пирогъ въ видѣ барана, который разрѣзываетъ главный пастухъ[2]), и существуетъ еще слѣдующій Юрьевскій обычай: выбираютъ красиваго парня, одѣваютъ его въ зелень и кладутъ ему на голову большой круглый пирогъ, убранный цвѣтами. Съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ онъ несетъ этотъ пирогъ въ поле, а слѣдующая за нимъ толпа дѣвицъ поетъ въ честь Юрія — обрядовыя пѣсни. Трижды обошедши нивы, зажигаютъ костеръ, съ пустымъ мѣстомъ посрединѣ, куда кладутъ принесенный пирогъ. Всѣ усаживаются возлѣ огня, пируютъ и дѣлятъ

---

l. c. стр. 38 и болгарское празднество св. Георгію, описанное Дриновымъ, у Ефименка, О Ярилѣ, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр. II, стр. 102 — 105. Другіе георгіевскіе обряды болгаръ см. у Милоевича, Путопис дела Праве Старе Србије, I, 184; Стефана Захаріева, Географико-историко-статистическо описаніе на Татаръ-пазарджишкѫ-тѫ каазѫ (Вѣна 1870), стр. 74 — 75.

[1]) Караџић, Живот и обичаји народа српскаго р. 28 — 9; сл. Милићевић, Живот срба сељака, Гласник срп. учен. друштва, кн. V. св. XXII старога реда (1867) стр. 93 — 7.

[2]) Аѳанасьевъ П. В. II 255; тоже у Карпаторуссовъ. Сл. также румынскій обычай у Schott'овъ, Walachische Märchen, стр. 300.

между собою пирогъ, такъ чтобъ каждому досталось по куску [1]). — Парень русскаго обряда, одѣтый въ зелень, напоминаетъ зеленаго Юрія Словенцевъ, съ ногъ до головы окутаннаго зеленью (Аѳан. l. c. 706), и Лелю или Лялю мало- и бѣлоруссовъ. Первые празднуютъ ей наканунѣ Юрьева дня: водятъ хороводъ, выбираютъ самую красивую дѣвушку, перевязываютъ ей шею и грудь, руки и ноги разною зеленью, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Въ такомъ нарядѣ сажаютъ дѣвушку на дерновую скамью, на которую также ставятъ кувшинъ съ молокомъ, сыръ, масло и проч. У ногъ Ляли кладутъ нѣсколько вѣнковъ изъ свѣжей зелени; хороводницы танцуютъ вокругъ неё и поютъ пѣсни. Когда окончатся пѣсни, Ляля раздаетъ своимъ подругамъ сыръ, масло и проч., затѣмъ бросаетъ имъ вѣнки, которые дѣвушки стараются схватить на лету [2]). Румуны чествуютъ особымъ празднествомъ Лелю, говоритъ Аѳанасьевъ [3]), и смѣшиваютъ ее въ своихъ пѣсняхъ съ Пресв. Дѣвою; холостые парни и дѣвицы обращаются къ Лелѣ съ просьбой послать имъ ровню.— Отвѣчаетъ-ли Леля древней Ладѣ, богинѣ весенняго плодородія и любви, какъ полагаетъ Аѳанасьевъ, я не знаю: церковнослав. лѣлꙗ = μητραδέλφη, болг. леле — amita, рум. léle — soror natu maior, македоно-рум. λάλᾳ — patruus; румыны обращаются съ кличкой lélе ко всѣмъ женщинамъ, которыя старше возрастомъ: родовое значеніе ослаблено, и въ пѣсняхъ lélе при собственномъ имени тоже, что amica, amasia, chara; въ этомъ смыслѣ мы встрѣтили въ румынской балладѣ о Георгіи: leliti'a Mari'a.

Въ Греціи на 23 апрѣля земледѣльческія семейства собира-

---

[1]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія I, 706; о юрьевскомъ короваѣ у Бѣлоруссовъ см. Крачковскаго, Бытъ западно-русскаго селянина, р. 117, 119.

[2]) Труды Этногр. стат. Эксп. въ зап. русск. край и т. д. Югозапад. отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собран. Чубинскимъ, т. II: Народный дневникъ, изд. подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова, стр. 29 — 30.

[3]) Аѳанасьевъ l. c. III 679 — 80 и прим. 1) на стр. 680.

лись на поля и здѣсь, заколовъ какое нибудь новорожденное животное, устраивали пиршество. Крестьяне и крестьянки пляшутъ и поютъ на Panigyri св. Георгія; содержаніе пѣсни сводится къ тому, что молодцы и дѣвушки призываются пользоваться жизнью, причемъ въ мрачныхъ образахъ является напоминаніе о смерти, всё уничтожающей, безъ различія возраста и состоянія[1]).

Аналогіи грузинскихъ и славяно-греческихъ обрядовъ, при различіи ихъ календарнаго пріуроченія, заставятъ отнестись осторожно къ попыткамъ извлечь изъ послѣднихъ ихъ народно-миѳологическое содержаніе, истолковавъ ихъ — какъ обряды весенніе. Но какъ объяснить эту аналогію? Заимствованіемъ, перенесеніемъ и новой календарной локализаціей, при чемъ поводомъ могло служить событіе, обновлявшее память святого: памятованіе чуда, перенесеніе мощей, освященіе церкви и т. п.? Самостоятельнымъ ли развитіемъ обряда и символа изъ того-же матеріала легенды? Или первичнымъ миѳическимъ представленіемъ о Baumseele, о Vegetationsdaemon, δύναμις αὐξιτική, то обмирающей, то возникающей къ новой жизни (Маннгардтъ), представленіемъ, выражавшимся въ сходныхъ формулахъ обряда — и нашедшимъ одинаковое пріуроченіе къ имени христіанскаго святого? Я склоняюсь къ убѣжденію, что при изученіи народнаго повѣрья и обряда слѣдуетъ выдѣлять въ томъ и другомъ то, что я назвалъ бы общими мѣстами культа, жертвоприношенія и т. п., повторяющимися, въ сходныхъ чертахъ, при разнаго рода празднествахъ и внѣ связи съ мѣстомъ, занимаемомъ ими въ земледѣльческомъ годѣ[2]). Къ этому элементу обряда едва ли приложима непосредственно натуръ-миѳологическая экзегеза.

---

[1]) Снегиревъ l. c. III, 70; Терещенко, Бытъ русск. народа VI, стр. 27; Schmidt, Volksleben p. 87. Сл. Le comte De Marcellus, Chants populaires de la Grèce moderne p. 221 (Le jour de Saint-Georges).

[2]) Съ закланіемъ, въ честь Георгія Илорскаго, быка, мясо котораго раздавалось какъ святыня, сл. слѣдующіе русскіе обряды на Ильинъ день: къ церкви пригоняютъ рогатый скотъ; послѣ обѣдни выбираютъ одно животное, за которое и платятъ міромъ хозяину деньги; потомъ

Громадная популярность св. Георгія въ поэзіи и религіозныхъ представленіяхъ европейскихъ и, преимущественно, славянскихъ народовъ, всецѣлое усвоеніе его легенды народной пѣснью, разсказомъ и обрядомъ — дѣлаютъ его житіе и примкнувшія къ нему чудеса особенно привлекательнымъ матерьяломъ изученія. Мнѣ уже случилось указать, что плодотворность такого изученія стоитъ въ прямой связи съ широкой постановкой вопроса, имѣющаго обнять, вмѣстѣ съ Георгіемъ, и житія родственныхъ ему по типу святыхъ. Такимъ путемъ могутъ получиться не только обобщенія теоретическаго характера, обѣщающія внести новый свѣтъ въ «физіологію» и исторію народнаго міросозерцанія, но и фактическія данныя для развитія народнаго эпоса. Я разумѣю, главнымъ образомъ, русскій былинный эпосъ, къ разработкѣ котораго предложенныя розысканія въ области духовнаго стиха являются естественнымъ введеніемъ. Я позволю себѣ нѣсколько замѣтокъ, намекающихъ на вопросъ, интересующій меня издавна, не предрѣшающихъ всего, что я имѣю сообщить въ моихъ изслѣдованіяхъ въ области русскихъ былинъ.

Свв. Георгій и Өеодоръ перешли въ русскую духовную поэзію, какъ змѣеборцы. Апокрифъ и духовный стихъ говорятъ о томъ, какъ св. Өеодоръ спасъ свою мать отъ похитившаго её змѣя; св. Георгій также освобождаетъ отъ змѣя царевну, которая въ нѣкоторыхъ редакціяхъ чуда и въ болгарской пѣснѣ названа Маріей; въ одномъ русскомъ прозаическомъ пересказѣ чуда спасенная — мать Георгія и также носитъ имя Маріи. — Припомнимъ въ этой связи эпитетъ аникитовъ, аникіевъ, которымъ чествовались у Грековъ, по свидѣтельству Иларіона, св. Георгій и родственные ему святые; въ русскихъ пересказахъ 1 Георгій

закалываютъ его, варятъ мясо и раздаютъ по кускамъ за деньги, которыя идутъ въ церковь. Не быть на этомъ праздникѣ и не получить священнаго мяса — считается за большой грѣхъ (Аөанасьевъ, Поэтич. Воззрѣнія, I 475 и II 255 — 6).

названъ: аникитъ именемъ кумсъ, отъ ан'кирскаго имени комисъ и т. п.

Въ русскомъ былинномъ эпосѣ спеціальность змѣеборства принадлежитъ Добрынѣ. Его былины относятся къ наиболѣе смѣшаннымъ и запутаннымъ. Я выдѣляю изъ нихъ лишь нѣкоторыя черты. Отечество Добрыни: Никитичъ; отецъ его Никита является въ былинахъ съ блѣдными очертаніями, естественно ведущими къ догадкѣ, что онъ — отвлеченъ отъ прозвища сына (Никитичъ — Никита) и едва-ли пользовался когда-бы то ни было болѣе реальнымъ бытіемъ. — По нѣкоторымъ пересказамъ былинъ Добрыня Никитичъ спасаетъ отъ змѣя свою родную тетку Марью Дивовну. Обыкновенно имя спасенной имъ дѣвушки другое (Запава; Мароида Всеславьевна, Гильф. № 59); тѣмъ интереснѣе вторженіе въ былину имени Марьи, рядомъ съ которой знаменательно становится Марина, обольщающая богатыря, вѣдающаяся съ змѣемъ. — Выше было указано, что Марина-Маргарита отразилась въ Маріи Георгіева чуда. Никитичъ не есть-ли греческое ἀνίκητος? Замѣтимъ, что въ одномъ варіантѣ стиха о Θеодорѣ Тиронѣ (Безсон. I, № 122) мать святого названа Θеодорисса и Микитишна[1]).

Стихъ о Θеодорѣ уже привелъ насъ однажды къ вопросу о мотивахъ былинъ: отецъ Θеодора, Константинъ Сауйловичъ или Самойловичъ, властвующій въ Цареградѣ или Іерусалимѣ; Константинъ Сауйловичъ или Самойловичъ въ особомъ циклѣ пѣсенъ о Саулѣ (Самуилѣ) Леванидовичѣ — нашлись въ царѣ Самуилѣ греческаго апокрифа о Θеодорѣ — и въ царѣ Константинѣ болгарскаго пересказа той-же легенды, недавно сообщеннаго мнѣ г. Сырку.

Я не утверждаю, чтобы русскіе стихи о Добрынѣ стояли въ непосредственной связи съ духовными легендами о змѣеборцахъ.

---

[1]) Слѣдуетъ-ли приписать одному внѣшнему сближенію «Никитича» съ «Аникой» замѣну послѣдняго Добрыней въ одномъ варіантѣ былины объ Аникѣ-воинѣ? (Сл. Рыбниковъ, II № 9, стр. 36 — 7).

Та-же почва, которая осложнила чудесными элементами народной саги разсказы о святыхъ, могла сохранить и самыя саги о змѣеборцахъ и змѣяхъ и спасенныхъ отъ нихъ красавицахъ. Къ этимъ первоисточникамъ восходятъ, быть можетъ, и русскія былины о Добрынѣ. Я пока ставлю вопросъ: отвѣта можно ожидать отъ новаго изслѣдованія легенды на почвѣ данныхъ и результатовъ, собранныхъ въ интересномъ трудѣ г. Кирпичникова. Предъидущія замѣтки назначены были выяснить границы этого изслѣдованія и лишь предусмотрѣть ожидаемые отвѣты.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

(Изъ Торжественника б-ки А. И. Хлудова № 195, л. 327 об.—332 об.).

Мца априля вь кг днь моучение стго геωргїа. бл. ѿ.

Ненавидей испрьва члвкы злыи сьвѣтникь дияволь. бореисе сь хотещїими жити благовѣрно ω хѣ ісѣ. поставляеть на не царе и кнѣзе, яко звѣри дивие. вьсхыщати проповѣдникы блгые вѣры. вь то оубо врѣме цѧрь бѣ етерь родомь ѿ персиды, именемь дїωклитиань. мѣстьныи кнѣзь тавроликїи и пер'сарменїи [1]). и еще же и палестиньсцѣй странѣ. вь дїосполь же и галилею посла повелѣние. вь власт'на кнежия своя, в'сѣмь пожрѣти мрьз'кымь идоломь. моужь же етерь бѣ вь дїосполи сунклитикь, именемь герон'ть поганинь сы. жрьтвы же мрьз'кые приношаше, по в'се дни идоломь. жена же его именемь полихронїа. хртиянины соущи. не прѣстаяше выноу млещисе. и жрьтвоу пѣния вьз'силающи таи хоу боу. не явлиющесе яко християныни е. ωдрьжещааго рад гнѣва тогда идолослоужитель. зачен'ши же, роди отрока стго. и хва мчка геωргїа. рожденоу же бывшоу стмоу ωтрокоу. и вьспитѣноу вь в'сакои моудрости и цѣломоудрии. и наоученоу быв'шоу своею мтерию. сподблѣноу же бывшоу стмоу крщению, таи своего ωца. стыма моужема. епкопомь и презвитеромь. по-

---

[1]) Ркп. пер'саралоунїи.

слоужи же гоу бoу нашемоу сь своѥю мтериѭ. ѡць же ѥго геронть оубѣди царꙗ, и створи и воѥмь коум'са. Вь ѥдинь же ѿ дни, ре к нѥмоу ѡць. чедо. идѣва вь црковь великыхь бoгь. и принеси имь сь мною жрьтвоу и кадило, да ти животь дадеть. ти бо створише ти тѣло и чьсть сию, не вѣды ꙗко хртиꙗнинь ѥ. Слышав' же стыи геѡргїе словеса си ѿ оца своѥго, и вьздыхноувь ре. не могоу ти ити вь црьковь бoгь твоих. ни жрьтвы имь принести. не блоуди ѡче. ни послоушаи бѣсовь. нь послушай мене, и азь ти покажоу ба жива истин'на. ѥмоуже се поклон'ша, и спсена [л. 328] боудевѣ. ть бо створи словомь нбо и землю. и морꙗ и в'са ꙗже вь нихь. и животь даѥть в'сакой твари своѥи, и творещимь волю ѥго. ꙗко же оучеть ны книгы пррчьскыѥ. ꙗко бози иже не створише ни нбесе ни землѥ, да погыбноуть. тѣлеса оубо соуть бѣсовьска роукотворена. глѥши кь нимь и не слышеть. помаваѥши имь, и не зреть. падають и не вьстають. ѿ сего разоумѣи ѡче. да оубѣживѣ льсти идольскыѥ. да спсеть ны іс хс. оувѣжь оубо ѡче. ꙗко пауль бывь иногда гонитель црквамь. пришьдши же блгдти на нь, бы апль. и добрыи сьвѣтникь. и оучитель дѣломь блгомь. ꙗко вьзлюби га нашего іс ха. ре ѡць ѥго. ѡ лютѣ мнѣ чедо моѥ слад'коѥ. кто те ѥ наоучиль бледи тоѥ. не вѣси ли ꙗко оуродьство ѥ наказаниѥ хртиꙗнь. досаждаѥми бо моуками оумирають. пристоупи оубо чедо. и принесѣвѣ имь жрьтвоу и кадило. и животь тебѣ дав'ше пощедеть те. аще ли разгнѣваѥши ѥ, то свести имаши скрьбиѭ вь адь мою старость и мтере твоѥ. Бь же члвколюб'ць. хоте виною показати своѥ члвколюбиѥ. и хоте и ѡбратити вь блгоразоумиѥ, вьложи и вь тоу нощь вь недоугь. ѡгнѥмь жегомь лютомь. вь оутрѣи же призвавь сна своѥго геѡргїа, рече ѥмоу. чедо моѥ сладкоѥ. добрѣ ми гла ѡ вѣрѣ хртиꙗнь, да би ми показаль ба ихь. и не послоушахь тебе. нꙑꙗ же распалѥнь ѥсмь ѡгнѥмь неѿславлѥнымь. потьщисе и р'ци хртиꙗномь да оумолеть ба своѥго, да избоуд ѿ бѣды ѡгнꙗ сего. велии бо ѥ бь ихь. ꙗко же ми се ꙗви вь сию нощь. Рече же кь нѥмоу стыи геѡргїе. аще вѣроуѥши вь га нашего іс ха в'сѣмь срдцемь своимь. и в'сею

дш҃ею своѥю. не тькмо ѿ ѡгнꙗ сего избавить те. нь и ѿ всѣх грѣхь ѥже створиль ѥси ѿ юности твоѥ. и жизни нбс҃нѣи спо҃бить те. ѡц҃ь же вьзоупи [л. 328 об.] великмь гл҃сомь глѥ. вѣроую вь бг҃ чтомых христиꙗны. испльнь же се геѡргїе радостию велию ѡ ѡбращени ѡц҃а своѥго, вьзрѣвь на нбо ре҃. хвалю те гї їс хе и нн҃ѣ и в'сегда. ꙗко не оудалиль ѥси мл҃ти твоѥ, ѿ боѥщихсе тебе. нь близь ѡбрѣтаѥшисе соущїимь далече твоѥго разоума. тек же скоро призва прпо҃бна моужа. и пришь҃ша створиста мл҃твоу над' нимь. и абиѥ ѿстоупи ѿ нѥго ѡгнь. и наоуч'ша и, кр҃тиста вь име ѡц҃а и сн҃а и ст҃го дх҃а. испльнь же бывь ст҃го ѡб'щениꙗ. пожить же дн҃и. е҃і. и тако скон'ча житиѥ своѥ. вѣровавь вь бг҃ живь.

Геѡргїе же испльнь сы дх҃а ст҃а. в'се идолы ѡц҃а своѥго ѥже имѣаше вь домꙋ своѥмь златыѥ же и сребрьныѥ шь҃ ськроуши. и в'се богатьство ѥго разда нищїимь. поспѣшьствоующи мт҃ери ѥго. нь не тьк'мо же се творꙗше. но и црькви еллин'скыѥ начеть разарꙗти, и идолы ськроушати. Схоластикь же ѥтерь. именемь сил'вань. видѣвь падениѥ црьк'вь. и ськроушениѥ соуетныхь идоль и мрьз'кыхь богь, раз'жали си зѣлѡ. и поимь жьр'це идольскыѥ, пристоупи кь цароу дїоклитїаноу. соущоу тог҃а вь дїосполии. и ре҃ ѥмоу. молим' ти се царю. геѡргїе коум'сь. сн҃ь герон'тиа схоластика. ѿ оучениꙗ ѥ҃ галилеиска. и богы намь ськроуши. и црькви разори. и ереѥ прогна. Царь же дїоклитїань повелѣ привести ст҃го геѡргїа, отрока бж҃иꙗ и воина. и сѣдь на соудищи и сатрапомь пришь҃шемь. тран'квилиноу. и магнентїоу. и теогнию. и всѣмь лю҃мь стоѥщїимь, повелѣ прѣ҃ложити в'се ими же моучити и. и вьзрѣвь на мч҃ка и запрѣщь ꙗко льв свѣрѣпь, рече кь нѥмоу. коѥ землѥ ѥси и како же име твоѥ ѥ҃. Геѡргїе ре҃ изредно и прьвоѥ хр҃тиꙗнь. чл҃вчьскым' же именемь геѡргїе наричюсе. рода же кападокїиска. сн҃ь же геронтїа сунклитїка. вьздои же ме [л. 329] и вьспитѣ палестиньскаꙗ страна. царь же ре҃. ѡц҃ь твои гдѣ живеть. геѡргїи ре҃. вь вышнїи їеросалимь ѡшьль ѥ҃, кь нбс҃номоу ѡц҃оу. царь ре҃. вь котороѥ воиньство вьчтень ѥси. геѡргїи ре҃. азь на земли нѣсмь воинь. истлѣн-

номоу и врѣменномоу цároу. воинъ же ѥсмь бес'мрьтномоу и нбсномоу цроу. иже помагаѥть ми на противещаго ми се врáга. ре же цáрь к' нѥмоу. злы глáвы зло ращение ѥси и многамь моукамь дшине. кáко смѣль ѥси ѡслоушати моихъ повелѣнїи. и црькви разориль ѥси. и жьр'це прогналь ѥси. и в'се раздаль ѥси нищїимь, златыѥ же и сребрьныѥ бóгы. пристоупи оубо и пожри имь прѣд в'сѣми, да избоудеши ѿ многъ моукъ. Геѡргїе ре. áзь цároу ꙗко же рѣхъ, хртиꙗнїнь ѥсмь. и на ба моѥго оуповаю. знаменав' же се ре. ѡ повелѣнїи не брѣгохъ. и црькви ѥже глѥши разорихъ. їереѥ прогнахъ. да не мнóгы дше члвче блоудеть, нъ пáче да разоумѣють ба жива истин'на. твòр'ца нбоу и земли. и томоу да поклонет'се. и да не чтоуть идóль демоньскыих. цáрь рече. вижоу те геѡргїе, ꙗко мнóго прѣмоудрѡ оумѣѥши. Геѡргїе ре. си прѣмоудрѡ нѣсть ѿ мене. нъ бъ мои дасть ми ѿ богатьства своѥго. исправльшеи бò плóды добрыхъ дѣлъ. добродѣáнїи же и слáвы небсныѥ не ѿпад'ше, ти соуть вѣтви цвѣтныѥ, живоуще вь рьвени бжии. слáвоу и вѣроу крѣпкоую чтно дрьжеще, црьствию бжию наслѣдници бываѭть. тогда цáрь ре к нѥмоу. геѡргїе. прѣстани ѿ бледи тоѥ. и пожри бóгомь, да дша твоꙗ не выпадеть вь напасть. Геѡргїи ре. цároу неправ'ды. противоу имени твоѥмоу. подьгнѣщаѥмь ѡцемь твоимь диꙗволомь, ноудиши ме пожрѣти не соущїимь бóгомь. нъ áзь тьщоусе жрьтвоу принести себе боу моѥмоу. [л. 329 об.]. Видѣв'же цáрь. ꙗко побѣждень ѥ мнкомь. раз'гнѣвавьсе, повелѣ вь тьмницоу и вьсадити. бѣ бò юже година ѡбѣднаꙗ. Вьлѣзь же стыи вь тьмници, поꙗше ѱалом сь. Вьскоую шеташесе ѧзыци. и людѥ пооучишесе тьщетнымь. присташе црии земльсци. и кнези сьбрашесе вькоупѣ. на га и на хрта ѥго. и пакы поꙗше. Гь просвѣщениѥ моѥ и спситель мой кого се оубою. и кон'чавь ѱáлом си. и на кон'ци ре áминь. Ютроу же быв'шоу, повелѣ цáрь привести и прѣд сѐ. ведом' же поꙗше. бе бе мой вьн'ми ми. гн не ѡстави оуп'вающихъ на тѐ. прѣдстав'шоу же ѥмоу, ре цáрь. геѡргїе. не ѡстанеши ли се ѿ боуиства слóвесъ твоихъ. и пожреши бóгомь, дон'деже не оузриши тѣло своѥ погыбающее.

Геωргїе ре҇. безаконниче и враже истинѣ. юже рѣхь ꙗко хрти-ꙗнь ѥсмь, и не жроу идоломь, ни кланꙗюсе бѣсомь. разгнѣвав'же се цáрь, повелѣ протег'ше и҃ бити безьмлтьно, четырьми моужи, жилами соуровами. мнкь же биѥмь, вьзрѣвь на нбо ре҇. бе҇ вь помощь мнѣ вьн'ми. ги҃ помощи мнѣ потьщисе. и си҃ рекь, не чюꙗше моукы. пакы же повелѣ вьврѣщи и҃ вь окринь мѣдѣнь. и роублѥмь мѣденомь бити и҃ по главѣ ѥго. Стыи же вьпиꙗше. ги҃ іс хе оукрѣпи ме, трьпѣти имени твоѥго ра. слоугы же изнемогоше. видѣв' же гльбокыи змїи дїоклитїáнь. ꙗко не прикосноушесе ѥмоу мыкы, повелѣ кóло створити. и вьбити вь нѥ желѣза ѡстра. и ноже ѡбоюдоу ѡстры. и вьзложити мнка на нѥ. и ѥгда приде стыи. и видѣвь кóло, оубоꙗвьсе ре҇. геωргїе. разоумѣи вь которы ждрѣбии вьчтень ѥси. и чюи ꙗко гь нáшь іс хс вѣчныи црь не ωставить тебе. нь поможеть ти вьздѣ. и нн҃ꙗ ли боишисе, да реть врагь оукрѣпих'се нáнь. и вьзрѣвь на нбо молѣшесе глѥ. влдко в'седрьжителю ги нбоу и земли и в'сеѥ твари. помощниче боѥщимьсе тéбе. и подвизающим'се имени твоѥго ра стго. помози ми и ꙗви ме [л. 330] свршена мнка твоѥго. ꙗко прослависе име твоѥ в вкы вѣкомь аминь. И кончав'шоу ѥмоу млтвоу, вьзложише на нь коло, и оуспе стыи, слоужещемь ѥмоу аггломь. цáрь же мнѣвь ꙗко оумрѣть, вьздвиже глсь свои кь прѣдстоѥщимь ѥмоу кнеземь и рéче. видте ꙗко ничто же ѥ бь галилеискы. нь бóзи нáши сили соуть. почто оубо не приде хс ѥго избавити. и снети ѥго ѿ колесе сéго. си же рéкшоу моучителю. глсь бь кь мнкоу глѥ. рабе мои геωргїе. вьстани ѿ сьна своѥго и не оубоисе. моужаисе и крѣписе. бывшꙋ же глсоу сéмоу кь мнкоу, абїе кóло распадесе. и мнкь вьста вьпиѥ и глѥ. видте оубо кóло. великь ѥ бь хртиꙗньскь. и ничто же соуть бóзи ѥллиньсцїи. раз'гнѣвав' же се цáрь, повелѣ ѡдрь мѣдѣнь принести, и вьзложити и҃ на нь. храстиѥм' же подгнѣтати и҃. и шестию моужь бити и҃ по хрьб'тоу батогы. прѣтрьпѣв'шоу же ѥмоу моукоу сию, повелѣ повѣсити и҃. и гвоздиѥ раждежены вьбивати по в'семоу тѣлоу ѥго. мкь же трьпѣáше млсесе. и абиѥ гвозди испадоше из' нѥго. пакы же повелѣ вьзложити и҃ на лѣсоу желѣзноу

чрѣвомь. оуглі же горющїи по̑сыпати. и палицами соуровами бити ѝ по хрьб̑тоу. и ѡцьть лють сь солию смѣшьше, кропити и по строупомь. и пла́тномь соукнѣно́мь трьтї и по нимь. Мнкь же трьпе, млѣшесе глѥ, ги помози ми ꙗко оустрашаюсе. бы же глсь кь нѥмоу глѥ. моужаисе геѡргїе, ꙗко а̑зь ѥсмь с тобою. пакы же повелѣ прѣтрьти ѝ. пилѣ же притоупив̑шисе, ѝ слоугамь изнемог̑шимь. и ничто же не оусьѣв̑шимь, повелѣ црь принести конобь. и вьлиꙗти же вьнь масло. ѝ подьгнѣтати же и зѣлѡ. и вьложити вь нь мнка. геѡргїе же вьзрѣвь на нбо. молѣшесе глѥ. ги бе мои. пославыи ро́соу нбсноую надь три о̑трокы и оугашь пла́мень. помози [л. 330 об.] ми и посрами диꙗвола. сьтвор̑ же знамениѥ хво, вьврьжень бы вь ко́нобь. и абїе ѡгнь оугасе. и ко́нобь оустыде. ѝ в̑си видещеи дивишесе. и мнозии вѣроваше вь га. Пакы повелѣ моучитель разварити лои и пькль и смрьдещии ка́мень и смо́лоу. и вроущемь ѡб̑лити ѝ. и шлѣмь раж̑ежень вьзложити на́ нь. и свѣщама же двѣма под̑жигати ре́бра ѥго. Вьпити же проповѣ̑никоу и глати. ѡ повелѣни ца́рии не мозѣте не родити. чьстным̑ же бо́гомь не досаж̑аите. Хвь же мнкь вьзрѣвь на нбо, рече. ги іс хе. призри на ме и ѡблькчи ме ѿ моукь сихь. помль же се, не чюꙗше моукь. видѣв̑ же ца́рь ꙗко ничесо же оуспѣ, начеть словесы кроткыими глати ѥмоу. геѡргїе. тако ми вл̑кы слнца и милостивь бо́гь. милоую те ꙗко чедо моѥ. нь послоушаи мене ꙗко ѡца своѥго. дающаго ти добрь сьвѣть. и пристоупль пожри бесмрьтныимь бо́гомь. и створеть те втора вь царьствиї моѥмь. Геѡргїи ре. ннꙗ кротко оубѣж̑ень тобою, пожроу богомь твоимь. нь слыши ца́роу. днь юже на заходѣ слнца ѥ. и не могоу пожрѣти. нь повели да ме затвореть вь тьмници до ютра. оутрѣи же пожроу бо́гомь твоимь. ца́рь же радь бывь, ре к̑ нѥмоу. не боуди мнѣ тебе на моукоу прѣдати. нь и ра́ны ѥже ти ѥсмь даль, ѿдаждь ми ꙗко своѥмоу ѡцоу. ннꙗ же вьниди вь вноутрьнюю полатоу, и тоу почи. вьлѣз̑шоу же ѥмоу. ѥг̑а верь бы, поклонь колѣнѣ. в̑соу нощь млѣшесе поѥ сице. кто бь ве́леи ꙗко бь на́шь. ты ѥси бь творей чю̑са е̑динь. ѝ пакы глаше. на тѐ ги оуп̑вахь, да не постыж̑оу се в̑ вкы. ѝ

на конць ѱалма ре҃ аминь. Еоутропіи же каженикь ре҃ кь црци. геѡргіе оучитель галилеискы, всоу нощь не ѡстави мене почити, бледын, и ба҃ своего призывае. црца же хотещи слышати и видѣти. призвавши мнка ре҃ к нему. рци ми что е бледь юже еси бледиль вь сию нощь, ꙗко же слыша҃, всако [л. 331] наоучи ме. кто е бь его же призываеши. Геѡргіе ре҃. бь мои велии е. ть бо сьтвори нбо и землю. и море и члвка. и всоу тварь. слѣпыимь свѣть да. хожение хромымь. блоудещее наставлꙗеть на свою истиноу. Црца ре҃. како бь хртиꙗньсеь е. Геѡргіи ре҃. послоушаи црце. како приде бь на землю, и члвкь ꙗвисе. пррѡкь бо ре҃ ѡ немь. вьздвигни силоу твою, и приди да ны спсеши. и мѡуси ре҃. да снидеть ꙗко дьжꙿь на роуно. и аввакоумь ре҃. ги оуслышахь слоухь твои и оубоꙗхсе. разоумѣ҃ дѣла твоꙗ и дивихсе. Црица ре҃. кто е дьжꙿь. и кто е роуно. и кто слыша и оубоꙗсе. и кто виде и дивисꙗ. Мнкь ре҃. роуно е два мриа. дьжꙿь е хс сьшьꙿшии сь нбсь. ꙗко дьжꙿь слово бжие. и вьселисе вь чрѣво двы мрие. и изыде безь истлѣниꙗ. и ꙗвисе члвкь да спсеть члвка блоудеща. Црца ре҃. что оубо бози наши, ничто ли же соуть. Мнкь ре҃. ничто же соуть. идоли бѡ соуще демонь. ѡчи имоуть и не видеть. оуши имоуть и не слышеть. нѡздри имоуть и не ѡбонꙗють. оуста имоуть и не глють. роуцѣ имоуть и не ѡсежоуть. нозѣ имоуть и не поидоуть. и не вьзгласеть грьтаномь своимь. подбни имь да боуꙿть творещеи е. и вси надѣющеисе на не. Црца же оумильшисе, ре҃ к нему. добрѣ оучиши ги. нь млтвоу ми створи, да ѿбѣгнеть ѿ мене льсть идольскаꙗ. Мнкь ре҃. вѣроуи вь гь нашь іс хс. и не имать тобою ѡблаꙿти льсть идольскаꙗ. и се рекь оумльче. Оутроу же бывшоу приведе и царь прѣдь се. пришьꙿшоу же емоу, ре҃ к нему. идѣвѣ вь црковь великыхь богь. и принеси имь жрьтвоу, ꙗко же ѡбѣщаль еси. Геѡргіе ре҃. азь идоу и принесоу имь жрьтвоу. царь же повелѣ проповѣдникоу вьпити. вси сьнидѣтеса и сьберѣте. се геѡргіи оучитель галилеискы пожрѣти хощеть аполоноу. пришьꙿ же вь црьковь, глаше. бѣжите ѿ мене бози еллиньсціи. [л. 331 об.] ꙗко сь многомь гнѣвомь приидохь на вы. и разрѣшь

поꙗсь свои, и вьскочи вь црьковь. и ѡ҆бложь ѡ҆ идолѣ ираклиꙗвѣ, с҆кроуши ѝ ꙗко прахь. видѣв҆ше же ïереиꙗ погыбениꙗ богь своихь. и ꙗм҆ше свезаше ѝ. и приведоша ѝ кь цароу. и повѣдаше ꙗмоу в҆са быв҆шаа. рече же моучитель. трьврьсть ѡ҆каа́нне. не ѡ҆бѣща ли ми се пожрѣти бого́мь. то҆ почто смѣль ꙗ҆си створити ѝмь таковаа. заꙗ ти би пожрѣти ѝмь. ѝли не вѣси ꙗко крьвь твоꙗ подь крѣпкою роукою моꙗю ꙗ҆. Геѡргïе ре҃. ѡ҆каа́нне. а҆ще себѣ не могоше помощи. р҆ци ми что тьи оу҆бо створиши. ꙗгда хс҃ придеть, соудити живымь и мрьтвымь. ца́рь же повелѣ о҆ковати ѝ и вьсадити ѝ вь тьмници. и вьлѣзь кь црци а҆леѯандрïи рече. ѡ҆ лютѣ мнѣ а҆леѯандрïе. оу҆ныхь ю҆же ѿ ꙗзыка хртиа́ньска. изрѣднѣꙗ же ѿ гоубителꙗ своꙗго. Црца же ре҃. ѡ҆стани оу҆бо рода хртиан҆ска. бь҃ бо ѝхь велии ꙗ҆. и а҆зь вь нь вѣроую. Тогда ца́рь вьзоупи. ѡ҆ лютѣ мнѣ а҆леѯан҆дриꙗ. и тебе ли постигоше вльшьвлꙗниꙗ хртианьска. и ꙗ҆мь ю за власы, изведе вьнь. и повѣда в҆са бывшаꙗ ꙗ҆ю прѣдстоꙗщïимь. тогда повелѣ стрьгати. строужемѣ же ꙗи, ни ꙗдиного же гл҃са бы҆ ѿ нꙗе. и повелѣ принести мелицоу. и вложити вь ню сьсца ꙗе, и стрьгати ꙗ҆. о҆на же изнемогши тою моукою, вьзрѣвши на мн҃ка ре҃. створи мл҃твоу ст҃ыи геѡргïе за ме, ꙗ҆ко изнемогохь, вѣровавше словесемь оу҆чениꙗ ти. Геѡргïе же ре҃. мало прѣтрьпи, и приимеши вѣн҆ць жи҆зни. ца́рь же видѣвь трьпѣниꙗ ꙗе, повелѣ оу҆сѣкноути ю. о҆на же гл҃аше кь мн҃коу. ст҃ыи геѡргïе. что створю, ꙗ҆ко нѣсмь приꙗла кр҃щениꙗ. о҆нь же ре҃ ꙗи. иди а҆леѯан҆дриꙗ и не стои. приꙗти ѝмаши крьщениꙗ крьвию. о҆на же вьзрѣв҆ши на н҃бо, ре҃. ѝстинныи бе҃ познаныи мнѣ геѡргïемь, приими мирно дш҃оу мою҆ вь цр҃тви твоꙗмь. и се҆ рек҆ши ꙗи, оу҆сѣкновена бѣ. вь добрѣ исповѣдании. мц҃а априлꙗ вь .к҃. дн҃ь вь .ѕ҃. ча҃ [л. 332]. ца́рь же ре҃ кь мн҃коу. геѡргïе. ю҆же и црцоу погоубиль ꙗ҆си. то҆ и ѡ҆ нась попцисе ю҆же. мн҃кь же ре҃. се҆ прѣд тобою стою. твори ꙗже хощеши. тѣломь моимь владеши. а҆ дш҃ею моꙗю бь҃ ꙗдинь сѣдь же ца́рь заповѣда ѡ҆ нꙗмь гл҃ꙗ. геѡргïе оу҆читель галилеискь. противесе повелѣнию ца́ревоу. и не поклоньсе непобѣдимымь бо́гомь, прѣдань да боудеть м҆чю. о҆нъ же приꙗмь заповѣдь тоу, тьщашесе

на с'врьшеник вѣн'ца. Мти же кго видѣв'ши, ꙗко юже заповѣдь прикть, вьзрѣв'ши на нбо молѣшесе глюще. бе прикмыи жрьтвоу авраамлю. и исаака сна кго на ѡлокавтось. такожде приими и сна моего геѡргїа вь цртви твоемь. и сице помлышисе, ре к' нкмоу. моли за ме чѐдо. прѣжде бо тебе оумроу. ца́рь же слыша ю глющоу кь мнкоу. призвавь ю ре. ка́ко ти к име. ѡна же ре. полїхро́нїа. хртиꙗнина ксмь, ꙗко же и снь мои геѡргїе. ца́рь же ре кь нки. да ты ли и кси наоучила досаждати бого́мь, а не покланꙗтисе имь ни жрѣти. она же ре́че кь нкмоу. вѣ ксвѣ наоучена ца́роу. боу живоу и истинномоу слоужити, а не идоль бѣсовьскыхь чисти. ца́рь же ре. полїхроник. прѣстани ѿ своихь боуихь сло́весь, и пожри бого́мь. ѡкаа́нны бо снь твои. много прѣрицавь м'чю прѣдань бы. Полїхронїа ре. прѣжде вар'ши рѣхь. ꙗко хртианина ксмь. и демономь не жроу. нь тѣло свок приношоу кь ги іс хоу. ца́рь же разгнѣвав'се повелѣ жилами соуровами говеждами протег'шю ю бити. и пакы повелѣ повѣшьше стрьгати ребра ке. и свѣщами гороущами подьжигати. и вь сапогахь желѣзнахь раждеженахь ѡбоути ю. Мнца же хва страждоущиї и призывающи ха, прѣда дхь свои вь мирь. зрещоу и сна ке. вьзьмьше же хртиꙗни тѣло ке, погребоше ю таи. Мнкь же хвь видѣвь мтерь свою оумьр'шоу, радь бы. видѣв' же наро́дь [л. 332 об.] ѡкрть стокще. вьзрѣвь на нбо помлисе глк. ги бе нбсе и землк влдко. послоушаи глсь молкниꙗ моего. и даждь, иже боудеть вь страсѣ. или вь бѣдѣ. или вь напасти. и призоветь тебе млрдаа́го ѡца и сна и стго дха. именемь твоимь раба твокго, да спсень боудеть. ꙗко тебѣ к сла́ва вь вкы вѣкомь аминь. и рек'шоу аминь. бы глсь к' нкмоу сь нбсе глк. геѡргїе рабе мои. оуслышахь млитвоу твою. приди и приими покои и вѣньць свои. ѡбращь же се стыи геѡргїе, ре кь мьчникоу. пристоупи чедо, кон'чаи слоуж'боу свою. и пристоупль мьчникь, ѿсѣче чтноую кго главоу. и абик нбо ѡбла́чно бы. и троусь велеи и мльник и тоуча ве́лиꙗ. вьзьмьше же хртиꙗни тѣло кго стрѣбльше положише сь полїхронїкю мтерию кго. вь чистѣ мѣстѣ вь дїосполїи. оусѣк'новень же бь. стыи геѡргїе мца

а҃прила, кг҃ днь вь ѕ҃ ча҃. црт҃воующоу гн҃ нашемоу іс҃ хо҃у. ѥмоу же слáва чьсть дрьжава и покланıанıе. нн҃ıа и прн҃о и в в҃кы вѣко҃. а҃минь.

II.

(Cod. Vindob. Theolog. graec. № 123, f. 37—43).

Μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγάλου μάρτυρος καὶ θαυματουργο[ῦ Γεωργίου [1]).

Ἡ] μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ προαιώνιος βασιλεί[α οὔτε ἀρχὴν ἡ]μερῶν, οὔτε τέλος ζωῆς ἔχει, ἡ δὲ πανεύφημο[ς καὶ πανύμνη]τος διὰ τῆς ἀειπαρθένου καὶ θεοτόκου Μαρίας ἐνανθρ[ώπησις καὶ ἐ]πὶ γῆς παρουσία ἐπέλαμψεν ἤδη κατὰ πάσης τῆς οἰκ[ουμένης] διὰ τῆς τῶν ἀποστόλων διδασκαλίας τοῖς καταξιωθεῖσι τοῦ κ[λήρου] ἁγίων, ὡς ἐξαίσιον πρᾶγμα καὶ παράδοξον, καὶ πάσης ἐπέκεινα φύσεως καὶ σοφίας· ἠπιστεῖτο οὖν τοῖς πολλοῖς διὰ τὸ τῆς σοφίας ἀπόρρητον καὶ παράδοξον, καὶ ἠπιστεῖτο δὲ τοῖς τῇ πλάνῃ δεδουλωμένοις. ὅθεν πάντες οἱ τῇ γηΐνῃ καὶ ματαίᾳ δόξῃ καὶ πλάνῃ δεδουλωμένοι τοῦ κόσμου τούτου καταχρατούμενοι ὕβριν ἡγοῦντο καὶ μῦθον τὸ τῆς οἰκονομίας μυστήριον καὶ σωτήριον κήρυγμα τῆς τοῦ κυρίου ἐνανθρωπήσεως καὶ βασιλείας, Ἰουδα[ίο]ις μὲν σκάνδαλον, ἔθνεσιν δὲ μωρίαν νομιζόμενον εἶναι. καὶ διὰ τοῦτο ταῖς τῶν δούλων αὐτοῦ παραδόξοις ὑπομοναῖς εὐδόκησεν ὁ θεὸς τὸ τῶν ἀνθρώπων γένος εἰς τὴν ἀληθινὴν καὶ σωτηρίαν θεοσέβειαν γενέσθαι.

Ἐγένετο δὲ κατὰ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον, τῆς σατανικῆς εἰδωλολατρείας ἐπικρατούσης κατὰ τῶν ἀνθρώπων, βασιλεῦσαι Διοκλητιανὸν

---

[1]) За копію съ текста приношу благодарность студенту вѣнскаго университета г. Кунцу, за исправленія въ текстѣ — о. Мартынову, свѣрившему его съ парижскими рукописями С., и проф. Дестунису. — Слова, поставленныя въ [ ] въ вѣнскомъ спискѣ поблекли.

τὸν παράνομον· καὶ ὅρμησεν κατὰ τῆς ποίμνης Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν πάνυ ἡττώμενος σφόδρα τῇ τῶν δαιμόνων πλάνῃ· εἶχεν δὲ καὶ φίλον αὐτοῦ ὁμόφρονα Μαγνέντιον ὀνόματι, ὃς δεύτερος ἦν αὐτῷ τῇ βασιλείᾳ καὶ ζέων τῇ τῶν χριστιανῶν μανίᾳ καὶ τῇ τῆς ἀσεβείας εἰδωλολατρείᾳ. τούτων οὖν συμβουλευσαμένων τὸ τί ἂν ποιήσωσιν, παντελῶς οἱ κακόφρονες [1]) ἐξᾶραι τὴν τῶν χριστιανῶν λατρείαν, ἅπαντας δὲ τοὺς ἀνθρώπους ὑποκῦψαι καὶ σέβεσθαι σὺν αὐτοῖς τοὺς θεοὺς αὐτῶν· καὶ γὰρ ἦν ἐκτεθεικὼς ὁ τρισάθλιος τῇ τῶν εἰδώλων πλάνῃ, τῇ ψυχοφθόρῳ καὶ ματαίᾳ, μάλιστα τῷ Ἀπόλλωνι τῷ τῆς ἀπολείας ὁδηγῷ· καὶ ἐκπεμψάμενοι [2]) ἅμα γράφουσιν ἐπιστολὰς ἐκ προσώπου τοῦ βασιλέως κατὰ πᾶσαν ἐπαρχίαν καὶ χώραν τοῖς ἄρχουσιν περιεχούσας οὕτως καὶ τοῦτον τύπον [3])·

Ἐγὼ Διοκλητιανὸς, μέγιστος, ἀεισέβαστος, αἰώνιος βασιλεὺς τοῖς κατὰ πᾶσαν ἐπαρχίαν τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς στρατηγοῖς τε καὶ ἡγεμῶσιν καὶ τοῖς ἐπ' ἐξουσιῶν καὶ καθ' ὑπεροχὴν πᾶσιν χαίρειν. Ἐπειδήπερ ἦλθεν εἰς τὰς ἀκοὰς τὰς θείας ἡμῶν φήμη, οὐ μετρίως ταράσσουσα ἡμᾶς, ὡς αἱρέσεως τινος ἐπικρατούσης ἀσεβεστάτης τῶν λεγομένων χριστιανῶν, οἵτινες λέγουσι, ὅτι γυνή τις Ἰουδαία ἔτεκεν υἱὸν λεγόμενον Χριστὸν Ἰησοῦν Ἐμμανουὴλ, τοῦτον ὡς θεὸν προσκυνοῦσιν, Ἀπόλλωνα δὲ τὸν μέγαν καὶ Ἑρμῆν, Διόνυσον, Ἡρακλῆν τε καὶ Δία, δι' ὧν τῇ οἰκουμένῃ εἰρήνη δεδώρηται, ὑβρίζοντες βλασφημοῦσιν, αὐτὸν δὲ Ἰησοῦν τὸν Χριστὸν ὡς θεὸν σέβονται καὶ προσκυνοῦσιν, ὃν οἱ Ἰουδαῖοι ὡς κακοῦργον καὶ μάγον ἐσταύρωσαν. τούτου χάριν θεσπίζομεν πάντα χριστιανὸν εὑρισκόμενον, [ἄνδρας τε καὶ γυναῖκας], κατὰ πᾶσαν πόλιν τε καὶ χώραν τιμωρί[αις ὑποβάλ]λεσθαι πικροτάταις, πρὸς τὸ τοῖς θεοῖς ἡμῶν θύειν αὐτοὺς [καὶ

---

[1]) Передъ ἐξᾶραι, вѣроятно, пропущенъ глаголъ въ родѣ προσέταξεν.

[2]) Пар. ркп. 1447: σκεψάμενοι; 1178: id.

[3]) Ркп.: (ἄρχουσιν) περιεχούσης οὕτως καὶ τοῦτον τύπον; 1447: τοῖς ἄρχουσι, στρατηλάταις τε καὶ πᾶσι τοῖς ἐν ὑπεροχῇ οὖσιν, ἐχούσας τὸν τύπον τοῦτον; 1178: καὶ πᾶσι τοῖς ἐν ὑπεροχῇ οὖσιν ἐπιστολὰς ὧδεπως περιεχούσας. Вѣроятно, въ наш. текстѣ читалось: περιεχούσας τὸν τύπον τοῦτον или же ἐχούσας οὕτως.

ἀρνεῖσθαι] την πλάνην ἐκείνην. καὶ εἰ μὲν πείθοιντο, ἀξιοῦσθαι συγγνώμης, [εἰ δὲ] μή γε, πονηρῷ θανάτῳ διὰ πυρὸς καὶ ξίφους τούτους παραδίδοσθαι προστάσσομεν. Ὡς εἴ τις κατὰ τῶν ἡμετέρων τούτων ἀποφάσε[ων ἀμε]λήσεται, τὰς αὐτὰς ἐκεῖνος [1]) τιμωρίας ὑφέξεται.

Τῶν τοιούτων οὖν προσταγμάτων κατὰ πᾶσαν πόλιν προτιθεμένων, καὶ διωγμοῦ μεγάλου ἐπικρατοῦντος κατὰ τῆς τοῦ Χριστοῦ ποίμνης, ὥστε πολλοὺς τῶν ἐπισημοτάτων ἀνδρῶν ἐνδοῦναι. ἐπ πλεῖον δὲ θυμούμενος ὁ Διοκλητιανὸς προσεκάλεσεν πρὸς ἑαυτὸν τὴν σύγκλητον πᾶσαν καὶ πάντας τοὺς ἐν ὑπεροχῇ ὄντας, σὺν τοῖς στρατεύμασιν· καὶ πάντων ἐπὶ τὸ αὐτὸ γεγονοτων, Διοκλητιανὸς ὁ [2]) ἀσεβέστατος ἐδημηγόρησε λέγων· Ἐμοὶ δοκεῖ, προσφιλέστατοι, μηδὲν εἶναι τιμιώτερον τῆς τῶν θεῶν εὐμενείας καὶ πεποιθήσεως, ἐπειδὴ δι' αὐτῶν μὲν ἡμῖν ἡ βασιλεία, πᾶσι δὲ ἀνθρώποις ἡ σωτηρία δεδώρηται· δίκαιον τοίνυν (τοῦτον) [3]) ἡγούμεθα τοὺς μὲν θεοὺς ταῖς συνεχέσι θυσίαις ἀμείβεσθαι, τοὺς δὲ εὑρισκομένους χριστιανούς, καὶ τοὺς θεοὺς παροργίζοντας, παντοίαις ἐπινοίαις ὑποβάλλειν βασάνων, μέχρις ἂν ἡ τούτων δυσσεβὴς θρησκεία καταλυθῇ καὶ [τὸ] [4]) μνημόσυνον αὐτῶν διὰ κακίστων βασάνων κατασβεσθῇ. — Πρὸς ταῦτα δὲ εὐφώνως πάντες ἀπεκρίναντο, λέγοντες· Ἡμεῖς προθύμως ἀποδεχόμεθα, μέγιστε καὶ ἀήττητε βασιλεῦ, τὴν τῆς ὑμετέρας θεότητος διὰ πάντων πρόνοιαν, σέβεσθαι καὶ τιμᾶσθαι βουλόμεθα τοὺς ἀθανάτους θεούς, ὥσπερ [5]) καὶ τὸ ὑμέτερον κράτος περιφρουρῶσιν. Εἴ τις δὲ τοῦ λοιποῦ εὑρεθῇ μέχρις καὶ μόνης ἐνθυμήσεως τὸν Χριστὸν ὁμολογῶν [6]) ἢ ὅλως αὐτὸν θεὸν ὀνομάζων, παντοίαις ἰδέαις βασάνων θανάτῳ ὑποβληθήσεται. — Τοῦτον γὰρ τὸν ἀσεβῆ καὶ παράνομον τρόπον βουλευσαμένης τῆς πονηρᾶς καὶ ἀσεβοῦς συγκλήτου, καὶ [διαταγμάτων] προτιθεμένων, καὶ παντοίων ἐπινοουμένων βασανι-

---

[1]) Не ἐκείνοις ли?

[2]) Въ ркп. ὁ нѣтъ.

[3]) τοῦτον лишнее.

[4]) τὸ вставлено.

[5]) Ркп. οὓς; 1447: ὥσπερ. Не ὅπως ли? (въ виду сослаг. периф.).

[6]) Ркп. ὁμολογήσει, но далѣе ὀνομάζων; въ 1447 этихъ словъ (ὁμολ. ἢ ὅλ. αὐτ.) нѣтъ, но раньше: εὑρεθήσεται ὡς.

στηρίων κατὰ τῶν χριστιανῶν, εἴ τινα ἂν ηὕρισκον, τοῦτον ἀνήλοσκον, τηνικαῦτα ἀνέλαμψε ὡς ἐν σκοτομηνίῳ [1]) νυκτὶ ἀστὴρ διαφανής, ὁ λαμπρὸς τοῦ Χριστοῦ τίμιος μαργαρίτης Γεώργιος, ὁ ἐμὸς δεσπότης, καὶ τοῦ Χριστοῦ γενναῖος στρατιώτης, ἀφανίσαι μὲν τῆς πολυθέου πλάνης τὴν ἀχλὺν καὶ ματαιότητα ἐν τελείῳ φρονήματι, φωτίσαι δὲ τὴν ἡμέραν τοῦ σωτηρίου κηρύγματος πᾶσιν τοῖς ἀξίοις διὰ τῆς ἀθλήσεως, μὴ δειλιάσας τὰς ἀπειλὰς τοῦ μιαρωτάτου βασιλέως Διοκλητιανοῦ, μηδὲ τὴν μανίαν τῶν τοσούτων ἀρχόντων, οὔτε τοῦ στρατοπέδου, οὔτε τῶν προκειμένων βασανιστηρίων λόγον παντελῶς ποιησάμενος, ἀλλὰ τούτοις πᾶσιν ἐνατενίζων τοῖς δοκοῦσιν εἶναι δεινοῖς, τὸ φιλόθεον τῆς καρδίας φρόνημα ἐλογίζετο, λέγων· Γεώργιε, τί ἕστηκας ἀργὸς τοῦ Κυρίου καλοῦντος τοὺς βουλομένους[2]) εἰς τὸν ἴδιον [γάμον; ἠνέ]ωκται ὁ νυμφών, ὁ δεῖπνος ἡτοίμασται πρὸ τὸ [κεκλεισμέναι? εἰ]σιν [3]) αἱ θύραι, εἴσελθε. Πάρεστι [καὶ νῦν] Ἰησοῦς ὁ οὐράνιος, [κρά]ζων καὶ λέγων· μὴ φοβηθῆτε ἀπὸ τῶν [ἀποκτεινόντων] τὸ σῶμα, τὴν δὲ ψυχὴν μὴ δυναμένων ἀποκτεῖν[αι][4]). μνήσθητι, Γεώργιε, τῶν εὐαγγελικῶν μαθημάτων τῆς δεσποτικῆς διδασκαλίας, λεγούσης· ὅς τις [5]) ὁμολογήσει ἐν ἐμοὶ ἔμπροσθεν τῶν ἀνθρώπων, ὁμολογήσω κἀγὼ αὐτὸν ἔμπροσθεν τοῦ πατρός μου τοῦ ἐν οὐρανοῖς. μὴ προκρίνῃς, Γεώργιε, τὴν πρόσκαιρον ταύτην καὶ παρερχομένην τοῦ βίου τούτου σκιάν, μηδὲ τὴν ματαίαν δόξαν τοῦ κόσμου τούτου, ὅτι πᾶσα δόξα ἀνθρώπου ὡς ἄνθος χόρτου· ὀλίγον ὑπόμεινον καὶ μετὰ ἀγγέλων ἀγαλλιάσει Ταῦτα πρὸς αὐτὸν λαλήσας καὶ συμβουλευσάμενος ὁ μεγαλομάρτυς τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος, ἀκουομένης τῆς φωνῆς αὐτοῦ, οὐκ ἐφοβήθη τὰς ἀπειλὰς τῶν τυράννων, ἀλλὰ τὴν ἀλήθειαν ἔργῳ καὶ λόγῳ κηρύξας, καὶ τῶν προκειμένων κολαστηρίων τὸ πλῆθος καταγελάσας, διδασκαλίαν μεγίστην σὺν τῇ ἀθλήσει τῇ ἁγίᾳ τοῦ θεοῦ ἡμῶν τῇ ἐκκλησίᾳ κατέλειπεν [6]). Ὑπῆρ-

---

[1]) Ркп. σκοτομήνι.

[2]) Ркп. βουλευομένους; 1447: βουλομένους.

[3]) Порча текста.

[4]) Εὐ. κατὰ Ματθ. 10, 28.

[5]) Ркп. ὃς ἄν; Ματθ. 10, 32: ὅς τις.

[6]) Ркп. διδασκαλία μεγίστη .... ἡ ἐκκλησία.

χεν οὖν ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος τῆς τῶν Καππαδόκων χώρας, εὐγενὴς τὸν τρόπον καὶ τῇ περιουσίᾳ λαμπρός· τριβουνᾶτα πλεῖστα πράξας ἐν νουμέρῳ ἐπισήμῳ τῶν Ἀνικίων [1]), κόμης χρηματίσας διὰ τὴν πολλὴν αὐτοῦ εὐδοκίμησιν, παρῆν τηνικαῦτα ἐν τῷ στρατοπέδῳ παρὰ τῷ βασιλεῖ. Θεασάμενος οὖν τὴν τοσαύτην κατὰ τοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν γενομένην μανίαν παρὰ τῶν θεραπόντων τῶν εἰδώλων, ἐν τάχει τά τε χρήματα καὶ τὴν περιουσίαν λαμπρῶς διανείμας πτωχοῖς τε καὶ πένησιν, ἀθλητικῶς ἀπεδύσατο. καὶ στὰς προθύμως ἐν μέσῳ τοῦ βασιλικοῦ βήματος καὶ τῆς συγκλήτου καὶ πάντων τῶν στρατιωτῶν καθημένων καὶ τῶν ἐπεξουσιῶν [2]) παρεστώτων, ἔκραξε λέγων· Ἐγὼ χριστιανός εἰμι, βασιλεῦ [3]), ἰδοὺ ἐγὼ θαρρῶν εἰς τὸν ἀληθινὸν καὶ ἐπουράνιον βασιλέα Χριστὸν ἕστηκα μέσον ὑμῶν, θαυμάζων ὑμῶν τὴν τοσαύτην πλάνην, ἣν περὶ τὰ εἴδωλα ἔχετε, ἀγνωοῦντες τὸν μόνον ἀληθινὸν θεὸν ἡμῶν, τὸν τῶν ἁπάντων δημι[ουργόν, ὃς καὶ] τὴν βασιλείαν σοὶ δέδωκεν· διό, βασιλεῦ καὶ πάν[τες οἱ συγκα]θήμενοί σοι, μὴ οὖν πλανᾶσθε τῇ τῶν δαιμόνων ἀ[πάτῃ, γέγραπτ]αι γάρ· οἱ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν οὐ ποιήσαντες ἀπολέσθω[σαν· ἡμεῖς γὰρ οἱ χριστι]ανοὶ σεβόμεθα τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν [τὸν πατέρα καὶ ἕνα Κύριον] Ἰησοῦν Χριστὸν προσκυνοῦμεν, δι' οὗ ταῦτα πάντα [ἐγένετο, καὶ] ἓν πνεῦμα ἅγιον σεβόμεθα, τριάδα τελείαν ἐν μιᾷ θεότητι. διὸ καὶ ἐνταῦθα ζῶμεν εὐσεβῶς καὶ μετὰ θάνατον δεχόμεθα ζωὴν αἰώνιον· τὰ δὲ ἡμέτερα σεβάσματα ὄντως χλευῆς ἄξια· μῦθοι γάρ εἰσιν καὶ οὐδὲν ἐπ' αὐτοῖς ἀληθές, ἐφεύρεσις γάρ ἐστιν τοῦ διαβόλου, βυθίζουσα τοὺς πρὸς αὐτὰ προστρέχοντας εἰς ὄλεθρον καὶ ἀπόλειαν. — Ἀτενίσας εἰς αὐτὸν ὁ Μαγνέντιος, ὁ δεύτερος τοῦ βασιλέως καὶ φίλος, εἶπεν· Τί τὸ ὄνομά σου καὶ τίς εἶ σύ, ὅτι τοιαύτην ἔσχηκας τόλμην; Ὁ ἅγιος Γεώργιος εἶπεν· τὸ μὲν πρῶτον καὶ ἐξαίρετον ὄνομά μου, χριστιανός εἰμι. τὸ δὲ ἐν ἀνθρώποις Γεώργιος λέγομαι, οὕτως εὐδοκήσαντος Χριστοῦ τοῦ θεοῦ μου. δεῖ

---

[1]) **Ркп. ἀνοικῶν. Читай Ἀνικίων.**

[2]) **Ркп. στρατιωτῶν. Вѣроятнѣе, στρατηγῶν. Ркп. ἐπεξουσιῶν. Вѣроятнѣе, ὑπεξουσίων.**

[3]) **Въ ркп. за словомъ βασιλεῦ еще разъ повторено слово: λέγων.**

γάρ με καρποφορῆσαι τῷ ἐμῷ δεσπότῃ τὸν πολυπλασίονα τῆς εὐσεβείας καρπόν. — Ἐμβλέψας δὲ εἰς αὐτὸν ὁ Διοκλητιανὸς ὡς βύθιος δράκων, εἶπεν· Γεώργιε, μανθάνομεν τὰ περὶ σοῦ, ὅτι ἐν φρονήσει καὶ ἀνδρίᾳ εὐδοκίμων [1]) ἀεὶ τιμῶν ἠξιώθης ἐκ τῆς βασιλικῆς ὑμῶν προνοίας· πρόσελθε τοίνυν καὶ θῦσον τοῖς θεοῖς ἡμῶν, ἵνα μὴ κακῶς ἀποθάνῃς, ἀλλὰ καὶ τῆς ἡμετέρας φιλανθρωπίας ἀπολαύσῃ, καὶ τιμῆς καὶ πλούτου περισσωτέρου τύχῃς παρ' ἡμῶν· αὕτη γάρ σου ἡ ματαία παρρησία οὐδέν σε ὠφελήσει. — Ὁ ἅγιος Γεώργιος λέγει· εἴθε, βασιλεῦ, σὺ μᾶλλον ἀνασχόμενός μοι, ἐπίγνως ἂν τὸν μόνον ἀληθινὸν θεόν, ἵνα καὶ τῆς ἐπουρανίου βασιλείας τύχῃς, ἢ καὶ ἀξιωθῇς· αὕτη γάρ σου ἡ βασιλεία πρόσκαιρός ἐστιν, καὶ αἱ ἐπαγγελίαι καὶ αἱ κολακίαι, οὐκοῦν οὐδόλως τὸ σταθηρόν μου τῆς εἰς Χριστὸν ὁμολογίας παρασαλεύσειαν· [2]) αἱ οὖν τιμαί σου σὺν σοὶ ἔσονται καὶ αἱ ἐπαγγελίαι σου τοῖς πειθομένοις σοι. Ἐγὼ γὰρ ἔχω τὸν ἐν οὐρανοῖς βασιλέα Χριστόν, παρέχοντά μοι δόξαν καὶ νίκην κατὰ σοῦ, σατανᾶ, καὶ τῶν ὑπηρετῶν σου. — Τότε θυμωθεὶς ὁ βασιλεὺς ἐκέλευσεν ἀναρτηθῆναι αὐτὸν καὶ ξέσθαι κατὰ τῶν σπλάγχνων αὐτοῦ (καὶ) [3]) κοντῷ κρουσθῆναι, πρὸς τὸ τὰ σπλάγχνα αὐτοῦ χαμαὶ ῥιφῆναι. Τούτου δὲ γενομένου, μολύβδου δίκην εἰς τὰ ὀπίσω ἐστράφη. καὶ ὁ μάρτυς ἔφη· εὐχαριστῶ σοι, κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὅτι τοῦ ὑπηρέτου τοῦ διαβόλου ἀπέστρεψας τὴν ῥομφαίαν εἰς τέλος, καὶ τὰ κατ' ἐμὲ φρυάγματα αὐτοῦ καθεῖλες. — Ὀργῆς δὲ πλησθεὶς ὁ Διοκλητιανός, ἐκέλευσεν αὐτὸν κατενεχθῆναι ἀπὸ τοῦ ξύλου, καὶ ἀσφαλισθῆναι αὐτὸν ἐν τῇ φυλακῇ καὶ ἐκτανθῆναι τὰς χεῖρας καὶ τοὺς πόδας αὐτοῦ ἐν τῷ ξύλῳ δεινῶς, καὶ [ἐπὶ τὸ] στῆθος αὐτοῦ τεθῆναι λίθον παμμεγέθη. Ἐπιτιθέντος δὲ τοῦ λίθου ἐπ' αὐτὸν ὑπὸ ἀνδρῶν τεσσάρων μόλις βασταχθέντος [4]), εἶπεν ὁ ἅγιος μεγάλῃ τῇ φωνῇ· εὐχαριστῶ σοι, κύριε, ὅτι κατηξιώθην βάρος ἐπιτεθῆναι τῇ καρδίᾳ

---

[1]) Ркп. εὐδόκιμον.

[2]) Ркп. παρασαλεύσιεν.

[3]) Въ ркп. 1178: προσέταξε πάλιν ὁ βασιλεὺς ξύλῳ τοῦτον ἀναρτηθέντα κοντῷ κρουσθῆναι. Послѣ αὐτοῦ въ ркп. καὶ нами вставлено.

[4]) Ркп. — έντων. Ср. ркп. 1178: ὑπὸ πολλῶν τοίνυν ἀνδρῶν μηχανῇ τινὶ βασταχθέντος τοῦ λίθου.

μου, τὸ ὀφεῖλον στηρίξαι αὐτὴν εἰς τὸ ἀμετάθετον εἶναι τῆς εἰς σὲ ὁμολογίας [1]. — Πρωΐας δὲ γενομένης κελεύει γενέσθαι τροχὸν παμμεγέθη, καὶ τῷ τροχῷ ἐμπαγῆναι ἥλους καὶ τρυπανίσκους, καὶ ἀπηρτίσθη [2] ὁ τροχὸς ὡσεὶ τεκτονικὸν πιεστήριον, ἄνωθεν μὲν ἔχων ξίφη, κάτωθεν δὲ δυστόμους μαχαίρας. — Προστάττει δὲ.... [3]) Εἰσελθὼν δὲ ὁ ἅγιος καὶ ἰδὼν τὴν τέχνην τοῦ τροχοῦ, ἄνωθεν μὲν ξίφη ἔχοντος, κάτωθεν δὲ δυστόμους μαχαίρας, ἐθαύμασεν τὴν κακομήχανον τοῦ διαβόλου κατασκευήν, εἶτα κινήσας τὸν ἑαυτῷ τοιαῦτα· γνῶθι, ὁ κύριος ἐν μέσῳ δύο ληστῶν ἐσταυρώθη [4]. Ἔπειτα ἀναβλέψας τὸ ὄμμα εἰς τὸν οὐρανόν, εἶπεν.

Εὐχὴ τοῦ ἁγίου Γεωργίου. Ἀδιάδοχε σταδιάρχα, μαρτύρων καύχημα, στέφανος ἀγαλλιάσεως, Κύριε ὁ Θεός, ὁ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν ποιήσας, καὶ πάντα τὰ ὁρατὰ καὶ τὰ ἀόρατα, ὁ ἐπὶ τῶν ὑδάτων ἀναπαυόμενος, οὗ τὸ γένος τῶν ἀνθρώπων οὐκ ἔγνω τὴν σὴν ἀνάπαυσιν, ὁ ἐν ὑστέροις καιροῖς ἀποστείλας τὸν μονογενῆ σου παῖδα ἐν λαγόσι παρθενικοῖς, ὡς ἠθέλησας, τὸ γέννημα τὸ ἀληθινόν, οὗ [5]) οὐδεὶς τὴν αὐτοῦ γέννησιν περιεργάσασθαι δύναται, ὁ ἐπὶ τῶν ὑδάτων περιπατήσας καὶ τοὺς πόδας αὐτοῦ μὴ μολύνας, ὁ ἀνέμοις ἐπιτι-

---

[1]) Ркп. τὸ ὤφειλον. Ср. Cod. 1178: τὸ ὀφεῖλον ἐν ἐμοὶ στηρίξαι τὸ ἀμετάθετον τῆς εἰς σὲ ὁμολογίας.

[2]) Ркп. ἀπιτίσθη. Въ ркп. 1178: ἀπαρτισθέντος.

[3]) Въ текстѣ, очевидно, пропускъ. Сл. Cod. 1178: Ἀπαρτισθέντος τοίνυν τοῦ τοιούτου ὀργάνου, προσέταξεν ὁ ἀσεβέστατος βασιλεὺς ἀχθέντα τὸν ἅγιον βληθῆναι ἐν αὐτῷ. Ὡς δὲ κατὰ τὸν τόπον, ἐν ᾧπερ ἦν ὁ τροχός, αὐτὸν ἤγαγον, θεασάμενος и т. д.

[4]) Текстъ испорченъ. Cod. 1178: θεασάμενος τέχνῃ σατανικῇ κατεσκευασμένον τὸ ὄργανον, ἀτενίσας εἰς τὸν οὐρανὸν εἶπεν· Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὁ ὑπεράγαθος θεός μου, εὐχαριστῶ σοι ὅτι μὲ τὸν ἀνάξιον εἰς τὸν παρόντα κλῆρον ἐκάλεσας, αὐτὸς οὖν ὁ ἐν μέσῳ δύο ληστῶν σταυρωθεὶς καὶ ὑπὲρ τῆς τῶν ἀνθρώπων σωτηρίας θανάτου γευσάμενος ἀθάνατος ὑπάρχων, δός μοι τῆς εἰς σὲ πίστεως ἀκλινῆ τὴν ὁμολογίαν ἐν τῇ ὥρᾳ ταύτῃ, διαφύλαξόν μου τὴν ψυχὴν ἐκ τῆς τοῦ διαβόλου μηχανουργίας. Ταῦτα τοῦ δικαίου προσευχομένου, οἱ τοῦ ἀντικειμένου ὑπηρέται и т. д.

[5]) Ркп. ὃ.

μήσας, καὶ πάντα σοὶ ὑπήκουσαν τρόμῳ. Καὶ νῦν, δέσποτα Κύριε, ἐλθὲ ἵλεως καὶ εὐμενὴς ἐπ' ἐμοὶ τῷ ἁμαρτωλῷ καὶ κούφησόν με ἀπὸ τῶν μενόντων [1]) με πόνων· ὅτι σὺ εἶ δεδοξασμένος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, αμήν.

Καὶ μετὰ τὴν εὐχὴν ἐνεβλήθη εἰς τὸν τροχὸν καὶ μεγάλως πιεσθεὶς εἰς μέρη δέκα ἐκόπη. ἰδὼν δὲ ὁ τύραννος τοῦτο, ἦρεν αὐτοῦ τὴν φωνὴν εἰς ὕψος καὶ εἶπεν τοῖς λαοῖς· Ἴδετε, ὅτι οὐκ ἔστιν ἄλλος θεός, εἰ μὴ Ἀπόλλων καὶ Ἀθηνᾶ, Ἥφαιστος, Σκάμανδρος καὶ Ἡρακλῆς, οἵτινες τὰ τρία κλίματα τοῦ οὐρανοῦ συνεκρότησαν, δι' ὧν βασιλεῖς βασιλεύουσιν καὶ τύραννοι γῆς κρατοῦσι. ποῦ νῦν ἐστὶν ὁ θεὸς Γεωργίου, ὁ ἐσταυρομένος Χριστός, οἷον [2]) ῥαβδοῦχοι οἱ Ἰουδαῖοι ἀνεῖλον; διατί οὐκ ἦλθεν καὶ ἐρύσατο αὐτὸν ἐκ τῶν χειρῶν μου; Ἐυθὺς οὖν κελεύει ὁ βύθιος δράκων ἀκοντισθῆναι τὰ ὀστᾶ αὐτοῦ εἰς λάκκον ξηρόν, λέγων, ὅτι μή τις τῶν χριστιανῶν ἅψηται τῶν ὀστέων αὐτοῦ. ἤδη γὰρ ἦν λοιπὸν καὶ ἡ ὥρα τοῦ ἀρίστου. Καὶ ἐπορεύθη ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ συγκάθεδροι αὐτοῦ εἰς τὸ ἄριστον, καὶ εὐθέως γίνεται ἦχος περὶ ὥραν δεκάτην καὶ φωνὴ ἐκ τῶν οὐρανῶν λέγουσα· Ἀνδρίζου, Γεώργιε, ἴσχυε καὶ ἀδίστακτος ἔσο. πολλοὶ γὰρ πιστεύσουσιν [3]) διὰ σοῦ εἰς ἐμέ. Καὶ ἐλθὼν ἄγγελος κυρίου ἔλυσεν αὐτὸν ἐκ τοῦ βασανιστηρίου ἐκείνου ὀργάνου καὶ ὑγιὲς [4]) ἀποκαταστήσας τὸ σῶμα αὐτοῦ, ἠσπάσατο λέγων· Χαῖρε σφόδρα, Γεώργιε. Ἀνέστη δὲ ὁ ἅγιος Γεώργιος, χαίρων καὶ εὐχαριστῶν τῷ οἰκείῳ δεσπότῃ, καὶ περιεπάτη ψάλλων· ὑψώσω σε ὁ Θεός μου. καὶ πάλιν· κατεύθυνον τὰ διαβήματά μου, Κύριε [5]). — Καὶ ἐλθὼν ἐπί τινα τόπον, ἔνθα τοῦ Ἀπόλλωνος ἕστηκεν ἄγαλμα, εὗρεν ἐκεῖ τὸν βασιλέα καὶ τὸν Μαγνέντιον καὶ πάντας τοὺς τοῦ βασιλέως φίλους. προσεγγίσας ὁ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ, ἔκραξεν λέγων· ἐπίγνωθί μοι, βασιλεῦ, καὶ τὸν παρ' ἐμοῦ σοι εὐαγγελιζόμενον θεόν, ὃς ἐξείλετό με ἐκ τῶν χειρῶν σου καὶ ἐκ τοῦ

---

1) Ркп. μενουσῶν.

2) Ркп. οἷον. Не читать-ли ὃν?

3) Ркп. πιστεύουσιν.

4) Ркп. ὑγειῆ.

5) Ps. 144, 1; 118, 133.

θανατοφόρου ὀργάνου, οὗ κατεσκεύασας εἰς ἀπόλειαν ἐμοῦ. Ἐμβλέψας δὲ ὁ βύθιος δράκων εἰς αὐτόν, ἔλεγεν, ὅτι εἴδωλόν ἐστιν, ἄλλοι ἔλεγον, ὅτι ὅμοιος αὐτοῦ ἐστιν. Ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος λέγει· Ἐγώ εἰμι ὁ ὑφ' ὑμῶν κατακοπείς. καὶ διατί ὀνειδίζετε τὸ ὄνομα κυρίου τοῦ θεοῦ μου, ὅστις καὶ ὑμῶν τὴν βασιλείαν δέδωκεν; Ἰδὼν δὲ Ἀνατόλιος ὁ στρατηλάτης, ὅτι ἀνέστη ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ μάρτυς Γεώργιος, ἐπίστευσεν εἰς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, καὶ ταὐτὰ[1]) ἡ τάξις αὐτοῦ· θεασάμενος δὲ ταῦτα ὁ βασιλεὺς ἐκέλευσεν αὐτοὺς[2]) ἐκβληθῆναι ἔξω τῆς πόλεως καὶ διὰ ξίφους τελειῶσαι αὐτούς. Καὶ ἐποίησαν οὕτως καὶ ἐτελειώθη αὐτῶν ἡ μαρτυρία.

Καὶ πάλιν κελεύει ὁ παράνομος γενέσθαι κράββατον χαλκοῦν καὶ τὸν ἅγιον τανθῆναι ἐν αὐτῷ, καὶ ἐνεχθῆναι τρύβλιον, καὶ ἐμβληθῆναι τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ καὶ λυθῆναι μόλυβδον εἰς τὰς ῥαγμὰς τοῦ λίθου, καὶ οὕτως κυλισθῆναι τὸν λίθον σὺν τῷ κραββάτῳ[3]) ἐπὶ ἱκανοῦ τόπου, ἵνα κυλιομένου αὐτοῦ διασπασθῶσιν πάντα τὰ μέλη καὶ τὰ ὀστᾶ αὐτοῦ. ὡς δὲ καὶ ταύτην τὴν βάσανον γενναίως ὑπήνεγκεν, ἐκέλευσεν αὐτὸν πάλιν λυθῆναι, καὶ λίθον παμμεγέθη κρεμασθῆναι ἐπὶ τὸν τράχηλον αὐτοῦ, καὶ καπνῷ δρυμητάτῳ πνίξασθαι αὐτόν. καὶ μετὰ τοῦτο κελεύει γενέσθαι βοῦν χαλκοῦν καὶ ἐν αὐτῷ ἐμπαγῆναι ἥλους εὐμήκεις καὶ ὀγκίνους καὶ ἐν αὐτῷ ἐμβληθῆναι τὸν δίκαιον. καὶ πάλιν κελεύει ὁ ἀνομώτατος καὶ βύθιος δράκων διὰ μαγικῆς τέχνης στρέφεσθαι τὸν βοῦν, ὡς καὶ τὰς σάρκας τοῦ δικαίου διαλύεσθαι. ὡς δὲ καὶ ταύτην τὴν βάσανον γενναίως ὑπήνεγκεν, πάλιν κελεύει ἀσφαλισθῆναι αὐτὸν ἕως ὄρθρου, ὅπως σκέψηται ποίᾳ κολάσει ἀναλώσεται αὐτόν. ἐπεφάνη δὲ αὐτῷ ὁ κύριος ἐν τῇ φυλακῇ, καὶ λέγει αὐτῷ· Ἴσχυε καὶ ἀνδρίζου, Γεώργιε, μετὰ σοῦ γάρ εἰμι. ἰδοὺ γὰρ ἀπέθανες ἅπαξ, καὶ ἀνέστησά σε. τὸ δὲ τρίτον ἐγὼ αὐτὸς ἐλεύσομαι καὶ παραλήψομαι τὴν παρακαταθήκην, ἣν παρεθέμην τῷ

---

[1]) Ркп. ταῦτα.

[2]) Ркп. αὐτοὺς и тотчасъ далѣе αὐτῶν относится, вѣроятно, къ мученію Анатолія и Протолеона. Послѣдній, опущенный въ вѣнскомъ текстѣ, стоялъ въ его подлинникѣ.

[3]) Ркп. τοῦ κραββάτου.

σκηνώματί σου. ἴσχυε οὖν καὶ ἀνδρίζου. ἐγὼ γάρ εἰμι κύριος ὁ θεός σου ὁ ἐνισχύων. καὶ ἀσπασάμενος αὐτὸν ἀνῆλθεν ἐν τοῖς οὐρανοῖς.— Πρωίας δὲ γενομένης κελεύει αὐτὸν ὁ βασιλεὺς εἰσελθεῖν ἐπὶ τοῦ βήματος αὐτοῦ, τοῦ ἁγίου δὲ παραγενομένου κελεύει γενέσθαι πρίωνα καὶ διχοτομισθῆναι τὸν μάρτυρα εἰς δύο. καὶ τούτου γενομένου, παρέδωκεν τὴν ἁγίαν αὐτοῦ ψυχὴν τῷ κυρίῳ. καὶ ἐκέλευσεν γενέσθαι λεύητα καὶ ῥητίνην καὶ κηρίον, ὥστε τὰ ἀπορραντίσματα ῥίπτειν ἀπὸ πηχέων δέκα. καὶ μὴ φέροντες οἱ ὑπηρέται τὴν τῆς πυρᾶς ἀνάγκην, ἐδήλωσαν τῷ βασιλεῖ, λέγοντες, ὅτι ἐξεκαύθη κατὰ ἀλήθειαν ὁ τρισάθλιος. οἱ δὲ ἀντεδήλωσαν, ὅτι καὶ τὸν λεύητα χωσθῆναι ἐπὶ τῆς γῆς[1]), ἵνα μὴ εὑρεθῇ μέλος τι ἀπ' αὐτοῦ· ὡς δὲ ἐποίησαν οἱ ὑπηρέται τὸ κελευθὲν αὐτοῖς, ἀπῆλθον. ἐν αὐτῇ δὲ τῇ ὥρᾳ ἐγένετο σεισμὸς μέγας, καὶ ἦλθεν ὁ κύριος ἐπὶ τὸν λεύητα καὶ ἐφώρησεν τὸν ἅγιον, λέγων· ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ τὸν Λάζαρον ἐκ νεκρῶν ἐγείρας. καί σε προστάσσω, Γεώργιε· ἔξελθε ἐκ τοῦ λεύητος καὶ δεῦρω πρός με. καὶ αὐτῇ τῇ ὥρᾳ ἀνέστη ὁ μάρτυς, καὶ εἶπεν αὐτῷ ὁ κύριος· ἀνδρίζου, Γεώργιε, ὅτι πολλὴ χαρὰ γίνεται ἐν τῷ οὐρανῷ ἐπὶ τῇ ἀθλήσει τῇ σῇ. λοιπὸν ὅταν θάνῃς[2]) τὸ τρίτον, ἐγὼ αὐτὸς ἐλεύσομαι καὶ παραλήψομαί σε. καὶ εὐθὺς ἀνῆλθεν εἰς τοὺς οὐρανοὺς μετὰ τῶν ἁγίων ἀγγέλων αὐτοῦ. — Ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος εἰσελθὼν ἐν τῇ πόλει ἐδίδασκε τοὺς λαοὺς τὸν λόγον τοῦ κυρίου. οἱ δὲ ἐδήλωσαν τῷ βασιλεῖ, ὅτι Γεώργιος ὁ ἐν τῷ λεύητι κατακαεὶς τὸν λαὸν ἐπὶ τῆς πλατείας διδάσκει. ὁ δὲ βασιλεὺς καὶ οἱ σὺν αὐτῷ ἀκούσαντες ἐκέλευσαν κρατηθῆναι αὐτὸν καὶ[3]) ἄγεσθαι αὐτὸν εἰς[4]) τὸ βῆμα. Καὶ ἀγομένου αὐτοῦ, γυνή τις ὀνόματι Σχολαστικὴ ἔκλαιεν πρὸς τὸν μάρτυρα λέγουσα· κύριέ μου, Γεώργιε, ἰδοὺ ὁ υἱός μου ἔζευξεν ἐν τῷ πεδίῳ, ἐμαλακίσθη δὲ ὁ βοῦς καὶ ἀπέθανεν, ἀλλ' εἴ τι δύνασαι, βοήθει μοι, ὅτι οὐκ ἔστιν ὑπόστασις ἐν τῷ οἴκῳ μου. Ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος λέγει πρὸς αὐτήν· δέξαι τὴν βακτηρίαν μου ταύτην

---

[1]) Можно бы ждать дат. пад. безъ ἐπί.

[2]) Ркп. θανατῆς.

[3]) Въ ркп. καὶ нѣтъ.

[4]) εἰς прибавлено противъ ркп.

καὶ ἔξελθε εἰς τὸ πεδίον καὶ ἐπίθες ταύτην ἐπὶ τὸν βοῦν σου καὶ εἰπέ, ὅτι τάδε λέγει Γεώργιος· ἐν τῷ ὀνόματι Ἰησοῦ Χριστοῦ ἔγειρε καὶ περιπάτει. Καὶ ἀπελθοῦσα, ἐποίησεν οὕτως· καὶ αὐτῇ τῇ ὥρᾳ ἀνέστη ὁ βοῦς, καὶ ἐδόξασεν ἡ γυνὴ τὸν θεόν. Ἐπανελθὼν οὖν ὁ ἅγιος πρὸς τὸν βασιλέα, λέγει πρὸς αὐτόν· Γεώργιε, ἔστιν οὖν ἐν ἡμῖν λάρναξ λελατομέ[νη][1]), καὶ οὐδεὶς εἶδεν τὸν ἐκεῖ κατακείμενον, οὔτε ....τεαι.[2]) ἐὰν γὰρ διὰ τῆς προσευχῆς ἀνασταθῇ, πιστεύσομεν τῷ θεῷ σου. ὁ δὲ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ λέγει πρὸς αὐτόν· ἐγὼ ἔχω τὴν αὐτόλεκτον φωνὴν τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου τὴν λέγουσαν, ὅτι «ἐὰν ἔχητε πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως, ἐρεῖτε[3]) τῷ ὄρει τούτῳ· μετάβηθι ἐντεῦθεν ἐκεῖ, καὶ μεταβήσεται. καὶ οὐδὲν ἀδυνατήσει ὑμῖν».— Ἀναστὰς οὖν ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ περὶ αὐτόν, ἀπεστέγασαν τὴν λάρνακα καὶ ὀστέον οὐχ εὗρον. τὸν δὲ χοῦν συλλέξαντες, ἤνεγκαν αὐτόν. Ὁ δὲ ἅγιος μάρτυς τοῦ Χριστοῦ, θεὶς τὰ γόνατα αὐτοῦ, προσηύξατο. καὶ μετὰ τὴν εὐχὴν γίνεται ἦχος ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἀστραπαὶ πυρός, καὶ ἔλαμψεν φῶς ἐπὶ τὸν κείμενον χοῦν, καὶ ἀνέστη ἐκ τοῦ χοὸς ἀνὴρ εἷς. Καὶ λέγει αὐτῷ ὁ βασιλεύς· τί τὸ ὄνομά σου; ὁ δὲ λέγει· Ἰοβὴλ καλοῦμαι. Καὶ ὁ βασιλεύς· πόσα ἔτη ἔχεις ἀποθανών; καὶ λέγει ὁ νεκρός· πλείονα ἢ ἐλάσσω τετρακόσια ἔτη. λέγει πρὸς αὐτὸν ὁ βασιλεύς· Χριστὸς ἦν ἐπιδημήσας τότε, ἢ οὔ; ἀπεκρίθη ὁ νεκρὸς λέγων· οὐδὲ ἦν τὸ ὄνομα Χριστός. Ὁ βασιλεὺς λέγει· ἐν τῇ ζωῇ σου τί ἦν τὸ σέβας σου; λέγει αὐτῷ· Ἀπόλλων. καὶ ὅτε ἐξῆλθον ἐκ τοῦ βίου τούτου γέγονα ὑποβρύχιος. ἐκεῖ εὐθὺς ἐπέστη μοι ὁ πύρινος ποταμὸς καὶ ὁ ἀκοίμητος σκώλυξ. ἐκεῖ γάρ εἰσιν ἑνὸς ἑκάστου τὰ ἔργα πρὸ ὀφθαλμῶν ἱστάμενα. ἐπεφώνει δὲ ὁ ἀρχιστράτηγος Μιχαήλ· δείξατε ἔργα καὶ λάβετε μισθόν· πᾶς γοῦν ἄνθρωπος, ὃς γεννᾶται ἐπὶ τῆς γῆς καὶ οὐκ ὁμολογήσει[4]) τὸν ἐσταυρωμένον Χριστὸν τοῦτον εἶναι θεόν, ποιητὴν οὐρανοῦ καὶ γῆς καὶ πάσης ὁρω-

---

[1]) Ркп. λελαττομέ[τ. η].

[2]) Испорчено. Gallic.: et nemo hominum novit introitum eorum, qui ibidem positi sunt.

[3]) Εὐ. κ. Ματϑ. 17, 20. Вмѣсто ἐρεῖτε въ ркп. λέγεται ἀν.

[4]) Ркп. ὁμολογήσει δάν.

μένης καὶ ἀοράτου κτίσεως, εἰ καὶ πολλαῖς ἁμαρτίαις καταμιάνῃ τὸ σῶμα αὐτοῦ, ἐξέλθῃ δὲ ἐκ τοῦ ματαίου βίου τούτου, ὑποβρύχιος γίνεται. μόνον δὲ ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς ἁγίας κυριακῆς τυγχάνει ἀνέσεως διὰ τὸ παθεῖν τὸν ἐσταυρωμένον. — Καὶ ἐμβλέψας εἰς τὸν ἅγιον μεγαλομάρτυρα λέγει· ὁ λύχνος τοῦ φωτός, φώτισόν μου τὴν ψυχήν, καὶ δός μοι τὴν ἐν Χριστῷ σφραγίδα, καὶ μὴ κελεύσῃς μὲ ἀπελθεῖν εἰς τὸν τόπον ἐκεῖνον τὸν ὑποβρύχιον. — Ὁ δὲ ἅγιος ἰδὼν τὴν πίστιν τοῦ ἀνδρός, ἐλάκτισεν εἰς τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, καὶ ἐξῆλθεν πηγὴ ὕδατος, καὶ ἐβάπτισεν αὐτὸν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, καὶ λέγει αὐτῷ· ἄπελθε λοιπὸν καὶ ἀναπαύου. Καὶ εὐθέως ἀφανὴς ἐγένετο. Ἐν δὲ τοῖς [τοιούτοἰς με]γίστοις[1]) καὶ ἀπείροις θαύμασι, μὴ πιστεύσας ὁ παμμίαρος βασιλεύς, μᾶλλον δὲ θυμοῦ πλησθείς, λέγει πρὸς τοὺς σὺν αὐτῷ· οἶδα ὅτι δαίμονα παρέστησεν ἡμῖν, καὶ λέγει· νεκρὸν ἤγειρα. καὶ εὐθέως προστάττει κρατηθῆναι τὸν μάρτυρα καὶ βουνεύροις ξηροῖς τὰς σάρκας αὐτοῦ ξαίεσθαι ἀφειδῶς καὶ κασίδαν πεπυρωμένην τεθῆναι ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ καὶ ἔλαιον βράζον[2]) προσάπτεσθαι αὐτοῦ. καὶ πάλιν κελεύει κρεμασθέντα ξαίεσθαι αὐτόν. Ξαιομένου δὲ αὐτοῦ, τὰ ἐντὸς αὐτοῦ ἀπεφάνθησαν. ὁ δὲ μὴ φέρων τὰς πικρὰς ὀδύνας, ἀπέδωκεν τὴν ψυχὴν τῷ κυρίῳ. κελεύει δὲ ὁ βασιλεὺς κατενεχθῆναι τὸ σῶμα αὐτοῦ καὶ ἀπενεχθῆναι εἰς τὸ ὄρος καὶ ῥιφῆναι εἰς ἀνάλωσιν θηρίων καὶ ὀρνέων. ὅτι ἔλεγεν ὁ τύραννος· οὐ μὴ ἐάσω ἐκ τῶν λειψάνων αὐτοῦ τι. ἀπενεχθὲν δὲ τὸ σῶμα τοῦ μάρτυρος, ἔρριψαν αὐτὸ οἱ στρατιῶται εἰς τὸ ὄρος καὶ κατήρχοντο. ἐγένετο δὲ κατερχομένων αὐτῶν, γίνεται ἀστραπὴ καὶ βροντὴ φοβερά, ὥστε καὶ τὸν τόπον σαλευθῆναι. καὶ ἦλθεν ὁ κύριος ἐπὶ νεφέλης φωτός, καὶ ἐφώνησεν λέγων· Γεώργιε, ἀνάστα ἐν τάχει. καὶ εὐθέως ἀνέστη καὶ κατεδίωξεν ὀπίσω τῶν στρατιωτῶν κράζων καὶ λέγων· ἐκδέξασθέ μοι[3]) μικρόν, ἀδελφοί. ἰδόντες δὲ αὐτὸν οἱ στρατιῶται προσέπεσον αὐτῷ, κλαίοντες καὶ λέγοντες· δοῦλε τοῦ ὑψίστου θεοῦ, δὸς ἡμῖν τὴν ἐν Χριστῷ σφραγίδα.

---

[1]) Ркп. τοῖς ..... γίστοις. Дополнено по догадкѣ.

[2]) Ркп. δῆλα βράζων.

[3]) Ркп. μοι. — Нужно-бы μὲ.

καὶ ἀναστήσας αὐτοὺς ὁ ἅγιος, ἐβάπτισεν αὐτοὺς εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. καὶ οὕτως ἐπορεύθησαν πρὸς τὸν βασιλέα. καὶ ἐλθόντες, ἐκήρυξαν, λέγοντες· καὶ ἡμεῖς, βασιλεῦ, χριστιανοί ἐσμεν. ἐκέλευσεν ὁ βασιλεὺς τῷ ξίφει τούτους ἀναιρεθῆναι. — Γλυκερίου δέ τινος ἀγροίκου ἀροτριῶντος ἔπεσεν ὁ βοῦς, ὁ εἷς αὐτοῦ, καὶ ἀπέθανεν. καὶ ἐλθὼν προσέπεσεν τῷ ἁγίῳ καὶ εἶπεν· κύριε, βοῦν εἶχον χρήσιμον, καὶ ἐζεύγνυον αὐτόν[1]) σὺν τῷ ἑτέρῳ, καὶ τὴν γῆν εἰργαζόμην, καὶ ἐτρεφόμην κἀγὼ καὶ ὁ οἶκός μου. νῦν οὖν ἄρτι πεσὼν εἰς τὸ ἄροτρον ἀπέθανεν. καὶ δέομαί σου, ὅπως εὔξῃ[2]) ἵνα ἀναστῇ. εἶπεν δὲ ὁ ἅγιος· ἐὰν πιστεύῃς, ἐγερθήσεται ὁ βοῦς σου. Καὶ ὁ Γλυκέριος εἶπεν· πιστεύω, κύριε, ὅτι οὐκ ἔστιν ἕτερος, εἰ μὴ ὁ τῶν χριστιανῶν θεός. καὶ λέγει αὐτῷ ὁ ἅγιος· ἄπελθε, καὶ εὕρῃς ζῶντα τὸν βοῦν. καὶ εὐθέως ἦλθεν κράζων καὶ λέγων· μέγας ὁ θεὸς τῶν χριστιανῶν. καὶ συλλαβόμενοι αὐτὸν οἱ στρατιῶται ἀνήγγειλαν τῷ βασιλεῖ περὶ αὐτοῦ. θυμωθεὶς οὖν ὁ μιαρώτατος Διοκλητιανός, μηδὲ τὴν προσωνυμίαν αὐτοῦ ἐρωτήσας, ἐκέλευσεν αὐτὸν μεληδὸν κατακοπῆναι. καὶ οὕτως τὸν τῆς μαρτυρίας στέφανον ὁ Γλυκέριος ἀνεδύσατο. τὸν δὲ μεγαλομάρτυρα Γεώργιον ἐκέλευσεν ὁ Διοκλητιανὸς παραστῆναι ἐπὶ τοῦ βήματος καὶ ἤρξατο παρακαλεῖν αὐτόν, λέγων· μὰ τοὺς θεοὺς ἅπαντας, εἰ εἰσακούσῃ[3]) μου, Γεώργιε, καὶ προσελθὼν θύσεις τοῖς θεοῖς, χαρίσομαί σοι χρήματα πολλά, καὶ δεύτερος [ἔσῃ ἐν τῷ] ἐμῷ παλατίῳ. καὶ γὰρ φείδομαί σου καὶ σφόδρα ἀνέχομαί σου, ζεῖν σε μᾶλλον βουλόμενος ἤπερ ἀποθανεῖν. Ὁ δὲ ἅγιος λέγει· καλῶς λέγεις, βασιλεῦ, ἄρτι καὶ μετὰ τοσαύτας κολάσεις ποῦ ζητήσω τὴν ὕβριν μου[4]); Ὁ δὲ βασιλεὺς λέγει· χάρισαί μοι ὡς πρὶν σοῦ τὸ ἔγκλημα, καὶ θῦσον[5]) τοῖς θεοῖς, καὶ μετ' ἐμοῦ ἔσῃ ἐν τῷ παλατίῳ. Ὁ δὲ ἅγιος λέγει· ὅλως[6])

---

[1]) Ркп. αὐτῷ.

[2]) Ркп. εὔξῃς.

[3]) Ркп. εἰσάκουσῃ. — Εἰ прибавлено.

[4]) Читай: ἄρτι καὶ μ. τ. κ. ποῦ ζ. τ. ὕβ. μου; Ркп. ставитъ точку послѣ ἄρτι и послѣ μου.

[5]) Ркп. θύσω.

[6]) Ркп. ὅλως. — Не ὅπως ли?

ἀπελογήσω μοι, βασιλεῦ, τοῦτο καὶ ποιήσω. ἡ ἡμέρα ἤδη συνήχθη πρὸς ἡλίου δυσμάς, καὶ οὐ δύναμαι θῦσαι. ἀλλὰ κέλευσον ἀσφαλισθῆναί με ἐν τῇ φυλακῇ, ἕως τὸ πρωΐ, ἵνα τῷ πρωῒ ἐνώπιον πάντων τοῖς θεοῖς θύσω. Ὁ δὲ βασιλεύς, χαρᾶς πλησθείς, λέγει τῷ μάρτυρι· μή, μὴ γένοιτο εἰς κόλασίν σε παραδώσω, ἀλλὰ καὶ ἃς ἐπήνεγκά σοι πληγάς, ὡς πρώην σου, συγχώρησόν μοι. νῦν δὲ εἴσελθε εἰς τὸ ἐσώτερον παλάτιον καὶ ἀναπαύου ἐκεῖ. Εἰσελθόντος δὲ αὐτοῦ, ἡνίκα ἑσπέρα ἐγένετο, κλίνας τὰ γόνατα, διὰ πάσης τῆς νυκτὸς προσηύχετο, ψάλλων οὕτως· τίς θεὸς μέγας, ὡς θεὸς ἡμῶν; σὺ εἶ ὁ θεὸς ὁ ποιῶν θαυμάσια. Καὶ πάλιν ἔλεγεν· ἐπί σοι, κύριε, ἤλπισα, μὴ καταισχυνθήσωμαι εἰς τὸν αἰῶνα. Εὐτρόπιος δὲ ὁ εὐνοῦχος λέγει τῇ βασιλίσσῃ Ἀλεξάνδρᾳ· Γεώργιος ὁ μύστης τῶν Γαλιλαίων οὐκ εἴασε δή με ἀναπαυῆναι φλυαρῶν καὶ τὸν θεὸν αὐτοῦ ἐπικαλούμενος. ἡ δὲ βασίλισσα ἀκοῦσαι θέλουσα ἅμα δὲ καὶ θεᾶσαι αὐτόν, προσκαλεσαμένη τὸν ἅγιον μάρτυρα, λέγει αὐτῷ· εἰπέ μοι, τίς ἡ φλυαρία αὕτη, ἣν ἐφλυάρησας δι' ὅλης τῆς νυκτός, καθὼς ἔμαθον; ὅμως δίδαξόν με, τίς ἐστιν ὁ θεός σου, ὃν ἐπικαλεῖσαι; Γεώργιος λέγει· ὁ θεός μου μέγας ἐστίν. αὐτὸς γὰρ ἐποίησεν τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, τὴν θάλασσαν καὶ πάντα τὰ ἐν αὐτῇ, καὶ πᾶσαν τὴν κτίσιν, τυφλοῖς τὸ φῶς ἐχαρίσατο, χωλοῖς τὸ περιπατεῖν, τοὺς δὲ πλανωμένους ὁδηγεῖ πρὸς τὴν ἀλήθειαν αὐτοῦ. ἡ βασίλισσα λέγει· πῶς λέγουσιν, ὅτι ὁ θεὸς τῶν χριστιανῶν ἄνθρωπός ἐστιν; Γεώργιος λέγει· ἄκουσον, βασίλισσα, πῶς παρεγένετο ὁ θεὸς ἐπὶ τῆς γῆς καὶ ἄνθρωπος ὤφθη. ὁ προφήτης ὁ θεοπάτωρ Δαβὶδ λέγει· ὁ καθήμενος ἐπὶ τῶν χερουβίμ, ἐμφάνηθι. ἐξέγρου τὴν δυναστείαν σου καὶ ἐλθὲ εἰς τὸ σῶσαι ἡμᾶς. καὶ ὁ θεόπτης Μωϋσῆς ἔφη· ἴδετε, ἴδετε, ὅτι ἐγώ εἰμι θεὸς καὶ οὐκ ἐστιν θεὸς πλὴν ἐμοῦ. [1]) καὶ πάλιν ὁ προφήτης Ἀββακοὺμ λέγει· κύριε, εἰσακήκοα τὴν ἀκοήν σου καὶ ἐφοβήθην, κύριε, κατενόησα τὰ ἔργα σου καὶ ἐξέστην. [2]) καὶ ὁ θεῖος Δαβίδ· καταβήσεται ὡς ὑετὸς ἐπὶ πόκον [3]). ταῦτα γὰρ οὕτως προεφήτευσαν

---

[1]) Exod. 20, 2—3.
[2]) Habac. 3, 1—2.
[3]) Psalm. 71, 6.

οἱ θεοφόροι προφῆται ἐξ ἁγίου πνεύματος κινούμενοι. ἡ βασίλισσα λέγει· Γεώργιε, τί ἤκουσεν ὁ Ἀββακοὺμ καὶ ἐφοβήθη; ἢ τί κατενόησεν καὶ ἐξέστη; Ὁ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ λέγει· ἄκουσον, βασίλισσα Ἀλεξάνδρα. ἤκουσεν γάρ, ὅτι ὁ θεὸς ἐπὶ ἀνθρώπων παραγίνεται, καὶ ἐφοβήθη, κατενόησεν ὅτι μετ' αὐτῶν συναναστραφήσεται, καὶ ἐξέστη. ἡ βασίλισσα λέγει· τί ἐστιν πάλιν, ὃ εἶπεν ὁ Δαβίδ, ὅτι καταβήσεται ὡς ὑετὸς ἐπὶ πόκον; ὁ μάρτυς λέγει· πόκος ἐστίν, βασίλισσα, ἡ παρθένος Μαρία, ὑετὸς δὲ ὁ Χριστός ἐστιν. κατῆλθεν γάρ, ὡς ὑετὸς ἐπὶ πόκον, ὁ λόγος τοῦ θεοῦ, καὶ ἐνοίκησεν ἐν τῇ κοιλίᾳ τῆς παρθένου Μαρίας, καὶ προῆλθεν ἐν ἀφθαρσίᾳ καὶ ἐδείχθη ἀνθρώποις, ἵνα σώσῃ τὸν πλανώμενον ἄνθρωπον. ἡ βασίλισσα λέγει· τί οὖν οἱ θεοὶ ἡμῶν; Ὁ μάρτυς ἔφη· οὐδέν ἐστιν· εἴδωλα γὰρ ὄντα δαιμόνων, μετ' αὐτῶν καὶ τὴν μερίδα ἔχουσιν. ὀφθαλμοὺς ἔχουσι καὶ οὐ βλέπουσιν, ῥίνας ἔχουσιν καὶ οὐκ ὀσφρανθήσονται, στόμα ἔχουσιν καὶ οὐ λαλήσουσιν. ὅμοιοι αὐτοῖς γένοιντο οἱ ποιοῦντες αὐτὰ καὶ πάντες οἱ πεποιθότες ἐπ' αὐτοῖς. λέγει αὐτῷ ἡ βασίλισσα κατανυγεῖσα· καλῶς διδάσκεις, κύριέ μου Γεώργιε. εὖξαι οὖν ἐπ' εμοί, ἵνα φύγῃ ἀπ' ἐμοῦ ἡ πλάνη τῶν εἰδώλων. ὁ μάρτυς λέγει· πίστευσον εἰς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, καὶ οὐ μή σου κατακαρισεύσει[1]) ἡ πλάνη τῶν εἰδώλων, ἢ ἡ κνίσσα αὐτῶν.—Τῇ δὲ ἐπ' αὔριον προσέταξεν ὁ ἡγεμὼν ἀχθῆναι πᾶσαν τὴν σύγκλητον καὶ τὸ στρατόπεδον σὺν τῷ δήμῳ, κηρύξας, ὅτι ὁ μύστης τῶν Γαλιλαίων, Γεώργιος, προσέρχεται θῦσαι τοῖς θεοῖς. καὶ πάντες οἱ ὄχλοι ἔκραζον· ὁ Ἀπόλλων ἐνίκησεν, βασιλεὺς ὁ Διοκλητιανὸς ζήτω εἰς τοὺς αἰῶνας. εἰσελθόντων δὲ εἰς τὸ ἄγαλμα, καὶ σιγῆς γενομένης, σταθεὶς ὁ ἅγιος Γεώργιος καὶ ἐμβλέψας τὸν βωμὸν τῶν εἰδώλων, τῷ[2]) Ἀπόλλωνι εἶπεν· σὺ εἶ θεὸς καὶ σὲ χρὴ σέβεσθαι τοὺς ἀνθρώπους. καὶ εὐθέως τὸ πνεῦμα τὸ παραμένον τὸ ἄγαλμα τοῦ Ἀπόλλωνος ἐβόησεν, λέγον· οὐκ εἰμι ἐγὼ θεός, οὐδὲ οἱ μετ' ἐμοῦ, ἀλλ' ἔστιν θεὸς ἀληθινὸς ὁ ποιήσας τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, καὶ ὁ τούτου υἱὸς ὁ Χριστός, δι' οὗ τὰ πάντα ἐποίησεν. ἡμεῖς δὲ ἄγγελοι αὐτοῦ ὄντες ἀποστάται γεγόναμεν, καὶ δαίμονες ὀνομα-

---

[1]) Ркп. такъ. М. б. κατακαρώσῃ.

[2]) Ркп. καὶ τῷ.

ζόμεθα. καὶ πλανῶνται εἰς ἡμᾶς οἱ ἄνθρωποι. Γεώργιος εἶπεν· καὶ εἰ οὐκ ἐστε θεοί, διὰ τί πλανᾶτε[1]) τοὺς ἀνθρώπους; πῶς δὲ τολμᾶτε ὑπομένειν ἐμοὶ τῷ δούλῳ τοῦ θεοῦ ἐστῶτα ὧδε; καὶ σὺν τῷ λόγῳ τάραχος ἐγένετο μέγας, καὶ ἐβόησεν τὸ δαιμόνιον λέγον· οὐαί μοι, οὐαί μοι. καὶ εὐθὺς πάντα συνέπεσον τὰ εἴδωλα ὑφὲν ἐπὶ τὴν γῆν καὶ συνετρίβησαν, τὸ σημεῖον τοῦ τιμίου σταυροῦ ποιήσαντα τὸν ἅγιον.[2]) εἰδῶτες δὲ οἱ ἡμιερεῖς τὴν συντριβὴν τῶν εἰδώλων, κατέδραμον κατὰ τοῦ ἁγίου, λέγοντες· αἶρε τοῦτον, βασιλεῦ, αἶρε τὸν γόητα καὶ μάγον, ὅτι ἡ μαγία αὐτοῦ πάντας ἐπλάνησεν, καὶ τοὺς μεγίστους καὶ καλλινίκους θεοὺς συνέτριβεν.[3]) θυμωθεὶς οὖν ὁ βασιλεὺς ἐκ τῆς τῶν δαιμόνων ἐργασίας καὶ τῆς πληθῆς τῶν ἀνιέρων ἱερέων καὶ βοῆς, λέγει τῷ μάρτυρι τοῦ Χριστοῦ· κακὴ κεφαλή καὶ πάσης γοητείας πεπληρωμένη, οὐκ ἐμοὶ συνέθου τοῖς θεοῖς θῦσαι τῷ Ἀπόλλωνι καὶ Ποσειδῶνι[4]); λέγει αὐτῷ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος· ἀνόητε καὶ ἀναίσχυντε, ἐγὼ τὴν ἐμὴν θυσίαν ἐτέλεσα πρὸς Χριστὸν τὸν θεόν μου, τὸν ὄντως ἀληθινὸν θεόν. διὰ τοῦτο πάντες οἱ θεοὶ ὑμῶν ἠφανίσθησαν. γνῶθι οὖν καὶ ἰδέ, ὅτι κἂν ἑαυτοῖς δύνανται βοηθῆσαι, οὔτε τινὰ ἕτερον.[5]) εἴδωλα γάρ εἰσιν ἀναίσχυντα καὶ δαιμόνια πλανῶντα τοὺς ἀναισθήτους ἀνθρώπους, ὑπὸ δὲ τῶν τοῦ Χριστοῦ δούλων μόνον καταργούμενα. ἀκούσασα δὲ ἡ βασίλισσα Ἀλεξάνδρα τὰ γενόμενα, ἔδραμεν πρὸς τὸν βασιλέα καὶ ἐβόησεν, λέγουσα· ὁ θεὸς Γεωργίου τοῦ ἀηττήτου μάρτυρος καὶ στρατιώτου σου βοήθησόν μοι τῇ ἁμαρτωλῷ[6]), καὶ μὴ μνησθῇς τῶν ἁμαρτιῶν μου, κύριε, ἀλλὰ μνήσθητι τῆς τελευταίας μου ταύτης μεταβολῆς, καὶ δός μοι μέρος μετὰ τῶν χριστιανῶν καὶ μετὰ τοῦ θεράποντός

---

[1]) Ркп. πλανᾶται.

[2]) Ркп. ποιήσαντα τὸν ἅγιον, т. е. ποιήσαντος τοῦ ἁγίου.

[3]) Ркп. ἆιρε... αἶρε... ἐπλάνησεν... συνέτριβεν. — Скорѣе: ἆρον, συνέτριψεν.

[4]) Ркп. Ποσιδόνι.

[5]) Ркп. τινὰ ἕτερον. — Либо пропущенъ глаголъ, отъ котораго зависитъ τ. ἕτερον, либо читалось τινὶ ἑτέρῳ.

[6]) Ркп. τὴν ἁμαρτωλόν.

σου Γεωργίου. Ἐπίστευσαν δὲ πλήθη πολλὰ τῷ κυρίῳ. Ὀργισθεὶς δὲ ὁ βασιλεύς, ἔδωκεν τὴν κατ' αὐτοῦ ἀπόφασιν καὶ τῆς βασιλίσσης, εἰπὼν πρὸς τὸν μάρτυρα· ἰδού, παγκάκιστε Γεώργιε, καὶ τὴν βασίλισσαν ὑποπλανήσας θανάτῳ ὑποβάλλεις.[1]) ἀπέρχου οὖν καὶ σὺ σὺν αὐτῷ, ἀξίαν τοίνυν τὴν εἰς τοὺς θεοὺς βλασφημίας δίκην εἰσπράξασθε. καὶ ἀπεφήνατο οὕτως· Γεώργιον τὸν μύστην τῶν Γαλιλαίων, ὡς μὴ προσκυνήσαντι τὸ κράτος τῶν μεγίστων θεῶν, ἀλλὰ τὴν βασιλείαν ὑποφθείραντι, δίδωμι τὴν κατ' αὐτοῦ ἀπόφασιν, ξίφει τὴν κεφαλὴν ἀποτμηθῆναι σὺν τῇ βασιλίσσῃ αὐτῷ ἀποπλανηθείσῃ. Καὶ λαβόντες αὐτοὺς οἱ στρατιῶται ἐξήγαγον ἔξω τῆς πόλεως. πορευόμενοι δὲ προθύμως ἐπὶ τὸ σπουδαζόμενον αὐτοῖς βραβεῖον σὺν τῷ μάρτυρι, καὶ εὐχόμενοι κατὰ διάνοιαν τῷ κυρίῳ, ὡς ἡ κίνησις τῶν χειλέων αὐτῶν ἐδήλου, καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἡ βασίλισσα εἰς τὸν οὐρανὸν ἀτενίζουσα, ἀπέδωκεν τὴν ψυχὴν τῷ κυρίῳ. Ὡς δὲ ἤγαγον τὸν ἅγιον μάρτυρα Γεώργιον ἐπὶ τὸν τῆς τελειώσεως τόπον, εἶπεν πρὸς τοὺς στρατιώτας· ἐκδέξασθέ με, ἀδελφοί, μικρόν, ὅπως προσεύξωμαι. ἀφέντων δὲ τὸν ἅγιον μικρόν, ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ τὰς χεῖρας ἐκτείνας, ηὔχετο, λέγων· Κύριε ὁ θεὸς οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς δεσπότης, ἐπάκουσον τῆς φωνῆς τῆς δεήσεώς μου, καὶ δός μοι τὰ αἰτήματά μου, ἵνα πᾶς ἄνθρωπος, γενόμενος ἐν ὕπνῳ φοβερῷ ἢ ἐν ἀνάγκῃ, καὶ ἐπικαλέσηται τὸν εὔσπλαγχνον πατέρα καὶ υἱὸν καὶ ἅγιον πνεῦμα, μνησθεὶς δὲ τοῦ ὀνόματός μου τοῦ δούλου σου Γεωργίου, ποίησον τὴν δυσκληρίαν αὐτοῦ εἰς ἀγαθόν. καὶ ῥῦσαι αὐτὸν ἀπὸ πάσης ἀνάγκης καὶ θλίψεως καὶ διωγμοῦ καὶ ἀρρωστίας καὶ λιμοῦ καὶ βασκανίας καὶ φθόνου καὶ χειμασίας θαλάσσης καὶ δυσχερίας πραγμάτων. καὶ ἐν δικαστηρίῳ φοβερῷ παράστα αὐτῷ καὶ σῶσον, κύριος ὁ θεός μου. καὶ δός, κύριε, τοῖς μνημονεύουσιν τὴν μνήμην τῆς ἀθλήσεώς μου, τοῦ μὴ ἐπελθεῖν αὐτοῖς ἀφορίαν καρπῶν, μήτε ἄλλην πληγὴν οἵαν δήποτε, ἀλλὰ σύντριψον τὸν σατανᾶν ὑπὸ τοὺς πόδας αὐτῶν. οἶδας γάρ, δέσποτα, ὅτι σὰρξ καὶ αἷμά εἰσιν, καὶ τὸ ὄνομά σου δοξάσουσιν εἰς τοὺς αἰῶνας, ἀμήν.

---

[1]) ὑποβάλλει?

Αὐτῇ δὲ τῇ ὥρᾳ φωνὴ ἐγένετο πρὸς αὐτὸν ἐκ τῶν οὐρανῶν, λέγουσα· Γεώργιε, ὁ παῖς μου, εἰσήκουσα οὖν τῆς φωνῆς τῆς δεήσεώς σου. δεύρω ἀπολάμβανε, ἃ ἡτοίμασά σοι. δώσω χάριν τῷ ὀνόματί σου, ἵνα πᾶς ὁ μνημονεύων σου τῆς ἀθλήσεως, ῥύσωμαι αὐτὸν ἀπὸ πάσης θλίψεως, ἀνάγκης καὶ δικαστηρίου καὶ ὁράματος δυσχεροῦς, οἶδας γὰρ ὅτι σὰρξ καὶ αἷμά εἰσιν. — Ἡνίκα δὲ ὁ κύριος ἐπαύσατο λαλῶν πρὸς αὐτόν, στραφεὶς ὁ ἅγιος Γεώργιος, λέγει τῷ σπεκουλάτορι· δεύρω, τέκνον, πλήρωσόν σου τὴν οἰκονομίαν. καὶ προσελθὼν ὁ σπεκουλάτωρ ἀπέτεμεν τὸν γενναῖον αὐτοῦ αὐχένα. Καὶ εὐθέως ἐγένετο ὁ ἀὴρ συννεφής, καὶ σεισμός, καὶ ἀστραπαί, καὶ βρονταί, καὶ ὑδάτων πλῆθος. Λαβόντες δὲ οἱ χριστιανοὶ τὸ ἅγιον αὐτοῦ λείψανον, κηδεύσαντες, ἔθαψαν σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ Πολυχρονίᾳ ἐν τόπῳ ἐπισήμῳ, ἐν Διοσπόλει. ἐτελειώθη δὲ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ μεγαλομάρτυς Γεώργιος μηνὶ Ἀπριλίῳ κγ΄, ἡμέρᾳ παρασκευῇ, ὥρᾳ ἐννάτῃ, βασιλεύοντος τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

III.

Извлеченія изъ житія св. Георгія по парижской рукописи № 1534.

(f. 107 v.—124).

Γέννησις, ἀνατροφὴ καὶ μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου. Κε͂ εὖ.

Ἡ μὲν τοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ προαιώνιος βασιλεία οὔτε ἀρχὴν ἡμερῶν, οὔτε ζωῆς τέλος ἔχει.... εἰς τὴν ἀληθῆ καὶ σωτήριον θεοσέβειαν. (см. стр. 36 и 42).

(f. 107 v. — 111 r.) Ὅθεν καὶ κατ' αὐτοὺς καιροὺς Γαλιηνοῦ τοῦ Ῥωμαίων ἐπὶ ἑξαετίαν βασιλεύσαντος καὶ Κλαυδίου τοῦ μετ' αὐτὸν τῆς αὐτῆς βασιλείας ἐπὶ διετίαν κρατήσαντος, καὶ τὸν κοινὸν πᾶσιν ἀνθρώποις θάνατον τελευτήσαντος, Αὐρηλιανοῦ δὲ μετὰ καὶ

ἑτέρων τινῶν ὀλιγοχρονίων γεγονότων τῆς Ῥωμαίων βασιλείας καὶ κατάρξαντος ἐπὶ ἓξ καὶ δεκαετῆ κύκλον καὶ πολλὰ τρόπαια κατὰ τῶν ἀντιδικούντων Ῥωμαίοις ἀναδεξαμένου, ἐν τοῖς καιροῖς αὐτῶν ἦν τις συγκλητικὸς οἰκῶν ἐν Σεβαστοπόλει τῆς Ἀρμενίας ὀνόματι Γερόντιος, Καππαδόκης τὸ γένος, ἔχων στρατηλάτου ἀξίωμα. τὸ δὲ ὄνομα τῆς γυναικὸς αὐτοῦ ἐκαλεῖτο Πολυχρονία. Οὗτος οὖν ὁ Γερόντιος ἕλλην ὑπάρχων τῇ θρησκείᾳ, θυσίας καὶ σπονδὰς καθ' ἑκάστην προσέφερε τοῖς μὴ οὖσι θεοῖς, ἀλλὰ ξοάνοις ἀψύχοις. ἡ δὲ τούτου σύμβιος Πολυχρονία εὐσεβῶν γονέων θυγάτηρ γενομένη καὶ χριστιανὴ τυγχάνουσα οὐ διέλειπεν νυκτὸς καὶ ἡμέρας διὰ νηστειῶν καὶ δεήσεων προσευχομένη τῷ θεῷ, καὶ τὰς θείας γραφὰς ἀναγινώσκουσα καὶ ζῶσα εὐσεβῶς καὶ μὴ φανεροῦσα ἑαυτὴν χριστιανήν, διὰ τὴν ἐπικρατοῦσαν μανίαν τῶν θεραπευτῶν τῶν εἰδώλων. — Ὅθεν συλλαβοῦσα ἡ μακαρία Πολυχρονία ἐν γαστρί, ἔτεκεν τὸν ἅγιον Γεώργιον, ἀνέτρεφεν δὲ αὐτὸν ἐν πάσῃ εὐσεβείᾳ καὶ σωφροσύνῃ. καὶ διδαχθεὶς τὰ ἱερὰ γράμματα ὁ κάλλιστος νεανίας, ἀξιωθεὶς δὲ καὶ τοῦ ἁγίου καὶ σωτηριώδους βαπτίσματος, ἐλάτρευεν τῷ κυρίῳ, διδασκόμενος λάθρα ὑπὸ τῆς τιμίας αὐτοῦ μητρός. Ὁ δὲ πατὴρ αὐτοῦ Γερόντιος, μηδὲν ἐκ τούτων πάντων γινώσκων, πρὸς ἑαυτὸν βουλευσάμενος ἐστράτευσεν αὐτὸν κόμητα καὶ λέγει αὐτῷ· Τέκνον φίλτατον, πορευθῶμεν ἐν τῷ ναῷ τῶν μεγίστων θεῶν καὶ προσάγαγε αὐτοῖς θυσίαν καὶ λίβανον, ἵνα ζωὴν σοι καὶ ῥώμην σώματος χαρίσωνται· αὐτοὶ γάρ σε ἐν τοιαύτῃ ἡλικίᾳ καὶ τιμῇ κατέστησαν. Ταῦτα δὲ ἔλεγεν ὁ πατὴρ αὐτοῦ Γερόντιος, μὴ γινώσκων ὅτι ἐστὶν δοῦλος τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ὁ δὲ ἅγιος παῖς καὶ πιστὸς δοῦλος τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος ἀκούσας τοὺς λόγους τούτους ἐμειδίασεν, καὶ μέγα στενάξας σφόδρα λέγει τῷ πατρὶ αὐτοῦ· Πάτερ, οὐ δύναμαι νῦν ἐλθεῖν εἰς τὸν ναὸν τῶν θεῶν σου καὶ θυσίας αὐτοῖς προσαγαγεῖν, ἐπειδὴ οὐκ εἰσιν θεοί, ἀλλ' εἴδωλα κωφὰ καὶ τυφλὰ καὶ ἀναίσθητα. ὥστε μὴ πλανῶ, πάτερ, ὑπὸ εἰδώλων ἀψύχων, πειθαρχῶν δαιμονίοις ἀκαθάρτοις, ἀλλ' εἰ βούλει[1]) ἄκουσόν μου, πάτερ, κἀγώ σοι ὑποδείξω θεὸν ζῶντα καὶ ἀληθινόν, ὅστις ἐποίησεν τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν

---

[1]) Ркп. ἐβούλει

καὶ τὴν θάλασσαν καὶ πάντα τὰ ἐν αὐτοῖς. Ἐγὼ γὰρ ἔμαθον ἀπὸ τῶν ἁγίων γραφῶν, ὅτι[1]) θεοί, οἳ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν οὐκ ἐποίησαν, ἀπολοῦνται, καὶ πάντες οἱ πεποιθότες ἐπ' αὐτοῖς· εἴδωλα γὰρ εἰσι δαιμονίων· λαλεῖς αὐτοῖς καὶ οὐκ ἀκούσουσι, διανεύεις καὶ οὐ βλέπουσι, πίπτουσι καὶ οὐκ ἐγείρονται. ὥστε ἐκ τούτου γνῶθι, πάτερ, ὅτι οὔκ εἰσι θεοί. ἐπειδὴ λαλεῖς αὐτοῖς καὶ οὐκ ἀκούσουσι, καὶ πῶς δύνανται ἄλλοις βοηθῆσαι; Ἀλλ' εἰ θέλεις πεισθῆναί μοι, πάτερ, καὶ ζῆσαι τὴν ὄντως αἰώνιον καὶ μακαρίαν ζωήν, φύγωμεν τὴν τῶν εἰδώλων πλάνην καὶ μανίαν, καὶ σώσει ἡμᾶς ὁ Κύριος Ἰησοῦς Χριστός, ὁ υἱὸς τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος· ἀγαπᾷ γὰρ πάντας τοὺς ἐλπίζοντας ἐπ' αὐτόν. Μάθε οὖν, πάτερ, ὅτι καὶ Παῦλος ὁ ἀπόστολος βλάσφημος καὶ διώκτης ἦν τῶν ἐκκλησιῶν· ἐλθούσης δὲ ἐπ' αὐτὸν τῆς θείας χάριτος γέγονε τῶν καλῶν σύμβουλος καὶ διδάσκαλος ἀγαθῶν ἔργων, ὅτι ὁλοψύχως ἠγάπησε τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν. Καὶ ἡμεῖς οὖν, καλὲ πάτερ, μαθητεύσωμεν αὐτῷ, εἰ βούλει, ἵνα εὕρωμεν χάριν παρ' αὐτῷ καὶ τὴν ἀγάπην ἐκείνην τὴν ἀληθινὴν εἰς ὅλους αἰῶνας.

Ἡ δὲ μακαρία Πολυχρονία ἡ μητηρ τοῦ ἁγίου παιδὸς Γεωργίου ἀκούσασα τὰ ῥήματα ταῦτα ἠγαλλιάσατο σφόδρα, ὅτι ἔσπευδεν σῶσαι ψυχὴν ὑπὸ δαιμόνων ἀπολλυμένην.

Ὁ δὲ πατὴρ αὐτοῦ Γερόντιος ἀκούσας ταῦτα μετὰ μεγάλης λύπης, ἀποκριθεὶς λέγει αὐτῷ· οἴμοι, τέκνον γλυκύτατον, τίς ἐδίδαξε τὴν φλυαρίαν ταύτην; οὐκ οἶδας, ὅτι μωρία ἐστὶν ἡ νουθεσία τῶν χριστιανῶν; καὶ οἱ θεοὶ ὀργιζόμενοι διὰ τὸ ἐνυβρίζεσθαι αὐτοὺς ὑπ' αὐτῶν, βασάνοις πικραῖς παραδίδωσιν αὐτούς; Πρόσελθε οὖν, τέκνον φίλτατον, εὐμενῶς, καὶ προσάγαγε αὐτοῖς θυσίαν καὶ σπονδήν, ἵνα μὴ ὀργισθέντες θανάτῳ σε πικρῷ παραδώσωσι, καὶ ἐμοῦ καὶ τῆς μητρός σου τὸ γῆρας ἐν θλίψει πολλῇ εἰς ᾅδου καταγάγῃς. Ὁ δὲ πάνσοφος καὶ φιλάνθρωπος θεός, ἵνα δείξῃ τὴν ἑαυτοῦ ἄφατον εὐσπλαγχνίαν καὶ ἀγαθότητα, διὰ ποίας προφάσεως ἠθέλησεν ἐπιστρέψαι τὸν πατέρα τοῦ παιδὸς Γεωργίου εἰς τὴν ἀληθινὴν καὶ ὀρθόδοξον πίστιν τῶν χριστιανῶν, εἰσακούσατε. Ὑπέβαλεν αὐτὸν

---

[1]) Ркп. ὅτε.

διὰ μιᾶς νυκτὸς πυρετῷ λαβροτάτῳ σφόδρα, καὶ δεινῶς βασανιζόμενος ἐκάλεσε τὸν ἡγιασμένον παῖδα ὑπὸ θεοῦ Γεώργιον, καὶ λέγει αὐτῷ· Τέκνον γλυκύτατον, ὡς ὁρῶ, μεγάλη ἐστὶν ἡ πίστις τῶν χριστιανῶν, καὶ ὁ θεὸς αὐτῶν μέγας ἐστὶν πάνυ· ὤφθη γάρ μοι ἐν τῇ νυκτὶ ταύτῃ καὶ ἔμφοβός εἰμι σφόδρα. θέλησον οὖν, τέκνον φίλτατον, ταχέως πορευθῆναι καὶ ἐπιζητῆσαι τοὺς χριστιανούς, ἵνα παρακαλέσωσι τὸν θεὸν αὐτῶν καὶ ῥυσθῶ τῆς βασάνου ταύτης[1]), ὅτι δεινῶς βασανίζομαι. Ὁ δὲ τοῦ Χριστοῦ θεράπων Γεώργιος, ἀτενίσας εἰς τὸν οὐρανὸν, εἶπεν· εὐχαριστῶ σοι, κύριέ μου Ἰησοῦ Χριστέ, νῦν καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας, ὅτι οὐκ ἐμάκρυνας τὸ ἔλεός σου ἀπὸ τῶν ἐν ἀληθείᾳ ἐπικαλουμένων σε, ἀλλ' ἐγγὺς εὑρίσκῃ, κύριε, πάντοτε τῶν πόρρω καὶ μακρὰν ὄντων. Καὶ ἀποκριθεὶς ὁ τοῦ Χριστοῦ δοῦλος Γεώργιος, λέγει τῷ πατρὶ αὐτοῦ· Πάτερ, εἰ ἐξ ὅλης τῆς καρδίας σου καὶ τῆς ψυχῆς σου πιστεύεις εἰς τὸν σωτῆρα τοῦ κόσμου, οὐ μόνον ἐκ τῆς βασάνου ταύτης λυτρώσεταί σε, ἀλλὰ καὶ ἐκ πάντων τῶν ἁμαρτιῶν ὧν ἔπραξας ἐκ νεότητός σου, καὶ ἀθανάτου ζωῆς ἀξιώσει σε· μεγάλη γάρ ἐστιν ὡς ἀληθῶς ἡ πίστις τῶν χριστιανῶν.

Ὁ δὲ Γερόντιος κράξας φωνῇ μεγάλῃ εἶπεν· πιστεύω εἰς τὸν θεὸν τὸν ὀφθέντα μοι ἐν τῇ νυκτὶ ταύτῃ καὶ φωτίσαντά μου τὴν ψυχὴν εἰς τὴν ἐπίγνωσιν αὐτοῦ. Ὁ δὲ δοῦλος τοῦ Θεοῦ Γέώργιος, χαρᾶς μεγάλης πλησθείς, σπουδαίως ἀπῆλθεν ἔν τινι μοναστηρίῳ ἐπὶ τὸ καλέσαι ἄνδρας εὐλαβεῖς βαπτίσαι τὸν πατέρα αὐτοῦ. Ἐλθόντων δὲ τῶν ὁσίων ἐκείνων καὶ εὐλαβῶν ἀνδρῶν καὶ ποιησάντων εὐχὴν ἐπ' αὐτόν, ἔασεν αὐτὸν εὐθέως ὁ πυρετός. καὶ κατηχήσαντες αὐτόν, ἐβάπτισαν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. καὶ ἐμπλησθεὶς τῆς θείας καὶ ἁγίας κοινωνίας τοῦ παναγίου σώματος τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἐπέζησεν ἡμέρας ιε̄. καὶ οὕτως ἐτελειώθη ὁ μακάριος Γερόντιος ὁμολογήσας καὶ πιστεύσας εἰς τὸν ἀληθινὸν θεὸν καὶ Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν διδόντα[2]) ζωὴν αἰώνιον πᾶσι τοῖς εἰς αὐτὸν πιστεύουσι.

---

[1]) Рκп. τούτου. [2]) Рκп. διδοῦντα.

Καὶ κηδεύσαντες αὐτὸν μετὰ πάσης εὐχῆς καὶ ὑμνῳδίας, ἔθαψαν ἐντίμως κατὰ τὴν παραδοθεῖσαν παρὰ τῶν ἁγίων ἀποστόλων θεάρεστον[1]) τάξιν. Γεώργιος δέ, ὁ γενναῖος καὶ τέλειος δοῦλος τοῦ Χριστοῦ, ἐν τῇ θείᾳ φρονήσει ἐστηριγμένος ὤν, καὶ τῷ ἁγίῳ πνεύματι καταυγαζόμενος, σπουδαίως ἀπελθὼν ἐν τῷ ναῷ, ἐν ᾧ ἦσαν[2]) τὰ εἴδωλα τά τε χρυσᾶ καὶ τὰ ἀργυρᾶ, ἃ ἔστησεν ὁ πατὴρ αὐτοῦ Γερόντιος, κατέκλασεν αὐτὰ καὶ τὸν ναὸν κατέλυσεν, καὶ οὐ μόνον τοῦ πατρὸς αὐτοῦ, ἀλλὰ καὶ ὅπου ἐὰν ἵστατο ναὸς εἰδώλων κατέστρεφεν αὐτὸν καὶ τὰ εἴδωλα συνέτριβεν καὶ τοὺς ἱερεῖς ἀπέκτεινεν καὶ ἐποίει ἐλεημοσύνας καὶ ἐντολὰς πολλὰς εἰς χήρας καὶ ὀρφανοὺς καὶ πτωχούς.

Σχολαστικὸς δὲ εἷς ὀνόματι Σιλυανὸς ἕλλην ὑπάρχων τῇ θρησκείᾳ, ἰδὼν τὴν κατάλυσιν τῶν ἀναισθήτων καὶ ματαίων αὐτῶν θεῶν τὴν ὑπὸ τοῦ ἡγιασμένου παιδὸς Γεωργίου γενομένην, λυπηθεὶς σφόδρα, προσῆλθεν Οὐαρδανίῳ τῷ δουκὶ καὶ λέγει αὐτῷ· Δέομαι τῆς σῆς ὑπεροχῆς, Γεώργιος ὁ κόμης τοὺς ναοὺς ἡμῶν κατέστρεψε καὶ τοὺς θεοὺς κατέκλασε καὶ τοὺς ἱερεῖς ἀπέκτανεν. — Ὁ δὲ δοὺξ ἀκούσας ταῦτα ἀπέστειλε στρατιώτας ἱκανοὺς ἐπὶ τὸ συλληφθῆναι αὐτόν. ἐλθόντων δὲ τῶν στρατιωτῶν καὶ κρατησάντων αὐτόν, ἀπήγαγον πρὸς τὸν δοῦκα. ὁ δὲ Οὐαρδάνιος δοῦξ, καθίσας δημοσίᾳ, λέγει αὐτῷ· Γεώργιε, τί τοῦτο ἐποίησας; οὐκ οἶδας ὅτι προστάγματα ἐπέμφθησαν ἀπὸ τῶν βασιλέων κελεύοντα τοὺς χριστιανοὺς θύειν τοῖς θεοῖς καὶ μὴ ὑβρίζειν αὐτούς, εἰ δὲ μή γε ἔρχεσθαι αὐτοὺς εἰς κολάσεις μεγάλας; Θύσον οὖν αὐτοῖς, μὴ εἰς ψυχὴν κινδυνεύσῃς.

Ἀποκριθεὶς δὲ ὁ τοῦ Χριστοῦ δοῦλος Γεώργιος λέγει αὐτῷ· Ἐγὼ θεοὺς μὲν πολλοὺς οὐκ οἶδα, ἕνα δὲ θεὸν ἀληθινὸν καὶ βασιλέα ἐπουράνιον οἶδα, τὸν κύριόν μου Ἰησοῦν Χριστόν· στρατιώτης γὰρ αὐτοῦ εἰμί, καὶ σφραγισθεὶς παρ' αὐτοῦ, αὐτῷ μόνῳ λατρεύω. Ὁ δοῦξ λέγει· Γεώργιε, ὁρῶ σε ἐν τῇ πολυλογίᾳ σου πολλὴν σοφίαν ἔχοντα, ὅθεν προσελθὼν θύσον τοῖς θεοῖς, ἐπεὶ οὐδέν σε ὀφελήσει ἐμμένων[3]) ἐν τοῖς αὐτοῖς. Ὁ ἅγιος Γεώργιος εἶπεν· αὕτη ἡ σοφία, ὦ δικαστά, οὐκ ἔστιν ἐξ ἐμοῦ, ἀλλ' ὁ θεός μου ἐχαρίσατό μοι αὐτήν, ὁ παρέχων τοῖς εὐθέσι τῇ καρδίᾳ καὶ τοῖς φυλάσσουσι τὰς ἐντολὰς αὐτοῦ σοφίαν

---

[1]) Ркп. θεάριστον. [2]) Оставлено какъ въ ркп. ἦσαν. [3]) Такъ въ ркп.

καὶ μετοχὴν ἀγαθῶν ἐκ τοῦ πλούτου αὐτοῦ. Οἱ γὰρ ἐκ καρπῶν ἀγαθῶν τὰς καλὰς ἀρετὰς κατορθώσαντες καὶ δόξης οὐρανίου μὴ ἐκπεσόντες, Χριστὸν τὸν κύριον σωτῆρα ἡμῶν τῇ πίστει καθοπλησάμενοι, ὡς κλάδους ἔχουσιν εὐθαλεῖς τὴν σοφίαν προηγουμένην αὐτῶν, θεοσέβειαν καὶ πίστιν ὀρθήν. Οὗτοι γὰρ ζήλῳ μυστικῷ βαδίζοντες καὶ ὡς ἄγκυραν ἀσφαλῆ καὶ βεβαίαν τὴν τιμίαν πίστιν κατέχοντες, βασιλείαν Θεοῦ κληρονομήσουσιν. Ὅθεν οὐ μόνον τοῦ θύειν αὐτοῖς καὶ προσκυνεῖν οὐκ ἀνεχόμεθα, ἀλλὰ καὶ τοῦ ὀνομάζειν θεοὺς παντελῶς ἀπαρνούμεθα.

Ταῦτα τοῦ ἁγίου Γεωργίου εἰρηκότος, ὁ δοῦξ περὶ τὰς δημοσίας προσόδους ἀσχολούμενος ἔφη ἀπελθών· Γεώργιε, σκέψαι τὸ συμφέρον σοι, τὰς διατάξεις τοῦ βασιλέως εἰδώς, καὶ ὡς ἀδύνατόν ἐστιν ἀντιλέγειν τοῖς παρ' αὐτοῦ θεσπίσμασιν. Ὁ δὲ τοῦ Χριστοῦ γνήσιος θεράπων Γεώργιος ἀποκριθεὶς εἶπεν· τὸ συμφέρον ἡμῖν ὁ Κύριος μεριμνήσει.

Καὶ ταῦτα μὲν περὶ τῶν ἐν τῇ νεαζούσῃ ἡλικίᾳ πεπραγμένων τῷ ἡγιασμένῳ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ Γεωργίῳ, τῷ γενναίῳ στρατιώτῃ τοῦ Χριστοῦ εἰρήσθω παρ' ἡμῶν. Ὅθεν ἐπειδὴ ἐνεργέστερον (δεῖ) τὰ κατὰ τὸν ἁγιώτατον τοῦ Χριστοῦ στρατιώτην, λέγω δὴ τὸν ἀοίδημον Γεώργιον, διηγήσασθαι χρή, τραπήσομαι λοιπὸν περὶ τὸ ἔνθεον αὐτοῦ μαρτύριον, ἤτοι ἄθλησιν καὶ γενναίαν ὑπομονὴν καὶ καρτερίαν. Ἔφηβος γὰρ λοιπὸν τοῦ μαρτυρίου ἐνήρξατο, εἰκοστὸν ἔτος τῆς τοῦ σώματος ἡλικίας ἄγων ἤτοι φέρων.

Ἐγένετο τοίνυν κατ' ἐκεῖνον τὸν καιρὸν τῆς σατανικῆς εἰδωλολατρείας ἐπικρατούσης κατὰ τῶν ἀνθρώπων βασιλεῦσαι Διοκλητιανὸν τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀρχῆς.... (сл. стр. 43).

(f. 122 r.—124 v.) Ὁ δὲ μακάριος μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος λαβὼν τὴν ἀπόφασιν χαίρων ἔλεγεν· ὡς ἐμεγαλύνθη τὰ ἔργα σου, Κύριε, πάντα ἐν σοφίᾳ ἐποίησας[1]). Τότε ἀκούσασα ἡ μακαρία Πολυχρονία ἡ μήτηρ τοῦ ἁγίου Γεωργίου, ὅτι ἔλαβεν τὴν ἀπόφασιν ὁ υἱὸς αὐτῆς, εὐφράνθη τῷ πνεύματι πάνυ, καὶ ἀτενίσασα εἰς τὸν οὐρανὸν προσεύξατο πρὸς Κύριον λέγουσα· Κύριε ὁ θεός μου, εὐχαριστῶ σοι νῦν καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας, καὶ ὥσπερ προσεδέξω τὴν θυσίαν

---

[1]) Psalt. 103, 24.

τοῦ Ἀβραάμ, ὅτε τὸν υἱὸν αὐτοῦ προσήνεγκέν σοι εἰς ὁλοκάρπωσιν, οὕτως πρόσδεξαι καὶ Γεώργιον, τὸν ἐμὸν μὲν φίλτατον υἱόν, σοῦ δὲ θεράποντα γνήσιον, ἐν τῇ βασιλείᾳ σου τῇ αἰωνίᾳ καὶ μενούσῃ εἰς τοὺς αἰῶνας. Καὶ ταῦτα εὐξαμένη ἡ μακαρία Πολυχρονία, λέγει τῷ υἱῷ αὐτῆς· Τέκνον φίλτατον, μακάρια τὰ ἔργα τῆς πίστεώς σου, ὅτι ἠκολούθησας τοῖς διδάγμασι τοῦ δεσπότου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, οὕτως[1]) γάρ σε προσδέξεται ὡς τοῦ Ἄβελ τὰ δῶρα, καὶ ἀγαπήσει σε ὡς Νῶε τὸν εὐάρεστον αὐτοῦ, καὶ ἀπολήψῃ παρ' αὐτοῦ τὸν στέφανον τῆς νίκης μετὰ πάντων τῶν εὐαρεστησάντων αὐτῷ ἁγίων. καὶ ἐμὸν δὲ τέκνον ἐπεύξαι, πρὸ γὰρ σοῦ τελειοῦμαι ἐν τῇ ὁμολογίᾳ καὶ τῇ πίστει Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ ἀληθινοῦ ἡμῶν θεοῦ.

Ὁ δὲ βασιλεὺς ἰδὼν αὐτὴν φθεγγομένην καὶ προσομιλοῦσαν τὸν ἅγιον μάρτυρα τοῦ Χριστοῦ Γεώργιον προσκαλεσάμενος αὐτὴν λέγει· Γύναι, τί τὸ ὄνομά σου; Ἡ ἁγία λέγει· Πολυχρονία μὲν καλοῦμαι, χριστιανὴ δέ εἰμι, καθάπερ καὶ ὁ υἱός μου Γεώργιος, ὃν ἐδόκεις μὲν τιμωρεῖν, στεφανοῦται δὲ σήμερον παρ' αὐτοῦ δεσπότου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ὁ βασιλεὺς λέγει αὐτῇ· σὺ οὖν ἐδίδαξας αὐτὸν ἐνυβρίζειν[2]) τοὺς μεγίστους θεούς, καὶ μὴ προσκυνεῖν μηδὲ θύειν αὐτοῖς. Ἡ δὲ ἀποκριθεῖσα λέγει αὐτῷ· Οὐκ ἐγώ, ἀλλ' ἡ χάρις τοῦ Θεοῦ, ἡ φωτίζουσα πάντα ἄνθρωπον ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον. ἡμεῖς γάρ, ὦ βασιλεῦ, ἐξ ἀρχῆς ἐδιδάχθημεν Θεὸν ζῶντα λατρεύειν καὶ μὴ εἴδωλα δαιμονίων ἀκάθαρτα σέβειν. Ὁ βασιλεὺς λέγει αὐτῇ· Πολυχρονία, παυσαμένη τῆς μωρολογίας τῶν λόγων τούτων, θύσον τοῖς θεοῖς, ἐπεὶ πικρῶς μέλλεις ἀποθνήσκειν. καὶ γὰρ καὶ ὁ ἀπονενοημένος υἱός σου Γεώργιος, οὕτως ἀντιλέγων, τῷ ξίφει παρεδόθη εἰς θάνατον. Ἡ ἁγία Πολυχρονία λέγει· βασιλεῦ, ὡς ἤδη εἶπόν σοι, καὶ πάλιν σοὶ λέγω· χριστιανή εἰμί, καὶ δαίμοσιν οὐ πιστεύω, οὔτε εἰδώλοις θύω ποτέ. ἀλλὰ τὸ σῶμά μου προσφέρω τῷ θεῷ καὶ πατρὶ καὶ τῷ τούτου μονογενεῖ υἱῷ. Τότε ὁ βασιλεὺς ὀργισθεὶς σφόδρα ἐκέλευσεν ἐκταθεῖσαν αὐτὴν ἐπὶ τοῦ ἐδάφους τυφθῆναι βουνεύροις ὠμοῖς καὶ μετὰ ταῦτα κελεύει πάλιν κρεμασθῆναι αὐτὴν ἐν τῷ ξύλῳ, καὶ ξέσθαι αὐτῆς τὰς πλευράς, εἶθ' οὕτως λαμπάδας πυρὸς προσάπτεσθαι

---

1) Ркп. οὔτως. Но вѣрнѣе οὗτος. 2) Ркп. ἐνυβρίσειν.

αὐτῆς τῶν μελῶν ἐκέλευσεν. Καὶ μετὰ ταῦτα προσέταξεν ὑποδήματα σιδηρᾶ πεπυρωμένα βληθῆναι εἰς τοὺς πόδας αὐτῆς. Τούτων δὲ πάντων ἐπ' αὐτῇ γεγονότων, ἡ μακαρία μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Πολυχρονία δεινῶς ἀλγοῦσα τῷ σώματι καὶ κάμνουσα ἐν ταῖς βασάνοις σφοδρῶς ἐπεκαλέσατο ἐκ βάθους ψυχῆς τὸν φιλάνθρωπον θεὸν λέγουσα· Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, πρόσδεξαι ἐν εἰρήνῃ τὴν ψυχήν μου. Καὶ ταῦτα εἰποῦσα ἀπέδωκεν τῷ Κυρίῳ ἐν χαρᾷ μεγίστῃ τὸ πνεῦμα αὐτῆς.

Τότε λαβόντες οἱ χριστιανοὶ τὸ λείψανον τῆς μακαρίας μάρτυρος τοῦ Χριστοῦ Πολυχρονίας λάθρα τῶν ἀσεβῶν ἑλλήνων ἔθαψαν αὐτὸ ἐντίμως μετὰ πάσης τιμῆς καὶ δοξολογίας εὐλογοῦντες καὶ δοξάζοντες τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν.

Ὁ δὲ ἅγιος μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος τελείως τὸν ἀγῶνα πληρώσας τοῦ μαρτυρίου καὶ τὴν πορείαν ἔχων πρὸς Κύριον δι' αὐτῆς ἀποφάσεως, καὶ πρὸς τὸν δεσπότην Χριστὸν σπεύδων λοιπὸν ἀναδραμεῖν, ὁρῶν δὲ καὶ τὸν περιεστῶτα δῆμον ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν, ἀτενίσας εἰς τὸν οὐρανόν, προσηύξατο πρὸς Κύριον λέγων οὕτως·

Κύριε ὁ θεὸς οὐρανοῦ τε καὶ γῆς, καὶ πάσης κτίσεως καὶ πνοῆς ἐξουσιαστά, πρόσδεξαι τῇ ὥρᾳ ταύτῃ τὴν φωνὴν τῆς δεήσεώς μου, καὶ εἰσακούσας δός μοι τὰ αἰτήματά μου τῇ σῇ ἀγαθότητι καὶ φιλανθρωπίᾳ, ἵνα πᾶς ἄνθρωπος ἐπικαλεσάμενος ἐν ἀνάγκῃ σὲ τὸν εὔσπλαγχνον θεὸν πατέρα καὶ τὸν μονογενῆ σου υἱὸν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Σωτῆρα καὶ Κύριον ἡμῶν, καὶ τὸ ἅγιον καὶ ζωοποιόν σου πνεῦμα ὄντα αὐτὸν[1]) ἐν θλίψει ἢ ἐν ἀρρωστίᾳ, ἢ ἐν λιμῷ, ἢ ἐν λοιμῷ, ἢ ἐν φθόνῳ, ἢ ἐν κινδύνῳ θαλάσσης, ἢ ἐν δυσχερίαις πραγμάτων, ἢ ἐν δικαστηρίῳ φοβερῷ, μνησθῇ δὲ καὶ ἐμοῦ τοῦ δούλου σου Γεωργίου καὶ τῆς ἀθλήσεώς μου, ῥῦσαι αὐτόν, δέσποτα, ἀπὸ πάσης ἀνάγκης καὶ θλίψεως, καὶ μὴ γένηται, Κύριε, Κύριε, ἐπ' αὐτὸν ἀφορία καρπῶν ἀγαθῶν, μήτε μὴν πληγὴν τὴν οἵαν οὖν ἐπαγάγῃ ὁ πονηρὸς ἐπ' αὐτόν, ἀλλὰ σύντριψον αὐτὸν ἐν τάχει, ὕψιστε, ὑπὸ τοὺς πόδας αὐτοῦ. οἶδας γάρ, δέσποτα Κύριε, ὅτι πάντες

---

[1]) Ркп. ὄντα αὐτὸν, независимо отъ πᾶς ἄνθρωπος. Сл. стр. 187, примѣч. 3.

ποίημα καὶ ἔργα τῶν χειρῶν σου εἰσίν, καὶ σοὶ μόνῳ πρέπει ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας, ἀμήν.

Καὶ πληρώσαντος αὐτοῦ τὴν εὐχὴν καὶ εἰπόντος τὸ ἀμήν, ἐγένετο πρὸς αὐτὸν φωνὴ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ λέγουσα· Γεώργιε, δοῦλε μου ἀγαπητὲ καὶ πιστέ, τῆς φωνῆς σου ἤκουσα καὶ τῆς δεήσεώς σου. δεῦρο λοιπὸν ἀπόλαβέ σου τὸν στέφανον καὶ τὴν ἀνάπαυσιν εἰς αἰῶνας αἰώνων. Περὶ δὲ ὧν με ἠϑήσω[1]), δόσω χάριν τῷ ὀνόματί σου καὶ τῷ λειψάνῳ, ἵνα πᾶς ἄνϑρωπος ὁ γεννηϑεὶς ἢ γεννημένος ἐν οἵᾳ δὴ ποτε ϑλίψει ἢ περιστάσει καὶ ἐπικαλέσηταί με, μνησϑῇ δὲ καὶ τοῦ ὀνόματός σου καὶ τῆς ἀϑλήσεως, ἐγὼ σώσω αὐτὸν ἀπὸ πάσης ϑλίψεως καὶ πειρασμοῦ καὶ κινδύνου.

Τότε ὁ ἅγιος μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος ἀκούσας ταῦτα καὶ χαρᾶς πολλῆς πλησϑείς, ἐλϑὼν ἐπὶ τὸν τῆς τελειώσεως τόπον, εἶπεν πρὸς τοὺς στρατιώτας· δέομαι ὑμῶν ἐκδέξασϑαί με μικρόν, ὅπως προσεύξωμαι. τῶν δὲ ἐνδόντων αὐτόν, ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανὸν ὁ μάρτυς καὶ τὰς χεῖρας ἁπλώσας καὶ μέγα στενάξας εἶπεν οὕτως· Κύριε ὁ ϑεός μου, ὁ πρὸ τῶν αἰώνων ὑπάρχων, εἰς ὃν ἐγὼ κατέφυγον ἐκ νεότητός μου, ἡ καλὴ καὶ ἀληϑὴς τῶν χριστιανῶν προσδοκία καὶ ἀψευδὴς τῶν δούλων σου ἐπαγγελία, ὁ πλούσιος καὶ ἀνεξάληπτος ϑησαυρός, ὁ καὶ πρὸ τῶν ἡμετέρων αἰτήσεων παρέχων τὰς δωρεὰς τοῖς ἀγαπῶσίν σε ἐν ἀληϑείᾳ, ἐπάκουσον κἀμοῦ τοῦ δούλου σου, Κύριε, τῇ ὥρᾳ ταύτῃ. ὁ δούς μοι τὴν τῆς μαρτυρίας ὁμολογίαν καὶ μέχρι τέλους ὑπομονήν, αὐτὸς καὶ νῦν πρόσδεξαι ἐν εἰρήνῃ τὴν ψυχήν μου, καὶ ῥῦσαι αὐτὴν ἐκ τῶν ἀερίων καὶ πολεμίων πνευμάτων τῆς πονηρίας, καὶ μετὰ τῶν εὐαρεστησάντων σοι κατάταξον αὐτήν, δέσποτα, συγχώρησον δέ, Κύριε, καὶ τοῖς ἔϑνεσιν, ὅσα διεπράξαντο εἰς ἐμὲ καὶ εἰς τοὺς δούλους σου τοὺς ἐπικαλουμένους τὸ πανάγιον ὄνομά σου, καὶ φώτισον αὐτῶν τὸν νοῦν πρὸς ἐπίγνωσιν τῆς σῆς ἀληϑείας καὶ δικαιοσύνης, ὅτι πάντας ϑέλεις, Κύριε, σωϑῆναι καὶ εἰς ἐπίγνωσιν ἀληϑείας ἐλϑεῖν, καὶ ἐξαπόστειλον βοήϑειαν ἐξ ὕψους ἁγίου σου τοῖς ἐπικαλουμένοις τὸ ὄνομά σου, Κύριε, καὶ δὸς αὐτοῖς τὸν φόβον τῆς εἰς τοὺς ἁγίους σου ἀγάπης,

---

[1]) Ркп. ἠϑ͂ήσω. Это сюда не идетъ: можно бы ждать ηὖξω.

ἵνα τὴν μνήμην αὐτῶν ποιούμενοι καὶ ἐπιτελοῦντες μιμῶνται καὶ τὴν πίστιν αὐτῶν, ὅπως ἀξιωθῶσιν μετ' αὐτῶν καὶ τῆς ἐπουρανίου σου ζωῆς καὶ βασιλείας, ὅτι σοῦ ἐστιν ἡ βασιλεία καὶ ἡ δόξα τῷ πατρὶ καὶ τῷ υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ πνεύματι εἰς τοὺς αἰῶνας, ἀμήν.

Καὶ μετὰ ταύτην τὴν [1]) εὐχήν, κλίνας τὰ γόνατα ἐξέτεινε τὸν ἑαυτοῦ τίμιον τράχηλον, καὶ κρουσθεὶς τῷ ξίφει ὑπὸ τοῦ στρατιώτου, ἐτελειώθη ἐν Κυρίῳ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ μάρτυς ὁ Γεώργιος μηνὶ ἀπριλίῳ εἰκάδι τρίτῃ, ἡμέρᾳ παρασκευῇ, ὥρᾳ ἑβδόμῃ. Ἐγὼ Πασικράτης, δοῦλος γεγονὼς τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου, ἀκολουθήσας τῷ ἐμῷ δεσπότῃ ἐπὶ πᾶσι, τὰ ὑπομνήματα αὐτοῦ τῆς ἀθλήσεως βεβαίως καὶ ἠκριβωμένως συνέγραψα εἰς δόξαν καὶ ἔπαινον τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. ἀμήν.

IV.

Начало житія св. Георгія по парижской рукописи № 1178 (olim 148).

Μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου συγγραφὲν παρὰ ἀνδρὸς φιλοπόνου καὶ πνευματικοῦ.

Διοκλητιανοῦ τοῦ τυράννου τῶν τῆς Ῥώμης σκήπτρων ἐπειλημμένου, καὶ τῆς Νικομήδους Μαξιμιανοῦ βασιλεύσαντος, Ναρσαῖος ἐκεῖνος, ὁ τῶν Περσῶν ἀρχηγός, συνεχῶς τοῖς τῆς Νικομηδείας ὁρίοις ἐπιστρατεύων καὶ τήν τε Παλαιστίνην καὶ Ἀρμενίαν βαρείᾳ χειρὶ ληϊζόμενος καὶ τὴν Καππαδοκίαν ἰσχυρῶς κατατρέχων, αὖθις σοβαρῷ τῷ φρονήματι πρὸς τὴν οἰκείαν ἐπανῄει πατρίδα, ἀριστεὺς γενναῖος ὑπὸ Περσῶν καὶ τροπαιοῦχος ἀήττητος κηρυττόμενος. Ἅπαξ οὖν καὶ δὶς συρραγεὶς αὐτῷ Μαξιμιανὸς καὶ μηδὲν πλέον δυνηθεὶς ἐξανύσαι ἢ μόνον τὸ κατὰ κράτος ὑπ' αὐτοῦ νικηθῆναι, καὶ σὺν οὐδενὶ κόσμῳ τῆς μάχης ἀπαλλαγῆναι, ἀμηχανίᾳ δεινῇ συσχεθείς, καὶ ἀπορῶν

---

[1]) τὴν нами прибавлено.

ὅ τι καὶ δράσοι, διέγνω τὸν ἑαυτοῦ κηδεστὴν ἀξιῶσαι Διοκλητιανόν, ὥστε Ῥωμαϊκὴν αὐτῷ δύναμιν εἰς ἐπικουρίαν ἐξαποστεῖλαι. Εὐθὺς οὖν γράμματα τούτου κατὰ τὴν Ῥώμην ἐφοίτα τὸν τοῦ βασιλέως συναρτισμόν[1]) ἐξαιτούμενα. Ὃς τοῦτο μὲν θεραπεύων τὸν Μαξιμιανόν, τοῦτο δὲ τῷ τῶν Ῥωμαίων κράτει ἐνακριβώμενος, ὅτι πλεῖστον καὶ ῥωμαλέον ἀθροίσας ὁπλιτικόν, τῆς Ῥώμης ἀπαναστὰς τὴν Νικομηδείαν καταλαμβάνει, συνεπαγόμενος καὶ τὴν ἑαυτοῦ σύζυγον — Ἀλεξανδρία τῇ γυναικὶ ὄνομα — ὡς ἂν ἀμφότεροι τὴν ἑαυτῶν θυγατέρα θεάσωνται γαμετὴν ὑπάρχουσαν Μαξιμιανοῦ. Συνείποντο[2]) τῷ δ' αὐτῷ καὶ οἱ τούτου ἀδελφιδοὶ Μαγνέντιος, Θεόγνις τε καὶ Δαδιανός, τοπάρχαι τυγχάνοντες ὁ μὲν Λιβύης, ὁ δὲ Ἀιγύπτου, καὶ Συρίας ὁ Δαδιανός. Τοιούτοις τοίνυν καὶ τοῖς ἑαυτοῦ στρατεύμασι Μαξιμιανὸν ὀχυρώσας, ἐκπέμπει κατὰ Ναρσαίου, ὃς τῇ τῶν Περσῶν ἀθρόως προσβαλὼν χώρᾳ, πᾶσαν μὲν αὐτὴν πορθεῖ τε καὶ καταστρέφεται, ἐγκρατὴς δὲ Ναρσαίου γενόμενος καὶ τοὺς περὶ αὐτὸν ἅπαντας χειρωσάμενος, ἐν Διοσπόλει μετὰ πολλῆς ὅσης πρὸς Διοκλητιανὸν ἐπάνεισιν[3]) εὐθυμίας[4]). Ἐκεῖσε γὰρ τὸ τηνικαῦτα σὺν πλήθει παρῆν στρατίας Μαξιμιανῷ συμμαχήσων, εἴ γε δρασμὸν ἐκεῖνος καθυπομείνοι, νῶτα τοῖς ἐχθροῖς δεδωκώς. Δεξάμενος οὖν αὐτὸν μετὰ περιχαρείας ὁ τῶν δαιμόνων θεραπευτής, τῆς Παλαιστίνης ἀπαναστὰς σὺν αὐτῷ πρὸς τὴν Νικομήδους ἐπάνεισι[5]), καὶ τῇ τῶν ψευδωνύμων αὐτοῦ θεῶν ἐπικουρίᾳ τὰ τοιαῦτα τρόπαια ἐπιγράψας, θυσίαις μὲν πλείσταις ζώων καὶ δημοτελέσι πανηγύρεσιν ἀμείβεσθαι τούτους διηγωνίζετο, φιλοτιμώτερον δὲ καὶ πέρα τοῦ μέτρου θεραπεύειν πειρώμενος. Ἐπείπερ ἦν ἤδη περὶ τῆς ἀμωμήτου πίστεως αχηκοὼς τῶν χριστιανῶν, βασκανίας κέντρῳ πληγείς, καὶ τοὺς ὁμοτρόπους αὐτοῦ, Μαξιμιανόν φημι καὶ οὓς ἤδη φθάσας ὁ λόγος ἐδήλωσε, μετακαλεσάμενος, ἐσκόπει σὺν αὐτοῖς, ὅπως ἂν ἡ μὲν τῶν χριστιανῶν ἐκ ποδῶν[6]) γένηται λατρεία... (см. стр. 37).

---

[1]) Ркп. συναπτισμὸν. [2]) Ркп. —ον. [3]) Ркп. ἐπανει. [4]) Ркп. εὐθυμηθίας. [5]) Ркп. ἐπάνεισεν. [6]) Ркп. ...δῶν.

V.

Чудо св. Георгія по греческой рукописи

Ambros. C. 92 sup. [1]).

Ἕτερον θαῦμα τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου τὸ διὰ τῆς κόρης τοῦ βασιλέως θυγατρίου τὸ διὰ τοῦ δράκοντος. Δέσποτα εὐλόγησον.

Ἀπὸ θαυμάτων ἐπὶ τὰ θαύματα [2]) ἐπανέλθωμεν τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου. τίς ἤκουσεν ἐξ αἰῶνος, τίς ἑώρακεν ποτὲ τοιοῦτον θαῦμα, ὃ ὁ παμμακάριστος μάρτυς Γεώργιος πεποίηκεν; εἰ μὴ γὰρ ἦν ὁ Θεὸς μετ' αὐτοῦ, οὐ τοσαῦτα σημεῖα ἐποίησεν. Ἐγένετο δὲ κατὰ τοῖς καιροῖς ἐκείνοις καὶ ἦν βασιλεύων ἐπ' αὐτοῖς Σέλβιος ὀνόματι καὶ αὐτὸς πονηρὸς καὶ εἰδωλολάτρης μὴ ἐλεῶν μηδὲ οἰκτείρων τοὺς εἰς Χριστὸν πιστεύοντας, κατὰ δὲ τὰ ἔργα αὐτῶν τὰ πονηρὰ ἀπέδωκεν αὐτοὺς [3]) ὁ θεός. ἐγγὺς δὲ αὐτῆς [4]) τῆς πόλεως ὑπῆρχε λίμνη ἔχουσα ὕδωρ πολύ, καὶ ἐν τῇ λίμνῃ αὐτῇ ἐγένετο δράκων πονηρός, καὶ καθ' ἑκάστην ἡμέραν ἐξερχόμενος ὁ δράκων κατέσθιεν [5]) τοὺς ἀνθρώπους. συνήγαγε δὲ ὁ βασιλεὺς πάντα τὰ στρατεύματα αὐτοῦ πρὸς τὸ πολεμῆσαι τὸν δράκοντα καὶ ἀποκτανεῖν [6]). καὶ μὴ δυνηθέντες, οὗτος ὡς τὸ ἀπ' ἀρχῆς αὐτοὺς κατέσθιεν καὶ κατεπήγετο πικρῶς [7]). συνήχθη δὲ πᾶσα ἡ πόλις πρὸς τὸν βασιλέα λέγουσα· «ἡ κατάκησις τῆς πόλεως ταύτης καλὴ καὶ ἀγαθὴ καὶ ἡμεῖς κακῶς ἀπολλύμεθα· σὲ δὲ, βασιλεύς [8]), οὐ μελήσει περὶ

---

[1]) Исправленія въ текстѣ, равно какъ и его переводъ, принадлежатъ проф. Деступису.

[2]) Ркп. ἐπὶ θαυμάτων ἐπὶ τὰ θαύματα.

[3]) αὐτοὺς по новогреч.

[4]) αὐτῆς по новогреч., хотя ниже: ταύτης.

[5]) Въ ркп. κατίσθιεν, но дальше κατέσθιεν.

[6]) Ркп. ἀποκτείνειν.

[7]) Въ ркп. πικρός.

[8]) Оставляемъ βασιλεύς, какъ въ ркп., хотя д. б. зват. падежъ.

Другое чудо святаго великомученика Георгія о дѣвицѣ, дщери царя, и о драконѣ. Владыко благослови.

Отъ чудесъ къ чудесамъ возвратимся святаго и славнаго великомученика Георгія[1]). Кто слыхалъ отъ вѣка, кто видалъ когда либо такое чудо, какое всеблаженнѣйшій мученикъ Георгій сотворилъ? Ибо еслибы не былъ съ нимъ Богъ, то не сотворилъ бы столько чудесъ. Случилось же во времена оны, что былъ царемъ надъ ними Селвій по имени, злой и идолопоклонникъ, не жалѣвшій и не миловавшій вѣрующихъ во Христа; но по злымъ дѣламъ ихъ воздалъ имъ Богъ. А близъ того города находилось озеро, имѣющее много воды, а въ томъ озерѣ завелся злой драконъ, и каждый день выходя драконъ пожиралъ людей. И собралъ царь всѣ войска свои, чтобы воевать дракона и убить его; и такъ какъ они не могли (его одолѣть), то онъ, по прежнему ихъ пожиралъ и жестоко притѣснялъ. Собрался весь городъ къ царю и говоритъ: «Житье въ этомъ городѣ добро и красно, а мы жестоко погибаемъ: ты же, государь, ужели не озаботишься о

---

[1]) Сл. начало чуда въ сборникѣ гр. Уварова (F. № 349, л. 109 и слѣд., XVI в.): «Отъ чудесъ на чудеса пріидемъ». Г. Кирпичниковъ (l. c. стр. 58) заключаетъ изъ этихъ словъ, что чудо уваровскаго списка составляло часть какого-то обширнаго сочиненія. Чудо авросіанской рукописи, дѣйствительно, стоитъ въ ряду другихъ, приписанныхъ св. Георгію (чудо съ пафлагонскимъ мальчикомъ, чудо со змѣемъ, чудо съ крестьяниномъ Ѳеопистомъ), но, на сколько можно судить по выпискамъ у г. Кирпичникова, уваровскій текстъ значительно разнится по редакціи.

τούτου»[1]); — Καὶ εἶπεν ὁ βασιλεύς· «δότε ἀπογραφὰς ἕκαστος, καὶ δότε τὰ νήπια ὑμῶν, καὶ ἔχω κἀγὼ θυγατέραν[2]) μονογενῆ καὶ δίδωμι αὐτὴν ὡς καὶ ἡμεῖς. καὶ μὴ ἐκριφῶμεν[3]) ἐκ τῆς πόλεως ἡμῶν»[4]). — Καὶ ἤρεσεν ὁ λόγος τοῦ βασιλέως τοῖς πᾶσιν. καὶ ἤρξατο ἕκαστος δίδη[5]) τὰ νήπια αὐτῶν, ἕως οὗ εἰσῆλθεν ἕως τοῦ βασιλέως τὸ πρόσταγμα. ὁ δὲ βασιλεὺς ἐνέδυσε τὴν θυγατέραν αὐτοῦ πορφύραν καὶ βύσσον[6]), καὶ κατεκόσμησεν αὐτὴν ποθεινῶς[7]) καὶ κατεφίλει αὐτήν, τοιαῦτα ὀλοφυρόμενος καὶ λέγων μετὰ δακρύων· «Ἄπελθε, μονογενὲς καὶ γλυκύτατόν μου τέκνον, εἰς βρῶσιν τοῦ δράκοντος. οἴμοι οἴμοι, γλυκύτατόν μου τέκνον, τὸ φῶς τῶν ἐμῶν ὀφθαλμῶν· τίνα, γλυκύτατόν μου τέκνον, περιβλέψομαι, ἵνα μικρὸν εὐφρανθῶ; οἴμοι, τέκνον, πότε γάμον ποιήσω; πότε παστὸν ποιήσω; πότε λαμπάδας ἀνάψω; πότε χοροστασίας εἴδω; πότε ὀργάνων μέλος κινήσω; πότε τοῖς πεινῶσιν ἄρτον ποιήσω; πότε καρπὸν τῆς κοιλίας σου ὄψομαι; οἴμοι, οἴμοι, πορεύου, τέκνον, δίχα χεὶρ τοῦ[8]) θανάτου ἀποχωρίζει με»[9]). τότε λέγει ὁ βασιλεὺς πρὸς πάντα τὸν λαὸν παρακλητικῶς[10])· «Λάβετε ἀργύριον καὶ χρυσίον καὶ τὴν βασιλείαν ἡμῶν καὶ ἄφετε τὸ γλυκύτατόν μου τέκνον». καὶ οὐδεὶς συνεχώρησεν αὐτῷ. τότε ὁ βασιλεὺς ἀπέλυσεν αὐτὴν εἰς βρῶσιν τοῦ θηρίου. καὶ συνέδραμεν πᾶσα ἡ πόλις ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου αὐτῶν πρὸς θεωρίαν τῆς κόρης ἀπαγούσης[11]) εἰς τὸν δράκοντα. ὁ δὲ φιλάνθρωπος

---

[1]) τούτου· въ ркп.; но это д. б. вопросъ.

[2]) θυγατέραν въ ркп.

[3]) ἐκριφῶμεν въ ркп.

[4]) Въ ркп. ὑμῶν.

[5]) Такъ въ ркп.

[6]) Ркп. βίσσον.

[7]) Ркп. ποθυνὸς.

[8]) Ркп. δίχαχῆρσυ. По догадкѣ пишемъ: δίχα χεὶρ τοῦ.

[9]) Ркп. ἀποχωρίζαιμε.

[10]) Ркп. παρακλητικὸς.

[11]) Оставляемъ ἀπαγούσης, какъ въ ркп., хотя смыслъ требуетъ страд. формы. Не читать-ли: ὑπαγούσης въ смыслѣ новогреч., т. е. идущую?

томъ?» — А царь сказалъ: «Пусть каждый изъ васъ дастъ записку и дастъ дѣтей своихъ; а имѣю и я дочь единородную и даю ее, какъ и вы: да не будемъ мы извергнуты изъ нашего города». А понравилась рѣчь царя всѣмъ, и каждый сталъ давать своихъ дѣтей, пока дошелъ и до царя приказъ. И царь одѣлъ дочь свою въ порфиру и вуссонъ, и убралъ ее съ любовью и цаловалъ ее, такъ вопія и говоря со слезами: «Иди, единородное и сладчайшее чадо мое, на съѣденіе дракона. Горе мнѣ, горе мнѣ, сладчайшее чадо мое, свѣтъ моихъ очей! О комъ мнѣ озаботиться, сладчайшее мое чадо, чтобъ получить хоть малую радость? Увы мнѣ, чадо, когда устрою я бракъ? когда изготовлю брачное ложе? когда зажгу свѣчи? когда увижу хоры? когда подыму звуки на мусикійскихъ орудіяхъ? когда испеку хлѣбы для алчущихъ? когда узрю плодъ чрева твоего? Увы, увы, иди чадо, рука смерти разлучаетъ меня (съ тобою)». Тогда царь говоритъ ко всему народу умоляющимъ голосомъ: «Возьмите сребро и злато и царство наше и отпустите мое сладчайшее чадо». А никто не согласился съ нимъ. Тогда царь отпустилъ ее на пожраніе звѣрю. И сбѣжался весь градъ ихъ отъ мала до велика поглядѣть на дѣвушку, отводимую къ дракону. Но человѣколюбецъ

καὶ φιλάγαθος θεός, ὁ θέλων δεῖξαι σημεῖα διὰ τοῦ ἁγίου καὶ μεγαλομάρτυρος Γεωργίου ......[1]) κατὰ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον ἦν ὁ ἅγιος ἐν τῷ φοσσάτῳ, ὡς ἔχων ἐξουσίαν κομενταρισίου, ἐγένετο ἀπολυθῆναι[2]) τὸν στρατιώτην. ἤρχετο γοῦν ὁ μακάριος Γεώργιος ἐπὶ τὴν Καππαδόκων χώραν πρὸς τὴν ἰδίαν πατρίδα, καὶ κατ' οἰκονομίαν θεοῦ [καὶ ἐν τω τόπῳ ἐκείνῳ][3]) ἐξέλευσεν ἐν τῇ λίμνῃ ἐκείνῃ ποτίσαι τὸν ἵππον αὐτοῦ. καὶ εὑρίσκει τὴν κόρην καθημένην καὶ κλαίουσαν. καὶ λέγει αὐτῇ[4])· «Γύναι, τί κλαίεις, καὶ τί καθέζῃ ἐνθάδε»; — ἡ δὲ κόρη λέγει αὐτῷ· «Ὁρῶ σε, κύριε, ὡραῖον καὶ τῇ ἡλικίᾳ καὶ τῇ καταστάσει, καὶ τῇ ἀνδρείᾳ δόκιμον[5]). καὶ ὧδε πῶς εἰσῆλθες; ἄνελθε, κύριέ μου, ἐπὶ τοῦ ἵππου καὶ ἀναχώρει ἐν τάχει». — Λέγει αὐτῇ[6]) ὁ ἅγιος· «εἰπέ μοι, γύναι, [καὶ][7]) τίς εἶ σύ, καὶ τίς ὁ λαὸς ὁ καθήμενος καὶ κλαίων»; — καὶ λέγει αὐτῷ[8]) ἡ κόρη· «πολλὴ ἡ ἀφήγησις τοῦ λόγου, κύριέ μου. ἄπελθε ἐν τάχει». — Λέγει αὐτῇ[9]) ὁ ἅγιος· «εἰπέ μοι, κόρη, οὐ μή σε ἐγκαταλείπω, σὺν σοὶ ἀποθανοῦμαι». τότε λέγει αὐτῷ[10]) ἡ κόρη· «κύριε, ἡ κατοίκησις τῆς πόλεως ταύτης καλὴ καὶ ἀγαθή, καὶ ἐν τῷ ὕδατι τούτῳ ὃ σὺ ὁρᾷς δράκων δεινὸν θηρίον κατοικεῖ ἐν αὐτῷ[11]), καὶ κατεσθίει τὸν λαὸν τῆς πόλεως ταύτης· κἀγὼ ὑπάρχω βασιλέως θυγάτηρ μονογενὴς τοῦ πατρός μου. καὶ ἐξέδωτο δόγμα ὁ πατήρ μου καὶ ἔδωκαν πάντες τὰ νήπια αὐτῶν εἰς βρῶσιν τοῦ δράκοντος, καὶ ἦλθε καὶ πρὸς τὸν πατέρα μου. καὶ ἀπέστειλέ με εἰς βρῶσιν τοῦ δράκοντος. νῦν ἰδοὺ εἶπόν σοι

---

[1]) Послѣ Γεωργίου смыслъ предложенія прерванъ, почему я и поставилъ точки.

[2]) Ркп. ἀπολυθεῖσαι.

[3]) Слова, поставленныя нами въ скобки, повидимому, лишнія.

[4]) Ркп. αὐτήν.

[5]) Ркп. δόκιμος.

[6]) Ркп. αὐτὴν.

[7]) καὶ въ ркп. тутъ находимъ лишнимъ.

[8]) Ркп. αὐτὸν.

[9]) Ркп. αὐτὴν.

[10]) Ркп. αὐτὸν.

[11]) Ркп. ἐν ταὐτῷ.

и благолюбецъ Богъ, желающій показать знаменія чрезъ святаго и великомученика Георгія... Въ то время находился святый въ воинствѣ, имѣя званіе коментарисія[1]), (и) случилось, что воинъ сей былъ въ отпуску. Итакъ шелъ блаженный Георгій въ страну Каппадоковъ, въ свою родину, и по Божіему устроенію вышелъ [въ томъ мѣстѣ] къ тому озеру напоить коня своего. И находитъ дѣву сидящею и плачущею, и говоритъ ей: «Жена, что ты плачешь, и зачѣмъ сидишь здѣсь?» А дѣва говоритъ ему: «Вижу, господинъ, что ты въ порѣ и по возрасту и по осанкѣ, да и мужествомъ отличаешься; и какъ ты сюда пришелъ? Сядь, господинъ мой, на коня и поспѣшно уѣзжай». Говоритъ ей святый: «Скажи мнѣ, женщина, кто ты и что это за народъ сидитъ и плачетъ?» Говоритъ ему дѣвица: «Долго разсказывать, господинъ мой: уходи поспѣшно». Говоритъ ей святый: «Скажи мнѣ это, дѣвица: не оставлю я тебя, съ тобою умру». Тогда говоритъ ему дѣвица: «Господинъ, населеніе сего города добро и красно, а въ этой водѣ, что ты видишь, живетъ страшный звѣрь драконъ и пожираетъ народъ этого города, а я дочь единородная царя отца моего; и издалъ отецъ мой указъ и всѣ отдали дѣтей своихъ на пожраніе дракону, и дошло и до моего отца; и отослалъ меня на пожраніе дракону. Теперь вотъ я все тебѣ сказала.

---

[1]) Въ чудѣ съ крестьяниномъ Θеопистомъ, изданномъ Болландистами по нашей рукописи (AAss. April. III, стр. XXXIII—V Прилож.), о Георгіи говорятъ его люди: Νέος Κόμης ἐστί. Λέγει αὐτοῖς ὁ Θεοπίστος· Ὁ Κόμης τοιαύτην παρρησίαν ἔχει; Ὁ δὲ πρὸς αὐτὸν ἀπεκρίνατο, ὅτι ὁ βασιλεύς, ὡς χρήσιμον αὐτοῦ δοῦλον, οὐ μόνον τὴν κομμενταρίαν αὐτῷ ἐχαρίσατο, ἀλλὰ καὶ πάντα ἐπισκοπεῖν αὐτῷ δέδωκε. Κομενταρία dici videtur praefectura super κομενταρισίους, замѣчаютъ Болландисты (сл. Ducange, Gloss. a. v. κομενταρία и κομενταρήσιος); въ нашемъ чудѣ самъ Георгій является коментарисіемъ.

πάντα. ἔξελθε τάχειον, κύριέ μου, μὴ κακῶς ἀποθάνῃς ἐνταῦθα»[1]).— Ἀκούσας δὲ ταῦτα ὁ μακάριος Γεώργιος εἶπεν· «καὶ τίνα θεὸν σέβεται ὁ πατήρ σου καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ»; — Καὶ ἡ κόρη λέγει· «Ἡρακλῆν[2]) τε καὶ Ἀπόλλωνα[3]) καὶ Σκάμανδρον[4]) καὶ τὴν μεγάλην Ἄρτεμιν»[5]). — Καὶ ὁ ἅγιος Γεώργιος λέγει· «μὴ φοβοῦ, ἀλλὰ θάρσει». Καὶ ἦρεν[6]) ὁ ἅγιος τὴν φωνὴν αὐτοῦ τοιαῦτα λέγων πρὸς τὸν θεόν· «ὁ θεός, ὁ καθήμενος ἐπὶ τῶν χερουβὶμ καὶ ἐπιβλέπων ἀβύσσους, ὃν τρέμουσιν αἱ νοεραὶ πᾶσαι δυνάμεις τῶν ὑπὸ σοῦ κτισμάτων, ὁ ὢν καὶ μένων ἀληθινὸς θεός, αὐτὸς γινώσκεις, καρδιογνῶστα, τοὺς λογισμοὺς τῶν ἀνθρώπων, ὅτι εἰσὶν μάταιοι, ὁ δείξας φρικτὰ σημεῖα τῷ θεράποντί σου Μωϋσῇ[7]), δεῖξον καὶ μετ' ἐμοῦ τὰ ἐλέη σου καὶ ποίησον μετ' ἐμοῦ σημεῖον εἰς ἀγαθόν, καὶ ὑπόταξον τὸ δεινὸν θηρίον ὑπὸ τοὺς πόδας μου, ἵνα γνῶσιν ὅτι μετ' ἐμοῦ εἶ. Καὶ ἦλθεν αὐτῷ φωνὴ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ λέγουσα· Γεώργιε, εἰσηκούσθη ἡ δέησίς σου[8]) εἰς τὰ ὦτα κυρίου. ποίει ὃ βούλει, ἐγὼ γὰρ εἰμὶ μετὰ σοῦ. Καὶ εὐθέως ἐβόησεν ἡ κόρη· οἴμοι, κύριε, ἔξελθε ἐνταῦθα[9]), ὁ πονηρὸς δράκων ἐξέρχεται ἐκ τῆς λίμνης. Ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος, δραμὼν εἰς ἀπάντησιν τοῦ δράκοντος, ἐποίησεν τὸν τύπον τοῦ τιμίου σταυροῦ εἰπών· «Κύριε ὁ θεός μου, μετάβαλε τὸ θηρίον τοῦτο εἰς ὑπακοὴν πίστεως τοῦ ἀπίστου λαοῦ τούτου». Καὶ τοῦτο εἰπών, τῇ συνεργείᾳ τοῦ θεοῦ ἔπεσεν ὁ δράκων ἐπὶ τοὺς πόδας αὐτοῦ, καὶ λέγει τῇ κόρῃ· «Λῦσον τὴν ζώνην σου καὶ τὸ σχοινίον τοῦ ἵππου μου καὶ ἄγαγέ μοι ὧδε». Καὶ λύσασα ἡ κόρη ἔδωκεν τὸν ἅγιον Γεώργιον καὶ ἔδησεν τὸν δράκοντα καὶ δέδωκεν αὐτὸν τῇ κόρῃ λέγων· «Ἄγωμεν ἐν τῇ πόλει». Καὶ λαβοῦσα ἡ κόρη τὸν δράκοντα,

---

1) Ркп. ἐντεύθε.

2) Ркп. ἡρακλὴν.

3) Ркп. ἀπόλωνα.

4) Ркп. σκάμανδρον.

5) Ркп. ἀρτέμην.

6) Ркп. ἧρεν.

7) Ркп. μῶσή.

8) Ркп. δεήσή σου.

9) Ркп. ἐνταύθα. Можно бы ждать ἐντεῦθεν.

Уходи скорѣе, господинъ мой, чтобъ не умереть тебѣ здѣсь злою смертью». Услышавъ сіе блаженный Георгій сказалъ: «А какого бога почитаетъ отецъ твой и его люди?» И дѣвица говоритъ: «Иракла и Аполлона и Скамандра и великую Артемиду». А святый Георгій говоритъ: «Не бойся, но бодрись». И святый возвысилъ голосъ свой, такъ говоря къ Богу: «Богъ, возсѣдающій на херувимахъ и взирающій на бездны, котораго трепещутъ всѣ умныя силы изъ сотворенныхъ тобою, сущій и пребывающій истинный Богъ, самъ вѣдающій, сердцевѣдче, помышленія людей, что они суетны, явившій страшныя знаменія рабу своему Моисею, яви и надо мною милости свои и сотвори надо мною[1]) знаменіе на благо, и покори подъ ноги свои ужаснаго звѣря, да вѣдаютъ что ты со мною». И пришелъ къ нему гласъ съ небеси, говорящій: Георгій, услышано моленіе твое ушами Господа: дѣлай, что хочешь, ибо я съ тобою. И тотчасъ воскликнула дѣвица: «Увы, господинъ, выходи отсюда; лукавый драконъ выходитъ изъ озера». Святый же Георгій, побѣжавъ на встрѣчу дракону, сотворилъ знаменіе честнаго креста и сказалъ: «Господи Боже мой! Измѣни сего звѣря, да покорится вѣрѣ сей невѣрный народъ». И когда онъ это сказалъ, при содѣйствіи Божіемъ палъ драконъ къ его ногамъ, а онъ говоритъ дѣвицѣ: «Развяжи свой поясъ и привязь коня моего и поведи мнѣ сюда». И дѣвица, развязавъ, отдала святому Георгію, и онъ связалъ дракона и отдалъ его дѣвушкѣ, говоря: «Поведемъ въ городъ». И взявъ дѣвица дракона,

---

[1]) Во всѣхъ трехъ случаяхъ по-греч. «со мною».

ἤρχετο ἐπὶ τὴν πόλιν. ἰδὼν δὲ πᾶς ὁ λαὸς τὸ παράδοξον θαῦμα, ἔφυγον ἅπαντες διὰ τὸν φόβον τοῦ δράκοντος. ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος ἐβόα λέγων· «Μὴ φοβεῖσθαι ὑμεῖς, ἀλλὰ στήκατε καὶ ὁρᾶτε τὴν δύναμιν τοῦ θεοῦ μου». Τότε λέγει ὁ ἅγιος· «Πιστεύετε εἰς τὸν θεόν, ὅς ἐστιν κύριος Ἰησοῦς Χριστός, καὶ ἀποκτενῶ τὸν δράκοντα». Τότε ἐβόησεν ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ μεγιστάνες αὐτοῦ σὺν τῷ λαῷ· «Πιστεύσωμεν εἰς τὸν θεόν σου, καὶ σῶσον ἡμᾶς». Τότε ὁ ἅγιος, προσκαλεσάμενος τὸν ἐπίσκοπον Ἀλέξανδρον, ἐβάπτισεν τὸν βασιλέα καὶ πᾶσαν τὴν πόλιν ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου αὐτῶν τὸν ἀριθμὸν τεσσαράκοντα[1]) χιλιάδας. καὶ ἐγένετο χαρὰ μεγάλη ἐν τῇ πόλει ἐκείνῃ. Τότε ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ ἄρχοντες ἤγειραν ναὸν εἰς ὄνομα τοῦ μεγαλομάρτυρος Γεωργίου. Τότε ὁ ἅγιος, εἰσελθὼν εἰς τὸν (αὐτοῦ) ναὸν τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ ἐσφράγισεν τὸ βῆμα, καὶ ἀνέβλυσεν πηγὴ ἁγιάσματος, καὶ ἔστιν εἰς ἴασιν ψυχῶν καὶ σωμάτων διὰ τῆς δοθείσης αὐτοῦ χάριτος. Τότε ὁ ἅγιος Γεώργιος ἀνεχώρησεν εἰς τὴν ἰδίαν χώραν, δόξαν ἀναπέμπων Χριστῷ τῷ θεῷ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

---

[1]) Ркп. σσαράκοντα.

шла къ городу. Весь же городъ, увидавъ сіе неожиданное чудо, весь убѣжалъ отъ страха къ дракону. Святый же Георгій восклицалъ, говоря: «Не бойтесь, но остановитесь и взирайте на силу бога моего». Тогда говоритъ святый: «Вѣруйте въ бога, который есть Господь Іисусъ Христосъ, и я умерщвлю дракона». Тогда возгласилъ царь и вельможи его съ народомъ: «Увѣруемъ въ бога твоего и спаси насъ». Тогда святый, призвавъ епископа Александра, окрестилъ царя и весь городъ ихъ отъ мала до велика, числомъ сорокъ тысячъ, и произошла радость великая въ городѣ томъ. Тогда царь и волостели воздвигли храмъ во имя великомученика Георгія. Тогда святый, вошедъ въ свой храмъ, имени его, запечаталъ олтарь, и вышелъ источникъ освященія, и служитъ онъ во исцѣленіе душъ и тѣлесъ, чрезъ данную ему благодать. Тогда святый Георгій отправился въ собственную свою страну, возсылая славу Христу Богу нашему, которому слава и могущество нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ, аминь.

VI.

Чудо св. Георгія.

(По Cod. latinus monacensis 14473, s. XII.)

Incipit prologus in passionem S. Georgii. Cum sevissimorum principum Diocletiani et Maximiani in dei famulos inmanis tyrannitas deseviret, ut ubicunque terrarum christicole fuissent inuenti uel diis mortalibus libamina offerrent uel diuersis suppliciis macerati spiritum exhalarent, omnipotentis dei clementia suos famulos cunctis actibus corroborabat, ita ut nec minis possent terreri, nec per diuersorum tormentorum genera ad deorum culturam compelli, sed coram regibus et tribunis assistentes intrepidi Christum dei filium deum uiuum et uerum asserebant, pro nobis passum, a perfidis judeis crucifixum, mortuum et sepultum, et die tertia resurrexisse a mortuis non negabant, in cujus nomine signa et mirabilia facientes innumerabilem multitudinem paganorum ad christianam religionem in dies conuertebant.

Inter quos gloriosissimus martyr Christi Georgius inter cetera miracula que fecerat unum quidem famosissimum et admodum dignum memoria operatus est miraculum, quod caritati uestre, dilectissimi, non longinarrantibus nec sermonibus phaleratis, sed potius intelligibilibus conpendiose studium est exarare. Erat itaque in provincia Cappadocie civitas quedam decora nimis et innumerosa populorum multitudine referta et tam edificiis quam ipsius loci natura munita, que nomine Lasia vocabatur. In hac vero civitate regnabat quidam rex nomine Sevius, qui devota mente omnique deuotione cum suis subjectis ydolorum simulacris deserviebant et a Deo uiuo et uero penitus alieni; quorum delicta deus corrigens, ut castigatos per famulum suum Georgium ad sancte trinitatis agnitionem deduceret, inmisit pestem mortiferam a qua pene interficiebantur uniuersi.

Erat enim prope ciuitatem maris stagnum de quo inmense magnitudinis draco exiens propinquos morsu uel amplexu caude, remotos uno solo afflatu intimebat. Contra quem pugnaturus rex cum omni exercitu singulis diebus exiens non prius abscedebat, quam amissis pluribus, et in fuga conversus, tamquam uictum intra murorum claustra cum paucis se reciperet. Videns autem populus quod minime aduersus draconis inmanitatem resistere possent, excogitaverunt deorum indignationem hostiis esse placandam. Tunc demum noscentes suis peccatis ad eos puniendum depremissis pestiferum draconem a diis esse transmissum, currunt omnes ad regem lamentantes et dicentes: Ve nobis, qua mala morte perimus! nec est qui nos adjuvet atque ab inminente nos posset morte liberare. Habemus enim regem, qui cum cottidie nos ab ingenti dracone videat interfici, nec nobis consulit, nec subuenit civitati, sed paratus ad pugnam equi flectens habenas se intra urbis menia securum reponit. Ecce nunc cogimur inuiti patrium solum derelinquere et in alienis partibus peregrinari et cum ignotis et externis nostram ponere habitationem! Heu, heu, civitas amena, habitatio delectabilis, sedes quietis, bonis omnibus copiosa! huc usque populoso accessu frequentata, nunc autem a tuis civibus in solitudine deferenda! Quid faciemus, miseri? Cur unquam fuimus in tali sede locati? Utinam vilissimi cujusdam oppidi essemus alumpni, ne nos tam cito ejus destitutionis pigeret!

Ad hec rex terrore concusssus et ingentis ire dolore commotus, surgens in medium, locum altiorem ascendit, et manu silentium indicens, capit consilium quod optimum pro tempore uidebatur. Facto uero silentio, ait: E duobus periculis instantibus alterum nobis eligendum est quod minus mali minusve afferat nocumenti. Sumus enim in tali articlo constituti, quod aut omnes nefandissime mortis periclo subjacemus, aut patriam in breui nos oportet destituere; ne id, quod deterius est, incurramus periclum, quod minus noxium est spontanea voluntate subigamus. Igitur nostro consilio prebeatis assensum, quod, quamuis videatur ama-

rum, poterit tamen miseratione deorum in melius evenire. Est equidem consilium nostrum, ut per dies singulos puer unus in egressum draconis exponatur in holocaustum, quem draco ueniens devoret, nec amplius querat quod manducet, et sic tota gens ab iniqua peste poterit illesa permanere. Melius est nos per diem unum puerum draconi tradere, quam nefaria nece simul omnes interire, aut ignotas regiones peragrare. Cumque omnes filii nostri fuerint expositi, et ego unicam filiam quam habeo exponam draconi ad deuorandum. De deorum misericordia confido qui sui numinis potentiam teste probari letantur, quod tam flebile principium melior fortuna sequatur. Placuit uerbum regis omnibus in tantum, ut ejus consilium adimpleri cupientes certatim proprium filium quilibet exponerent, quousque ad regiam filiam deuenerunt. Mox autem rex indignum reputans sententiae, quam dederat, obviare, jussit filiam suam quo cultu sponso esset tradenda preparari et ornatu ditissimo praeparatam in sui presentiam adduci. Confestim qui regio lateri assistebant surgentes eam juxta regis preceptum auro multo gemmisque preciossimis ornatam suo conspectui presentabant. Quam rex intuens nequaquam se amplius a lacrimis potuit continere, sed in luctum prorumpens amarum exclamavit dicens: Hactenus ex te, filia mea dulcissima, sperabam nuptias celebres agere, sperabam te sponso stabili conjugio copulare, sperabam ex te filios concipere qui mihi in successionem regni succederent et mei regni gubernacla retinerent. Sed ecce nunc non gaudium, non letitiam prestas, sed luctum et merorem largiris amarum. Non nuptias, utpote sperabam, celebro, sed exequiis tristibus operam impendo. Non te uiro copulo socio maritali, sed, quod miserrimum est, in escam monstro te trado nefando. Non me nepotum progenitorem facis, sed me infelicem derelinquis orbatum. Sic rex inenarrabiliter lamentabatur, nequibat tanto dolori moderari, nec suis questibus imponere finem. Ceterum inter sapientes nota referre uidetur esse superfluum, et prolixitas solet sepius lectori fastidium inferre, quam auditoris animum delectare; ideo utrumque resecan-

tes, regis lamenta breviter percurrimus et ad rei finem peruenire properamus. Post haec autem conuertet se rex ad populum dicens: Auri sexcenta centena milia uobis largiar et etiam ipsum regnum pro unigenita filia mea conmutare non refugio, si eam permiseritis abire illesam. Ad hec una uoce populus uniuersus respondit: Nequaquam erit sic, sed ut nostri filii, ita et uestra deuoretur. Tunc uidens rex suam sententiam minime in irritum posse reuocari, precepit, licet unuitus, ut in egressum draconis filia ejus deponeretur. Et ipse cum omni populo e partibus remotis rei prestolabatur euentum. Sed pius et misericors dominus, qui non uult mortem peccatoris, sed ut conuertatur et uiuat, dignatus est sue mire potentie uirtutem ostendere, ut qui demonum supplices erant et deuoti, ad fidem deduceret christianam.

Contigit itaque ut adleta Christi egregius martyr Georgius inde iter faciens paululum a uia declinaret, uolebat enim equm adaquare; et intrans stagnum uidit regiam uirginem ibi sedentem, sicut superius diximus esse ornatam, a qua sciscitabatur, cur esset ibi destituta et quid populus longe positus exspectaret. Cui mox virgo respondens ait: Domine mi, non possum tibi quesite cause ponere rationem, quia vite mee finis et vestre etiam, ni festinanter abieritis: supereminet qui me diu prohibet tecum fabulari. Sed hoc unum te deprecor, ut hinc quantocius abscedas, ne pessima morte moriaris: es equidem miles uenusto aspectu et facie nimis decora, quem uiuere conuenit et non mori, quem potius imperatoria decet majestas, de cujus morte inimicus etiam, si quis esset, doleret. A[d] quid huc venisti mori, miles pulcherrime? miserere tui et meis dictis acquiescens hinc procul fuge velociter, ne et tu ab insana fera capiaris. — Ad hoc Christi martyr Georgius respondit: O virgo, noli ex me misericordiam habere, nec mei te pigeat interitus, sed indica mihi quare sis hic exposita et quid populus illic congregatus attendat. Tunc puella dixit ei: Domine mi, in hac aqua natus est draco inmanis, qui pene totum hujus ciuitatis populum interficiebat, unde factum est, ut omnes irruerent in regem et dicerent: Domine, salua nos,

perimus! Fecit rex edictum, ut sigillatim quilibet proprium filium draconi traderet, ultimo vero me, unicam filiam suam, se spopondit daturum; quod hilari animo executioni mandantes regis edictum adimpleuerunt. Postmodum uenerunt omnes ad regem repetentes ut me, pro ut promiserat, draconi mitteret ad deuorandum. Rex, ilico eorum petitionibus satisfaciens, huc me draconi direxit in escam, et ipse cum omni populo sedet procul, attendens quid de me sit draco malignus acturus. Ecce utriusque rei causam audisti; discede festinus, ne male similiter intereas! — Audiens hec sanctus Georgius dixit: Pater tuus quem adorat? quem colit? cui immolatur? Respondet puella: Pater meus et uniuersa ciuitas diis immortalibus Joui et Mercurio et Apollini grata offerunt libamina. Sanctus Georgius dixit: Isti non sunt dii, sed demones maligni qui ducunt homines ad interitum et nemini subuenire queunt. Tu enim in omnipotentis Dei gratia et misericordia confidens respue idola uana et simulacra muta et credas in Dominum Jesum Christum qui te hodie ab imminenti morte liberabit. Et eleuatis oculis sursum in celum dixit: Domine deus qui sedes super Cherubin intuens abyssos, qui es uerus deus et homo ex uirgine natus, qui nosti omnia antequam fiant, qui virgam Moisy famuli tui in draconem et uersa uice draconem in aridum lignum vertisti, digneris per me misericordiam tuam ostendere et fac mecum signum in bonum, ut uideant omnes et cognoscant quia tu es deus solus qui facis mirabilia, et non est alius preter te. Et subito factus est sonitus aquarum magnus et terrore puella conuersa uoce magna exclamauit dicens: Domine, fuge, quia ecce draco malignissimus adpropinquat. Tunc Sanctus Georgius sancto crucis signaclo se protegens iuit in occursum ejus et ait: Domine Jesu Christe, da mihi uirtutem tuam, ut hodie hujus draconis caput conteram, et sciant omnes quia tu mecum es et laudent nomen tuum benedictum in secula seculorum. Ad hanc uocem ueniens draco mitissimus, ut agnus, et omni ferocitate deposita in terram se ad pedes eius proiecit; et sanctus ait puelle: Solue comas tuas et prebe mihi cordas tricarum tuarum. Puella uero festinanter suis obtempe-

rans mandatis, dissolutis crinibus tradidit sancto que postulauerat. Beatus Georgius acceptis comarum redimiclis ligauit draconem et tradidit puellae dicens: Accipe eum in nomine domini mansuetum et pium et humile[m] et perge secura. Puella autem omni formidine abjecta de manu sancti draconem accepit et abiit in ciuitatem suam gaudens. Uidens populus tantum ac tale miraclum terrore perculsi fuge terga dederunt. Martyr autem Christi Georgius clamans post eos dixit: Viri, nolite timere, sed state confidenter, quia inuocato Trinitatis nomine uidebitis mirabilia dei. Ad hanc uocem populus conuersus steterunt omnes, intuentes eum. Quibus sanctus ait: Credite in deum patrem omnipotentem et in Jesum Christum filium ejus natum ex Maria virgine, passum sub Pontio Pylato, crucifixum, mortuum et sepultum, tertia die resurrexisse a mortuis, et in Spiritum Sanctum, sanctam ecclesiam katholicam, sanctorum communionem, remissionem peccatorum, carnis resurrectionem, et ego occidam draconem istum et non amplius uobis erit nociuus.

Responderunt omnes uno ore dicentes: o miles fortissime! Credemus Deum patrem omnipotentem et Jesum Christum filium ejus et Spiritum Sanctum, tres personas et unum deum esse. Ad hec autem porrigens manus beatus Georgius pilo draconis fauces transfixit et euaginato gladio ejus caput amputauit. Tunc omnes unanimiter gaudio repleti cucurrerunt laudantes et benedicentes nomen uiuentis in secula, qui est benedictus et mirabilis in sanctis suis et dat uirtutem et fortitudinem credentibus in eum calcandi super serpentes et scorpiones, et non eis nocere possunt; et prosternentes se ad pedes Christi martyris dicebant: Sancte Georgie famule Dei, baptiza nos in nomen illius quem predicas. Et statim beatus Georgius aduocauit ad se Alexandrum episcopum, cum quo in XV dierum spacio baptizavit regem et optimates regni et alios viros numero quadraginta milia hominum. Qui ingenti gaudio repleti ad honorem domini nostri Jesu Christi et gloriosissimi martyris Georgii ecclesiam mirabili fabrica decoratam constituerant. Ad quam beatus Georgius ueniens, Spiritus

Sancti gratia cooperante, ibidem aliud operatus est miraculum. Nam cum paganorum multitudo ad eum confugerent et baptismatis gratiam instanti preci postularent, ante altare beatus Georgius ueniens factoque signaclo crucis in terram, largissime aque fontem uiuum eduxit, de quo in Spiritu[s] Sancti gratia renati sunt uniuersi. Cujus fontis aque in se uirtutem tantam habuerunt, ut quicunque in deum credens ex his haustum sumeret, fieret sanus a quacunque detineretur infirmitate. His ita in jam dicta ciuitate peractis, ut alias diuini uerbi semen diffunderet, sanctus ceperat ad propria remeare.

VII.

Ci coumence la vie saint iorge.

(По рвп. СПБ. Имп. Пуб. Библ. Mss. Franç. Théologie, F. v. 4D.)

(f. 156. r. a.) Vraiement raconte la devine page que quant li saint home se penoient et esforcoient de acroistre et d'essaucier la sainte loi nostre seignor Jesu Crist, si com vos auez oi, uns rois estoit em Perse qui Datyens estoit apelez. A celui roi entra li deaubles ou cors, qui riches estoit et puissanz; si manda et coumanda que tuit li prevost venissent a lui et li bailli qui estoient en son roiaume. Quant tuit furent assamble et venu, Datyens li empereres, qui plains estoit de grant desverie, coumenca oiant touz a dire: Si ie truis en ceste cite crestien qui noz diex ne voillent aourer ne a aus faire sacrefices, ie li ferai les ieux creuer et la teste couper et les membres ardoir. Quant il ot ce dit et tuit cil qui la estoient se taisoient, il coumanda que tuit li mestre feure de la vile venissent a lui, si feroient engiens por crestiens destruire et ocirre. Quant il furent venu devant lui, il lor coumanda qu'il feissent agues espees et tenailles de fer por denz tirer et rasoirs tranchanz a escorchier.

Et si coumanda quil feissent une roe de fer ou il eust broches de fer agues et espees tranchanz et autres plusors engins, que ie ne sai mie nomer. Et quant ce virent cil de la vile que li rois coumandoit a faire les mervoilles tiex et si granz, il n'i ot celui qui osast dire quil fust crestiens.

En cel ior et en cel tens estoit .I. home en la contree de Capadoce qui avoit non Iorges. Cil assambla molt d'or et s'apensa qu'il iroit en la cite de Militainne ou Datyens li empereres estoit. Quant il i vint on- (f. 156 r. b) ques ne daingna ydoles aourer, ainz coumenca a estre molt dolanz et si dit a lui meismes: Que me profitera ce, se ie trespasse de cest siecle a granz richeces qui tost sont alees, et se ie sueffre en l'autre les painnes pardurables qui touz iorz durront? Quant il ot ce pense et dit, si prist l'or qu'il avoit assamble et avoc soi porte, si le departi et donna tout aus poures por l'amor nostre seignor, et puis vint a l'empereor Datyen et li dit. Rois datyens, ie te di por verite que ie suis crestiens, et si aour le dieu qui fist le ciel et la terre et la mer et toutes les choses qui enz sont, et si n'aor mie les ydoles ne les ymaiges qui sont sordes et mues, qui boches ont et pas ne parolent, et ont ieuz ne n'en uoient et oroilles ne n'oient, et narilles ont et neant n'en flairent ne ne sentent, et mains ont et nule chose n'atouchent, et pie, si n'en vont mie; et tuit cil qui les font et qui ont en eles fiance soient autretel com eles sont.

Quant li empereres Datyens oi ce, si fu molt corrociez et dit: Iorge que as tu? sez tu autre choses donc tu soies corrociez, ou as tu or mains de richesces que tu ne siaux avoir? Se tu viauz avoir seignorie ne dignite, ie la te donrai et bien saiches que ie en acomplirai toutes tes uolentez si que tu seras sires de sor moi en moy regne, mais que tu laisses cele mauuaise creance. Sainz Iorges li dit: Je ne quier ne ne voil auoir ta seignorie ne ta dignite, car ele est tost trespassee et alee, mes ie te di por verite que ie aoure dieu et croi, qui nos racheta de la mort pardurable. Datyens li empereres li dit: Certes ie sui molt dolanz de ta grant biaute qui definnera par gries tormenz et par cruiex painnes. Sainz

Iorges li dit. N'aies mie dolor de moi, mes de toi meismes, et demainne duel et de ton aaige et de ce que tu as perdue la lumiere, c'est ce que tu ne cognois nostre seignor Jesu Crist qui tout le monde forma et fist. Datyens li empereres li dit: Que paroles tu tant? fai mes volontez, et se tu ne les viauz faire et aemplir, je te iur par toz mes diex Gabeel et Apolin et Arrachel que ie te ferai tant de dolor souffrir, que tuit cil qui sont en terre i porront prendre example et avoir paor; et lors (f. 156 v. a) verrai se tes diex te porra deliurer de mes mains. Sainz iorges li respondi: Je croi tant en mon dieu qui me fist et forma, que il confondrat toi et tes fausses ymaiges. Donc coumanda Datyens li empereres que l'en le preist et menast a la roe quil avoit faite forgier et faire. Quant sainz Iorges uint a la roe et il la uit, si dit a lui meismes: Por quoi douteroie ie cez tormenz qui fin prendront et ne dureront mie pardurablement? Et lors coumenca a crier a haute voiz et a dire: Datyen, fai la volente dou deauble qui est tes peres; et puis si dit a lui meismes: Je sai bien que nostre sires Iesu Criz fu crucefiez entre les larrons por picheors deliurer de la mort pardurable. Et lors coumanda Datyens a lier le et a giter sor la roe et le fust accoller et a torner a grant force. Tantost com la roe fu escrolee a tornoier, ele trancha et parti le cors dou beneoit martyr en .x. pieces. Quant Datyens li empereres le uit, si li dit: Iorge ou est tes diex? vaigne auant, si t'aït et deliure de mes mains. Lors coumanda a prendre toutes les .x. pieces et a geter en .i. oscur puis desert et la bouche dou puis deseure a seeller d'une pierre. Quant ensi fu fait, li empereres s'en departi, si ala mengier, et tuit s'en departirent avoc l'empereor, que nus n'i demora. Et nostre sires Iesu Criz, qui piex est et misericors et n'oublie mie ses sers, uint deseure le puis a grant compaignie d'enges et d'archanges, et lors s'esmut la terre et trambla por l'auennement dou sauueor. Et lors apela nostre sires saint Michiel l'ange, si li dit quil descendist enz ou pui et si rasamblast les pieces et les membres de saint Iorge son serf et les meist devant lui. Et sainz Michiaux li archanges fist ensin com nostre sires li auoit

coumande. Et quant les pieces et li membre dou saint martyr furent devant nostre seigneur, il mist sa main deseure et si dit: Icel destre qui Adan le premier home fist et forma, cele meisme te resuscite. Et tantost li beneoiz martyrs se leua touz sains et touz haitiez, et adonc li dit nostre sires: George, ua t'en et si confont Datyen. Et lors s'en remonta nostre sires es ciaux avoc sa haute compaignie, et sainz Iorges sen reuint en la cite a grant ioie, si coumenca a haute uoiz a crier et a dire (f. 156 v. b): Datyen, ou sont ti torment cruel et tes gries painnes? Je sui Georges que tu feis partir en .x. pieces, mes nostre sires Iesu Criz uint a moi, si me resuscita par sa grant misericorde. Quant Datyens li empereres le uit, si en ot grant paor et si dit a ceus qui entor lui estoient, que ce n'estoit mie Iorges, aincois iert li esperiz de lui; li autre disoient que non estoit, aincois iert .I. hom samblables a lui. Sainz Iorges respondi et si dit: Saiches por verite que ie sui Iorges qui fui depeciez en .x. pieces et enz ou puis gitez. Uns chevaliers qui la estoit Magnantiens auoit non et mestres des chevaliers. Quant il uit saint Iorge qui ensi s'estoit reuenuz par la uolente nostre seignor, si crut en dieu le pere tout puissant par le haut miracle quil auoit apertement ueu, et s'atorna apres ce em petit de tens sa maisnie a uraie creance. Donc coumanda Datyens li empereres c'om preist saint Iorge, si le meist on et enclossist en la meson dune ueue fame qui pres d'illuec mennoit. Quant il i fu uenuz, il dit a la bone fame: Bonne fame, doune moi .I. pou de pain. Ele respondi: Biau sire, ie rien ai point et le bien saichiez que ceanz n'a pain. Sainz Iorges li dit: Quel dieu aoures tu et croiz? La fame li dit: Apollin. Et sainz Iorges li dit: Por ce que tu aoures Apollin n'as tu point de pain. Et cele fame, a cui il parloit et en cui meson il mennoit et ou il estoit menez, auoit .I. fil qui clos estoit et sorz et muz, et ele dit au saint home: Se tu puez faire que mes filz soit garis de ses granz enfermetez, ie crerai en ton dieu.

Lors s'en torna sainz Iorges uers l'enfant, si li dit: Ou non nostre seigneur Iesu Crist puisses tu parler et veoir et oir. Et

tantost coumenca li enfes a parler et a veoir et a oir. Et la fame prist a proier monseignor saint Iorge et si li dit: Biau sire, ie te proi que tu le faces aler. Sainz Iorges respondi: Por ce qu'il est mes tesmoinz de la haute puissance nostre seignor qui en lui est demostree, soit ta uolentez aemplie. Et lors entra sainz Iorges en la meson et coumenca ses oroisons a faire a damedieu; et tout maintenant qu'il les ot finees, si crut uns granz arbres en mi la meson et (f. 157 r. a) tant se hausca, qu'il trespassa toute la hautesce de la meson XV coudes, et desouz cel arbre se reposa mes sires sainz Iorges et li enge li aparoilloient et aministroient ce dont il auoit mestier.

Quant Datyens li empereres uit cel arbre, il se meruoilla molt que ce pooit estre. Et on li nonca et dit que cil arbres estoit nez et creuz en la meson ou Iorges estoit enclos. Et donc coumanda il que l'en veist que ce estoit. Quant li seriant i uindrent qui enuoie i estoient, si trouuerent une table que li enge i auoient mise et aparoilliee. Quant il orent ce ueu, si repairerent et si distrent a lor seignor ce qu'il auoient ueu. Lors coumanda li rois c'om alast tost et isnelement, si li amenast l'en deuant luj. Et quant il i fu amenez, on li demanda et dit: Iorge, di moi par quel mal engin tu destruiz tout ce pueple? Sainz Iorges li respondi: Nostre sires mes diex en cuj ie croi et aoure fait partout sa volente. Dacyens li dit: Est tes diex plus granz que Appollins? Sainz Iorges li respondi: Nostre sires est cil diex qui fist le ciel et la terre et la mer et toutes les choses qui enz sont, mais Appollins que tu aoures est sorz et muiauz et auugles, et coument puet il estre diex, quant il est tiex que a lui ne a autrui ne puet aidier? Datyens li dit: Se cil est verais diex que tu preeches et anonces et tu viauz que ie le croie, je ai. XIIII. sieges emperiaus en mon regne ouurez et entailliez de fust molt noblement: or proie ton dieu qu'il soient desfait et si devaignent aubre aussis com il furent devant, et que cil qui fruit portoient soient chargie de fruit et cil qui point n'en portoient aussi. Se tu puez ce faire, donc uerrons nos sa poeste que tu annonces. Sainz Iorges li dit: Je sai

que tantost com ie aurai finnee m' oroison, que nostre sires me donra ce que ie li requerrrai et que tu ni creras mie; mes nequedant por sa grant gloire demostrer et sa grant puissance l'em proierai ie et ferai mes oroisons. Et lors s'agenoilla a terre et proia molt saintement nostre seignor. Et quant il ot s'oroison finnee, la terre crolla et trambla et trestuit li siege emperial se descheuillerent et desioindrent, si deuindrent bel arbre et gent tuit chargie de (f. 157 r. b.) fruit et de fuelle si com il auoient devant este. Et touz li pueples qui la estoit et ce veoit gloirefioit et gratioit nostre seigneur et disoient: Molt est granz diex li diex que Iorges croit et aoure. Mais por ce ne crut mie Datyens li empereres, ainz dit que quan qu'il faisoit estoit par enchanterie. Et sainz Iorges li dit: Je faz toutes cez choses que tu voiz ou non dou pere et dou fil et dou saint esperit et non mie par mauues art si com tu croiz. Et Datyens li dit: Iorge, ie te proie et coumant que tu uaignes avoc moi et sacrefie aussi com ie ferai, et lors porras aler seurement la ou tu voudras. Et sainz Iorges li dit: A cui me coumandes tu que ie face sacrefices? Datyens li empereres li respondi: Je uoil que tu faces sacrefices a mes diex Appollin et Gabeel et Arachel. Saint Iorges li dit: Or fai que ti crieor assamblent toute la gent de ceste cite et ie sacrefierai a tes diex. Et quant Datyens oi ce, si fu meruoilles liez, car il cuidoit uraiement qu'il deust uaintre le saint home. Et lors la ueue fame qui deuant est nomee, qui saint Iorge auoit hebergie, porta son fil deuant le saint home et si li dit: Sainz Iorge qui mon fil qui muiaux estoit feis parler, et auugles et le renluminas, et sorz et le feis oir, coument puet ce estre que tu viauz sacrefier aus mues ymaiges et aus vainnes ydoles? Et nostre sires meismes te resuscita de mort a uie. Sainz Iorges li dit: Met ius ton fil que tu portes. Quant ele l'ot mis ius, si dit sainz Iorges a l'enfant: El non nostre seignor qui te fist parler et oir et ueoir te lieue et si ua au temple Appollin, si li di que Iorges li sers dieu li mande qu'il uaingne a lui. Tantost li enfes se leua et coumanca a aler grant aleure et a loer nostre seignor, tant qu'il uint ou temple ou

les ydoles estoient, et lors prist a parler a Apollin et si dit: Iorges li sers dieu t'apele et si te mande que tu uaignes a lui. Et quant li deaubles l'oi, il n'osa arester, ainz encoumença tout maintenant a uenir deuant mon seignor saint Iorge. Et lors li dit li sainz hom: Appollins, tu ies rois des Sarrazins. Appollins li respondi: Je sui cil qui faz les homes errer et foruoier, si qu'il ne croient en dieu, et si lor fais aourer (f. 157 v. a.) les deaubles. Sainz Iorges li dit: Coument oses tu tant de mal faire deuant dieu et deuant ceus qui le seruent? Appolins li respondi: Je ce iure par cel feu qui m'atent ou ie serai mis pardurablement, que se ie poisse, ie t'eusse mene a ce que tu m'aourasses. Sainz Iorges li dit: Or quier contree ou tu uoises, car en ceste n'aresteras tu plus. Quant il ot ce dit, il feri som pie a terre, et ele aouuri, si que li abysmes aparut, et la dedenz enuoia il et plunia Apollin et toute sa force. Et maintenant que li deaubles fu en terre entrez, la terre reclost. Et li sainz hom entra en la meson ou les ydoles et les ymaiges estoient, si les coumenca toutes a depecier et a combrisier. Endementiers quil faisoit ce, il disoit: Diauvle, fuiez de deuant moi, car ie sui sers nostre seigneur.

Quant li prestre dou temple uirent que lor ymaiges estoient si mal atornees et depeciees et defroissiees, il pristrent saint Iorge, si l'enmenerent deuant l'empereor, si li distrent a haute uoiz: Cist hom a toutes nos ymaiges defroissiees et Appollin nostre grant dieu a enuoie en abysme. Quant Datyens l'entendi, si fu moult corrociez et molt airiez, puis si dit au saint home: Iorge, porquoi m'a tu menti? Tu disoies que tu sacrefieroies a mes diex et si les aoureroies. Sainz Iorges li respondi: A cui me coumandes tu a aourer? Daciens li dit: A Appollin nostre grant dieu. Sainz Iorges li dit: Ensaigniez le moi et le me mostrez. Datyens li dit: L'en me dit que tu l'as trebuchie et enclos en abysme. Li sainz hom a dit: Et porquoi me coumandes tu sacrefier a lui quant il ne se deffendi mie? Quant ce oi li empereres, il fu molt corrociez et molt mautalentis, si coumanda que en li aportast .i. uaissel de terre tout plain de souffre et de poiz ensamble boulie,

et si coumanda qu'en li depecast touz les membres et les meist l'en en cel uaissel boulir. Et tout maintenant que ce fu apparoillie, li enges nostre seignor descendi enz el feu tout ardant et si estaint toute la chalor. Et sainz Iorges remest touz sains et toz saus, si coumenca a loer nostre seigneur. Et donc li dit li enges: N'aies nule paor, car tu as ia uaincu ton ennemi et si as la coronne que nostre sires diex t'a apparoillie. Et (f. 157 v. b) touz li pueples qui ueoit la meruoille crurent en nostre seignor et si randirent graces et loanges a nostre seignor Iesu Crist, et si distrent: Li diex que Iorges aoure est diex et sires de toute creature.

Quant Alixandre la reine qui fame estoit a l'empereor uit ce que fait estoit et les granz miracles, si crut en nostre seignor et si osta la corone de son chies et toute sa roial uesteure et si dit a datyen: Rois, ie te di par uerite que ie sui crestienne et si croi fermement ou dieu que Iorges croit et aoure. Quant Dacyens oi ce, si fu plains de si grant forsenerie qu'il ne sot de lui nul consoil. Si dit a la reine Alixandre: Iorges t'a souduiz par ses enchantemenz. Or me di, viauz tu de male mort morir? La reine respondi: Je croi tant ou dieu que Iorges aoure, que nus ne me partira de la charite nostre seignor Iesu Crist. Quant Datyens l'oi, si prist a plorer et grant duel a demener et si dit: Alixandre, je sui molt dolanz por ce que tu deguerpis mon regne et desconfortes et por ce que tu me lais et por ce que tu desirres plus la mort que la coronne. La reine respondi: Je desire a auoir la uie qui est pardurable, non mie cele qui tost est trespassee et corrumpue. Et por ce t'otroi ge mon cors a tormenter si com toi plest a ta volente. Datyens li dit: Dame reine, ne voilles mie tel chose faire ne deguerpir mon regne ne desconforter. Alixandre la reine respondi: Mes ie seroie deguerpie et desconfortee se ie faisoie ce que tu me requiers, car se ie me taing en ce que i'ai propose a faire, ie receurai le pardurable regne. Qui puet ore estre si fox qui n'entende que l'en puet conquerre les celestiaux choses por les terriennes et les pardurables por les temporiex?

Adonc fu Datyens li rois molt corrociez, si coumanda que en la preist et pendist par les tresces et batist de uerges molt durement. Ensi com en faisoit le coumandement le roi de la reine, ele regarda saint Iorge et li dit: Serianz dieu, proie por moi et si me donne baptesme, que ie puisse eschaper le diauble. Lors tendi mes sires sainz Iorges ses mains vers nostre seignor et si dit: Biau (f. 158 r. a) sire, aide t'ancelle qui por l'amor de toi a deguerpi le terrien roiaume et si li donne le lauement dou saint baptesme, si qu'ele soit rengeneree a la foi de la sainte loi. Tantost com il ot ce dit, une nue toute charchiee de rousee descendi deuers le ciel, et sainz Iorges recut de l'aigue en ses mains, si en baptisa la reine ou non dou pere et dou fil et dou saint esperit. Et quant il l'ot baptisiee, si dit: Va-t-en seurement ou celestial regne. Quant Datyens li rois vit ce, si coumanda qu'en la menast defors la cite et si li transchast on la teste. Li seriant cui il fu coumande en menerent la sainte reine au lieu ou ele deuoit receuoir martyre, et ele regarda mon seignor saint Iorge et si li dit: Sainz hom de Dieu, proie por moi nostre Seignor que ie soie digne de receuoir martyre por lui, et que li deaubles ne soit contre moi par aucune chose dont il me puisse empeechier. Sainz Iorges li respondi: N'aies nule paor, mes soies de ferm coraie, car nostre sires est ensamble o toi, car onques ne se departi ne ne deguerpi ses sers en nul peril. Quant la dame uint au lieu, si la decola on, et Dacyens li rois repaira en sa sale, si s'assist sor .I. haut siege, si coumanda qu'en li amenast saint Iorge. Et quant il fu uenuz deuant lui, il parla au saint home, si li dit: Or as tu morte Alixandre la reine par tes enchanterresses arz, et encor ai ie une chose a demander a toi et a enquerre, se tu le me uiauz faire. Et sainz Iorges li dit: Que es ce que tu me demandes? Di le moi, nostre sires le t'otroiera a sauoir. Datyens li dist: Defors ceste cite a molt de fosses et de sepoutures ou moult de gent ont este enfoui, dont li os sont encore apparant, et nus de ceus de ceste contree ne sorent qui il furent. Et por ce te pri ge que tu proies a ton dieu qu'il soient resuscite, et nos crerons en lui.

Donc respondi sainz Iorges: Alez, si m'aportez les os des sepoutures. Lors se departirent li seriant l'empereor et uindrent aus sepoutures, si les descouurirent et ouurirent, si trouuerent les os qui tuit estoient en poudre menue par ce quil auoient en terre ieu. Et lors pristrent cele poudre et concoillirent, si la porterent deuant le saint home. Quant sainz Iorges les uit, si mist ses genox a terre et proia nostre (f. 158 r. b) seignor et si dit: Biau sire diex Iesu Criz, qui tant de miracles as daignie demoustrer par ton serf, or te proi ge, sire, que tu ta doucor et ta grant misericorde daignes demoustrer sor ceste poudre, si que cez genz puissent ueoir et cognoistre que tu ies diex touz puissanz et qu'il n'est autre diex que tu. Maintenant qu'il ot s'oroison finee et il ot dit amen, la uoiz dou ciel li dit: Iorge, n'aïes nule paor, car ie sui avoc toi, et quanque tu me demanderas, tu auras, et ie t'otroierai et donrai. Et tantost releuerent et resusciterent de cele poudre .ɪɪ^{c}. que homes que fames. Et lors randi graces a nostre seigneur mes sires sainz Iorges et si dit: Biau sire, or cognois ie bien et sai que tu ne t'esloignes mie de tes sers ne de cez qui t'apelent de uerai cuer et par bonne pensee. Lors prist sainz Iorges .ɪ. de ceus qui estoient resuscite, si li dit et demanda: Coument as tu non? Cil respondi: J'ai a non Ioel. Sainz Iorges li dit: Com bien a il de tens que uos iestes mort? ie le uoil sauoir et que uos le me dites. Joel respondi: .ɪɪ^{c}. anz un mains, si n'en sui pas en doutance. Sainz Iorges li dit: Et quel dieu aouriez uos? Ioel li respondi: Nos aouriens et creiens en Apollin et ne sauiens neant de dieu, et por ce fusmes nos mene en dolereuses painnes ou nos auons este iusqu'a tant que nos resuscitasmes par tes proieres. Or te prions nos, sainz sers nostre seignor par cui oroisons nos somes resuscite, que tu nos baptises si que nos ne repairiens mie es dolereus tormenz ou nos auons este. Lors coumanda mes sires sainz Iorges c'om li apportast de l'aigue, et nus ne s'en mut ne ne li aporta. Quant il uit ce, il fist le singne de la sainte croiz en terre, et maintenant en sailli une clere fontaigne, et de cele aigue les baptisa ou non dou pere et dou fil et dou saint esperit. Et

quant il les ot baptisiez, il lor dit: Or en allez deuant moi em paradis.

Quant il ot ce dit, si s'esuanuirent de deuant touz cez qui la estoient, ne onques ne s'aparurent a nelui ne ne firent demoustrance. Li pueples qui la estoit assamblez et qui ce uirent, crurent tuit en nostre seignor et si distrent a haute voiz: Molt est granz diex et puissanz li diex des (f. 158 v. a) crestiens, et ce ne doit l'en se lui non aourer seulement, qui par les mains de Iorge son serf a fait tantes meruoilles. Donc coumencerent a dire a saint Iorge: Serianz dieu, proie por nos. Quant Sainz Iorges oi ce, si mist ses genox a terre et randi grace a nostre seigneur, et si coumenca ses oroisons a faire et a dire: Biau sire diex, tu ies beneoiz es siecles des siecles, car tu venis en terre par ta grant humilite, et encor i reuenras par ta grant gloire. Biau sire, ie te proi que tu demoustres tes granz miracles en ces homes qui en toi croient, car ie sai bien que mes termes et mes tens approche, et hui sont. VII. ans acompli que tu as maint signe et maint miracle au pueple demoustre par moi qui sui tes sers. Biauz douz sire Iesu Criz glorieus filz dieu, je te pri que tu daignes ton saint esperit enuoier en ces homes qui croient en ton saint non, si qu'il en soient reconforte ensin com l'enuoias sor tez sainz apostres qui conforte en furent. Et quant il ot ce dit et s'oroison finnee, la uoiz dou ciel li dit: Iorge, nostre sires Iesu Criz a ta uoiz et t'oroison oie et entendue. Et lors baptisa mes sires sainz Iorges el non dou pere et dou fil et dou saint esperit tout le pueple qui la estoit assamblez, et furent conuerti a nostre seignor Iesu Crist; et de ceus qui la furent baptisie .III^M. et XXXV. Quant Dacyens li rois uit ce, si ot grant paor et tele ire que sa cainture en rompi parmi, et s'agenoilla, et si genoil li tramblerent, et ses cors meismes crolla touz si que par pou qu'il ne chei. Et lors coumenca il a haute uoiz a crier et a dire: Las chaitis, que ferai ge? mes regnes est touz destruiz et periz, Iorges m'a tout mon pueple rove et destruit et prae et donne a son dieu, et se il uit plus, il m'ardra et destruira, car hui a VII anz que il ne cessa de moi

tormenter, et touz tens li croist la force plus granz et sa vertuz. Et por ce coumant ie que l'en les maint fors de la cite la ou Alixandre la reine fu ocise, et si coumant que l'en le decole en ce meismes leu. Et tantost com il ot ce dit, li seriant qui de ce faire estoient apparoillie, pristrent le saint home, si l'en menerent au lieu que ie uos ai deuant deuisez, et (f. 158 v. b) molt de genz ensieuoient le saint home por ce quil requistrent de lui beneicon. Et quant il aprocha le lieu, si dit a ceus qui le deuoient martyrier: Je uos pri que uos souffrez .i. petit tant que ie aie faite m'oroison a nostre seigneur. Et lors tendi ses mains uers le ciel et dit: Biau sire pere vraiz diex omnipotens, receuez mon esperit et si demostrez uoz hautes miracles por moi apres ma mort aussi com uos auez fait a ma uie. Biau sire, ie te proi por ta sainte doucor que quiconques fera de moi memoire en terre au XXIII-sime ior d'auril, toutes enfermetez et toutes dolors soient ostees de lui et de toute sa maisnie, ne tempeste ne famine ne ennemis ne puist aprochier la contree ou memoire en sera faite. Biau sire diex, encor te proi ge par ta grant misericorde que tuit cil qui en mer seront em peril ou en uoie ou en desert, se il en aide m'apelent et proient, qui sui tes sers, que tu lor uoilles aidier et secorre et conseillier. Tantost com il ot ce dit, uint la uoiz dou ciel qui li dit: Beneoiz hom et sainz, uien et si entre el pardurable repos de ton seignor que tu as serui, et bien saiches que li ciel sont aouuert et t'oroisons est oie de nostre seigneur. Et quiconques apelera ton non et proiera aide a Iesu Crist de chose droituriere, ele li sera otroiee. Et lors baissa le chief, si fu decolez et recut martyre por nostre seigneur, por la cui amor il auoit souffert maintes painnes, et li saint ange uindrent tout apertement, si pristrent son esperit et porterent es ciaux deuant nostre seigneur. Je Eusebius[1]), qui ses sers estoie, fui avoc le saint martyr endementiers quil faisoit les miracles

---

[1]) Евсевій мученикъ помпнается въ числѣ обращенныхъ св. Георгіемъ въ Менологіи Василія.

que ie uos ai contees, et si les ui a mes propres iauz, et si escris sa uie et sa passion en la contree de Capadoce en la cite de Militaine el tens que Dacyens li empereres regnoit. Et nostre sires Ieesu Criz nos otroit estre parconniers des saintes proieres au saint martyr a cui honors et gloire soit par touz les siecles des siecles. Amen.